

студенческое научное общество

ДОНГУ

ISSN 2522-4824

ВЕСТНИК СНО

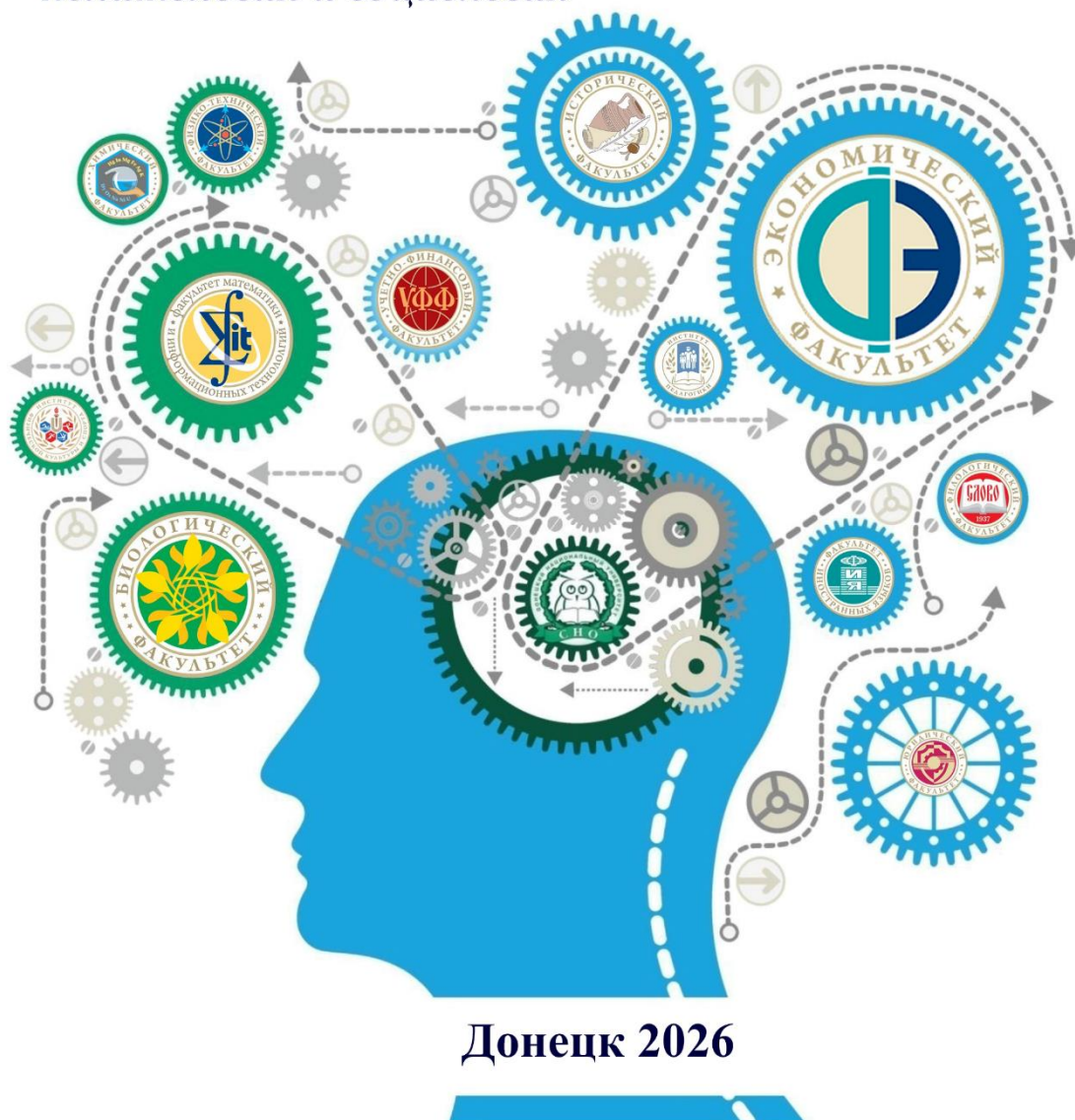
ВЫПУСК 18

ТОМ 2:

Социально-гуманитарные

науки

*Часть 1 : Исторические науки,
политология и социология*

Донецк 2026

ISSN 2522-4824

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

ВЕСТНИК

**студенческого научного общества
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»**

ВЫПУСК 18

Том 2

Социально-гуманитарные науки

*Часть 1: Исторические науки, политология и
социология*

Донецк – 2026

Вестник студенческого научного общества ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». – Донецк: ДонГУ, 2026. – Вып. 18, Том 2. *Социально-гуманитарные науки, часть 1: Исторические науки, политология и социология.* – 282 с.

**Редакционная коллегия научного журнала
«Вестник студенческого научного общества
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»**

Главный редактор – Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор
Зам. главного редактора – Ганжела А.А., председатель Совета СНО
Ответственный секретарь – Самарева Т.Н.
Технический редактор – Куликова А.С.

Члены редакционной коллегии:

Бурляй А.С., старший преподаватель
Войтенко Е.Ю., канд. филол. наук, доцент
Воробьева Ю.С., старший преподаватель
Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
Чумакова Е.Ю., старший преподаватель
Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент

Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент
Финкина А.П., старший преподаватель
Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент
Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент
Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В восемнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ФГБОУ ВО «ДонГУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.* Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те или иные вопросы.

Вестник СНО ДонГУ включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договора № 132-06/2025.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонГУ, к. 215;
Тел.: +7 (856) 302-92-26;
E-mail: sovetsno@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/science/sno>

*Печатается по решению Ученого совета
ФГБОУ ВО «ДонГУ»
протокол № 4 от 06.04.2026 г.*

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2026

Содержание

<i>Авилов И.И.</i> Концепция «русского мира» и «американской мечты» в контексте информационного противостояния РФ и США.....	5
<i>Ахкозов Р.Д.</i> Таганрогский округ Области Войска Донского в годы первой русской революции 1905-1907 гг.	12
<i>Бикбова Е.В.</i> Вербовка детей-беженцев как вызов международной системе защиты ребенка в условиях вооруженных конфликтов: сравнительный анализ ДРК и Республики Судан.....	17
<i>Борисов А.Р.</i> Роль спорта как мягкой силы во внешней политике России.....	24
<i>Бугаёв А.А.</i> Сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» Российской империи, СССР и Российской Федерации.....	29
<i>Вдовиченко М.И.</i> Освещенность Ирландского восстания 1798 года в отечественной и зарубежной историографии.....	34
<i>Володин В.В.</i> Власть, общество и повседневность Углича 1591 года: по материалам следственного дела о смерти царевича Дмитрия.....	40
<i>Волчков М.Ю.</i> Основные направления деятельности Россотрудничества в Италии.....	44
<i>Вольницев Л.В.</i> Франкистский режим в Испании: факторы эволюции.....	51
<i>Воронков В.Е.</i> Эволюция концепта «мягкой силы» в политической мысли.....	57
<i>Генералюк Д. В.</i> «Большой человек Европы»: Османская империя в фокусе интересов великих держав в XIX веке.....	63
<i>Герасько В.А.</i> Уравнительный мотив социальной политики при Н.С. Хрущёве.....	70
<i>Грабачко Д.С.</i> Развитие науки в Османской империи в XVI-XVII веках.....	76
<i>Гунько А.Е.</i> Археологические памятники ранней железной металлургии на территории Донбасса.....	81
<i>Довгай М.Я.</i> Общность российско-китайских позиций на международной арене.....	86
<i>Довгун К.Г.</i> Зарождение социологических теорий в России в конце XIX века.....	91
<i>Дубич Д.А.</i> Финансовое обеспечение византийской армии в VI –VIII веках.....	96
<i>Жарких М. С.</i> Противостояние Ирландской республиканской армии и британских властей в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг.	101
<i>Загорская Е.М.</i> Роль международных организаций в решении глобальных проблем: оценка эффективности ООН и ШОС.....	106
<i>Ищенко Д.Д.</i> Структура человеческой сущности и ее посмертная трансформация у древних майя.....	112
<i>Козлова Е. И.</i> Китайско-пакистанский экономический коридор – проект безопасности и развития.....	118
<i>Колесников Н.С.</i> Технология восстановления угольных шахт Донбасса в 1943–1945 гг. ..	123
<i>Кононов А.А.</i> Социологические взгляды Габриэля Тарда.....	129
<i>Копыльченко В.А.</i> Город Мариуполь в начале XX века.....	134
<i>Кротов Л.А.</i> Культурное возрождение Донбасса в период восстановления (2024–2025 гг.): уроки послевоенной Италии для сохранения идентичности и интеграции в состав России.....	138
<i>Кузьмин С.Д.</i> Первая англо-бурская война 1880-1881 годов и её последствия.....	143

<i>Куканова М.А.</i> Цифровые границы Китая: стратегия построения информационной автономии.....	147
<i>Кухарская Д.В.</i> Трансформация политики США по отношению к Республике Вьетнам при администрации Дж. Ф. Кеннеди (1961 – 1963 гг.).....	153
<i>Лавров В.В.</i> Влияние торговых войн между КНР и США на экономическое сотрудничество с Латинской Америкой.....	159
<i>Левченко М.Т.</i> К вопросу о критериях выделения среднего палеолита.....	163
<i>Леснова А.В.</i> Воздействие инициатив женских организаций на политику, экономику и социокультурные процессы РСФСР (1917-1930-е гг.).....	169
<i>Любич Е.С.</i> Развитие спортивной инфраструктуры города Донецка в 1950-1968 гг.	174
<i>Мальцев В. С.</i> Создание и эволюция японско-американского союза после Второй мировой войны: от оккупации к партнёрству.....	178
<i>Набока К.А.</i> Автоматизированный анализ внешней политики: возможности и риски ИИ..	184
<i>Овчинникова В. А.</i> От понятийного к визуальному: трансформация критериев достоверности информации в условиях клипового мышления.....	189
<i>Очеретяный К.И.</i> Комплексный обзор 2021 как программный документ формирования геостратегического проекта «Глобальной Британии».....	194
<i>Павина Е. А.</i> От вышеградской группы к ЕС: становление Польши как восточноевропейского регионального актора.....	200
<i>Пикалов Д. Д.</i> Теоретические аспекты изучения возникновения Иранской ядерной программы.....	205
<i>Посредников К.Д.</i> Вклад Императорского Русского географического общества в изучение демографических процессов Российской империи.....	211
<i>Резюк Н.В.</i> Торговое дело на страницах «Народной газеты» Бахмутского земства в 1914-1916 гг.	215
<i>Ролинский Н.С.</i> Проблема термина «Эпоха викингов» в современной историографии.....	220
<i>Севрук Б.О.</i> Эволюция концепции миротворчества в рамках ООН: от традиционных операций до многоаспектных миссий.....	227
<i>Скотская В.О.</i> Зарождение российско-китайских отношений: от первых экспедиций до Нерчинского договора 1689 г.	232
<i>Смольницкий Н.С.</i> Петровские военные преобразования как основа мобилизационной парадигмы Российского государства.....	237
<i>Сыроваткина Д. В.</i> Идеологические основы военного присутствия во внешнеполитической стратегии США.....	242
<i>Тюфтяков Е.А.</i> Внешнеполитический курс нового премьер-министра Японии Санаэ Такаити.....	246
<i>Чам А.Ю.</i> Корейско-китайские отношения в XVIII веке: политическая зависимость и культурно-экономический симбиоз.....	252
<i>Чеберя Р. А.</i> Металлургическая промышленность Донбасса в условиях кризиса 1917-1921 гг.	256
<i>Шапошников Д.И.</i> Предпосылки системного кризиса в Цинской империи.....	261
<i>Шмакотина В. И.</i> Концепция коллективной безопасности во внешней политике Александра I: священный союз.....	267
<i>Ягнин О.А.</i> Первые попытки освобождения Донбасса войсками Юго-Западного и Южного фронтов в декабре 1941 г.	272
<i>Якутович Е.К.</i> Восстание Степана Разина и его влияние на жизнь населения Торских соляных промыслов.....	277

УДК 327:316.774(470+571):(73)

КОНЦЕПЦИЯ «РУССКОГО МИРА» И «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РФ и США

Авилов И.И.

*Научный руководитель: Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются нарративы «Русский мир» и «Американская мечта», их роль в информационной войне как механизмах конструирования социальных смыслов. Выявлено как они функционируют через взаимосвязанные сюжеты, риторические приёмы и символические репертуары, призванные мобилизовать симпатии, оправдать действия и дисквалифицировать оппонента на международной арене.

Ключевые слова: русский мир, американская мечта, идентичность, информационные компании, контент.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях обострения глобальных геополитических противоречий концепты «Русский мир» и «Американская мечта» выступают не только инструментами внутренней идентичности, но и стратегическими идеологическими ресурсами. Посредством этих концептов государства формируют конкурирующие видения легитимности, привлекательности и моральной основы своей внешней политики. Они служат мощными нарративами, способными мобилизовать общественное мнение и подрывать влияние оппонентов на международной арене.

Проблема исследования заключается в отсутствии системного понимания взаимодействия этих идеологических конструкций: их конвергенция и антагонизм в медийных кампаниях остаются недостаточно проанализированными. Это снижает эффективность мер контрпропаганды и затрудняет прогнозирование динамики информационных эскалаций. Недостаточное изучение данного аспекта препятствует разработке адекватных стратегий в условиях гибридных угроз.

Цель исследования - выявление ключевых характеристик «Русского мира» и «Американской мечты» в их историко-концептуальном развитии, анализ институциональных носителей и целевых аудиторий. Также важна оценка тематических и эмоциональных триггеров, которые делают данные нарративы убедительными и адаптивными. Это позволит глубже понять механизмы их воздействия на общественное сознание.

Историография представлена такими авторами как Бахадиров М.М., Ефименко А.М., Ковалев А.А., которые проводили комбинирование концептуальной реконструкции, практико-ориентированное эмпирическое исследование и разрабатывали критерии оценки эффективности, чтобы выявить механизмы трансформации абстрактных идеологических посылов в оперативные инструменты воздействия.

Таким образом, чтобы выявить критерии результативности нарративов — их способности мобилизовать поддержку, легитимизировать действия и формировать лояльные субъекты необходимо понимание приемов нейтрализации и контрнарративов, что позволит эффективно противостоять идеологическим манипуляциям.

Исторические корни концепта «Русский мир» уходят в православную традицию, где идея «Святой Руси» формировала представление о России как о духовном центре. Эта концепция развивалась на протяжении веков, включая в себя элементы имперского наследия, что отражалось в представлении о России как о защитнице славянских народов и православия. Таким образом, изначально «Русский мир» имел глубокие культурно-религиозные и геополитические коннотации. В советский период концепт «Русского

мира» претерпел трансформацию, будучи вытесненным интернационалистической идеологией, однако после распада СССР он вновь актуализировался. В этот период «Русский мир» начал активно развиваться как инструмент мягкой силы, направленный на укрепление связей с русскоязычным населением за пределами Российской Федерации. Это было обусловлено стремлением сохранить культурное и языковое влияние в постсоветском пространстве. Современное понимание «Русского мира» как инструмента мягкой силы включает в себя продвижение русского языка, культуры, образования и ценностей. Он позиционируется как цивилизационный проект, объединяющий людей, независимо от их этнической принадлежности, на основе общих культурных и духовных ориентиров. Эта трансформация позволила концепту стать важным элементом внешней политики России, направленным на формирование позитивного образа страны и расширение её влияния.

Эволюция «Американской мечты» начинается с идеалов Декларации независимости, провозглашающей право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Изначально этот концепт был тесно связан с возможностью самореализации и достижения успеха через трудолюбие и упорство. В условиях холодной войны «Американская мечта» трансформировалась в глобальный символ экономических возможностей и демократических ценностей, противопоставляемый коммунистической идеологии. Она стала ассоциироваться с потребительским благополучием и индивидуальной свободой, привлекая внимание людей по всему миру.

Концепт «Русского мира» формируется вокруг идеи коллективной идентичности, объединяющей русскоязычное население за пределами России. Эта идентичность подчеркивает общность языка, культуры и исторической памяти как основы духовного единства. Ключевым аспектом является утверждение цивилизационной исключительности, противопоставляющей русские ценности западным моделям. Нарратив акцентирует миссию защиты традиционных ценностей, включая православие и патриархальные устои. Семантическое поле «Русского мира» включает концепты соборности и державности, отражающие приоритет общинных интересов над индивидуальными. Нарратив утверждает особую историческую роль России как хранителя истинных духовных принципов в противовес моральному упадку Запада. Конструкт подразумевает обязанность защиты соотечественников и продвижения российского влияния в мире. Таким образом, идея цивилизационного противостояния становится организующим принципом данного нарратива.

Нарратив же «Американской мечты» базируется на архетипах социальной мобильности и достижимости успеха через личные усилия. Его сюжетные конструкции вращаются вокруг идеи, что трудолюбие и талант позволяют преодолеть любые социальные барьеры. Индивидуализм выступает центральным элементом, подчеркивающим личную ответственность за жизненные результаты. Универсальность этих принципов преподносится как основа американской исключительности.

Структурное противоречие между нарративами проявляется в антизападной риторике Русского мира, которая отвергает индивидуализм как угрозу коллективным ценностям. В противовес этому Американская мечта продвигает универсализм своих идеалов, представляя их применимыми для всех обществ. Данная оппозиция создает основу для идеологического противостояния в информационном пространстве. Конфликт нарративов отражает более глубокие цивилизационные различия в понимании общественного устройства.

Российские государственные медиа и культурные институты выступают ключевыми проводниками нарратива «Русский мир». Эти структуры целенаправленно работают с русскоязычными диаспорами за рубежом и населением союзных государств. Их деятельность направлена на укрепление культурных связей и распространение идеологических установок. Особое внимание уделяется странам постсоветского

пространства, где сохраняется историческая и языковая близость. В данном контексте важно отметить особую роль Федерального агентства Россотрудничество, которое стало ключевым оператором гуманитарных и культурных программ России за рубежом. Данное ведомство, имеющее схожий функционал с Агентством США по международному развитию (USAID), призвано развивать связи с соотечественниками, проживающими за пределами страны, и реализовывать масштабные программы культурного и образовательного взаимодействия, преимущественно в постсоветских государствах [1]. Агентство координирует сеть культурных центров, обеспечивая доступ к российскому образованию и языку. Это способствует формированию лояльности целевой аудитории к культуре России.

Голливуд, образовательные программы и корпоративная культура США являются основными каналами продвижения «Американской мечты». Эти институты формируют глобальное восприятие американских ценностей через популярную культуру и образовательные обмены. Киноиндустрия создает привлекательные образы успеха и индивидуальных возможностей, транслируемые на международную аудиторию. Образовательные программы, такие как *Fulbright*, также способствуют распространению американского мировоззрения. Корпоративная культура крупных американских компаний экспортирует модели профессионального успеха и потребительские стандарты. Этот процесс усиливает привлекательность американского образа жизни в разных регионах мира. Комплексное воздействие данных институтов формирует устойчивый интерес к США как к центру возможностей. Таким образом, глобальный охват позволяет нарративу «Американская мечта» сохранять свою актуальность.

Важным представляется и анализ инструментов информационного воздействия, который демонстрирует ключевую роль государственных медиа, социальных сетей и блогерских платформ в распространении нарративов. Государственные СМИ обеспечивают официальную точку зрения, формируя базовый информационный фонд. Социальные сети позволяют достигать широкой аудитории за счет вирусного распространения контента. Блогерские платформы дополняют эти каналы, предоставляя неформальные точки зрения и расширяя охват.

В последнее время в связи с развитием новых медиа пропаганда СМИ всё более смещается в сторону интернета. Это феномен находится во внимании исследователей уже второе десятилетие [2]. Данная тенденция требует постоянного изучения психологических механизмов воздействия медиа [3]. Комбинация традиционных и цифровых каналов создает комплексную систему распространения нарративов.

Специфика форматов подачи контента определяется необходимостью адаптации к цифровым медиaprостранствам. Краткие видеоролики, мемы и инфографика становятся основными инструментами из-за их способности быстро привлекать внимание. Эти форматы учитывают особенности восприятия информации в онлайн-среде, где доминирует клиповое мышление. Эффективность таких форматов подтверждается их широким использованием в информационных кампаниях.

Технологии таргетирования и алгоритмического продвижения контента значительно усиливают охват и воздействие на целевую аудиторию. Алгоритмы социальных платформ позволяют доставлять релевантный контент конкретным группам пользователей. Таргетирование основано на анализе пользовательских данных и поведенческих паттернов. Это обеспечивает точное попадание в целевую аудиторию и повышает эффективность информационного воздействия.

Концепт «Русского мира» активно применялся в информационной кампании, сопровождавшей присоединение Крыма в 2014 году. Российские медиа акцентировали исторические связи полуострова с Россией. Ключевым элементом стало обоснование защиты русскоязычного населения от угроз украинизации, что соответствовало цивилизационной составляющей нарратива. Такой подход позволил представить

геополитическое действие как гуманитарную миссию. Выделяются два качественно различных периода в эволюции концепта, разделенных событиями 2014 г. До этого поворотного момента культурно-языковая модальность явно доминировала над геополитической и цивилизационной, а сам концепт позиционировался как инклюзивная ценностная платформа, открытая для диалога и партнерства. События Крымской весны привели к резкой секьюритизации темы «Русского мира», превратив ее в арену идеологического противостояния и информационных войн [2]. Эта трансформация наглядно проявилась в крымском факторе, где защита соотечественников стала ключевым легитимирующим аргументом.

В сирийском конфликте нарратив «Русского мира» использовался для обоснования военного вмешательства России. Акцент делался на роли страны как гаранта международной стабильности и борца с терроризмом. Концепт подавался через призму защиты традиционных ценностей и суверенитета государств, что создавало образ России как ответственной мировой державы. Такая трактовка позволяла позиционировать операцию как противоположность западной интервенционистской модели.

Внутриполитическое применение концепта направлено на консолидацию российского общества вокруг идеи особого цивилизационного пути. Нарратив подчеркивает уникальность российской культуры и государственности, противопоставляя их западным ценностям. Эта стратегия способствует формированию общественной солидарности на основе исторической преемственности и духовных традиций. Таким образом, «Русский мир» функционирует как инструмент укрепления национальной идентичности и легитимации политического курса.

Если же обратиться к правительственным программам США, то они систематически реализуют концепт «Американской мечты» через международные проекты. Агентство USAID инициирует проекты по развитию демократических институтов и рыночных отношений в различных регионах. В рамках инициативы «Новый Шёлковый путь» США поддерживают экономические реформы, развитие демократии и прав человека, а также инвестируют в логистическую и энергетическую инфраструктуру региона. Особое внимание уделяется сотрудничеству с Казахстаном и Узбекистаном, которые считаются наиболее стабильными странами Центральной Азии [4]. Программы обмена академического и профессионального характера также служат трансляции ценностей.

В условиях внутренних вызовов нарратив «Американской мечты» адаптируется через акцент на обновлении идеалов. Социальные кризисы, включая миграционные волны и расовые протесты, провоцируют переосмысление концепта. Основное внимание смещается на обеспечение равных возможностей и преодоление системного неравенства. Данная трансформация позволяет сохранять легитимность концепции в меняющемся общественном контексте.

Отмечая мобилизационный потенциал нарратива «Американская мечта», он базируется на индивидуалистических ценностях, которые стимулируют личные достижения и социальную мобильность. Этот подход акцентирует персональный успех как результат индивидуальных усилий и предприимчивости. Американская мечта предлагает универсальную модель самореализации, привлекательную для разнообразных аудиторий. Её сила заключается в способности мотивировать к действию через обещание личного вознаграждения. В отличие от этого, «Русский мир» опирается на коллективные исторические паттерны, объединяя аудиторию вокруг общих культурных, языковых и религиозных традиций. Данный нарратив апеллирует к чувству принадлежности к великой исторической общности. Мобилизация в рамках «Русского мира» происходит через актуализацию общей исторической памяти и коллективной идентичности. Этот подход эффективен в контекстах, где коллективные ценности преобладают над индивидуальными.

Легитимация поведенческих моделей посредством нарративов демонстрирует различную степень адаптивности к локальным политическим контекстам. «Американская мечта» обладает высокой гибкостью, позволяя интегрироваться в различные культурные среды благодаря своей универсальной привлекательности. Однако её индивидуалистическая направленность может сталкиваться с сопротивлением в обществах с сильными коллективистскими традициями. Это ограничивает её эффективность в некоторых регионах. С другой стороны, «Русский мир» демонстрирует большую адаптивность в контекстах, где исторические связи и культурная близость играют значительную роль. Как отмечается в исследовании, «Конечная цель манипуляций — выработка у человека комплекса триггеров (возбудителей, раздражителей) и реакций на эти триггеры, что является важной частью формирования модели поведения человека и его жизненных установок» [3]. Этот механизм легитимации эффективен в мобилизации аудитории вокруг общих ценностей и исторических нарративов, особенно в условиях внешних угроз или кризисов.

Так, внутренняя устойчивость идеологических конструктов зависит от их соответствия базовым ценностям общества. Нарративы сохраняют стабильность при постоянной актуализации в ответ на изменяющиеся запросы аудитории. Согласованность ключевых элементов с культурными и историческими традициями обеспечивает длительное влияние. Это создает основу для мобилизационного потенциала и общественной поддержки. Устойчивость нарративов также обусловлена их адаптивностью к социально-политическим трансформациям. Способность интегрировать новые смыслы без утраты идентичности позволяет конструктам сохранять актуальность. Институциональные механизмы воспроизводства ценностей укрепляют внутреннюю целостность. Данный фактор особенно важен в условиях динамичных общественных изменений.

Внешняя устойчивость определяется сопротивляемостью нарративов конкурентным идеологическим воздействиям. Информационные войны создают вызовы за счет распространения альтернативных интерпретаций. Успешные конструкты демонстрируют способность к защите от дестабилизирующих влияний. Эта характеристика приобретает особое значение в глобальном медиапространстве. Конкретным примером служит реакция на нарратив «Русского мира» в контексте украинского конфликта. Объединение Запада против «общей угрозы» со стороны РФ укрепило его решимости противодействовать России беспрецедентными санкциями, повышением расходов на национальную оборону и военным сдерживанием [5]. Данный пример иллюстрирует, как внешнее противодействие может ограничивать эффективность идеологического конструкта.

Нельзя не отметить государственные структуры, которые играют ключевую роль в формировании правовой базы и разработке дипломатических стратегий, направленных на противодействие идеологическому воздействию. Их координирующая функция проявляется в создании механизмов, регулирующих информационное пространство и защищающих национальные интересы. Это включает в себя разработку законодательства, направленного на борьбу с дезинформацией и манипуляциями. В контексте публичной дипломатии, государственная поддержка является основополагающей для продвижения национальных нарративов и контрнарративов. Публичная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России также требует организационных корректировок. Основная проблема в данном случае состоит в том, что институты публичной дипломатии основываются на государственном финансировании (например, по линии Россотрудничества), системе грантов (президентские гранты и гранты органов власти), спонсорских пожертвованиях от крупного бизнеса, часто связанного с государством» [6]. Это подчеркивает значимость государственного участия в финансировании и организации подобных инициатив.

Негосударственные акторы, такие как некоммерческие организации (НКО), независимые медиа и экспертные сообщества, выполняют важную оперативную функцию в противодействии идеологическому воздействию. Они активно участвуют в мониторинге информационных угроз и анализе пропагандистских кампаний. Их деятельность способствует выявлению и разоблачению дезинформации. Эти институты также играют значимую роль в формировании альтернативного дискурса, предлагая общественности разнообразные точки зрения и критический анализ [7]. Таким образом, негосударственные акторы дополняют усилия государственных структур, создавая многоуровневую систему защиты от идеологического влияния.

Интеграция идеологического компонента в дипломатическую практику позволяет превентивно выявлять манипулятивные стратегии. Такой аудит должен включать мониторинг нарративных конструктов и их использования в информационном пространстве. Анализ семантических паттернов помогает идентифицировать потенциальные угрозы до их эскалации.

Развертывание многоуровневых систем информационной безопасности требует сочетания технических и когнитивных аспектов. Технические меры включают внедрение продвинутых алгоритмов выявления дезинформации. Когнитивная устойчивость формируется через образовательные программы для повышения медиаграмотности населения. Системы должны быть адаптивными к эволюции угроз. Важно обеспечить постоянное обновление защитных механизмов на основе анализа текущих информационных кампаний. Интеграция искусственного интеллекта позволяет автоматизировать процесс мониторинга и реагирования. Одновременно необходимо развивать критическое мышление у граждан через национальные образовательные стратегии. Такая комплексная защита минимизирует уязвимость к манипулятивным нарративам.

Формирование международных коалиций для стандартизации подходов к противодействию идеологическим угрозам является ключевым элементом глобальной стратегии. Совместная разработка нормативных рамок и обмен аналитическими данными усиливают коллективную безопасность. Формирование международных коалиций для стандартизации подходов к противодействию идеологическим угрозам способствует созданию единого фронта против информационной агрессии. Кооперация на международном уровне обеспечивает более эффективное противодействие трансграничным вызовам.

Подводя итог, проведенный анализ подтверждает, что концепты «Русский мир» и «Американская мечта» активно используются как инструменты идеологического воздействия в современной информационной войне. Их нарративные структуры, исследованные в работе, целенаправленно формируют альтернативные представления о геополитической реальности. Это позволяет ведущим державам мобилизовать общественное мнение и подрывать влияние оппонента, что соответствует поставленной цели исследования.

Сравнительная оценка эффективности нарративов выявила их асимметричные характеристики. Концепт «Русского мира» демонстрирует высокую результативность в условиях кризисов для быстрой мобилизации аудитории. В то же время «Американская мечта» сохраняет преимущества в долгосрочном укреплении мягкой силы, однако оба конструкта подвержены ограничениям, связанным с культурными и контекстными особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаяхметов Р.Р. Концепция «Русского мира» в современной политической науке: теоретические подходы и практические измерения // Теории и проблемы политических исследований, 2024. — №6. — С. 40–49.

2. Бахадиров М.М. Геополитическое соперничество в области углеводородных ресурсов в центральной Азии: стратегия Китая, России и США // *Central Asia in modern international relations: Prospects for sustainability and development*, 2025. — С. 37–41.

3. Тагарев Т., Рослицки Л., Флури Ф. Последняя война Путина: нарративы, контрнарративы и первые уроки // *Connections: The quarterly journal*, 2022. — №3. — С. 5–8.

4. Морозов К.Е., Питько О.А. Психологические механизмы воздействия пропаганды СМИ // *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*, 2018. — №2. — С. 69–72.

5. Мусихин Г.И. Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // *Вопросы теоретической экономики*, 2024. — №2. — С. 116–133.

6. Ковалев А.А., Кудайкин Е.И. Взаимосвязь национальной безопасности и стратегии государственного развития России // *Управленческое консультирование*, 2017. — №4. — С. 39–46.

7. Ефименко А.М. Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях // *Via in tempore. История. Политология*, 2025. — №3. — С. 754–764.

8. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // *Управленческое консультирование*, 2015. — №2. — С. 8–12.

THE CONCEPT OF THE «RUSSIAN WORLD» AND THE «AMERICAN DREAM» IN THE CONTEXT OF INFORMATION CONFRONTATION

Annotation. This paper examines the narratives "The Russian World" and "The American Dream" and their role in the information war as mechanisms for constructing social meanings. It reveals how they function through interrelated plots, rhetorical techniques, and symbolic repertoires designed to mobilize sympathy, justify actions, and disqualify an opponent in the international arena.

Keywords: Russian world, American dream, identity, information companies, content.

Avilov I.I.

Scientific adviser: Medovkina L.Y.

Donetsk State University

E-mail: ivan_avilov_2004@mail.ru

УДК 94:335.4 (430.313) «1905/1907»

ТАГАНРОГСКИЙ ОКРУГ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.

Ахкозов Р. Д.

*Научный руководитель: Агапов В. Л., д-р ист. наук, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается политический процесс в Таганрогском округе Области Войска Донского в период революции 1905-1907 гг. Основное внимание уделяется выяснению участию в ней рабочих промышленных предприятий, угольных рудников и железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: революция, выступления, стачки, рабочие, восстание.

Введение. Революционные события 1905–1907 гг. в России считаются репетицией, прелюдией Великой русской революции 1917 г., которая имела всемирно-историческое значение. Понятно стремление выяснить протекание драматических событий не только в основных политических и промышленных центрах Российской империи, но и в отдельных ее административно-территориальных образованиях, одним из которых был Таганрогский округ Области Войска Донского. Интересующая нас проблема затрагивается в первом тому двухтомного издания «История рабочих Донбасса» (1981) [4], в публикации А.С. Пученкова. [8] В новейшей отечественной историографии публикации о событиях 1905-1907 гг. в Таганрогском округе Области Войска Донского отсутствуют. Устранение этого пробела является **целью статьи**. Источниковой базой исследования являются документы сборников «1905–1907 годы на Дону» [1], «Начало Первой русской революции. Январь-март 1905 года» [9].

Основная часть. Революционные выступления, начало которым было положено расстрелом мирной демонстрации 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге, охватили не только столицу, но и земли Области Войска Донского, 10 января члены Таганрогской организации РСДРП организовали серию встреч, чтобы сообщить рабочим о трагических событиях в столице. [1, с. 45] В первые месяцы 1905 г. выступления рабочих не приобрели массового характера. Меншевистские лидеры Донкома РСДРП стремились держать движение в рамках экономических протестов. Железнодорожники Иловайска провели митинги протеста против кровавых событий 9 января 1905 г.

31 января забастовали 470 чел. рабочих Харцызского завода «Общества Дебальцевского механического завода». Они предъявили администрации завода следующие требования: установление 10 часового рабочего дня с перерывами в полчаса на завтрак и полтора часа на обед, а накануне праздников - 9-часового рабочего дня с теми же перерывами, причем плата должна быть поденная, а не часовая; при сокращенном рабочем дне хозяева завода должны были увеличить существовавшую до того времени заработную плату каждому мастерскому приблизительно на 12 копеек в день. Забастовщики требовали выдачи заработной платы 7 и 22 числа каждого месяца в рабочее время, , уничтожить штрафы за прогулы, выдавать сдельную заработную плату без вычетов, не заставлять рабочих брать сдельную работу, когда им это не выгодно, а давать поденную. От мастеров требовали вежливого обращения с рабочими; руководители забастовки не должны быть уволены с завода; поставить в заводе четыре бака с кружками для питьевой воды; при найме рабочих не ставить их на работы не по их специальности с меньшей платой; разрешить курение в мастерских; после последнего гудка контрольные ворота должны быть открыты еще в течение пяти минут; заводские часы следует выверить и давать гудки всегда в одно и то же время.

Наряду с производственными и экономическими рабочие завода выдвинули и социальные требования: понизить наполовину цены на жилье, открыть при заводе школу

для бесплатного обучения детей рабочих и библиотеку, заведовать которой должен выборный из рабочих; пополнить медикаментами больницу, а на самом заводе создать перевязочный пункт, устроить при заводе бесплатную баню. Администрация, рассмотрев на примирительном совещании с участием рабочих делегатов и фабричного инспектора требования рабочих, ссылаясь на убытки предприятия, категорически отказалась повышать заработную плату. Администрация согласилась уменьшить рабочий день с соответствующим уменьшением оплаты труда. Снижение цен на жилье было одобрено. Но отказаться от штрафов администрация не согласилась. По остальным пунктам администрация дала согласие с оговорками: управление библиотекой останется в её ведении, вопрос строительства бани будет рассмотрен правлением общества. Результаты переговоров были доведены до трудового коллектива. Рабочим, согласным на предложенные условия, предписывалось приступить к работе 3 февраля, остальным — явиться на следующий день для расчета. Для обеспечения порядка в поселок были направлены казаки. Но забастовка прошла организованно, без политических выступлений. 3 февраля администрация сделала дополнительную уступку рабочим, сократив рабочий день на полчаса без уменьшения оплаты, но 4 февраля на работу вышли лишь трое чернорабочих. Рабочие не являлись за расчётом. Полиция насильно доставила в контору десять человек, после чего остальные начали приходить самостоятельно. Всем, кто отказался работать на новых условиях, были выданы паспорта с требованием немедленно покинуть Харцызский завод. [1, с. 480 - 483]

Забастовки состоялись на угольных рудниках Таганрогского округа. Бастующие требовали сократить рабочий день до 8 часов, повысить зарплату и отменить штрафы. Хозяева рудников враждебно отнеслись к требованиям. Начались аресты и задержания. Большевики стали набирать популярность среди рабочих. Май 1905 г. ознаменовался новым витком революционного движения. В прокламации, выпущенной газетой «Вперед», звучал призыв к подготовке вооруженного восстания. В ряде городов рабочие отметили 1 мая массовыми протестами, демонстрациями и забастовками. «Слова «забастовка, всеобщая стачка, вооруженные демонстрации» приобрели невиданную ранее популярность и не сходили с уст местных рабочих», — доносил с начальник Донской охраны. [1, с. 421]

В Макеевском районе на всех крупных шахтах были созданы Советы рабочих депутатов. Встреча пролетарского праздника - 1 Мая - проходила при деятельном участии шахтеров. Начатая шахтерами Рутченковки, она была поддержана горняками Берестовского, Пастуховского и Григорьевского рудников. 3 мая более 5000 горняков созданного в 1895 г. наследниками Иловайского Русско-Донецкого общества принимали участие в забастовке. [11] На шахтах Екатерининского общества при станции Криничная попытки организовать забастовку натолкнулись на сопротивление со стороны руководства, которое угрожало уволить отказавшихся работать на предложенных условиях. Летом 1905 г. рабочее движение в округе вновь вспыхнуло с необычайной силой под непосредственным воздействием вдохновляющей борьбы трудящихся в Лодзи, Иваново-Вознесенске и Одессе.

В донесениях ростовской охраны фиксировался заметный рост политической активности рабочих и активизация большевистских комитетов. В одном из отчетов отмечалось, что массовые собрания способствуют более оперативному и эффективному воспитанию рабочих в духе социал-демократической идеологии. Крупные выступления также прокатились по Таганрогу, охватив котельный завод, железнодорожные мастерские и депо. Проведение революции воспринималось как единственное средство для достижения желаемых изменений.

Летом 1905 г. стало проявляться недовольство казачества, особенно среди бедноты. Многие казаки начали отказываться от мобилизации и протестовали на станичных и хуторских сборах против принудительной службы, которую им навязывало царское

правительство. Основная масса казаков сохраняла верность правительству, продолжая выполнять приказы и поддерживать порядок. Это внутреннее расслоение в казачьей среде являлось отражением общих социальных противоречий в России, где традиционные устои подвергались давлению со стороны революционных идей и классовых конфликтов.

Летний период 1905 г. также ознаменовался значительными выступлениями рабочих в Харцызске, поселке Катык (совр. Шахтерск) и на станции Амвросиевка. В Таганроге около 700 железнодорожников приостановили свою работу, требуя увеличения зарплаты на 25%, введения 8-часового рабочего дня и улучшения условий труда и медицинского обслуживания. К ним присоединились работники других отраслей, включая винные и табачные предприятия, что свидетельствовало о стремлении координировать действия в борьбе за права. В Иловайске М. С. Спивак и И. К. Подласный при помощи машиниста Лысенко и конторщика Ноценко наладили перепечатывание на гектографе листовок и прокламаций Екатеринославского и Донского комитетов РСДРП, распространяли их среди ремонтных рабочих и в депо. Иловайские железнодорожники активно участвовали в октябрьской всероссийской политической стачке 1905 г., прекратив работу в течение 10 дней. Они участвовали также в митинге протеста, состоявшемся в Харцызске после опубликования царского манифеста 17 октября. Здесь с разоблачением политики самодержавия выступил приехавший из Горловки член стачечного комитета профессиональный революционер А. М. Кузнецов-Зубарев.

Осенью 1905 г. были организованы боевые отделы Таганрогским комитетом партии социалистов-революционеров (эсеров). Вопросы о терроре поднимались эсерами на каждой массовой сходке или митинге. После каждого покушения среди населения они распространяли листовки, в которых разъяснялись причины данного акта. До 1907 г. ЦК партии официально признавал экспроприации одним из способов пополнения денежных средств организаций. [6] Активно боролись за свои экономические и социальные права снежнянские шахтеры. 31 октября началась забастовка на руднике Кольберга (ныне шахта № 2) Боковского горного района. 1 ноября вместе с шахтерами близлежащих рудников бастующие направились на рудник Эрдели. Один из участников выступления С. Дадыка прочитал воззвание Ростовского комитета РСДРП «Ко всем рабочим Боковских, Хрустальных и Нагольчанских рудников» с призывом к борьбе против эксплуататоров. Здесь же рабочим раздали прокламации. Снежнянцы прекратили работу в шахтах и на поверхности, не грузили уголь в вагонетки, не откачивали воду из шахт, загасили топки. 2 ноября они предъявили владельцам шахт свои требования. Забастовка закончилась победой рабочих. Горняки добились не только увеличения заработной платы, но и выдачи им незаконно задержанного администрацией заработка за прошедший месяц. Ряд рудников начал давать на-гора уголь только 6-7 ноября после увеличения на 10 % заработной платы. Горняки рудника Кольберга бастовали до 11 ноября пока хозяева полностью не удовлетворили их требования. [3, с. 49]

В ответ на рост волнений горнозаводская администрация усилила полицейские меры. В ноябре 1905 г. для подавления выступлений были мобилизованы казачьи подразделения, которые использовались для разгона митингов и охраны объектов, действуя в рамках представлений о долге и дисциплине. В то же время среди казаков нарастало требование не использовать их для внутренних подавлений, а направить усилия на участие в войне с Японией. К середине декабря 1905 г. после введения в Таганроге чрезвычайного положения, государство перешло к репрессиям: 16 декабря был разгромлен Совет рабочих депутатов. Однако это не подавило протестные настроения. Революционные волнения охватывали все более широкие слои трудящихся. Но протест против эксплуатации не всегда носил характер организованной борьбы. Рабочие снежнянских рудников, проживавшие в поселке Дмитриевском, возмущенные продажей им недоброкачественных и по высоким ценам продуктов, 4 декабря 1905 г. разгромили

несколько магазинов и прогнали лавочников. Это выступление подавили войска. Было убито два и ранено семь человек. [3, с. 773]

10 декабря 1905 г. в Иловайске состоялось собрание рабочих и служащих, принявшее решение присоединиться к всеобщей политической забастовке. Избранный на собрании распорядительный комитет возглавил железнодорожный врач В. П. Корнеев. Движение поездов было остановлено. Комитет поддерживал связь с распорядительным комитетом Екатерининской железной дороги. Под его руководством на станции была сформирована боевая рабочая дружина в составе 40—50 человек, на вооружение которой железнодорожники собрали деньги и приобрели в Таганроге 40 револьверов и ружей. Дружинники вооружились также кинжалами и пиками, изготовленными в паровозном депо слесарем Ф. В. Суценко. На боевую дружину возлагались охрана железнодорожного узла, поддержка общественного порядка на станции и в поселке.

В Донбассе эпицентр революционной борьбы переместился в Горловку. Уже в ночь на 17 декабря 1905 г. в поселок прибыли дружинники из Харцызска для участия в вооруженном восстании. В Горловском вооруженном восстании также приняли участие иловайские дружинники (телеграфист Сачек, конторщик Золотарев и другие).

Готовились к вооруженному восстанию горняки. В села были посланы представители шахтеров с просьбой поддержать рабочих в их борьбе. Посланцы горняков призывали к сопротивлению, отказу от размещения и постоя в слободах и станицах казаков и войск. Готовясь к декабрьским выступлениям, рабочие собирали деньги, оружие, динамит, готовили бомбы, создавали боевые дружины, издавали листовки, призывавшие к борьбе. После поражения вооруженного восстания в Горловке на станцию Иловайск 18 декабря 1905 г. прибыли казаки. Были арестованы члены распорядительного комитета. В январе 1906 г. многих рабочих станции, активно участвовавших в революционных событиях, уволили с работы и выселили из казенных квартир. [3, с. 892]

Большевики Таганрога после декабрьских событий создали Совет безработных, объединивший уволенных рабочих, включив в его состав представителей разных городских предприятий. Изначально он занимался оказанием материальной помощи. Опасаясь его влияния и возможного превращения в центр нового восстания, местные власти начали репрессии, и осенью 1906 г. Совет был вынужден прекратить работу. В 1906 г. рабочее движение вновь активизировалось, что проявилось в забастовках на рудниках и политических демонстрациях. Несмотря на сильное противодействие властей, революционная и рабочая активность в регионе не угасала, создавая предпосылки для дальнейших социальных потрясений. Большевикам в Таганроге удалось успешно организовать выступления судовых команд и портовых рабочих, что заставило жандармское руководство признать их авторитет в рабочей среде.

1 мая 1906 г. рабочими были проведены маевки. Боевое майское настроение вылилось в забастовку с экономическими требованиями на Пастуховском и Григорьевском рудниках, которая в условиях наступления реакции закончилась поражением горняков и увольнением наиболее активных рабочих. [2] В июле 1906 г. иловайские железнодорожники организованно выступили против непомерных сверхурочных работ и снижения заработной платы. В период наступления реакции Область Войска Донского находилась на положении чрезвычайной охраны. Участились аресты, усилились репрессии. [1, с. 212]

После поражения первой русской революции удары реакции обрушились на передовых рабочих. Шахтовладельцы увольняли «неблагонадежных», а вместо них вербовали крестьян из окрестных сел. В апреле 1906 г. рабочие и шахтеры Макеевки вели активную подготовку к встрече 1-го Мая. На рудниках состоялись митинги и демонстрации, были организованы стачки. 3 мая бастовало свыше 5 тыс. горняков

рудников Русско-Донецкого общества, Берестово-Богодуховского, Григорьевского, Пастуховского.

Весной 1907 г. Макеевке состоялась крупная политическая забастовка на десяти предприятиях, ставшая одним из самых значительных выступлений в регионе. Выступления и забастовки шахтеров в период первой русской революции заставили горнозаводчиков Макеевки принять меры по усилению постоянного полицейского надзора на шахтах и рудниках. Председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России Н.С. Авдаков неоднократно входил в ходатайство перед Министерством Внутренних дел и Министерством торговли и промышленности «об оказании содействия в установлении охраны на рудниках и заводах Донецкого бассейна» [11]. Результатом этого явилось усиление более чем вдвое полицейских служб и организаций постоянного казачьей сотни в Макеевке. Но и после поражения первой русской революции революционная деятельность не утихла.

Заключение. Революционные события 1905-1907 гг. в Таганрогском округе явились частью общероссийского политического процесса. Наиболее активными его участниками были шахтеры и железнодорожники. Цели борьбы частично были достигнуты. Попытки подавления властью общественного недовольства оказались неэффективными. Радикальные социально-политические процессы были запущены. События 1905-1907 гг. стали прологом к Великой русской революции 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1905-1907 годы на Дону: сборник документов / Сост.: Н. И. Мастерова, Т. М. Щербинина, Л. И. Буханова, В. Н. Перелыгина; Рост. обл. гос. Архив. - Ростов на Дону, 1955. 358 с.
2. Государственный архив ДНР. Ф. 2109. Оп.1. Д.55. Л. 38.
3. История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область. - К.: Главная редакция УРЕ АН УССР, 1970. 992 с.
4. История Новороссии / под ред. В.Н. Захарова. - М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. - 864 с.
5. История рабочих Донбасса: монография в 2 т. / гл. редкол.: Ю.Ю. Кондуфор и др.; Акад. наук УССР, Ин-т истории. Т. 1. Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму. – К.: Наукова думка, 1981. 321 с.
6. Крамская С.В. Социалисты - революционеры и террор на Дону в годы первой русской революции (1905-1907 гг.) // Международный научно-исследовательский журнал. - 2017. - №11-1 (65). - С. 108-111.
7. Общественное движение в России в начале XX века. / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова: Т. 3: Кн. 5. СПб.: Общественная Польза, 1914. 651 с.
8. Пученков А. С. Юго-восток России в начале XX в.: годы революции и гражданской войны (на примере Донской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. Вып. 4. С. 130-131.
9. Трусова Н.С. (сост.) Начало Первой русской революции. Январь-март 1905 года - М.: Изд-во АН СССР, 1955. 997 с.
10. Шубин А. В. История Новороссии. –М.: Олма Медиа Групп. 2014. 480 с.
11. Яценко Ю. А. Страницы истории угольной отрасли в Макеевке. Начало XX века 1900-1912 гг. // [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.makeevugol.donbass.com/html/1900-1912.html> (дата обращения 03.01.2025).

THE EVENTS OF THE FIRST BOURGEOIS REVOLUTION OF 1905-

1907 ON THE TERRITORY OF THE TAGANROG DISTRICT OF THE DONSKOY ARMY REGION

Abstract. The article examines the political process in the Taganrog District of the Don Cossack Region during the 1905-1907 Revolution. The focus is on the participation of workers from industrial enterprises, coal mines, and railway transport.

Keywords: revolution, uprisings, strikes, workers, uprising

Akhkozov R. D.

Scientific supervisor: Agapov V. L., Doctor of Historical Sciences,

Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: ahkozovroma037@mail.ru

УДК 327

ВЕРБОВКА ДЕТЕЙ-БЕЖЕНЦЕВ КАК ВЫЗОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ РЕБЕНКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРК И РЕСПУБЛИКИ СУДАН

Бикбова Е.В.

Научный руководитель: Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена проблеме вербовки детей-беженцев в вооружённые силы и группировки как одному из ключевых вызовов международной системе защиты прав ребёнка. На основе сравнительного анализа ситуаций в Демократической Республике Конго и Республике Судан рассматриваются факторы миграционной уязвимости детей, а также формы и механизмы их вовлечения в вооружённые формирования. Анализируются масштабы и особенности вербовки, основные акторы данного процесса, а также эффективность международных и гуманитарных механизмов защиты и реинтеграции несовершеннолетних. Делается вывод о том, что вербовка детей-беженцев и внутренне перемещённых лиц носит системный характер и превратилась из побочного явления в структурный элемент вооружённых конфликтов, что свидетельствует о наличии серьёзных проблем в реализации механизмов их защиты в условиях затяжных войн.

Ключевые слова: дети-солдаты, дети-беженцы, вербовка в армию, Демократическая Республика Конго, Республика Судан.

Проблема защиты детей-беженцев приобретает особую значимость в условиях роста масштабов вынужденной миграции и затяжного характера военных противостояний. Дети, покидающие зоны боевых действий, оказываются в ситуации двойной уязвимости – как несовершеннолетние и как беженцы – что существенно повышает риск их вовлечения в вооружённые формирования. Вербовка детей-беженцев остаётся одной из наиболее серьёзных угроз их безопасности и развитию, а также актуальной проблемой для международного сообщества, несмотря на наличие разветвленной системы международно-правовых норм, направленных на защиту прав ребёнка.

Вербовка в армию и незаконные вооружённые группы является важным фактором миграционной уязвимости детей-беженцев. Находясь в условиях правовой неопределённости, социальной маргинализации и экономической нестабильности, дети-беженцы нередко становятся объектом принуждения, давления или целенаправленного воздействия со стороны вооружённых акторов. Подобные практики не только усугубляют последствия вынужденной миграции, но и представляют собой прямое нарушение норм международного гуманитарного и миграционного права, а также международных стандартов защиты прав ребёнка.

Целью работы является проведение сравнительного анализа практик вербовки детей-беженцев в условиях вооружённых конфликтов в Демократической Республике Конго и Республике Судан как одного из ключевых миграционных рисков и нарушений международного права.

Источниковой базой проведенного исследования послужили официальные документы и материалы Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений, таких как Детский фонд ООН, а также отчеты международных гуманитарных и правозащитных НПО, а именно Watchlist и Save the Children.

Историография исследования заключается в анализе научных статей, которые непосредственно относятся к теме исследования. Так, отечественная группа авторов представлена работами Асташкевича В.А. «Проблема вовлечения детей в вооруженные конфликты» [1] и «Проблемы реализации прав детей из числа беженцев» [2], в которых анализируется факт привлечения детей-беженцев в вооружённые конфликты, и

Мустафаевой М.М. «Вербовка и использование детей-солдат как серьезное нарушение международного гуманитарного права» [3], которая посвящена рассмотрению источников международного права, касающихся данного вопроса.

Вербовка детей-беженцев в условиях вооружённых конфликтов представляет собой грубое нарушение норм международного гуманитарного и миграционного права, а также международных стандартов защиты прав ребёнка. Данная практика находится в прямом противоречии с системой международных договоров, направленных на защиту гражданского населения и особенно детей, оказавшихся в ситуации вооружённого конфликта и вынужденной миграции.

В международно-правовой и научной доктрине ключевым понятием для анализа проблемы вовлечения несовершеннолетних в вооружённые конфликты является категория «дети-солдаты». Под детьми-солдатами следует понимать лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, которые были завербованы или иным образом вовлечены в деятельность вооружённых сил или вооружённых групп, независимо от характера выполняемых ими функций. Такое вовлечение может включать как непосредственное участие в боевых действиях, так и выполнение вспомогательных, логистических, разведывательных и охранных задач, а также использование детей в целях сексуальной эксплуатации или принудительного обслуживания. Данное понимание вытекает из совокупности международных норм и стандартов, направленных на защиту прав ребёнка в условиях вооружённых конфликтов, и носит расширенный характер, позволяя охватывать многообразие форм использования несовершеннолетних в военной сфере.

Соотношение понятия «дети-солдаты» с категорией детей-беженцев проявляется в том, что последние нередко становятся объектом вербовки именно вследствие своего миграционного статуса. Дети-беженцы, покинувшие территорию вооружённого конфликта, формально находятся под международной защитой, однако на практике их положение часто остаётся крайне нестабильным. Пребывание в лагерях для беженцев, отсутствие надлежащего контроля со стороны государственных институтов, а также близость таких лагерей к зонам активных боевых действий создают условия, при которых дети-беженцы фактически попадают в сферу влияния вооружённых групп. В итоге статус беженца не только не исключает риск вербовки, но в ряде случаев усиливает его.

Дополнительным фактором является правовая неопределённость статуса детей-беженцев, особенно в случаях, когда принимающее государство не обеспечивает полноценную реализацию международных обязательств. Отсутствие регистрации, документов и доступа к системам защиты способствует тому, что вербовка остаётся незамеченной или безнаказанной.

Основы правовой защиты детей в условиях вооружённых конфликтов закреплены в Женевских конвенциях 1949 года. Статья 3 устанавливает принцип гуманного обращения с лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях, включая детей. Вербовка детей-беженцев в вооружённые формирования нарушает данный принцип, поскольку предполагает вовлечение гражданского населения в боевые действия и подвергает детей насилию и эксплуатации. Дополнительно IV Женевская конвенция «О защите гражданского населения во время войны» предусматривает особую защиту детей как наиболее уязвимой категории (ст. 14, 24), что исключает их участие в вооружённых конфликтах.

Дальнейшая конкретизация данных норм содержится в Дополнительных протоколах 1977 года: Дополнительный протокол I в ст. 77 закрепляет обязанность сторон конфликта принимать все возможные меры для недопущения участия детей в военных действиях и запрещает вербовку лиц младше 15 лет. Аналогичный запрет установлен в ст. 4 Дополнительного протокола II, применимого к немеждународным

вооружённым конфликтам. Вовлечение детей-беженцев, находящихся под контролем конфликтующих сторон, представляет собой прямое нарушение данных положений.

Особое значение имеет Римский статут Международного уголовного суда 1998 года, в котором вербовка и использование детей до 15 лет для активного участия в боевых действиях квалифицируются как военное преступление как в международных, так и во внутренних конфликтах (ст. 8). Указанные нормы распространяются и на детей-беженцев, поскольку их миграционный статус не лишает их защиты как гражданских лиц, вследствие этого вербовка может повлечь индивидуальную уголовную ответственность виновных.

Наряду с нормами международного гуманитарного и уголовного права, вербовка детей-беженцев нарушает положения международного миграционного права, прежде всего Конвенции о статусе беженцев 1951 года. Статья 3 Конвенции закрепляет принцип недискриминации, предполагающий равную защиту всех беженцев, включая детей. Привлечение детей-беженцев к вооружённым формированиям противоречит целям международной защиты и создаёт дополнительные риски для их безопасности.

Центральное место в системе защиты прав детей занимает Конвенция о правах ребёнка 1989 года. В ст. 38 закреплена обязанность государств соблюдать нормы международного гуманитарного права и принимать меры для недопущения участия детей младше 15 лет в боевых действиях. Факультативный протокол 2000 года усилил данные гарантии, повысив минимальный возраст обязательного призыва и участия в вооружённых конфликтах до 18 лет и возложив на государства обязанность предотвращать вербовку детей негосударственными вооружёнными группами. В данном контексте вербовка детей-беженцев представляет собой двойное нарушение – прав ребёнка и обязательств по их защите в условиях вынужденной миграции. Региональные правовые инструменты, включая Африканскую хартию о правах и благополучии ребёнка 1990 года (ст. 22), также подтверждают запрет на вербовку лиц младше 18 лет.

Действия, относящиеся к проблеме использования детей в вооружённых конфликтах, отражаются не только в договорных нормах, но и в символических и просветительских инициативах. Одной из таких инициатив является Международный день борьбы с использованием детей-солдат, также известный как День красной руки, который ежегодно отмечается 12 февраля. Данная дата была установлена в связи со вступлением в силу Факультативного протокола к КПП о вовлечении детей в вооружённые конфликты. Красная рука как символ используется для привлечения внимания к недопустимости вербовки детей и подчёркивает необходимость международной солидарности в защите несовершеннолетних от участия в войне.

Наиболее остро в настоящее время проблема стоит в ходе вооружённых конфликтов в странах Африки и Ближнего Востока. Рассмотрим случаи вооружённых конфликтов в Демократической Республике Конго и в Республике Судан, которые носят затяжной и циклический характер, и сопровождаются систематическими нарушениями международного права, включая массовую вербовку детей.

Корни конфликта между ДРК и Руандой во многом связаны с глубинными этническими противоречиями, прежде всего между тутси и хуту, а также с борьбой за контроль над богатыми минеральными ресурсами востока страны. Несмотря на ранее принятые международные меры, включая сотрудничество ООН и правительства ДРК в рамках Плана действий по прекращению вербовки детей 2012 года и создание координационных механизмов, трагедия продолжилась. Конфликт возобновился в 2022 году, а очередная эскалация в начале 2025 года привела к резкому росту насилия в восточных провинциях страны, прежде всего в Северном и Южном Киву, а также к усилению миграционных процессов как внутри страны, так и за её пределами.

Вследствие боевых действий сотни тысяч мирных жителей, значительную часть которых составляют женщины и дети, были вынуждены покинуть свои дома. Массовые

потоки беженцев направлялись в соседние государства – Бурунди, Уганду, Руанду и Танзанию. Параллельно фиксировались масштабные перемещения внутри страны: дети и семьи бежали из сельских районов восточных провинций в города Гома и Букаву, которые впоследствии также оказались под контролем вооружённых формирований.

Вербовка участвовала после возобновления активности «Движения 23 марта» (М23) и связанных с ней вооружённых групп в 2022 году. Дети захватывались непосредственно в Северном Киву, Южном Киву, Итури, Танганьике и Маниеме во время выполнения сельскохозяйственных работ, на улицах, в школах, а также в лагерях для внутренне перемещённых лиц (ВПЛ) и беженцев, в том числе за пределами страны – на территории Руанды и Уганды. Группа экспертов ООН зафиксировала, что М23 систематически похищала детей в возрасте от 10 лет в сельской местности, а также вербовала несовершеннолетних в лагерях беженцев, где по меньшей мере 20 % из примерно 1000 новобранцев составляли дети [4].

Наряду с М23 активными акторами вербовки выступают многочисленные негосударственные вооружённые формирования, включая различные группы «май-май», «Райя мутомбоки», «Ньятура», АДС, АКСС, АПССК, Патриотический и интеграционный фронт Конго (ПИФК) и другие. В условиях низкой мотивации и дезертирства в рядах национальной армии ДРК значительную роль стали играть так называемые ополчения «Вазалендо», которые, несмотря на декларируемую цель защиты территории, также широко используют детей-солдат. По оценкам экспертов, все основные вооружённые акторы, действующие на востоке страны, прибегают к вербовке детей в беспрецедентных масштабах, что отбросило международные усилия по предотвращению вербовки на многие годы назад.

Формы использования детей включают как непосредственное участие в боевых действиях, так и выполнение вспомогательных функций: дети применялись в качестве бойцов, носильщиков, сопровождающих, разведчиков, шпионов, а также привлекались к тяжёлым работам, таким как рытьё траншей и туннелей. Зафиксированы многочисленные случаи сексуальной эксплуатации, в том числе использование девочек в качестве так называемых «жён» бойцов. Методы вербовки варьировались от прямого похищения и насильственного принуждения до вовлечения под давлением семьи, общины или в поисках безопасности, средств к существованию и защиты. В ряде случаев попытки побега из вооружённых группировок карались казнями.

Масштабы нарушений подтверждаются официальными данными ООН. В 2024 году было зафиксировано 2365 случаев вербовки и использование детей, что на 25 % превышает показатели 2023 года [5]. В докладе Генерального секретаря ООН о ситуации с защитой детей в ДРК за период с апреля 2022 года по март 2024 года зафиксировано 8208 серьёзных нарушений в отношении 6196 детей со стороны 77 вооружённых группировок, при этом 98 % нарушений были совершены негосударственными вооружёнными формированиями [6]. По данным организации Save the Children, только в январе и феврале 2025 года более 400 детей на востоке ДРК были завербованы вооружёнными группировками, при этом некоторым из них было всего 14 лет [7].

Международное реагирование на проблему вербовки детей в ДРК осуществляется в нескольких направлениях. Организации системы ООН, прежде всего ЮНИСЕФ и страновые целевые группы по мониторингу и отчётности, документируют нарушения, содействуют освобождению детей из вооружённых групп и их последующей реинтеграции. Например, во время миссии на территорию Калехе в начале 2024 года страновой целевой группе удалось вывести из состава «Райя мутомбоки» 288 детей в возрасте от 12 до 17 лет [8]. Существенную роль играют неправительственные организации, включая Save the Children и War Child, которые предоставляют психологическую, образовательную и экономическую помощь детям, ранее связанным с

вооружёнными группами. В 2024 году Save the Children помогла по меньшей мере 220 детям [7].

Переходя к Судану, следует отметить, что с апреля 2023 года, третья по величине страна Африки, находится в состоянии гражданской войны между Вооружёнными силами Судана (ВСС) и Силами быстрого реагирования (СБР). Конфликт является логическим продолжением многолетнего политического и военного кризиса, корни которого восходят к свержению президента Омара аль-Башира в 2019 году и последовавшей за этим неудавшейся реформе сектора безопасности, в рамках которой планировалась интеграция автономных СБР в регулярную армию. Сопротивление со стороны командования СБР и борьба за контроль над военной и экономической властью в итоге привели к открытому вооружённому столкновению.

Боевые действия вызвали массовое вынужденное перемещение населения. Миллионы суданцев оставляли свои дома, становясь внутренне перемещёнными лицами или беженцами. Значительное число семей и несопровождаемых детей покидали страну по региональным маршрутам, направляясь в Чад и Египет. С начала конфликта около одного миллиона детей оказались в состоянии вынужденной миграции, что резко повысило их уязвимость к насилию, эксплуатации и вербовке обоими сторонами конфликта.

В период с 2023 по 2026 год как ВСС, так и СБР осуществляли набор несовершеннолетних из лагерей для беженцев и ВПЛ, с блокпостов и из ключевых регионов страны, включая Хартум, Дарфур и Кордофан. Нападение СБР на лагерь для беженцев Замзам 12 апреля 2025 года, в результате которого погибли и были ранены дети, наглядно продемонстрировало утрату гуманитарными пространствами статуса безопасных зон и их превращение в объекты военного насилия и источники вербовки.

Практики вербовки носят разнообразный характер и включают как прямое принуждение, так и манипулирование уязвимым положением. Ухудшение гуманитарной ситуации, нехватка продовольствия и отсутствие доступа к базовым услугам превращали беспризорных и разлучённых с семьями детей в лёгкую добычу для вооружённых акторов.

Формы использования детей включали непосредственное участие в боевых действиях, охрану контрольно-пропускных пунктов, выполнение вспомогательных функций, а также неизвестные роли, связанные с логистикой и обеспечением. Документировалось участие детей в возрасте от 14 лет, а в отдельных случаях фиксировалось использование детей младше 15 лет, включая эпизоды, когда несовершеннолетние привлекались к вспомогательным ролям с семилетнего возраста [9]. Свидетельства очевидцев, видеоматериалы в социальных сетях и отчёты правозащитных организаций подтверждают устойчивый и системный характер данной практики.

Ключевыми акторами вербовки выступали как государственные, так и негосударственные вооружённые формирования. В докладе Генерального секретаря ООН о детях и вооружённых конфликтах в Судане за период с 1 января 2022 года по 31 декабря 2023 года перечислены вооружённые группы, занимающихся вербовкой и использованием детей, а именно: Движение за справедливость и равенство (ДСР), группировки Освободительной армии Судана (ОАС), группировки Народно-освободительного движения Судана (север) (НОДС-С), Третий фронт-Тамазудж. СБР и ВСС были вновь включены в перечень сторон, ответственных за серьёзные нарушения, включая вербовку, убийства и калечение детей, сексуальное насилие и нападения на школы и больницы. Всего были подтверждены случаи вербовки и использования 277 детей, причём около 95 % нарушений имели место в штатах Дарфура, что подчёркивает региональный характер кризиса [9].

Международные усилия по защите детей в Судане осуществляются преимущественно через механизмы ООН и гуманитарные организации. Был зафиксирован случай освобождения 30 детей-солдат и их передачи под защиту Международного комитета Красного Креста в сентябре 2023 года [10]. ООН содействовала освобождению более 122 детей в Северном Дарфуре после проведения проверок страновой целевой группой [9]. Вместе с тем продолжающиеся похищения, включая захват 21 ребёнка в Южном Кордофана в 2025 году с целью их последующей вербовки, свидетельствуют о сохраняющемся характере проблемы [11].

Рассмотрев оба случая вербования детей в вооружённые силы, следует отметить, что общей характеристикой конфликтов является затяжной и циклический характер, сопровождающийся масштабными гуманитарными кризисами и систематическими нарушениями прав ребенка. Вооружённые столкновения в ДРК и Республике Судан привели к массовому вынужденному перемещению населения, в результате чего миллионы детей оказались в условиях крайней нестабильности, что усилило их уязвимость и создало благоприятные условия для их вовлечения в вооружённые формирования. В обоих случаях зафиксирована вербовка несовершеннолетних в лагерях для беженцев и ВПЛ. Сходство прослеживается и в формах эксплуатации детей: несовершеннолетние использовались как в качестве непосредственных участников боевых действий, так и для выполнения вспомогательных задач. Практики вербовки носили комбинированный характер и включали насильственные похищения, принуждение, а также использование социально-экономической уязвимости детей и их семей.

Наряду с общими чертами выявляются и существенные различия. В Демократической Республике Конго ключевыми акторами вербовки выступают многочисленные негосударственные вооружённые формирования, действующие преимущественно на востоке страны. Конфликт отличается высокой степенью фрагментации и вовлечением десятков группировок, что обусловило беспрецедентные масштабы использования детей. Характерной особенностью является также вовлечение детей-беженцев за пределами страны, в том числе в лагерях на территории соседних государств. В Судане, напротив, основную роль играют государственные и квазигосударственные вооружённые структуры – Вооружённые силы Судана и Силы быстрого реагирования. Нарушения прав ребенка концентрируются в определённых регионах страны. Вовлечённость официальных сил придаёт данным практикам институциональный характер и осложняет механизмы подотчётности, что отличает суданский кейс от конголезского.

Отличия наблюдаются и в международном реагировании. В ДРК на протяжении длительного времени функционируют устойчивые механизмы мониторинга, освобождения и реинтеграции детей, включая взаимодействие с правительством и активную роль международных и неправительственных организаций. К тому же, 27 июня 2025 года в Вашингтоне ДРК и Руанда подписали мирное соглашение, выработанное при посредничестве США и Катара. В Судане же международные усилия носят более ограниченный и эпизодический характер вследствие продолжающихся боевых действий, нестабильной политической обстановки и ограниченного гуманитарного доступа, что снижает эффективность программ защиты детей.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что вербовка детей-беженцев в условиях вооружённых конфликтов представляет собой сложное и устойчивое явление, оказывающее значительное влияние на международную систему защиты прав ребенка, гуманитарного и миграционного права. Рассмотрение нормативно-правовой базы подтвердило наличие дифференцированного комплекса международных договоров и стандартов, прямо запрещающих вовлечение детей в вооружённые конфликты и предусматривающих их особую защиту. Однако существующие правовые запреты оказываются недостаточными для предотвращения эксплуатации детей в

условиях конфликтов на примере ситуации в ДРК и в Республике Судан. Вследствие этого вербовка детей-беженцев может рассматриваться как индикатор системных нарушений и структурных слабостей международного гуманитарного и миграционного регулирования.

Международному сообществу необходимо усилить охрану лагерей для беженцев и ВПЛ, а также контролировать доступ вооружённых групп к ним, создавать безопасные пространства для детей, обеспечивать доступ к образованию и базовым услугам, организовывать психологическую и социальную поддержку для снижения риска вовлечения в вооружённые действия. Защита детей – это не просто цель, это приоритет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташкевич В.А. Проблема вовлечения детей в вооруженные конфликты // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого Государственного университета. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2021. – Вып. 37(107). Юридические науки. – С. 13-14.
2. Асташкевич В.А. Проблемы реализации прав детей из числа беженцев // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого Государственного университета. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2021. – Вып. 37(107). Юридические науки. – С. 15-16.
3. Мустафаева М.М. Вербовка и использование детей-солдат как серьезное нарушение международного гуманитарного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. – М: РУДН, 2013, №2. – С. 256-264.
4. Child Soldiers' Numbers Swelling in Eastern DRC // Africa Defense Forum, – URL: <https://adf-magazine.com/2024/12/child-soldiers-numbers-swelling-in-eastern-drc/> (дата посещения: 18.01.2026)
5. Children and Armed Conflict Monthly Update – September 2025 // Watchlist on Children and Armed Conflict, – URL: <https://watchlist.org/publications/children-and-armed-conflict-monthly-update-september-2025/> (дата посещения: 18.01.2026)
6. D. R. Congo // Watchlist on Children and Armed Conflict, – URL: <https://watchlist.org/countries/d-r-congo/> (дата посещения: 18.01.2026)
7. More than 400 children in eastern DRC recruited into conflict in first two months of 2025 // ReliefWeb – Informing humanitarians worldwide, – URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/more-400-children-eastern-drc-recruited-conflict-first-two-months-2025> (дата посещения: 18.01.2026)
8. Children and armed conflict in the Democratic Republic of the Congo – Report of the Secretary-General (S/2024/705), – URL: <https://undocs.org/S/2024/705> (дата посещения: 18.01.2026)
9. Children and armed conflict in the Sudan – Report of the Secretary-General (S/2024/443), – URL: <https://reliefweb.int/report/sudan/children-and-armed-conflict-sudan-report-secretary-general-s2024443-enarruzh> (дата посещения: 18.01.2026)
10. Stolen innocence: Children forcefully recruited into armed conflict in Sudan // Africa Centre for Justice and Peace Studies, – URL: <https://web.acjps.org/stolen-innocence-children-forcefully-recruited-into-armed-conflict-in-sudan/> (дата посещения: 18.01.2026)
11. Sudanese children abducted for recruitment by RSF and allies in South Kordofan raid // Middle East Eye, – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/sudanese-children-abducted-rsf-allies-recruitment-south-kordofan-raid> (дата посещения: 18.01.2026)

RECRUITMENT OF REFUGEE CHILDREN AS A CHALLENGE TO THE INTERNATIONAL CHILD PROTECTION SYSTEM IN THE CONTEXT OF ARMED CONFLICT: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DRC AND THE REPUBLIC OF SUDAN

Annotation. The article focuses on the problem of the recruitment of refugee children into the armed forces and groups as one of the key challenges to the international system for the protection of children's rights. Based on a comparative analysis of the situations in the Democratic Republic of the Congo and the Republic of the Sudan, the study examines the factors of children's migration vulnerability, as well as the forms and mechanisms of their involvement in armed groups. The article analyzes the scale and specific features of recruitment, the main actors involved in this process, as well as the effectiveness of international and humanitarian mechanisms for the protection and reintegration of minors. It has been revealed that the recruitment of refugee children and internally displaced persons is systemic in nature and has evolved from a secondary consequence into a structural element of armed conflicts, indicating serious shortcomings in the implementation of protection mechanisms in protracted wars.

Keywords: child soldiers, refugee children, army recruitment, Democratic Republic of the Congo, Republic of the Sudan

Bikbova E.V.

Scientific adviser: Kuznetsova E.V., Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University

E-mail: elizavetabikbova0@gmail.com

УДК 327:334.01

РОЛЬ СПОРТА КАК МЯГКОЙ СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Борисов А.Р.

*Научный руководитель: Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья посвящена анализу спорта как одного из инструментов мягкой силы во внешней политике Российской Федерации в условиях изменения структуры международных отношений. Рассматривается эволюция спортивной дипломатии и её место в системе гуманитарных и символических ресурсов государства. Анализируется опыт использования международных спортивных мероприятий и достижений российских спортсменов в формировании внешнеполитического имиджа страны. Особое внимание уделяется проблеме политизации спорта и её влиянию на эффективность спортивной дипломатии России. Определяются ключевые направления и перспективы использования спорта как элемента мягкой силы в XXI веке.

Ключевые слова: мягкая сила, спортивная дипломатия, внешняя политика России, международные отношения, публичная дипломатия.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией современной системы международных отношений, ростом глобальной политической нестабильности и усилением конкуренции между государствами в нематериальной сфере. В условиях ослабления универсальных международных институтов и кризиса многосторонней дипломатии государства всё чаще обращаются к инструментам мягкой силы, позволяющим формировать благоприятный международный имидж и продвигать национальные интересы без прямого применения силового давления. В данной системе координат спорт приобретает особое значение как универсальный и высокоэффективный канал гуманитарного воздействия на мировую аудиторию.

Для Российской Федерации проблематика использования спорта как инструмента внешнеполитического влияния приобрела особую значимость в XXI веке в условиях нарастающей политизации международного спорта и ограничения участия российских спортсменов в глобальных спортивных структурах. Данные процессы непосредственно затрагивают гуманитарный и символический потенциал государства, оказывая влияние на его международный имидж и возможности внешнеполитического позиционирования. В этой связи анализ роли спорта как элемента мягкой силы позволяет выявить новые механизмы адаптации внешней политики России к изменяющейся международной среде и определить перспективные направления развития спортивной дипломатии.

Целью исследования является комплексный анализ спорта как инструмента мягкой силы во внешней политике Российской Федерации и определение его роли в формировании международного имиджа государства в XXI веке. В рамках поставленной цели предполагается выявить теоретические основы концепции мягкой силы, определить место спорта в системе публичной и гуманитарной дипломатии, а также проанализировать практику использования спортивных мероприятий и достижений спортсменов в процессе внешнеполитического позиционирования России. Дополнительно целью исследования является определение перспектив и ограничений спортивной дипломатии в условиях политизации международного спорта и трансформации глобальной политической системы.

Проблематика мягкой силы и публичной дипломатии получила широкое развитие в трудах зарубежных и российских исследователей. Концептуальные основы теории мягкой силы были заложены в работах Дж. Ная, который рассматривал культурные, идеологические и гуманитарные ресурсы как важнейшие источники международного

влияния государств [1]. Его идеи получили развитие в трудах западных авторов, исследующих роль символического капитала и образов в мировой политике. В российской научной традиции вопросы мягкой силы и публичной дипломатии подробно анализируются в работах М.М. Лебедевой, Т.В. Зоной, А.В. Торкунова и других исследователей, рассматривающих гуманитарное измерение внешней политики и механизмы формирования международного имиджа государства. В рамках этих исследований спорт всё чаще рассматривается как самостоятельный элемент гуманитарного влияния и инструмент межгосударственного взаимодействия. Спортивная дипломатия как особое направление внешней политики анализируется в трудах Т.В. Зоной, А.В. Сидоренко, а также в зарубежных исследованиях, посвящённых роли Олимпийских игр, чемпионатов мира и международных спортивных организаций в глобальной политике. В данных работах спорт рассматривается как пространство формирования международных нарративов и средство политической коммуникации между государствами. Однако в российской историографии до настоящего времени сохраняется потребность в комплексном анализе спорта именно как инструмента мягкой силы Российской Федерации в условиях политизации международных спортивных институтов, что и определяет научную новизну настоящего исследования.

Современные международные отношения характеризуются углублением структурных изменений мировой политической системы, ростом неопределённости и ослаблением универсальных механизмов глобального управления. Кризис многосторонних институтов, снижение эффективности международных организаций и усиление регионализации мировой политики формируют новые условия функционирования государств на международной арене. В условиях возрастающей конкуренции и нестабильности государства всё чаще обращаются к нематериальным инструментам внешнеполитического воздействия, способным обеспечить долгосрочное влияние без прямого применения военной или экономической силы.

В данной связи особую значимость приобретает концепция «мягкой силы», получившая широкое распространение в теории международных отношений в конце XX — начале XXI века. В отличие от жёстких форм влияния, основанных на принуждении, мягкая сила предполагает способность государства формировать привлекательный образ, вызывать доверие и симпатию у зарубежных обществ и политических элит. Основными источниками мягкой силы выступают культура, ценности, гуманитарный потенциал, качество институтов и успешные социальные практики государства [1].

Особое место в структуре мягкой силы занимает спорт, обладающий высокой степенью универсальности, массовой привлекательности и эмоционального воздействия. Спортивные соревнования, международные турниры и достижения спортсменов формируют устойчивые символические образы государств, оказывая влияние на их восприятие мировой общественностью. В отличие от традиционных дипломатических каналов спорт апеллирует не только к политическим элитам, но и к широким слоям населения, что значительно расширяет его потенциал как инструмента публичной дипломатии [2].

Для Российской Федерации спорт традиционно является важным элементом национального самопозиционирования и инструментом внешнеполитического влияния. Исторически спортивные достижения использовались как средство демонстрации уровня развития общества, эффективности государственной политики и международного статуса страны. Вместе с тем в XXI веке эффективность спортивной дипломатии России сталкивается с новыми вызовами, связанными с политизацией международного спорта, трансформацией глобальных спортивных институтов и ограничением участия российских спортсменов в международных соревнованиях. В этих условиях возникает необходимость комплексного научного анализа роли спорта как инструмента мягкой

силы и переосмысления его места во внешнеполитической стратегии государства. Целью данной статьи является анализ роли спорта как инструмента мягкой силы во внешней политике России и определение перспектив его использования в современных международных условиях.

Понятие «мягкая сила» было введено американским политологом Дж. Найем в конце XX века как альтернатива традиционному реалистскому пониманию силы в международных отношениях, сводящему влияние государства преимущественно к военному и экономическому потенциалу [1]. Дж. Най подчёркивал, что в условиях глобализации и взаимозависимости способность привлекать и убеждать становится не менее важной, чем способность принуждать.

В теории международных отношений мягкая сила рассматривается как составная часть комплексной мощи государства, дополняющая жёсткие инструменты внешней политики. Источниками мягкой силы выступают культура, ценностные ориентиры, уровень социально-экономического развития, качество политических институтов, а также способность государства формировать позитивную повестку на международной арене. При этом мягкая сила не является статичным ресурсом, а требует постоянного воспроизводства и адаптации к изменяющимся условиям мировой политики.

В рамках конструктивистского подхода особое внимание уделяется роли идей, идентичностей и символов в международных отношениях. С этой точки зрения мягкая сила представляет собой механизм формирования социальных представлений о государстве, влияющих на поведение других акторов международной системы. Государства, обладающие значительным символическим капиталом, получают дополнительные возможности для продвижения своих интересов без применения прямого давления.

В системе инструментов мягкой силы спорт занимает особое место, поскольку сочетает в себе элементы культурной, гуманитарной и символической дипломатии. Спортивные мероприятия обладают высокой степенью медиатизации, что позволяет государствам транслировать желаемые образы и нарративы широкой международной аудитории. В этом контексте спорт выступает не только объектом международных отношений, но и активным инструментом внешнеполитического воздействия [3].

Использование спорта в качестве инструмента внешнеполитического влияния имеет в России глубокие исторические корни. В советский период спорт рассматривался как средство демонстрации преимуществ социалистической системы и важный элемент идеологического противостояния в условиях холодной войны. Победы советских спортсменов на Олимпийских играх и других международных соревнованиях воспринимались как подтверждение эффективности советской модели развития.

В постсоветский период роль спорта во внешней политике России претерпела трансформацию. В условиях поиска новой идентичности и восстановления международного статуса спорт стал рассматриваться как инструмент формирования позитивного имиджа страны и укрепления её позиций на мировой арене. Проведение крупных международных спортивных мероприятий стало важным элементом данной стратегии [4]. Так, Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году стали одним из наиболее масштабных проектов спортивной дипломатии современной России. Их проведение сопровождалось значительными инвестициями в инфраструктуру и активной информационной кампанией, направленной на формирование позитивного международного образа страны. Несмотря на противоречивые оценки, Олимпиада в Сочи продемонстрировала способность России реализовывать проекты глобального масштаба.

Чемпионат мира по футболу 2018 года стал ещё одним значимым примером использования спорта как инструмента мягкой силы. Турнир привлёк миллионы иностранных болельщиков и получил в целом положительную оценку международных

наблюдателей. Проведение чемпионата способствовало росту туристической привлекательности России и расширению гуманитарных контактов [5].

Также не менее важным элементом спортивной дипломатии являются достижения национальных сборных и отдельных спортсменов. Успехи российских спортсменов в таких видах спорта, как хоккей, фигурное катание, художественная гимнастика и единоборства, формируют устойчивые ассоциации с профессионализмом, дисциплиной и высоким уровнем спортивной культуры. В данном контексте спортсмены выступают носителями символического капитала государства, усиливая его международный имидж и способствуя росту гуманитарного влияния России на международной арене.

Вместе с тем в современных условиях потенциал спорта как инструмента мягкой силы всё чаще сталкивается с внешними ограничениями, связанными с ростом политизации международного спортивного пространства. Данный процесс трансформирует характер спортивной дипломатии и существенно влияет на возможности государств использовать спорт в качестве нейтрального канала международного взаимодействия.

В XXI веке международный спорт всё чаще становится ареной политического противостояния и инструментом внешнеполитического давления. В отношении Российской Федерации это проявляется в ограничениях участия спортсменов в международных соревнованиях, запрете на использование государственной символики и усилении давления со стороны международных спортивных организаций [6].

Политизация спорта подрывает базовые принципы олимпизма и снижает его потенциал как нейтрального инструмента международного взаимодействия. С точки зрения внешней политики данные процессы направлены на ослабление символического капитала государства и ограничение его гуманитарного влияния.

В условиях политических ограничений Россия вынуждена адаптировать свою спортивную дипломатию к новым реалиям. Это включает развитие альтернативных форм международного спортивного сотрудничества, усиление взаимодействия со странами Глобального Юга и поддержку региональных спортивных инициатив [7].

Несмотря на существующие вызовы, спорт сохраняет значительный потенциал в качестве инструмента мягкой силы Российской Федерации. Перспективными направлениями являются развитие сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС, поддержка международных спортивных инициатив, а также активное использование цифровых платформ для продвижения спортивных достижений.

Особое значение приобретает молодёжный и студенческий спорт, способствующий формированию долгосрочных международных связей и укреплению гуманитарного измерения внешней политики.

Спортивная дипломатия включает деятельность государств в сфере международных соревнований, спортивных обменов, взаимодействие с международными спортивными организациями, а также использование спортсменов в качестве неформальных представителей страны за рубежом. Спортивные события создают уникальные площадки для неофициального диалога, способствуют снижению уровня напряжённости и формированию доверия между государствами.

Особенностью спорта как инструмента мягкой силы является его относительная автономия от официальной политики. Даже в условиях политических кризисов спортивные контакты нередко сохраняются, выступая каналом коммуникации и символом возможности диалога. Вместе с тем данная автономия носит ограниченный характер и в значительной степени зависит от политического контекста.

Заключение. Спорт является важным элементом мягкой силы во внешней политике Российской Федерации, поскольку он способствует формированию устойчивого международного имиджа страны и расширению гуманитарных связей с зарубежными обществами. Проведение крупных международных спортивных мероприятий, а также

достижения российских спортсменов на мировой арене создают позитивные символические образы государства и усиливают его позиции в системе международных отношений. Спорт, выступая в качестве канала публичной дипломатии, позволяет поддерживать международный диалог даже в условиях политической напряжённости.

В условиях политизации международного спорта и внешнего давления эффективность спортивной дипломатии России сталкивается с серьёзными ограничениями. Тем не менее спорт сохраняет значительный потенциал в качестве инструмента гуманитарного и символического влияния, позволяющего адаптировать внешнеполитические стратегии к новым международным реалиям. Перспективы спортивной дипломатии Российской Федерации в XXI веке связаны с расширением географии международного сотрудничества, развитием альтернативных спортивных форматов и укреплением взаимодействия со странами Глобального Юга, а также с активным использованием цифровых и медийных платформ для продвижения национальных спортивных достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Най Дж. Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике. — М.: АСТ, 2013. — 512 с.
2. Лебедева М. М. Публичная дипломатия и мягкая сила в международных отношениях. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 272 с.
3. Зонова Т. В. Спортивная дипломатия как инструмент международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2020. — № 4. — С. 78–89.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации // *Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации*. — URL: <http://pravo.gov.ru>
5. Müller M. The 2018 FIFA World Cup and Russia's Soft Power // *International Journal of Sport Policy and Politics*. — 2019. — Vol. 11, No. 2. — P. 247–260.
6. Boykoff J. *Power Games: A Political History of the Olympics*. — London: Verso, 2016. — 368 p.
7. Сидоренко А. В. Спорт как фактор формирования имиджа государства // *Политическая наука*. — 2021. — № 2. — С. 112–124.

THE ROLE OF SPORT AS SOFT POWER IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY

Annotation. The article examines sport as an instrument of soft power in the foreign policy of the Russian Federation within the context of contemporary international relations. The study analyzes the role of sports diplomacy in shaping Russia's international image and highlights the impact of major international sporting events and athletic achievements on foreign policy positioning. Particular attention is paid to the growing politicization of sport and the challenges faced by Russian sports diplomacy in the 21st century. The article identifies key prospects for utilizing sport as an effective tool of humanitarian influence and public diplomacy.

Keywords: soft power, sports diplomacy, Russia's foreign policy, international relations, public diplomacy.

Borisov A. R.

Scientific adviser: Medovkina L. Yu., PhD in History, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: yey.year@mail.ru

УДК 327.821

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бугаёв А.А.

*Научный руководитель: Медовкина Л.Ю., канд.ист.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается феномен «мягкой силы» как инструмента международного влияния и проводится сравнительный анализ его применения в трех исторических формах российской государственности — Российской империи, СССР и Российской Федерации. В работе проводится сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» Российской империи, СССР и Российской Федерации, раскрывается их содержание и соотношение с «жесткой силой», а также рассматриваются трудности в однозначной интерпретации и различия с пропагандой и другими невоенными методами воздействия. Особое внимание уделяется сопоставлению культурных, идеологических, гуманитарных и информационных инструментов, а также роли публичной дипломатии и формирования имиджа государства в разные исторические периоды.

Ключевые слова: мягкая сила, международное влияние, российская государственность, публичная дипломатия, культурные и идеологические инструменты.

Актуальность исследования заключается в том, что в современном мире «мягкая сила» (soft power) становится не менее значимым инструментом международного влияния, чем военная или экономическая мощь. Россия, обладая богатым историческим опытом, последовательно применяла элементы культурного, религиозного, идеологического и гуманитарного воздействия в разные исторические эпохи: от Российской империи и советского периода до современной Российской Федерации. Сравнительный анализ этих инструментов позволяет выявить преемственность и трансформации стратегий «мягкой силы», а также оценить их эффективность в условиях меняющегося мирового порядка.

Цель исследования - выявить, сопоставить и проанализировать особенности использования инструментов «мягкой силы» в различные исторические периоды — Российской империи, СССР и современной Российской Федерации.

Вопросы «мягкой силы» и инструментов влияния государств активно изучались как в зарубежной, так и в российской науке. Дж. Най заложил концептуальные основы понятия «мягкой силы» и показал его отличие от «жесткой силы». Российские исследователи Авдалян М.Р., Рахимова М.Б. анализируют применение этих инструментов в контексте внешней политики России. Исторические исследования Бочарникова И.В. и Крот М.Н. раскрыли особенности государственной политики в Российской империи и СССР. Грибова Д.О. анализирует формирование имиджа государства в мировой политике – как инструмента внешнеполитического воздействия. Работы Сморгунова Л.В., Цыганкова П.А., Пономаренко Л.В. и других обеспечивают теоретическую базу для сравнительного анализа эволюции и трансформации инструментов «мягкой силы» России в разные исторические периоды.

Современные интерпретации «мягкой силы» варьируются от понимания её как формы власти и скрытого воздействия (силовой, манипулятивный, конструктивистский подходы) до трактовки как коммуникации, сотрудничества и привлекательности (коммуникативный, романтический, ресурсный подходы). «Мягкая сила» имеет и обратную сторону. Далек не всегда просчитывается, какие последствия может повлечь за собой привлекательный образ. Ярким свидетельством тому является «мягкая сила» Германии в условиях наплыва беженцев в Европу в 2010-х гг. Несмотря на то, что Германия не использует в официальных документах и речах понятие «мягкая сила»,

опасаясь навлечь на себя критику в реваншистских устремлениях, на деле она формирует привлекательный образ своего государства [1, с. 154].

Стратегии мягкой силы особенно важны для средних или региональных держав, поскольку большинство из них не обладают значительными материальными или силовыми возможностями для влияния на международные процессы. Мягкая сила позволяет не только улучшить свое глобальное положение, но и извлекать экономическую выгоду благодаря привлекательности. Как следствие, мягкая сила стимулирует как политический, так и экономический капитал. В арсенале возможностей для создания имиджа страны спорт играет особенно важную роль. Несмотря на то, за последние несколько лет спорт стал площадкой политической борьбы некоторых государств, это сфера по-прежнему остается одной из основных форм развлечения в мире. Исторически сформировалось несколько крупных мировых спортивных событий, и среди них мы можем четко выделить следующие: Чемпионат мира по футболу и Олимпийские игры [2, с. 93].

Национальная политика Российской империи строилась на принципах «мягкой силы»: интеграция народов и территорий осуществлялась через экономическую поддержку, добровольное вовлечение в государственные структуры, уважение культурного суверенитета и использование талантов этнических меньшинств. Основной акцент делался на мирное сосуществование, сохранение традиций и постепенное включение регионов в общероссийскую систему, что позволяло укреплять лояльность и стабильность без жестких запретов или насилия.

Идейно-концептуальные основы стратегии «мягкой силы» империи и применения неконфликтной модели управления западными окраинами стали складываться в середине XIX в. в виде оформления в русской общественной мысли примирительной стратегии национальной политики, происходившего на фоне либерализации политического режима первых лет царствования Александра II. Во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. российская общественность стремилась преодолеть давнюю русско-польскую конфронтацию путем налаживания русско-польского диалога и совместной культурно-просветительной деятельности [3, с. 61].

Важнейшим элементом политики «мягкой силы» Российской империи являлась образовательная сфера, представлявшая собой механизм по внедрению в сознание подрастающих поколений общеимперских ценностей и предпочтений, формированию политической лояльности и ключевых имперских маркеров, среди которых доминирующим являлось владение русским языком как главным коммуникативным и символическим признаком имперской идентичности.

Российская империя делала упор на культурно-историческое влияние внутри собственного многонационального пространства; инструменты преимущественно интеграционные и образовательные.

Опыт «мягкой силы» Советского Союза и в наше время остаётся актуальным: влияние через культуру, образование и дипломатические инициативы позволяет достигать целей без прямого применения силы. Такой подход демонстрирует эффективность неконфликтного воздействия на международной арене и формирование позитивного имиджа государства.

Одним из ключевых инструментов советской «мягкой силы» и публичной дипломатии выступала пропагандистская деятельность в сфере информации. В 1925 году возникло Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), призванное стать централизованным органом, отвечающим за внешнеполитическую пропаганду Советского Союза.

СССР развивал «мягкую силу» на глобальном уровне, сочетая культурные достижения, спорт, образование и идеологическое воздействие через международные

движения. Такой подход позволял привлекать к себе внимание и симпатии государств глобального Юга.

Одним из ярких примеров использования спорта в идеологических целях были успехи советских спортсменов на международной арене, особенно на Олимпийских играх. Советские атлеты регулярно занимали ведущие позиции в медальных зачётах, что СССР использовал для демонстрации превосходства своей системы образования и тренировок над западными странами. Эти успехи служили не только внутренней аудитории, подчеркивая эффективность советской системы, но и международной, демонстрируя мощь и прогрессивность Советского Союза [4, с. 40].

Примеров использования «мягкой силы» со стороны Советского Союза можно приводить очень много. Например, тот факт, что СССР спроектировал и построил Асуанскую плотину в Египте, указывает на «мягкую силу», а именно влияние СССР через экономическую и техническую помощь Египту. Проектирование и строительство в Египте Асуанской плотины, несомненно повышало престиж СССР и укрепляло его политические и культурные связи без применения военной силы. В период, когда Леонид Брежнев был во главе СССР, Советский Союз достиг пика своего влияния. Принципиальное значение имело то, что за эти годы Советскому Союзу удалось убедить часть мира в том, что американская политика так же опасна, как и его собственная. Пропагандистские кампании, проводимые СССР через международные газеты и радиостанции, поддержка антиколониальных и национально-освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке, а также демонстрация военной мощи в ходе Карибского кризиса 1962 года и участие в создании блоков и союзов, противостоящих западному влиянию, являются тому яркими примерами.

Идеология коммунизма, как полагали, имела естественную привлекательность для широких народных слоев, вследствие чего не требовалось прибегать к тайным методам пропаганды, которые, например, применялись в капиталистических обществах [5, с. 123]. Формированию позитивного имиджа СССР способствовал комплекс взаимосвязанных мер культурного и общественно-политического характера. Важную роль играло распространение отечественной литературы за рубежом, в том числе переводы произведений В. И. Ленина на языки стран Азии и Африки. Существенное значение имела деятельность международных общественных организаций, прежде всего Комитета защиты мира, который организовывал международные конференции и программы студенческого обмена. Дополняли эту работу поддержка молодежных объединений, таких как Всесоюзное общество дружбы с зарубежными странами, а также популяризация достижений советской науки и техники через выставки достижений народного хозяйства и демонстрацию успехов космической программы.

В редакции концепции внешней политики Российской Федерации, принятой президентом В. В. Путиным 12 февраля 2013 года «мягкая сила» описывается как: «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [6]. Данная концепция подразумевает совокупность различных инструментов воздействия на международную аудиторию без применения военной или экономической принудительной силы. Она включает в себя гражданское общество, информационно-коммуникационные технологии, гуманитарные инициативы, культурные и образовательные проекты, а также публичную дипломатию и формирование положительного имиджа государства за рубежом.

С 2010 года Россотрудничество совместно с МИД России, Минкультуры России, Росархивом, Правительственной комиссией по проблемам соотечественников за рубежом ведет и сохраняет список захоронений, имеющих историко-мемориальное значение, расположенных в 13 странах: Болгарии, Германии, Греции, Египте, Италии,

Македонии, Марокко, Нидерландах, Польше, Сербии, Тунисе, Турции и Чехии [7, с. 182].

Особое значение в современной российской стратегии приобретают институциональные механизмы мягкой силы — от культурных центров до образовательных программ и гуманитарных инициатив, ориентированных на интеграцию традиционных культурных ресурсов с цифровыми технологиями.

Обобщим сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» Российской империи, СССР и Российской Федерации в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» Российской империи, СССР и Российской Федерации

Период	Основные инструменты мягкой силы	Цели и содержание	Особенности и эффективность
Российская империя	Интеграция народов через культуру и образование; Поддержка добровольного включения в государственные структуры; Сохранение культурных традиций и автономий.	Формирование лояльности народов империи, укрепление стабильности и политической интеграции без жестких репрессий.	Стратегия основалась на культурно-историческом влиянии, использовании русского языка и образовательных механизмов для укрепления общего пространства. Эффективность проявлялась в длительной стабильности границ и культурной интеграции в XIX — начале XX вв.
Советский Союз	Международная пропаганда через СМИ (ТАСС и др.); Поддержка антиколониальных и национально-освободительных движений; Культурные достижения (спорт, наука, искусство); Образовательные связи (советские вузы, интернатуры).	Демонстрация «прогрессивности» социалистической модели, укрепление влияния в странах Азии, Африки и Латинской Америке, формирование позитивного образа СССР на мировой арене.	Система была масштабной: от культурных символов до образования и технической помощи (например, строительство Асуанской плотины). «Мягкая сила» служила идеологической привлекательности социализма и расширению союзнических отношений.
Российская Федерация	Публичная дипломатия и гуманитарные программы (Россотрудничество); Продвижение русского языка и культуры (Фонд «Русский мир»); Образование и международные рейтинги вузов; Спортивные и культурные мероприятия; Информационно-коммуникационные технологии.	Повышение международной привлекательности России, укрепление культурных и образовательных связей, расширение влияния через гражданское общество и коммуникации.	Институционализация инструментов мягкой силы и активное использование культурных, образовательных и информационных ресурсов. Развитие гуманитарного сотрудничества, поддержание русского языка и культуры за рубежом, а также формирование каналов публичной дипломатии.

Итак, проведенный сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» Российской империи, СССР и Российской Федерации показывает, что несмотря на исторические и идеологические различия, Россия последовательно использовала культурные, образовательные, гуманитарные, информационные и дипломатические механизмы влияния для укрепления своего международного положения; в имперский период основное внимание уделялось интеграции народов и формированию лояльности

через образование и культуру, в советский — демонстрации социального и технологического прогресса, международной пропаганды и поддержки антиколониальных движений, а в современной РФ «мягкая сила» проявляется через публичную дипломатию, культурные проекты, гуманитарные инициативы и активное использование информационно-коммуникационных технологий, что позволяет государству воздействовать на международную аудиторию без прямой военной или экономической принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туронок С. Г. Политический анализ и прогнозирование : учебник для вузов / С. Г. Туронок. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 291 с.
2. Международные отношения и мировая политика : учебник для вузов / П. А. Цыганков [и др.] ; под редакцией П. А. Цыганкова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 279 с.
3. Крот М.Н. «Русское образование сильнее русского штыка...»: образовательная политика как элемент стратегии «мягкой силы» в западных окраинных регионах российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Научная мысль Кавказа. 2023. №3 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-obrazovanie-silnee-russkogo-shtyka-obrazovatel'naya-politika-kak-element-strategii-myagkoy-sily-v-zapadnyh-okrainnyh> (дата обращения: 13.12.2025).
4. Грибова Д. О. Построение имиджа государства в мировой политике // Научные записки молодых исследователей. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 37–44.
5. Наумов А.О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika> (дата обращения: 19.11.2025).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 19.11.2025).
7. Наумов А.О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika> (дата обращения: 19.11.2025).

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ‘SOFT POWER’ INSTRUMENTS OF THE RUSSIAN EMPIRE, THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the phenomenon of ‘soft power’ as an instrument of international influence and conducts a comparative analysis of its application in three historical forms of Russian statehood: the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation. The paper provides a comparative analysis of the instruments of ‘soft power’ used by the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation, reveals their content and relationship with ‘hard power,’ and examines the difficulties in unambiguous interpretation and differences with propaganda and other non-military methods of influence. Particular attention is paid to the comparison of cultural, ideological, humanitarian, and informational instruments, as well as the role of public diplomacy and the formation of the state's image in different historical periods.

Keywords: soft power, international influence, Russian statehood, public diplomacy, cultural and ideological instruments.

Bugaev A.A.

Supervisor: Medovkina L.Yu., PhD, Associate Professor of Donetsk State University

ОСВЕЩЕННОСТЬ ИРЛАНДСКОГО ВОССТАНИЯ 1798 ГОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вдовиченко М.И.

*Научный руководитель Посредникова Т.Г., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье проводится историографический анализ отечественных и зарубежных трудов и статей по теме Ирландского восстания 1798 года. Анализируется эволюция взглядов на восстание, от трудов, излагающих ход восстания с различных точек зрения, до статей, уделяющих внимание сути восстания и его дальнейшему влиянию на формирование идентичности ирландского сообщества.

Ключевые слова: Ирландское восстание 1798, историографический анализ, проблема памяти, Общество объединённых Ирландцев

Актуальность исследования. Ирландское восстание 1798 года (Восстание Объединённых ирландцев) было крупнейшим антиколониальным выступлением в Ирландии конца XVIII века. Его организовало Общество объединённых ирландцев (Society of United Irishmen), основанное в 1791 году Т. В. Тоном, Дж. Н. Тэнди и У. Дреннаном. Главной целью было создание независимой Ирландской республики, основанной на принципах свободы, равенства и братства, с объединением католиков, протестантов и пресвитериан. Восстание вспыхнуло в мае 1798 года и к осени 1798 года оно было жестоко подавлено британскими войсками. В результате поражения был принят Акт об унии 1800 года, ликвидировавший ирландский парламент и интегрировавший Ирландию в Соединённое Королевство. Несмотря на военное поражение, события 1798 года стали мощным символом борьбы за национальную независимость и заложили основу формирования современной ирландской идентичности. Различия в подходах отечественных и зарубежных исследователей, сформировавшиеся под влиянием научных парадигм и общественно-политического контекста, требуют специального анализа и сопоставления. Изучение историографического освещения данной проблемы позволяет выявить эволюцию научных представлений, доминирующие интерпретационные модели и степень разработанности вопроса, что делает подобное исследование значимым для развития исторической науки.

Историография Ирландского восстания 1798 года включает в себя разнородный комплекс зарубежных и отечественных работ, что создаёт основу для их дальнейшего подробного рассмотрения и сопоставления в рамках настоящего исследования. Историографию работы можно разделить на две группы. Первая группа историографии представлена трудами отечественных авторов, обратившихся к проблеме Ирландского восстания 1798 года в контексте изучения колониальной политики Великобритании и революционных процессов конца XVIII века. Существенное место среди них занимает работа Е.В. Тарле «Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства», в которой рассматриваются социально-экономические и политические условия, сопровождавшие восстание. Отечественные исследования, как правило, не образуют обширного специализированного корпуса, однако затрагивают данную проблематику в рамках более широких исторических обобщений.

Вторая группа определяется трудами зарубежных авторов, рассматривающих данное восстание как через призму интерпретаций, навешанных официальной политикой и идеологией Великобритании, так и опираясь преимущественно на фактологическое изложение событий. К числу таких работ относится труд Генри М. Филда «The Irish Confederates, and the Rebellion of 1798», в котором представлено последовательное

описание событий восстания и деятельности его основных участников. Аналогичный характер имеет работа У. Максвелла «History of the Irish Rebellion in 1798», посвящённая подробному изложению хода восстания, военных действий и реакции британских властей. Данные исследования формируют основу раннего зарубежного осмысления событий 1798 года.

Отсутствие систематизированного историографического анализа освещённости Ирландского восстания 1798 года в российской исторической науке и разнородность зарубежных подходов подтверждают необходимость комплексного сопоставительного исследования, направленного на выявление эволюции интерпретаций, научных моделей и историографических традиций в изучении данного события.

Целью статьи является комплексный анализ освещённости ирландского восстания 1798 года в отечественной и зарубежной историографии, а также выявление основных направлений, подходов и интерпретаций, сложившихся в исторической науке с конца XVIII века до современности.

В отечественной исторической науке специальные монографические работы, целиком посвящённые восстанию в историографии, отсутствуют, обращение к данной теме, как правило, носило эпизодический характер. Основное внимание отечественных исследователей сосредоточивалось на отдельных аспектах восстания в рамках более широких исследований по истории Великобритании, Ирландии и национально-освободительных движений конца XVIII — начала XIX века.

Одним из наиболее ранних обращений к проблеме Ирландского восстания в отечественной исторической науке является работа Е.В. Тарле «Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства» [4], в которой данное событие рассматривается в контексте колониальной политики Великобритании и социально-экономического положения Ирландии на рубеже XVIII–XIX веков. В отличие от зарубежных трудов, ориентированных преимущественно на описание хода восстания, Тарле сосредотачивает внимание на выявлении причин конфликта, связывая его возникновение с аграрными отношениями, конфессиональным неравенством и политической зависимостью Ирландии от британской метрополии. Восстание 1798 года в его интерпретации выступает как проявление более широких структурных противоречий, а не как изолированное историческое событие. В работе значительное место отведено анализу социальной структуры ирландского общества и положения различных групп населения. Тарле рассматривает роль крестьянства, городских слоёв и протестантских диссидентов, а также влияние идей Французской революции на формирование протестных настроений. При этом деятельность Общества объединённых ирландцев затрагивается в обобщённом виде и подчинена задаче раскрытия социально-политических предпосылок восстания, тогда как региональные различия и внутренняя организация движения не становятся предметом детального рассмотрения. Военная сторона событий также не занимает центрального места и используется главным образом для иллюстрации масштабов конфликта и характера реакции британских властей. Вместе с тем труд Тарле не ставит целью анализ историографических интерпретаций восстания и отражает уровень разработанности темы в отечественной науке начала XX века. Труд Е.В. Тарле заложил основу отечественного осмысления Ирландского восстания 1798 года, однако его обобщающий характер и ориентация на социально-экономические причины конфликта не предполагали детального анализа историографических интерпретаций события.

В последующий период развитие данной проблематики в отечественной науке происходило преимущественно в формате отдельных научных статей. В статье В.В. Грудзинского «Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года» [1] восстание 1798 года упоминается в связи с анализом причин и последствий политической интеграции Ирландии в состав Британской империи. Автор рассматривает события 1798

года как фактор, ускоривший принятие решения об унии, и акцентирует внимание на реакциях британской политической элиты на угрозу дестабилизации имперского управления. Особенностью работы является рассмотрение восстания не как самостоятельного объекта исследования, а как элемента более широкой имперской проблематики.

В статье А.В. Кузнецовой «Национализм и революция: случай Ирландии восстание 1798» [2] года анализируется как проявление взаимодействия националистических и революционных идей конца XVIII века. Автор связывает ирландское движение с общеевропейским революционным контекстом, подчёркивая влияние идей Просвещения и Французской революции. Особенность данной публикации заключается в интерпретации восстания как части более широкого революционного процесса, а не как исключительно национального конфликта.

Статья Н.А. Лагошиной «Ирландская идентичность в XVIII в.» [3] затрагивает восстание 1798 года в контексте формирования ирландского национального самосознания. Автор сосредотачивается на культурных и социальных предпосылках консолидации ирландского общества, рассматривая восстание как важный этап в развитии представлений об общности и национальной принадлежности. Отличительной чертой работы является смещение акцента с политических событий на процессы идентификации и восприятия ирландского общества в условиях британского господства.

В целом отечественная историография Ирландского восстания 1798 года характеризуется ограниченным количеством специальных исследований и отсутствием развернутых работ, посвящённых непосредственно анализу его освещённости. В трудах и статьях российских авторов восстание, как правило, рассматривается опосредованно — в контексте колониальной политики Великобритании, формирования ирландской национальной идентичности и развития национализма конца XVIII века. Такой подход определил фрагментарность обращения к событиям 1798 года и смещение акцента с их интерпретации в историографии на более общие политические и социальные процессы.

Анализ ранних зарубежных работ позволяет выявить конкретные особенности освещения Ирландского восстания 1798 года в историографии конца XVIII — начала XIX века. Труд Генри М. Филда «The Irish Confederates, and the Rebellion of 1798» [9] выстроен как последовательное повествование, охватывающее как предысторию восстания, так и его основные этапы. Значительное место в работе отведено описанию деятельности Общества объединённых ирландцев, его организационной структуре и попыткам наладить взаимодействие с революционной Францией. Автор подробно фиксирует законодательные меры британских властей, аресты лидеров движения и реакцию администрации на рост протестных настроений. При этом восстание представлено преимущественно как результат заговора и дестабилизации, что находит отражение в отборе фактов и их подаче.

Иной ракурс представлен в труде У. Максвелла «History of the Irish Rebellion in 1798» [10], где акцент смещён на военную сторону событий. Максвелл детально описывает отдельные очаги восстания, прежде всего в графствах Уэксфорд и Антрим, уделяя внимание численности повстанцев, вооружению, тактике и действиям правительственных войск. В тексте широко представлены описания конкретных сражений и локальных столкновений, а также роли отдельных военных и политических деятелей. Социальные причины восстания и идеологические установки его участников затрагиваются эпизодически и не становятся предметом самостоятельного анализа, что отличает данный труд от более политически ориентированных повествований.

Сопоставление этих работ показывает, что уже на раннем этапе зарубежной историографии восстание 1798 года освещалось с разных позиций: в одном случае — через призму политической угрозы и подрывной деятельности, в другом — как совокупность военных событий и вооружённых выступлений. Эти различия в структуре

и содержании трудов позволяют рассматривать их как важные примеры формирования первоначальных моделей историографического описания восстания, которые в дальнейшем были переосмыслены и дополнены в более поздних исследованиях.

В отличие от ранних зарубежных трудов конца XVIII — начала XIX века, ориентированных преимущественно на хроникальное или военно-описательное изложение событий, публикация «1798 an' a' that: radicalism, revolt & realignment» [5] отражает более поздний этап историографического осмысления Ирландского восстания 1798 года и демонстрирует смещение исследовательского интереса к социальным и региональным аспектам конфликта. Авторы концентрируются, прежде всего, на специфике восстания в Ольстере, подробно рассматривая роль пресвитерианских общин, что принципиально отличает данный труд от ранних, вышеописанных работ, где подобные вопросы либо затрагивались фрагментарно, либо вовсе отсутствовали. Значительное внимание уделено идеологическим истокам движения, в частности влиянию идей Просвещения и Французской революции на формирование взглядов членов Общества объединённых ирландцев, а также деятельности его основателей, прежде всего, Уильяма Дреннана. В отличие от ранних интерпретаций, представлявших восстание как результат заговора или стихийного мятежа, данный труд акцентирует внимание на длительном процессе политической радикализации, внутренних противоречиях движения и неоднородности социальной базы восставших. Таким образом, 1798 an' a' that иллюстрирует переход от описательного и событийного изложения к более сложному анализу идейных, конфессиональных и региональных факторов, что позволяет проследить эволюцию историографических подходов к осмыслению конфликта 1798 года.

В современной зарубежной историографии Ирландского восстания 1798 года прослеживается отчётливая тенденция к расширению исследовательского поля за пределы событийного и военно-политического описания. В статье Гая Бейнера «Disremembering 1798? An Archaeology of Social Forgetting and Remembrance in Ulster» [6] акцент сделан не столько на самом восстании, сколько на последующей трансформации его восприятия в общественной памяти Ольстера. Автор анализирует, каким образом участие пресвитериан и членов Общества объединённых ирландцев постепенно вытеснялось из доминирующего исторического нарратива, при том, что оно продолжало существовать в локальных устных традициях, семейных воспоминаниях и региональных формах исторического знания. Таким образом, исследование Бейнера смещает фокус с реконструкции событий 1798 года на изучение процессов социального забвения и селективного сохранения памяти, демонстрируя, как определённые аспекты восстания становились маргинализированными в публичном дискурсе.

Дальнейшее развитие данного подхода также представлено в работе ранее упоминаемого Гая Бейнера «Modes of Memory: Remembering and Forgetting the Irish Rebellion of 1798» [7], где автор системно исследует механизмы формирования памяти о восстании в XIX–XXI веках. В центре анализа находятся различные «режимы памяти», включающие устные нарративы, памятные практики и культурные репрезентации, посредством которых события 1798 года неоднократно переосмысливались в зависимости от политического и социального контекста.

Сравнительный анализ представлен в труде Д. Картона «Leaders of '98: Murphy and McCracken: A Comparison of the 1798 Rebellion in Wexford and Antrim» [8]. Автор сопоставляет региональные особенности восстания через фигуры Джона Мёрфи в графстве Уэксфорд и Генри Джоя МакКраккена в Антриме, уделяя внимание их идеологическим установкам, социальному происхождению и методам организации сопротивления. Такой биографически ориентированный подход позволяет показать неоднородность восстания 1798 года и выявить различия в мотивации и характере

движения в разных частях Ирландии, что существенно расширяет представление о структуре и природе конфликта.

Таким образом, освещённость Ирландского восстания 1798 года в научной литературе формировалась в рамках различных исследовательских традиций и существенно менялась в зависимости от политического, социального и методологического контекста. В отечественной исторической науке проблема освещённости Ирландского восстания 1798 года остаётся недостаточно систематизированной и требует комплексного историографического анализа. В зарубежной историографии ранние интерпретации события были тесно связаны с официальным британским дискурсом и стремлением представить восстание как проявление мятежа и угрозы стабильности империи, тогда как более поздние исследования сместили акцент на социальные, национальные и культурные аспекты конфликта. Современные работы характеризуются стремлением к многофакторному анализу, включающему проблематику памяти, идентичности и трансформации исторического нарратива. Сопоставление отечественной и зарубежной научных традиций позволило нам выявить как различие исследовательских приоритетов, так и неодинаковую степень разработанности проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грудзинский В. В. Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года / В. В. Грудзинский // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 24 (379). История. Вып. 66. — С. 122-136. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vestnik-chelgu.ru> — (дата обращения: 12.01.2026).
2. Кузнецова А. В. Национализм и революция: случай Ирландии / А. В. Кузнецова // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. — 2015. — № 3. — С. 51-65. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vestnik.perm.ru> — (дата обращения: 12.01.2026).
3. Лагошина Н. А. Ирландская идентичность в XVIII веке / Н. А. Лагошина // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. — 2020. — Т. 11. № 4. — С. 74-85. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://locusjournal.ru> — (дата обращения: 12.01.2026).
4. Тарле Е. В. Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства / Е. В. Тарле. Сочинения в 12 томах. Т. 1. — Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1957. — С. 305-583. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tarle_e_w/text_1905_irlandia_ot_vosstania_1798_goda.shtml — (дата обращения: 12.01.2026).
5. 1798 an' a' that: radicalism, revolt & realignment / Ulster-Scots Community Network, 2021. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://discoverulsterscots.com/sites/default/files/documents/2021-03/1798%20an%20aa%20that.pdf> — (дата обращения: 12.01.2026).
6. Beiner G. Disremembering 1798? An Archaeology of Social Forgetting and Remembrance in Ulster / Guy Beiner // History and Memory. — 2013. — Vol. 25, no. 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.academia.edu/13923523/Disremembering_1798_An_Archaeology_of_Social_Forgetting_and_Remembrance_in_Ulster — (дата обращения: 12.01.2026).
7. Beiner G. Modes of Memory: Remembering and Forgetting the Irish Rebellion of 1798 / Guy Beiner // Oona Frawley (ed.), Memory Ireland (Syracuse, N.Y., 2011), vol. 1: History and Modernity. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/297971744_Modes_of_memory_Remembering_and_forgetting_the_Irish_Rebellion_of_1798 — (дата обращения: 12.01.2026).
8. Carton D. Leaders of '98: Murphy and McCracken: A Comparison of the 1798 Rebellion in Wexford and Antrim / David Carton. — Winthrop University, 2011. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digitalcommons.winthrop.edu/cgi/viewcontent.cgi?params=/context/graduatetheses/article/1018/&path_info=Thesis_without_signature_page.pdf — (дата обращения: 12.01.2026).
9. Field H. M. The Irish Confederates, and the Rebellion of 1798 / Henry M. Field. — New York: HARPER & BROTHERS, 1851. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/67/The_Irish_Confederates%2C_and_the_Rebellion_of_1798_%28IA_irlshconfederate01fiel%29.pdf — (дата обращения: 12.01.2026).

10. Maxwell W. H. History of the Irish Rebellion in 1798 / W. H. Maxwell. — London: GEORGE BELL AND SONS, 1884. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://archive.org/details/historyofirishre00maxw_2/page/n5/mode/2up — (дата обращения: 12.01.2026).

**COVERAGE OF THE IRISH UPRISING OF 1798 IN RUSSIAN
AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY**

Annotation: This article provides a historiographical analysis of domestic and foreign works and articles on the subject of the Irish Rebellion of 1798. The article analyzes the evolution of views on the uprising, from works describing the course of the uprising from various points of view to articles focusing on the essence of the uprising and its further influence on the formation of the identity of the Irish community.

Keywords: The Irish Rebellion of 1798, historiographical analysis, the problem of memory, the United Irish Society

Vdovichenko M.I.

Scientific adviser: senior lecturer Posrednikova T.G.

Donetsk State University

E-mail: markv3093@mail.ru

УДК 94(47).044«1591»

**ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УГЛИЧА 1591 ГОДА:
ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
О СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ**

Володин В.В.

*Научный руководитель: Старченко Н.Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье на основе материалов Угличского следственного дела 1591 года проводится микроисторический анализ городской жизни Углича в период династического кризиса. Исследуются механизмы взаимодействия центральной и местной администрации, социальная структура города, динамика конфликтов между служилыми людьми, духовенством и посадским населением, а также особенности повседневной жизни горожан. Особое внимание уделяется влиянию трагической гибели царевича Дмитрия на общественное сознание и формирование религиозного культа. Работа демонстрирует, как локальное событие отразило ключевые противоречия переходной эпохи: между традиционной удельной системой и централизацией власти, сакральной и бюрократической моделями управления.

Ключевые слова: Угличское дело, царевич Дмитрий, социальная структура, местное управление, повседневность, микроистория, Смутное время.

События, связанные со смертью младшего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 года, традиционно рассматриваются в историографии в политическом и династическом ключе как пролог Смутного времени [1], [2]. Однако, комплекс документов «Угличского следственного дела» представляет собой источник иного качества, открывающий возможность для микроисторического исследования. Протоколы допросов нескольких десятков свидетелей из различных социальных слоев – от представителей администрации и духовенства до посадских людей – фиксируют не только обстоятельства трагедии, но и повседневные практики, социальные связи, экономические занятия и коллективные представления жителей провинциального города конца XVI века.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью применения микроисторической оптики к изучению русской провинции раннего Нового времени, что позволяет преодолеть макроуровневые обобщения и увидеть механизмы функционирования общества в момент острого кризиса [3].

Цель статьи – на основе материалов следственного дела провести комплексный анализ трех взаимосвязанных аспектов жизни Углича: системы власти и управления, социальной структуры и конфликтов, а также повседневного уклада горожан. Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: реконструировать статус Угличского удела и выявить противоречия в системе местного управления; проанализировать состав, функции и взаимоотношения ключевых социальных групп; исследовать экономические основы, бытовой уклад и религиозные практики, составлявшие повседневную жизнь города.

Вопрос, связанный с гибелью царевича Дмитрия и Угличским делом, включает в себя обширный исторический задел в области историографии. В дореволюционной историографии Н.М. Карамзин [4], С.М. Соловьёв [5], В.О. Ключевский [6] внимание концентрировали преимущественно на политическом и династическом аспектах события, рассматривая его как ключевую предпосылку Смуты. Представители советской историографии, такие как А.А. Зимин [7] и Р.Г. Скрынников [8] сместили акцент на социально-экономические противоречия и классовую борьбу, доказав версию о случайной гибели царевича. В свою очередь, современные исследователи В.Н. Козляков [9], Л.В. Столярова и П.В. Белоусов [10] применяют микроисторический и антропологический подходы, изучая событие через призму поведения отдельных

социальных групп, механизмов слухов и ментальности горожан. Однако проведение комплексного анализа городской жизни Углича в качестве целостной системы на базе материалов дела сохраняет и сегодня свою актуальность в научных исследованиях.

К концу XVI века Угличский удел, пожалованный царевичу Димитрию, представлял собой анахроничный институт в условиях формирующейся централизованной государственности. Важно отметить, что удельный статус был во многом «фикцией», поскольку реальные административные и фискальные функции осуществлялись московскими назначенцами [1]. Во главе местного аппарата стоял дьяк Михаил Битятовский, ответственный перед приказами за сбор доходов, судопроизводство и поддержание порядка [11, с. 238]. Его власть олицетворяла растущую бюрократическую вертикаль Москвы.

Параллельно существовал двор малолетнего царевича с его матерью Марией Нагой и ее родственниками. Не обладая реальными политическими полномочиями, этот двор сохранял сакральный статус «природного» князя и служил центром притяжения для части местного общества, недовольной московским контролем. Таким образом, в Угличе сложилась гибридная и внутренне конфликтная модель управления, где формальная удельная традиция, основанная на патриархальных и сакральных принципах легитимности, сосуществовала с реальной практикой приказного управления [11, с. 229]. Эта двойственность создавала постоянную напряженность, которая требовала лишь повода для открытого столкновения.

События, последовавшие за гибелью царевича, с беспрецедентной наглядностью обнажили расколы внутри угличского общества. Социальную иерархию города можно условно разделить на три ключевые страты, каждая из которых сыграла специфическую роль в кризисе.

Необходимо отметить, что служилые люди не были монолитной группой. Административная верхушка в лице дьяка Битятовского, его сына Данилы, племянника Никиты Качалова и подьячих воспринималась как чужеродный элемент, проводник давящей московской власти [2, с. 75; 11, с. 229]. В момент бунта именно представители администрации стали главными жертвами самосуда.

Духовенство также проявило внутреннюю дифференциацию. Высшее духовенство, представленное в официальной следственной комиссии митрополитом Геласием, действовало в русле политики центральной власти, стремясь легитимизировать версию о несчастном случае [2, с. 76]. Низший клир, тесно связанный с посадской общиной, напротив, стал активным участником событий. Пономарь Федот Афанасьев по прозвищу Огурец, ударив в набатный колокол, совершил ключевой акт перевода частной трагедии в публичную плоскость и мобилизовал горожан [12, с. 461].

Между тем, посадское население (ремесленники и торговцы), организованное в общину-«мир», выступило основной движущей силой восстания. Его мотивация носила синкретический характер: эмоциональное потрясение от гибели «природного» царевича, воспринимавшегося как символ традиционной справедливости, соединилось с прагматическим недовольством поборами и административным произволом московских чиновников [2, с. 75]. Коллективное насилие, осуществленное посадским населением Углича в отношении представителей приказной администрации (дьяка М. Битяговского и его окружения), являлось, при внешнем руководстве со стороны Нагих, актом перформативного социального протеста. Согласно данным, представленным в работе авторов Столяровой Л.В. и Белоусова П.В., этот самосуд следует рассматривать не как беспорядочный бунт, а как ритуализированное действие, направленное на символическое устранение персонифицированных носителей чуждой и насильственно внедряемой централизаторской модели. Через ликвидацию конкретных фигур, олицетворявших московский бюрократический аппарат, община пыталась отстоять свою корпоративную автономию и архаичные, патримониальные представления о справедливой власти. [3, с. 138]. Таким образом, конфликт, выстроился не по сословному, а по политико-

символическому принципу – альянс посадского «мира» и удельного двора в лице Нагих против администрации, олицетворявшей чуждую властную вертикаль [13].

Материалы следственного дела, наряду с другими источниками, позволяют реконструировать основные параметры повседневности, которая стала фоном и одновременно питательной средой для произошедшего взрыва.

Экономическая деятельность горожан отличалась разнообразием, обусловленным выгодным положением Углича на Верхней Волге. Это способствовало развитию транзитной торговли, речного судоходства и связанных с ними ремесел, таких как кузнечное, кожевенное и деревообработка. Активно развивались промыслы – рыбная ловля и производство солода. Многие горожане совмещали ремесло или торговлю с сельским хозяйством на пригородных землях, что обеспечивало устойчивость хозяйства [11, с. 18].

Бытовой уклад и материальная культура соответствовали общерусским нормам. Основным типом жилища была деревянная изба с печью, усадьбы включали хозяйственные постройки. Одежда, пища (хлеб, каши, рыба, квас), предметы обихода маркировали сословную принадлежность, но в целом отражали практицизм и традиционность [12, с. 452].

Религиозные практики и коллективное мировоззрение пронизывали все сферы жизни, а церковь выступала ключевым социальным институтом, регулирующим как сакральные, так и мирские аспекты бытия [12, с. 464]. Следовательно, религиозное мировоззрение и соответствующие практики угличан на рубеже 1590-х годов являлись целостным сакрально-социальным комплексом. В этой системе церковные институты выполняли двойственную функцию, выступая как центры духовной жизни, они одновременно играли ключевую роль в социальной организации городской общины. В условиях майских событий 1591 года именно церковь предоставила горожанам символический и психологический ресурс для осмысления трагического происшествия, интегрировав его в рамки религиозной картины мира. Укорененность повседневного уклада в православной традиции не была поколеблена трагедией, а напротив, кризис привел к интенсификации религиозной жизни и формированию новых локальных форм почитания, что в долгосрочной перспективе лишь усилило роль церкви как стержня общественной жизни.

Трагическая смерть царевича была мгновенно осмыслена горожанами в эсхатологических и мученических категориях. Воспринятая как знамение и следствие заговора, она привела к немедленной сакрализации места события, что позднее оформилось в устойчивый народный культ, которым воспользовался для легитимизации своей власти избранный царь Василий Шуйский, организовав канонизацию Дмитрия Угличского в 1606 году. После окончания Смуты новая династия Романовых также активно использовала и укрепляла уже существующий официальный статус святого царевича Дмитрия. Они инкорпорировали почитание Дмитрия в общегосударственную практику, сделав его важной частью официальной церковной традиции и династической идеологии, направленной на осмысление Смуты и укрепление легитимности новой правящей семьи [3]. Эта религиозная интерпретация кризиса стала мощным мобилизационным и консолидирующим фактором для общины.

Проведенный микроисторический анализ на основе материалов Угличского дела 1591 года позволяет сделать ряд выводов, значимых для понимания состояния русского общества накануне Смуты.

Во-первых, Углич продемонстрировал незавершенный и противоречивый характер государственной централизации. Удельный статус, лишенный реального политического содержания, сохранялся как символический и сакральный институт, что создавало институциональный дуализм и почву для конфликта между традиционной («природной») и новой (бюрократической) моделями легитимности.

Во-вторых, социальная структура провинциального города оказалась сложной и конфликтогенной. В кризисный момент сословные границы оказались менее значимыми, чем политико-идеологический раскол на сторонников «старины» в лице удельного двора и, посадского «мира» и агентов централизаторской политики – московской администрации. Духовенство, в зависимости от уровня, заняло различную позицию, отражая собственный корпоративный интерес.

В-третьих, повседневные экономические практики, бытовой уклад и, особенно, религиозное мировоззрение горожан стали не просто фоном, а активным компонентом кризиса. Экономическая зависимость от воли центра, сплетенная с коллективными религиозными представлениями, превратила трагедию царевича в катализатор мощного социального протеста.

Таким образом, события в Угличе были не случайным эпизодом, а закономерным проявлением глубинных противоречий переходного периода. Микроисторическое «приближение» к материалу следствия позволило увидеть, как макропроцессы – закат удельной системы, становление приказного управления, нарастание социального напряжения – преломлялись в конкретных условиях провинциального города, в поступках и свидетельствах его жителей, в конечном счете приблизив общегосударственную катастрофу Смуты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платонов С.Ф. Смутное время: очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. – Петроград: Время, 1923. – 160 с.
2. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. – М.: Мысль, 1985. – 205 с.
3. Столярова Л.В., Белоусов П.В. Измена Нагих 15 мая 1591 г.: человек в толпе // Петербургский исторический журнал. – 2015. – № 4. – С. 129–142.
4. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 10. – Санкт-Петербург: в типографии Н. Греча: изданием братьев Слениных, 1818-1829, 1824. – 291, [1], 166, [2] с.
5. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8 / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1989. – 752 с.
6. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 3 т. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. – Т. 2. – 592 с.
7. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. – М.: Мысль, 1986. – 333 с.
8. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. – Москва: Мысль, 1985. – 205 с.
9. Козляков В.Н. Лжедмитрий I. – Москва: Молодая гвардия, 2009. – 320 с.
10. Столярова Л.В., Белоусов П.В. Смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г.: новая версия // Петербургский исторический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12-20.
11. Киссель Ф.Х. История города Углича. – Ярославль: Губ. тип., 1844. – 420 с.
12. Костомаров Н.И. О следственном деле по поводу убийства царевича Дмитрия // Исторические монографии и исследования. – СПб., 1905. – Т. 1. – С. 457–480.
13. Козляков В. Н. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 311 с.

POWER, SOCIETY, AND EVERYDAY LIFE IN UGLICH IN 1591:

BASED ON THE INVESTIGATIVE CASE ON THE DEATH OF TSARITSA DIMITRIA

Abstract: The article, based on the materials of the Uglich investigation case of 1591, provides a micro-historical analysis of the urban life of Uglich during the period of the dynastic crisis. It examines the mechanisms of interaction between the central and local administrations, the social structure of the city, the dynamics of conflicts between the service personnel, the clergy, and the rural population, as well as the peculiarities of the daily life of the citizens. Special attention is paid to the impact of the tragic death of Tsarevich Dmitry on public consciousness and the formation of a religious cult. The work demonstrates how a local event reflected the key contradictions of the transitional era: between the traditional feudal system and the centralization of power, and between the sacred and bureaucratic models of governance.

Keywords: The Uglich affair, Tsarevich Dimitri, social structure, local government, everyday life, microhistory, Time of Troubles.

Volodin V.V.

Scientific adviser: Starchenko N.N. senior lecturer.

Donetsk State University

E-mail: vova.vol007@mail.ru

УДК 327.54:[341.133:341.232.1]

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССОТРУДНИЧЕСТВА В ИТАЛИИ

Волчков М.Ю.

*Научный руководитель: Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье проводится анализ деятельности Россотрудничества в Итальянской Республике. Основное внимание уделяется систематизации ключевых направлений работы агентства, включая продвижение русского языка и образования, поддержку соотечественников, культурно-гуманитарные обмены, а также содействие деловым и научным связям. Исследование позволяет оценить роль Россотрудничества как инструмента «мягкой силы» и публичной дипломатии Российской Федерации на одном из важных европейских направлений.

Ключевые слова: Россотрудничество, Италия, Русский дом, мягкая сила, публичная дипломатия, русский язык, культурный

Тема культурно-просветительской деятельности Россотрудничества в Италии продиктована возрастающим значением «мягкой силы» и публичной дипломатии в современной системе международных отношений, где они выступают в качестве ключевого дополнения к традиционным дипломатическим инструментам. В условиях сложного геополитического диалога создание объективного, привлекательного образа страны и установление доверительных отношений на уровне гражданских обществ становятся стратегическим приоритетом. В этом контексте итальянское направление представляет особый интерес: Италия, будучи страной с богатейшим культурным наследием и влиятельным членом Европейского союза, является одновременно и сложным, и исключительно важным полем для реализации российской гуманитарной политики.

Россотрудничество, действуя в Италии через свое представительство «Русский дом» в Риме, осуществляет комплексную деятельность, направленную на построение долгосрочных гуманитарных мостов между двумя странами. Эта работа выстраивается как непрерывный многоплановый диалог, сочетающий в себе актуализацию общего историко-культурного наследия с популяризацией современных российских достижений в науке, искусстве и образовании.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа эффективности конкретных инструментов российской публичной дипломатии в одной из ключевых стран Западной Европы. Несмотря на общий интерес научного сообщества к концепции «мягкой силы», практическая, институциональная сторона работы таких операторов, как Россотрудничество, а также оценка их воздействия на целевые зарубежные аудитории, требуют более пристального и детализированного изучения. Анализ деятельности «Русского дома» позволяет перейти от теоретических дискуссий к оценке конкретных механизмов, форматов и проблем в построении позитивного имиджа России за рубежом.

Целью данной статьи является многоаспектный анализ культурно-просветительской работы Россотрудничества в Италии как модели реализации гуманитарной политики. Исследование направлено на систематизацию её ключевых направлений, оценку инфраструктурного и организационного потенциала, а также определение её роли в формировании объективного восприятия России в итальянском обществе.

«Русский дом» и его материально-техническое оснащение — концертный зал с роялем, оборудованные выставочные пространства, библиотека и кабинет русского языка — изначально проектировалось как многофункциональный культурный центр.

Это позволяет ему одновременно быть площадкой для высокого искусства, академических дискуссий, образовательных процессов и камерного неформального общения. Таким образом, представительство функционирует не как закрытое административное учреждение, а становится живой, открытой для итальянской публики точкой притяжения, где Россия предстает не абстрактным политическим субъектом, а страной с богатейшей и открытой для диалога культурой. Последующий анализ будет сосредоточен на конкретных практиках и результатах этой многогранной работы.

Важным культурно-просветительским мероприятием, наглядно продемонстрировавшим потенциал и масштаб, стало проведение в 2011 году Года российской культуры и русского языка в Италии и Года итальянской культуры в России. Это событие, инициированное на высшем политическом уровне в 2008 году и утвержденное распоряжением Президента РФ [6], вывело культурный обмен из сферы ведомственной деятельности в рацион общенационального приоритета [1]. Как отмечалось на церемонии открытия с участием на тот момент президента Дмитрия Медведева и премьер-министра Сильвио Берлускони, этот проект был беспрецедентным по своему охвату. Первоначально планировалось около 300 мероприятий, но в итоге их число превысило 500, охватив не только столицы, но и десятки городов по обе стороны [8]. Программа включала в себя грандиозные выставки шедевров из российских музеев, таких как открывшая Год экспозиция Александра Дейнеки из Третьяковской галереи и Русского музея, гастроли ведущих театров и оркестров, совместные кинопоказы и литературные фестивали. Важно, что проект носил глубоко двусторонний характер: итальянская публика в России знакомилась с работами Боттичелли и Караваджо, слушала оперы под управлением Риккардо Мути, а российская — принимала у себя итальянские театральные труппы и выставки современных дизайнеров. Этот масштабный диалог показал, что культура является не инструментом одностороннего влияния, а пространством взаимного обогащения, где, по словам Д. Медведева, народы двух стран обнаруживают общие черты: «открытость, доброту, общительность, эмоциональность» [8]. Однако отчет Счетной палаты, анализировавший проведение Года, выявил и системные проблемы, в частности отсутствие единого эффективного механизма координации между всеми участниками и сложности с контролем целевого использования бюджетных средств. Это указывает на то, что даже при максимальном политическом содействии и очевидном общественном резонансе успех подобных мегапроектов критически зависит от отлаженной административной логистики [4].

Повседневная, рутинная культурно-просветительская работа Русского дома в Риме, независимая от громких одноразовых акций, образует устойчивый фундамент для диалога. Она реализуется через постоянные форматы: регулярные языковые курсы и олимпиады, которые делают русский язык не просто предметом изучения, а ключом к пониманию российской ментальности; тематические выставки современных художников, фотографов, мастеров декоративно-прикладного искусства; кинопоказы и обсуждения, представляющие итальянскому зрителю панораму российского кинематографа от классики до актуальных авторских работ; литературные вечера и научные семинары. Особое значение имеет работа с исторической памятью и общим наследием. Итальянской публике небезынтересно узнавать, например, о том, что русские добровольцы сражались в рядах Гарибальди за объединение Италии в XIX веке, или о глубоком влиянии итальянского Ренессанса и барокко на русскую архитектуру и музыку, начиная со времен Ивана III и Петра I. Актуализация этих глубоких исторических связей позволяет выстраивать нарратив не о временном сближении, а о многовековой общности культурных кодов. Кроме того, представительство, согласно его официальным задачам, играет ключевую роль в поддержке русскоязычной диаспоры, обеспечивая для соотечественников культурную среду, возможность отмечать традиционные праздники, участвовать в образовательных проектах для детей, тем самым противодействуя

ассимиляции и сохраняя живую связь с Россией. Эта работа с диаспорой одновременно создает и позитивный образ России как государства, которое заботится о своих гражданах и соотечественниках за рубежом [3, с.51].

В современных условиях, когда классические дипломатические каналы часто испытывают сложности, значение этой многолетней культурно-просветительской работы только возрастает. Она создает запас прочности в двусторонних отношениях, формируя широкую сеть личных контактов, профессиональных связей и взаимных симпатий в итальянском академическом, художественном и общественном сообществе. Русский дом в Риме функционирует как резидентная площадка, которая позволяет вести диалог даже в периоды политического охлаждения. Его деятельность, сочетающая в себе «высокое» искусство и доступное просвещение, работу с элитами и широкой публикой, обращение к классике и современности, является практической реализацией инструментов «мягкой силы». В конечном счете, именно такие длительные, основанные на взаимном уважении и интересе культурные обмены способны поддерживать диалог открытым.

Ключевым стратегическим направлением деятельности Россотрудничества в Италии является комплексная работа по продвижению русского языка и поддержке образовательных инициатив, которая выходит далеко за рамки простого культурного просвещения и формирует основу для долгосрочного интеллектуального и кадрового влияния. Эта деятельность концептуально строится на понимании языка как фундаментального «ключа» или живого моста, открывающего прямой доступ не только к богатствам русской литературы и культуры, но и к современным научным достижениям, образовательным возможностям и, в конечном итоге, к формированию устойчивых про-российских связей в профессиональной и деловой среде. В отличие от разовых культурных акций, образовательно-языковая политика нацелена на системное и глубокое воздействие, результатом которого должно стать возникновение у итальянской аудитории — от школьников и студентов до ученых и предпринимателей — практической заинтересованности в России как в пространстве для академической, научной и деловой карьеры. Инфраструктурным ядром этой работы является Русский дом в Риме, в материально-техническом оснащении которого изначально, как отмечено в описании представительства, был предусмотрен специальный «кабинет русского языка». Это не просто учебная аудитория, а символический и функциональный центр, вокруг которого выстраивается вся методическая, организационная и просветительская деятельность по поддержке русистики в Италии [5, с.173]. Наличие в том же здании библиотеки с литературой на русском языке создает естественную образовательную среду, где языковая практика переплетается с исследовательской и познавательной активностью, превращая представительство из места проведения мероприятий в постоянную ресурсную базу для всех, кто связывает свое будущее с Россией.

Проведение Года российской культуры и русского языка в Италии, которое упоминалось ранее, изначально носило не только культурный, но и ярко выраженный языковой характер, что было прямо зафиксировано в его официальном названии. В рамках единой программы, включавшей сотни мероприятий, языковая составляющая не была второстепенной: она реализовывалась через организацию специализированных конференций и семинаров для преподавателей-русистов, олимпиад и конкурсов для итальянских студентов и школьников, популяризацию современных методик преподавания русского как иностранного. Целью было не эпизодическое знакомство с языком, а институциональное укрепление позиций русистики в итальянской системе образования, увеличение числа учащихся и повышение квалификации педагогов. Однако отчет Счетной палаты указывал на системные проблемы в координации этой объемной работы: отсутствие единого эффективного механизма управления, слабый контроль за целевым использованием выделенных бюджетных средств и невыполнение

некоторых задач (как создание двуязычного информационного портала) снижали общую эффективность [5, с.172]. Это показывает, что даже при высоком политическом приоритете успех образовательно-языковых проектов зависит от отлаженной административной и финансовой логистики, что является серьезной проблемой для Россотрудничества.

Важнейшим и наиболее перспективным аспектом работы является прямая поддержка изучения русского языка соотечественниками, проживающими в Италии. Как декларируется в основных задачах представительства, «сохранение русскоязычного пространства на Апеннинском полуострове» является одной из ключевых целей [5, с. 165]. На практике это означает не просто ностальгическое поддержание языка в семейном кругу, а создание полноценной образовательной инфраструктуры для новых поколений диаспоры. Русский дом выступает методическим и ресурсным центром для сети русских школ, учебных центров и ассоциаций, разбросанных по всей Италии. Этим структурам оказывается помощь учебниками, методическими материалами, организуются курсы повышения квалификации для их педагогов. Для детей и подростков из русскоязычных семей проводятся специализированные образовательные и профориентационные программы, которые позволяют им не только не утратить язык, но и увидеть в нем реальное конкурентное преимущество для поступления в российские вузы или построения карьеры в компаниях, работающих с Россией [7]. Таким образом, язык становится для соотечественников инструментом, что способствует консолидации диаспоры вокруг российских культурно-образовательных институтов.

Россотрудничество выступает партнером для итальянских университетов, где существуют кафедры славистики и русистики (например, в университетах Рима, Милана, Болоньи, Неаполя). Поддержка может выражаться в предоставлении грантов на стажировки в России для итальянских студентов и аспирантов, организации совместных научных конференций по лингвистике и литературоведению, обеспечении вузов современной учебной и научной литературой. Особое внимание уделяется продвижению российского высшего образования: представительство является ключевым пунктом информирования итальянских абитуриентов о возможностях обучения в России, в том числе по квотам на бесплатное образование, выделяемым Правительством РФ. Эта деятельность напрямую работает на «экспорт образования», привлекая в российские вузы мотивированных иностранных студентов, которые впоследствии могут стать носителями языка и проводниками российских интересов в своих странах. Через олимпиады и конкурсы, такие как «Русский медвежонок», ведется поиск и поддержка талантливой итальянской молодежи еще на школьном уровне, формируя кадровый резерв будущих специалистов со знанием русского языка [2, с. 61].

В долгосрочной перспективе эта многоуровневая деятельность, сочетающая работу с диаспорой, академическими институтами и широкой молодежной аудиторией, направлена на создание в Италии устойчивой и многочисленной среды, для которой русский язык является рабочим инструментом, а Россия — пространством для профессиональной реализации. Это меняет образ России из объекта культурного любопытства в страну возможностей, что является более глубоким и прагматичным результатом, чем временный интерес к концертам или выставкам. Образовательно-языковое направление работы Россотрудничества таким образом служит краеугольным камнем стратегии «мягкой силы», обеспечивая долговременное влияние через формирование человеческого капитала, заинтересованного в развитии связей с Россией.

Поддержка соотечественников и системная работа с русскоязычной диаспорой представляют собой стержневое, стратегическое направление деятельности Россотрудничества в Италии, выходящее далеко за рамки эпизодической культурной работы. Эта деятельность не благотворительность или обслуживание ностальгических чувств, а комплексная государственная политика, нацеленная на консолидацию,

правовую и социальную защиту, а также интеграционное управление многотысячным русскоязычным сообществом, рассматриваемым в качестве неотъемлемой части «Русского мира» за пределами государственных границ. Прагматическая цель этой политики заключается в изменении разрозненной диаспоры из пассивного объекта в активный, лояльный и организованный субъект, способный не только сохранять собственную идентичность, но и выступать в итальянском обществе в роли проводника российских интересов, «народного дипломата» и живого опровержения антироссийских нарративов. Этой задачей в Италии и занимается Русский дом в Риме, для которого, согласно его официальному мандату, поддержка соотечественников обозначена как одна из базовых функций наряду с развитием гуманитарных связей [4]. Представительство действует в этой сфере не изолированно, а в плотном взаимодействии с Посольством России, что придает его работе официальный, государственно-внешнеполитический характер и обеспечивает необходимый дипломатический ресурс для решения сложных вопросов.

Фундаментом всей работы является системная организационная и методическая поддержка сети общественных объединений соотечественников, разбросанных по всей Италии — от крупных городов до небольших провинциальных центров. Россотрудничество выступает для этих ассоциаций в роли координационного центра, ресурсной базы и связующего звена с федеральными органами власти в Москве [4]. Через эту сеть осуществляется коммуникация с диаспорой, распространение информационных материалов, формирование общественного мнения внутри сообщества и выявление потенциальных лидеров.

В условиях усложняющейся геополитической обстановки и роста русофобских настроений в отдельных странах Запада, правозащитная и консультационная функции работы с соотечественниками выходят на первый план. Русский дом, действуя в координации с консульскими службами посольства, становится важным элементом системы мониторинга положения русскоязычных граждан в Италии. Особое значение приобретает защита прав соотечественников, подвергающихся давлению за открытую пророссийскую позицию или общественную активность [7]. Агентство способствует консолидации правового поля диаспоры, информируя ее о возможностях получения российского гражданства, участия в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. Эта программа, адаптируемая под текущие реалии, является логическим завершением всей политики поддержки, предлагая тем, кто сталкивается с неприятием в стране проживания, стратегическую альтернативу — возвращение на историческую родину. Таким образом, выстраивается полный цикл: от культурной консолидации и правовой защиты до предоставления перспективы репатриации.

Еще одним ключевым аспектом является деятельность по сохранению исторической памяти и воинских захоронений, которая носит глубоко символический и консолидирующий характер. Россотрудничество, часто совместно с активистами из ассоциаций соотечественников, занимается выявлением, учетом, благоустройством и охраной мест захоронений советских и российских воинов, а также памятников выдающимся соотечественникам, находящимся на итальянской территории. Эта работа — уход за могилами солдат Великой Отечественной войны, попавших в Италию как военнопленные или восстановление памятников деятелям русской культуры — выполняет несколько важных функций. Во-первых, это демонстрация уважения к собственной истории и к предкам, что укрепляет чувство собственного достоинства у диаспоры. Во-вторых, это публичная, видимая для итальянцев практика, напоминающая о глубоких исторических связях и общих трагических страницах истории XX века (например, движении Сопротивления, в котором участвовали и советские беглецы из лагерей). В-третьих, церемонии возложения цветов и патриотические акции у таких

мемориалов, особенно в памятные даты, служат мощным инструментом сплочения диаспоры вокруг общих символов и ценностей, воспитания патриотизма у молодежи [4].

Таким образом, поддержка соотечественников Россотрудничеством в Италии эволюционировала от традиционных культурно-просветительских задач к комплексной государственной стратегии, включающей организационное строительство, правовую защиту, молодежную политику, работу с исторической памятью и содействие репатриации. Эта система направлена на создание, лояльного, социально активного и защищенного сообщества, которое становится человеческим ресурсом российской «мягкой силы» и долгосрочным активом на итальянском направлении.

Деятельность Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) в Итальянской Республике представляет собой целостную, адаптивную и стратегически выверенную систему реализации гуманитарной политики Российской Федерации. Проведенный анализ позволяет утверждать, что Русский дом в Риме функционирует не как единовременный или одномерный культурный проект, а как многофункциональный оператор «мягкой силы», чья работа синхронизирована с долгосрочными внешнеполитическими и внешнеэкономическими интересами России на одном из ключевых европейских направлений. Через объединение трёх основных направлений — культурно-просветительского, образовательно-языкового и работы с диаспорой — Агентство выстраивает сложную, многослойную сеть влияния, рассчитанную на разные аудитории.

В итоге, роль Россотрудничества в Италии можно определить как роль комплексного и коммуникационного центра российской «мягкой силы». Его сила заключается не в разовых акциях, а в способности вести параллельную, многоуровневую работу: формировать привлекательный образ России через культуру; обеспечивать долгосрочное влияние через язык и образование и объединять социальную базу через поддержку диаспоры. Эта многогранная деятельность, несмотря на неизбежные организационные трудности и внешние вызовы, позволяет России сохранять и развивать гуманитарное присутствие в Италии, поддерживать каналы неформального диалога и закладывать основы для будущего восстановления полноформатных отношений. Таким образом, Россотрудничество доказывает свою значимость как незаменимый, гибкий инструмент в арсенале российской внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив официального сайта Председателя Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.premier.gov.ru/> (дата обращения: 31.01.2026).
2. Василенко Е. В. «Мягкая сила» современной Италии // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9, № 2. – С.59-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-italii> (дата обращения: 31.01.2026).
3. Великая Н. М., Берёзкина Е. Ю. Россия в публичном дискурсе и общественном мнении Итальянской Республики // Современная Европа. – 2023. – № 3 (117). – С. 45–56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-publichnom-diskurse-i-obschestvennom-mnenii-italyanskoj-respubliki> (дата обращения: 31.01.2026).
4. Официальный канал Россотрудничества [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/s/Rossotrudnichestvo?q=%23Италия> (дата обращения: 31.01.2026).
5. Отчет Счетной палаты Российской Федерации по результатам контрольного мероприятия «Проверка целевого и эффективного использования средств федерального бюджета, выделенных в 2011 году на финансирование мероприятий, связанных с проведением Года российской культуры и русского языка в Итальянской Республике и Года итальянской культуры и итальянского языка в Российской Федерации». – 2012. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/5c0/5c07aed3af758ca5917a65b290dbf820.pdf> (дата обращения: 31.01.2026).
6. Распоряжение Президента Российской Федерации от 11.11.2009 № 748-рп «О проведении Года российской культуры и русского языка в Итальянской Республике и Года итальянской культуры и итальянского языка в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал

правовой информации pravo.gov.ru. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30105> (дата обращения: 03.02.2026).

7. Roma Multietnica: портал о межкультурном взаимодействии в Риме [Электронный ресурс]. – Раздел «Русский язык». – URL: <http://www.romamultietnica.it/lingue/русский/центры-школы-ассоциации-и-фонды-предс/> (дата обращения: 31.01.2026).

8. Medvedev D. A., Berlusconi S. Opening of Year of Russian Culture in Italy and Year of Italian Culture in Russia [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – 16.02.2011. – URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/10359> (дата обращения: 31.01.2026).

MAIN AREAS OF ACTIVITY OF ROSSOTRUDNICHESTVO IN ITALY

Annotation. The article analyses the activities of Rossotrudnichestvo in the Italian Republic. The main focus is on systematising the key areas of the agency's work, including the promotion of the Russian language and education, support for compatriots, cultural and humanitarian exchanges, and the promotion of business and scientific ties. The study allows us to assess the role of Rossotrudnichestvo as an instrument of 'soft power' and public diplomacy of the Russian Federation in one of the important European directions.

Keywords: Rossotrudnichestvo, Italy, Russian House, soft power, public diplomacy, Russian language, cultural

Volchkov M. Y.

Scientific adviser: Kuznetsova E.V., Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: volchkov580@gmail.com

ФРАНКИСТСКИЙ РЕЖИМ В ИСПАНИИ: ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ

Волынец Л.В.

*Научный руководитель: Носко К.Г., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается феномен долговечности фашистского режима в Испании под руководством Франсиско Франко, который продержался у власти с 1939 г. по 1975 г. (до своей смерти). Проанализированы условия прихода к власти Ф. Франко, охарактеризованы особенности франкистского режима и факторы его эволюции.

Ключевые слова: Испания, Ф. Франко, франкизм.

Установившийся в Испании после победы в Гражданской войне режим под руководством генерала Франко сохранялся на протяжении 36 лет, за которые претерпел значительные изменения. Тем не менее, концентрация всей власти в руках самого Франко оставалась неизменной практически до самого конца его правления (до 1975 г.). Изначально франкистский режим формировался под очевидным воздействием нацистской Германии и фашистской Италии. Ф. Франко начал закладывать фундамент нового государства еще в период Гражданской войны. В первую очередь, планировалось полное устранение любой возможности политического сопротивления посредством запрета всех политических партий и организаций, а также одновременное объединение всех профранкистских сил.

Актуальность исследования заключается в том, что проблема выживания и консолидации фашистских режимов в XX в., несмотря на их идеологическую ущербность и явное противоречие демократическим ценностям, остается одной из наиболее острых и требующих глубокого изучения. Испания под властью Ф. Франко представляет собой уникальный и показательный пример того, как авторитарный режим, основанный на национализме, католицизме и антикоммунизме, сумел не только удержаться у власти более трех десятилетий, но и адаптироваться к меняющимся геополитическим условиям.

Целью данной статьи является анализ ключевых факторов, способствовавших долговечности франкистского режима в Испании, а это в свою очередь включает в себя исследование внутренней политики, идеологии, социально-экономических аспектов, а также роли международных отношений.

Данная проблема нашла свое отражение в работах П.С. Пожарской [5, 6] и Х. Висенса [2], которые рассматривали политические, экономические и социальные вопросы. Источниковую базу исследования составили в основном документы официального происхождения [1, 4, 7, 8].

Идеология франкизма представляла собой сплав разнообразных политических идей, зародившихся в Европе в течение XIX – начала XX вв. Ключевыми элементами стали католицизм и фашизм, продвигаемый фалангой, которая наполнила идеологию франкизма концепцией превращения военного переворота в «национальную революцию». Правящий режим, используя партию с обширной сетью организаций, вовлекал население в политическую жизнь страны. У итальянских фашистов была заимствована модель разрешения противоречий – корпоративизм. Согласно этой доктрине, работодатели и работники объединялись в корпорации, известные в Испании как вертикальные профсоюзы. Под контролем государства и партии они должны были преодолеть вражду и устранить любые противоречия, направляя усилия на достижение общей цели – процветание Испании.

Отличительной чертой франкизма было значение, придаваемое религии: Испания и католицизм – неразделимы. Гражданская война была провозглашена католическим духовенством «крестовым походом», а лидер стал «каудильо» (вождем), подобно лидерам Реконкисты. Теперь борьба велась не против мавров, а против коммунистов, социалистов, масонов, обвиняемых в намерении уничтожить католическую веру и, следовательно, Испанию. Католическое мировоззрение породило еще один важный аспект идеологии франкизма – доктрину «испанидад», сформулированную в 1930-е годы Рамиро де Маэсту. В ее основе лежит идея общности исторической судьбы Испании и стран Латинской Америки, объединенных языком, историей и религией [3, с. 517].

Партия «Испанская фаланга и ХОНС» (ИФ ХОНС, Фаланга) возникла 4 марта 1934 г. в результате интеграции двух консервативных организаций – Испанской фаланги и Хунты национал-синдикалистского наступления. В апреле 1937 г. её возглавил Франсиско Франко. С.П. Пожарская отмечает ряд особенностей ИФ ХОНС, отличавших ее от итальянской и германской фашистских партий. В отличие от Муссолини и Гитлера, основатель Фаланги, Хосе Антонио Примо де Ривера, происходил из аристократической семьи с офицерскими корнями, был образованным человеком, имевшим диплом юриста и занимавшимся литературной деятельностью. После поездки в Италию в октябре 1933 г. он высказал мнение, что фашизм по своей сути является движением, опирающимся на традиции, в Италии он обращается к наследию Римской империи, а в Испании – к традициям Испанской империи [6, с. 107].

С.П. Пожарская неоднократно указывает в своей работе, что Фаланга первоначально не была массовой партией. Большинство лидеров правых партий, враждебных республиканскому строю, скептически относилось к социальной демагогии фалангистов, и отводило им вспомогательную роль в реализации своих планов. Ситуация изменилась после победы Народного фронта (союз левых и либеральных партий) на выборах в кортесы в 1936 г. Численность Фаланги и её военизированных организаций резко возрастает. Партия стала получать крупные субсидии от испанской буржуазии и землевладельцев. [5]

Противоречия, возникшие между лево-социалистическим (республиканским) правительством и право-монархическими силами, на сторону которых перешла большая часть испанской армии во главе с генералиссимусом Франсиско Франко, были разрешены только в ходе гражданской войны (1936-1939 гг.). На стороне республиканцев выступили СССР и добровольцы-антифашисты, а правых поддержали фашистская Италия и нацистская Германия. Война, продлившаяся 986 дней, закончилась поражением Народного фронта и установлением военной диктатуры Ф. Франко.

Уже в сентябре 1939 г., с началом Второй мировой войны, Испания оказалась перед нелегким выбором. И 4 сентября Ф. Франко обратился к нации по радио, призвав испанцев к строгому нейтралитету. Перед представителями стран «оси» этот шаг объяснялся тяжелым положением государства. И это соответствовало действительности. Гражданская война привела к масштабным разрушениям: в 192 населенных пунктах было уничтожено более половины зданий, значительная часть железнодорожного транспорта, мосты и дороги. Особенно пострадало сельское хозяйство, что привело к голоду среди населения. Золотовалютные запасы были истощены, и Испания практически не имела средств для оплаты импорта необходимых товаров, даже из нейтральных стран. Кроме того, оставались непогашенные долги перед Германией за военные поставки.

Ф. Франко сосредоточил в своих руках практически всю власть, управляя страной единолично (декретом от 8 августа 1939 г. он наделялся всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти). Важной чертой установленного им режима была жесткая цензура, преследование политических оппонентов, массовые аресты, казни и репрессии против несогласных. По сообщениям германского посла фон Шторера к

началу 1941 г. в тюрьмах и концлагерях Испании содержалось 1–2 млн «красных». В экономической сфере проводилась политика создания самодостаточной и самообеспечивающей системы (автаркия). Вводился государственный контроль над сферами производства, распределения и потребления при сохранении частной собственности, инициативы и прибыли. Режим пропагандировал национальное единство (подавлялись региональные языки и культуры, в первую очередь – каталонский, баскский и галисийский, проводилась унификация на основе испанской идентичности), традиционные испанские ценности, католическую религию и отрицание либеральных идей. Католицизм был официальной религией и занимал важное место в государстве.

Благодаря сохранению нейтралитета, в 1940 г. Испания получила от Великобритании заем в размере 2 миллионов фунтов стерлингов для приобретения британских товаров и товаров из ее колоний. После встречи 23 октября 1940 г. в Андае, Франко окончательно отказался от вступления в войну против Англии и не позволил Германии захватить Гибралтар. Однако, после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г., Франко отправил на Восточный фронт добровольцев, известных как «Голубая дивизия» (около 19 тысяч человек), объясняя это борьбой с большевизмом. Лишь поражение фашизма в мае 1945 г. положило начало кризису франкистской диктатуры в Испании.

Уже в период Потсдамской конференции было решено, что страны-победительницы во Второй мировой войне осуждают режим Франко и не примут такое государство в ООН. Доклад подкомитета по испанскому вопросу был следующим: «За Сан-Францисским решением последовала Потсдамская декларация от 2 августа 1945 г. и общая резолюция, принятая 13 февраля 1946 г. Первой Генеральной Ассамблеей Объединенных Наций в Лондоне. Кроме того, три члена Объединенных Наций – Франция, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки, – которые являются также постоянными членами Совета Безопасности, заявили 4 марта 1946 г., что пока генерал Франко продолжает править Испанией, испанский народ не может рассчитывать на полное и дружеское сотрудничество с теми нациями, которые общими усилиями нанесли поражение германскому нацизму и итальянскому фашизму...» [1, с. 10-11].

Это решение побудило испанское правительство поспешить с обнародованием «Хартии испанцев» – основного закона, который был призван убедить общественное мнение как за рубежом, так и внутри страны, что режим вступил на путь «либерализации» [4, с. 514-519]. Документ состоял из двух разделов, трёх глав, 36 статей. Согласно хартии, никто отныне не мог быть арестован иначе, как по закону, и вопрос об освобождении или об аресте должен был быть решен в течение 72 часов после задержания. Однако репрессивное законодательство, оставшееся без изменений, превращало «гарантию свободы личности» в фикцию. Хартия обещала испанцам свободу ассоциаций, если они преследуют дозволенные цели, и свободу выражения идей, «если они не являются посягательством на основные устои государства».

Основную роль в преодолении международной изоляции Испании сыграли внешние обстоятельства, в частности, эскалация «холодной войны». Великобритания и Соединенные Штаты активизировали усилия, направленные на аннулирование резолюции ООН, принятой в отношении Испании в 1946 г. Кульминацией стало одобрение Генеральной Ассамблеей ООН 5 ноября 1950 г. резолюции, рекомендовавшей отмену санкций 1946 г., касающихся отзыва послов из Мадрида и отказа в приеме Испании в специализированные организации ООН [8].

После этого Испания незамедлительно стала членом Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, а затем и Всемирной организации здравоохранения. Дипломатические представители начали возвращаться в испанскую столицу. Даже обычно сдержанный Франко не мог скрыть своей радости. 14 декабря

1955 г. Испания была принята в ООН (при этом Советский Союз также проголосовал «за») [7]. Это дало основания определенным группам лиц надеяться на либерализацию политического режима и, как минимум, на дальнейшее ослабление последствий международной обособленности.

В начале 1950-х годов испанская политическая сцена стала свидетелем быстрого подъема организации «Opus Dei» («Дело Божие»). Эта группа объединяла католиков, которые, по заявлениям, избегали прямого вмешательства в политические процессы и не были связаны с какими-либо идеологическими, культурными, политическими или экономическими течениями. Члены «Opus Dei» обладали значительным влиянием в промышленных и финансовых кругах, в частности, контролируя Народный банк, основанный в 1947 г. Они и их сторонники выступали за экономическую либерализацию и отказ от политики автаркии. Ситуация обострилась в феврале 1957 г., когда министр торговли М. Арбура представил правительству тревожный отчет о растущей инфляции, повышении цен, возможности возвращения к карточной системе и общем недовольстве населения. В сложившихся обстоятельствах потребовались решительные меры. 25 февраля 1957 г. было сформировано новое правительство Франко, в состав которого вошли представители «Opus Dei», а именно А. Ульястрес и М. Наварро Рубио. Этим министрам, преодолев сопротивление сторонников автаркии, удалось подготовить и провести масштабную экономическую реформу, известную как План стабилизации экономики [2, с. 348-363].

Реализация Плана стабилизации экономики началась летом 1959 г. Проект был поддержан крупным международным кредитом и разработан в сотрудничестве с представителями Организации экономического сотрудничества и развития и Международного валютного фонда. Правительство последовательно отменяло количественные ограничения во внешней торговле и создавало более привлекательные условия для иностранных инвесторов в испанскую промышленность. В июле 1957 г. был принят закон, касающийся правового статуса государственной администрации. Его основная цель заключалась в более формализованном закреплении существующих административных структур. В качестве высших государственных органов были определены глава государства, совет министров, государственные комитеты, председатель правительства и министры [2, с. 364-365].

Франкистская диктатура 1960-х и начала 1970-х годов значительно отличалась от предыдущих двух десятилетий. Если обратиться к прошлому, можно заметить, что политическая обстановка в Испании 1960-х годов во многом отличалась. Однако, франкистский режим этого периода не являлся простым возвратом к стандартным военным диктатурам. Франкистские идеологи представляли его как «органическую демократию», уникальный путь развития Испании, уважающей национальные традиции и «открытой к переменам». Отказавшись от тоталитаризма, автаркии и некоторых ключевых положений своей идеологии и политики, франкистский режим частично обновил свою политическую платформу. Тема «правового государства» заняла важное место, сочетаясь с развитием идей корпоративизма и Национального движения. Оппозиция же выдвинула идеи «демократической альтернативы» для Испании.

Представители оппозиции в правительстве осознали растущий разрыв между официальной Испанией и реальностью, угрожающий стабильности режима. Они предприняли попытку провести осторожную либерализацию политических механизмов, стремясь укрепить существующий общественно-политический порядок. Однако это оказалось непростой задачей. В начале 1960-х годов была ослаблена цензура, легализовано право на забастовки, имеющие строго экономический характер, прекращены преследования представителей не католических конфессий, а также, в теории, разрешено создание объединений, не являющихся политическими партиями [2, с. 399-401].

1960-е годы и начало 1970-х годов характеризовались двумя главными чертами: периодом экономического подъема (в среднем рост за год ВВП составлял 7,6% [2, с. 389-391]) и радикализацией общественно-политических взглядов у значительной части населения. Влияние коммунистической партии усилилось в «рабочих комиссиях» и среди левой интеллигенции. Коммунистическая партия выдвинула цель – «построение социализма, а в дальнейшем и коммунистического общества» [2, с. 407-416]. В испанском клире возникло левое течение, сотрудничавшее с нелегальными рабочими организациями. В то же время активизировалась террористическая деятельность ЭТА и других левоэкстремистских групп.

20 ноября 1975 г., день кончины Франсиско Франко, ознаменовал собой старт новой эры для существующего политического строя. В соответствии с установленными законами, Хуан Карлос Бурбон-и-Бурбон, удостоенный титула короля, занял пост главы государства. Тем не менее, Хуан Карлос I фактически не обладал многими аспектами, которые определяли единоличную власть Франко.

С приходом нового правителя произошли изменения и в негласном механизме поддержания равновесия между военными кругами и партийной элитой, между консерваторами и сторонниками реформ, который был тесно связан с личностью ушедшего диктатора. Руководителем Национального движения, именуемым «хефе», стал премьер-министр Ариас Наварро, а не король, что представляло собой значительное изменение в структуре власти франкистской Испании. Вместе с тем, король не нес личной ответственности за историю франкистского режима и, следовательно, обладал большей гибкостью для политических маневров, нежели сам Франко. В новое правительство, сформированное Ариасом Наварро, вошли сторонники реформ, которые объявили курс на расширение политики «апертуризма».

Анализ многолетнего развития франкистского режима после Второй мировой войны показывает постепенное исчезновение/изменение его изначальных характеристик. Начало «постфранкизма» можно связать с разными этапами в истории Испании под управлением Ф. Франко. Например, деятельностью кабинета министров, сформированного в феврале 1957 г. с участием первых министров из «Opus Dei», принятием плана стабилизации 1959 г., упразднением предварительной цензуры в 1960-х годах и т.д. При этом отметим, что официальные лица франкистского режима настойчиво утверждали об органической преемственности всех стадий эволюции режима и о его долговечности. Однако, в действительности, трансформация испанского режима была неизбежной. Социальная жизнь в 1960-х и 1970-х годах обрела собственный темп развития и формировалась независимо от ограничительных мер, предпринимаемых франкистскими властями. Уже 2 апреля 1977 г. правительство А. Суареса Гонсалеса приняло закон-декрет, упразднивший Национальное движение. Вслед за этим были изданы указы о легализации профсоюзов рабочих и коммунистической партии. Таким образом, идеология и практика франкистского государства 1960-х годов, базировавшиеся на «совершенствовании и развитии» в рамках Национального движения, были окончательно отброшены в прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад Подкомитета по испанскому вопросу. – Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000020/st028.shtml>
2. Испания. 1918-1972 гг. Ист. очерк / под ред. И.М. Майского. – М.: Наука, 1975. – 495 с.
3. История Испании. Т2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / отв. ред. О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. – М.: Индрик, 2014. – 872 с.
4. Конституции буржуазных государств Европы / пер. под ред. Г.С. Гурвича. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 1142 с.
5. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 410 с.
6. Пожарская С.П. Фашистская фаланга в Испании // Новая и новейшая история. – 1972. – № 5. – С. 103-114.

7. Резолюция 109 Совета Безопасности ООН (Код S/3509). – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/112082?ln=en&v=pdf>

8. Резолюция 386 Генеральной Ассамблеи ООН (Код A/RES/386 (V)). – Режим доступа: [https://docs.un.org/ru/A/RES/386\(V\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/386(V))

THE FRANKIST REGIME IN SPAIN: EVOLUTIONARY FACTORS

Annotation. This paper examines the phenomenon of the longevity of the fascist regime in Spain under the leadership of Francisco Franco, who held power from 1939 to 1975 (until his death). The conditions of Francisco Franco coming to power are analyzed. Franco describes the features of the Francoist regime and the factors of its evolution.

Keywords: Spain, F. Franco, Francoism.

Volyntsev L.V.

Scientific adviser: Nosko K.G., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: volyncevl86@gmail.com

УДК 327

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Воронков В.Е.

*Научный руководитель: Горюлько А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция концепта «мягкой силы» в политической мысли начиная с его теоретического обоснования Дж. Наем и до современных интерпретаций, включающих институциональные, информационные и стратегические измерения. Анализируется расширение содержания категории от понимания привлекательности как самостоятельного ресурса международного влияния к комплексной модели, интегрированной в архитектуру внешнеполитического планирования и сетевого взаимодействия. Особое внимание уделяется трансформации концепта в различных национальных традициях, включая европейскую, китайскую и российскую модели, а также проблеме инструментализации «мягкой силы» в условиях цифровизации и медиатизации политики. Делается вывод о переходе от узкой трактовки «мягкой силы» к универсализированной аналитической категории, отражающей изменение характера власти в современной мировой политике.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», США, Россия, Китай, Европа.

На фоне трансформации системы международных отношений и углубления глобальной взаимозависимости исследование нематериальных ресурсов внешнеполитического влияния обретает особую значимость. Интенсификация трансграничных коммуникаций, стремительное развитие цифровых технологий и усложнение архитектуры глобального управления закономерно усиливают востребованность инструментов, альтернативных прямому принуждению или экономическому давлению. Данные обстоятельства обуславливают устойчивый исследовательский интерес к феномену «мягкой силы», трактуемому как потенциал государства воздействовать на международную среду через привлекательность собственной культуры, ценностных ориентаций и модели общественного развития.

Термин «мягкая сила» (англ. soft power) был впервые введен в научный оборот Дж. Наем в ходе анализа перспектив американского глобального лидерства в условиях завершения холодной войны [3]. Впоследствии исследователь определил «мягкую силу» как способность формирования предпочтений иных акторов, исключая методы принуждения, и подчеркнул, что государство способно реализовывать внешнеполитические цели, если другие страны добровольно ориентируются на его пример, разделяют его ценности и стремятся к достижению сопоставимого уровня развития [16, с. 9]. Таким образом, в научный дискурс была внедрена аналитическая категория, фиксирующая изменение природы властных ресурсов в мировой политике.

Актуальность изучения генезиса данной концепции продиктована значительным расширением её содержательных границ на протяжении последних десятилетий. Если в исходной версии акцентировались преимущественно культурная привлекательность и ценностная ориентация, то в современной исследовательской повестке «мягкая сила» всё чаще анализируется сквозь призму информационных стратегий, функционирования цифровых платформ и гибридных форм межгосударственного взаимодействия [4, с. 172]. Это демонстрирует эволюцию от относительно простой трактовки к более сложной, многокомпонентной модели, включающей сетевые и институциональные механизмы влияния.

Особую значимость приобретает рассмотрение трансформации концепции в рамках различных национальных интеллектуальных традиций. В отечественной политической науке, например, категория «мягкой силы» обрела специфическую интерпретацию, сопряжённую с проблематикой сохранения культурного суверенитета,

распространения русского языка, развития образовательных связей и формирования благоприятного внешнеполитического образа страны [5]. Исследование эволюции концепта требует учёта как его первоначальной западной версии, так и последующей адаптации в иных политических и культурных контекстах.

Несмотря на широкое распространение термина в академической среде и политической риторике, сохраняется проблема отсутствия систематизированного описания этапов его развития и выявления факторов, детерминировавших изменение смыслового наполнения «мягкой силы» — от характеристики имманентной привлекательности как структурного ресурса до понимания её в качестве элемента стратегического арсенала внешней политики.

Исходя из этого, цель настоящей работы состоит в анализе эволюции концепта «мягкой силы» в политической мысли, выделении ключевых этапов его содержательной трансформации и определении особенностей его рецепции в российском научном и политико-правовом дискурсе.

В связи с этим особое значение приобретает изучение историографии по данной теме, поскольку эволюция концепта «мягкой силы» отражает более широкие изменения в понимании природы власти и механизмов международного влияния. Основы теоретического каркаса концепции были заложены в трудах Джозефа Ная — видного американского политолога, занимавшего пост декана Школы государственного управления им. Дж. Ф. Кеннеди Гарвардского университета, в центре научных интересов которого находились вопросы международной безопасности, трансформации властных отношений и значение нематериальных факторов в глобальной политике. Впервые целостное изложение идеи было предложено в монографии «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990), где автор аргументировал потребность в новом осмыслении роли США в международной системе после окончания биполярного противостояния. Дальнейшую разработку категория получила в труде «Soft Power: The Means to Success in World Politics» (2004), где «мягкая сила» была охарактеризована как способность достижения внешнеполитических целей благодаря притягательности культурных достижений, политических идеалов и внешнеполитического курса. В последующей работе «The Future of Power» (2011) Най детализировал взаимосвязь «мягкой», «жесткой» и «умной» силы, акцентировав трансформацию конфигурации глобального распределения влияния. В его видении «мягкая сила» представляет собой альтернативу силовому диктату и материальному давлению, что послужило фундаментом для последующих теоретических изысканий [16, с. 68].

В западной научной литературе дальнейшее развитие концепции сопровождалось её уточнением и расширением предметного поля. Значительное внимание исследователи уделяли соотношению «мягкой» и «жесткой силы» (англ. hard power), трактуемой как способность к принуждению, базирующаяся на военном и экономическом потенциале. Дискуссии о характере их взаимодействия стимулировали появление категории «умная сила» (англ. smart power), представляющей собой модель оптимального сочетания разнородных внешнеполитических инструментов — как силовых, так и аттрактивных [6, с. 15]. Это ознаменовало смещение исследовательского фокуса с анализа исключительно привлекательности на изучение комплексных стратегий влияния, где «мягкая сила» интегрирована в более широкую структуру властных отношений.

Параллельно в научном дискурсе происходило переосмысление корреляции между «мягкой силой» и такими сферами, как культурная и публичная дипломатия. Исследования, посвящённые коммуникативным стратегиям и культурному взаимодействию, демонстрируют, что представления о нематериальных ресурсах влияния формировались задолго до появления самого термина [7]. Это даёт основание рассматривать концепцию Дж. Ная как институциональное оформление уже существовавших практик культурного воздействия и международной коммуникации. В

русле данного подхода учёные концентрируют внимание на символическом капитале государства, конструировании позитивного имиджа и взаимодействии с зарубежной общественностью.

Самостоятельное направление историографии образуют исследования институциональных механизмов реализации «мягкой силы». В научных работах анализируются образовательные обмены, программы академической мобильности и гуманитарное сотрудничество в качестве устойчивых каналов долгосрочного влияния [8, с. 21; 9, с. 183]. Таким образом, вектор исследовательского интереса смещается от нормативного описания ценностей к анализу конкретных инструментов и технологий их трансляции.

Переходя к рассмотрению сущности и эволюции концепта «мягкой силы», необходимо подчеркнуть, что его изначальная формулировка была нацелена на объяснение феномена привлекательности как автономного ресурса международного влияния. В классической трактовке Дж. Ная «мягкая сила» интерпретировалась как способность государства воздействовать на предпочтения других акторов посредством культуры, политических ценностей и внешнеполитического курса [16]. Тем самым акцент переносился с материально-вещественных ресурсов на факторы идеального порядка, что отражало изменение структуры мировых политических процессов после окончания холодной войны.

Обращение к трудам Джозефа Ная принципиально важно для осмысления генезиса концепта, поскольку именно они задали теоретические параметры последующей дискуссии. Предложенная им модель «мягкой силы» стала не только аналитическим конструктом, но и составной частью практического внешнеполитического дискурса, оказав воздействие на формирование стратегических подходов к международному позиционированию государств.

Тем не менее уже на начальном этапе развития концепции обозначилась проблема соотношения «мягкой» и «жесткой силы». В американском внешнеполитическом дискурсе была сформулирована идея «умной силы» как рациональной комбинации разнородных инструментов влияния [6, с. 17]. Данный подход свидетельствовал о том, что «мягкая сила» не противопоставляется принуждению, а встраивается в более сложную стратегическую конструкцию. Вследствие этого концепт начал восприниматься не только как атрибут привлекательности, но и как объект целенаправленного внешнеполитического планирования.

Существенное воздействие на переосмысление концепции оказало развитие информационно-коммуникационных технологий и цифровой среды. В условиях медиатизации политики «мягкая сила» всё чаще интерпретируется как совокупность информационных и коммуникационных стратегий, реализуемых в глобальном сетевом пространстве [4, с. 172]. Воздействие осуществляется не только через культуру в традиционном понимании, но и через формирование интерпретационных матриц, определяющих восприятие политических событий. Концепция приобретает черты сетевой модели влияния, функционирующей в условиях высокой технологической взаимозависимости.

Особого рассмотрения заслуживает проблема инструментализации «мягкой силы». Ряд исследователей указывает, что привлекательность может использоваться как средство целенаправленного воздействия на политические процессы, включая поддержку определённых ценностных ориентаций и формирование общественных настроений [3, с. 262]. В данном контексте концепт выходит за пределы описания структурных характеристик международной среды и начинает трактоваться как технология. Подобная интерпретация обостряет дискуссию о границах допустимого влияния и соотношении ценностной привлекательности с политическим манипулированием.

Значимым направлением эволюции концепта стало формирование национальных моделей «мягкой силы». В европейском контексте она ассоциируется преимущественно с нормативным влиянием и продвижением ценностных стандартов [10], тогда как в китайской политической мысли акцентируется культурно-цивилизационная составляющая и адаптация концепции к национальной традиции [11]. Данные подходы свидетельствуют о том, что концепция перестала быть исключительно американским аналитическим инструментом и трансформировалась в универсальную категорию, по-разному интерпретируемую в различных политических культурах.

В российской политической традиции обращение к категории «мягкой силы» произошло несколько позднее по сравнению с западным дискурсом и было сопряжено с переосмыслением инструментов внешнеполитического позиционирования в постбиполярных реалиях. Официальное закрепление понятие получило в Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., где «мягкая сила» характеризуется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и иные альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [1]. Впоследствии данная дефиниция была сохранена и уточнена в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г., что подтверждает её институционализацию в системе стратегического планирования [2]. В российском дискурсе «мягкая сила» трактуется как компонент внешнеполитической стратегии, ориентированный на распространение языка и образования, развитие гуманитарного сотрудничества и формирование благоприятного международного имиджа государства [5]. Одновременно присутствует критическая рефлексия по поводу потенциальной инструментализации данного ресурса для воздействия на внутривнутриполитические процессы извне [3, с. 264].

Подводя итог проведённому анализу, следует отметить, что концепция «мягкой силы», сформулированная в начале 1990-х годов, прошла значительную теоретическую и практическую эволюцию. Первоначально она была предложена как объяснительная модель нематериального влияния, основанного на привлекательности культуры, политических ценностей и внешнеполитического курса государства. Вместе с тем уже в ранних работах автора концепции закладывалось понимание того, что речь идёт не только о спонтанной привлекательности, но и о целенаправленном формировании условий, способствующих достижению внешнеполитических целей.

В последующих исследованиях произошло уточнение содержания категории, расширение её аналитических границ и осмысление соотношения «мягкой», «жесткой» и «умной силы». Концепция была встроена в более широкий контекст трансформации глобального распределения власти, усиления роли негосударственных акторов и развития информационно-коммуникационных технологий. Тем самым «мягкая сила» перестала рассматриваться исключительно как характеристика культурной привлекательности и стала пониматься как элемент комплексной стратегии внешнеполитического позиционирования.

Вместе с тем настоящая статья не претендует на всеохватывающий анализ концепта «мягкой силы», учитывая многомерность его трактовок и междисциплинарный характер исследования. Представленный материал ориентирован на выявление ключевых этапов эволюции категории и основных направлений её трансформации в политической мысли, с учётом того, что уже в ранних работах Джозефа Ная были заложены не только базовые характеристики привлекательности как ресурса влияния, но и понимание стратегического измерения данного инструмента. В последующих исследованиях сам автор последовательно уточнял и развивал первоначальные положения, демонстрируя, что концепция изначально предполагала более сложную архитектуру власти, чем это нередко представляется в упрощённых интерпретациях.

Проведённый сравнительный анализ показал, что в различных национальных контекстах концепт получил специфическую интерпретацию и институциональное воплощение. В американской практике он связан с поддержанием глобального лидерства через ценностное и культурное влияние; в европейском — с продвижением нормативных стандартов; в китайском — с опорой на цивилизационный ресурс и культурную самобытность; в российском — с формированием внешнеполитического имиджа, продвижением языка и гуманитарного сотрудничества, а также нормативным закреплением категории в стратегических документах. Это свидетельствует о вариативности практической реализации концепта при сохранении его базовой теоретической основы.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются сравнительный анализ национальных моделей «мягкой силы», изучение цифровых и сетевых механизмов нематериального влияния, а также эмпирическая оценка эффективности институциональных инструментов реализации данной концепции в различных политических контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 12 февр. 2013 г. // Посольство Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: офиц. сайт. URL: https://london.mid.ru/ru/press-centre/gb_ru_fnapr_1364/ (дата обращения: 18.02.2026).
2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 30 нояб. 2016 г. № 640 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 18.02.2026).
3. Бочаров А. В. Роль soft power в формировании условий реализации «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2017.
4. Небренчин С. М. Место и роль информационного фактора в продвижении «мягкой силы» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2.
5. Косякина А. С. Российский подход к концепции «мягкой силы»: анализ и прогноз // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63–75. DOI: 10.20542/afj-2022-2-63-75.
6. Козлов К. В. Подход «умной силы» (smart power) во внешней политике США и ее трансформация в XXI веке // Политика и общество. 2017. № 6.
7. Журавлева Н. Н. Коммуникативные стратегии в сфере «культурной дипломатии»: современные дискуссии // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2-2.
8. Заугаров В. В. Международный опыт использования высшего образования как ресурса «мягкой силы» государства // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. № 6 (36).
9. Ковба Д. М. Академическая мобильность в сфере высшего образования в контексте теории «мягкой силы» // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4.
10. Богачев А. Э., Чумаков В. А. «Мягкая сила» как инструмент влияния европейской политики // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1.
11. Кучинская Т. Н. Китайская модель мягкой силы: современные трансформации // Дискурс-Пи. 2017. № 2.
12. Арская Ю. А. Продвижение русского языка за рубежом как инструмент «мягкой силы»: роль вузов в реализации концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (на примере деятельности иркутского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология. Религиоведение. 2017.
13. Ежов Д. А., Калинин Д. М. «Мягкая сила» современного российского кинематографа в контексте политизации хайпа // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 2.
14. Коньшева Ю. С. Механизмы и инструменты гуманитарного и культурного взаимодействия России с государствами на постсоветском пространстве // Via in tempore. История. Политология. 2021.
15. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты. 2022.
16. Nye J. S. The paradox of American power: why the world's only superpower can't go it alone. Oxford: Oxford university press, 2002.
17. Anderson R. Privacy versus government surveillance: where network effects meet public choice. Paper presented at the 13th annual workshop on the economics of information security (WEIS), Pennsylvania state university, June 23–24, 2014. Retrieved February 9, 2026, from <https://cryptome.org/2014/05/rja-privacy-v-spying.pdf>.

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF "SOFT POWER" IN POLITICAL THOUGHT

Annotation. The article examines the evolution of the concept of “soft power” in political thought, beginning with its theoretical substantiation by J. Nye and extending to contemporary interpretations that incorporate institutional, informational, and strategic dimensions. It analyzes the expansion of the category’s content from understanding attractiveness as an independent resource of international influence to a comprehensive model integrated into the architecture of foreign policy planning and network interaction. Particular attention is paid to the transformation of the concept across different national traditions, including European, Chinese, and Russian models, as well as to the problem of the instrumentalization of “soft power” in the context of the digitalization and mediatization of politics. The article concludes that the concept has evolved from a narrow interpretation of “soft power” to a universalized analytical category reflecting the changing nature of power in contemporary world politics.

Keywords: soft power, hard power, smart power, USA, Russia, China, Europe.

Voronkov V.E.

Scientific adviser: Gorulko A.A., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: mrmfo1234567890@gmail.com

УДК 327.5(560)''18''

«БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК ЕВРОПЫ»: ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ФОКУСЕ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В XIX ВЕКЕ

Генералюк Д. В.

*Научный руководитель: Козловский А. Ю., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором рассмотрено положение Османской империи в XIX веке, когда она стала именоваться «Больным человеком Европы» из-за глубокого внутреннего кризиса, экономической отсталости и неспособности к модернизации. В статье дан анализ причин такого упадка, ставшего фактором активного вмешательства великих держав во внутренние дела данного государства. Особое внимание уделяется анализу русско-турецких войн, балканских кризисов, колониальной экспансии Франции в Северной Африке, установлению британского контроля над Египтом и Суэцким каналом, австрийской политике в отношении Боснии и Герцеговины, а также германскому проникновению на Ближний Восток.

Ключевые слова: Османская империя, «Больной человек Европы», великие державы, балканские кризисы, перераспределение сил.

Актуальность данной темы обусловлена достаточно специфическим положением Османской империи в системе международных отношений XIX в. Ослабление данного государства обусловило обострение «Восточного вопроса» в качестве одной из центральных проблем в отношениях между великими державами. Так, политика России, Великобритании, Франции, Австрии, Германии в отношении Османской империи оказывала долговременное воздействие на развитие Балканского региона, Ближнего Востока и Средиземноморья. Изучение данной проблемы позволит глубже понять механизмы тогдашнего «империалистического соперничества», логику колониальной экспансии и причины международных конфликтов второй половины XIX в., многие из которых стали предпосылками Первой мировой войны. Кроме того, обращение к данной теме сохраняет актуальность и в контексте современных международных процессов, поскольку историческое наследие «Восточного вопроса» продолжает, так или иначе, влиять на геополитическую ситуацию в этих регионах.

Целью работы является анализ положения Османской империи в XIX в. как «Больного человека Европы» и изучение политики ведущих держав в отношении этого государства. В рамках исследования предполагается обозначить причины внутреннего кризиса Османской империи, определить основные мотивы вмешательства великих держав в её внутреннюю и внешнюю политику, а также проследить, каким образом соперничество европейских государств вокруг «османского наследия» повлияло на международные отношения и перераспределение сил в Европе и сопредельных с ней регионах.

В отечественной историографии Османская империя XIX в. рассматривается как ключевой элемент «Восточного вопроса» и объект соперничества великих держав. Так, в исследованиях А. Н. Харыбина и В. П. Грачева подчёркивается значение Балкан как «основного пространства столкновения интересов великих держав». Дипломатические же аспекты европейского влияния на Османскую империю раскрыты в работах Л. Р. Сабитовой и Ж. В. Петруниной, акцентирующих внимание на роли торговли и многосторонней дипломатии. В трудах Р. Р. Вахитова, С. И. Мусаевой и М. М. Джаватханова внутриосманский кризис интерпретируется как системный и многофакторный. Работы В. А. Гусева и А. Р. Султанова анализируют двухсторонние связи Порты с Австро-Венгрией и Германией. Некоторое обобщающее значение имеет исследование Ю. А. Петросяна. Международные договоры 1833, 1838 и 1878 гг., как правовые источники, лишь подтверждают ослабление Османской империи в XIX в.

Итак, в начале XIX в. на европейском континенте существовало несколько великих держав: Россия, Германия, Австрия, Франция, Великобритания. Что же касается Османской империи, то эта держава в XIX в. находилась в состоянии усугублявшегося упадка: внутренние конфликты, экономическая отсталость и неспособность эффективно модернизироваться подрывали её силу [6, с. 143-144]. Так, несмотря на обширные территории в Южной Европе, Западной Азии и Северной Африке, Османская империя, как и остальные тогдашние ключевые державы, была затронута политикой Наполеона I. Но в отличие от европейских монархий, не смогла впоследствии восстановить своё влияние. Всё это привело к тому, что её стали называть «Больным человеком Европы», что стало символом упадка и слабости [5].

Последствия ослабления Османской империи обусловили активное вмешательство в её внутренние дела великих держав того периода – Франции, Великобритании, России, Австрии и Германии. Для Франции появилась отличная возможность обрести новые колониальные владения; для России – получить свободный доступ к Черному морю и проливам Босфор и Дарданеллы; для Австрии – укрепиться на Балканах и сделать их зоной своего политического и экономического влияния; для Великобритании – сохранить контроль над морскими коммуникациями, защитив свои торговые интересы, прежде всего в Средиземноморском регионе и на пути в Индию [1]. Ослабление Османской империи предоставляло возможность всем великим державам влиять на политическую ситуацию на Балканах и Ближнем Востоке, укреплять свои позиции, получать новые территории или контролировать стратегические морские пути, одновременно предотвращая усиление держав-конкурентов и обеспечивая безопасность своих ключевых позиций [3]. Таким образом, «Больной человек Европы» становился ареной борьбы великих держав за влияние в рамках широкого географического ареала.

Россия занимала в ряду стран-контрагентов Османской империи особое, принципиально отличное от других великих держав место [4]. В отличие от Великобритании и Франции, которые стремились к экономическому проникновению в Османскую империю или же захвату подконтрольных ей территорий, Россия рассматривала эту державу как непосредственного соперника, препятствовавшего реализации её законных стратегических интересов. Балканы, Черноморский регион, проливы Босфор и Дарданеллы, а также Кавказ составляли жизненно важные направления российской внешней политики, определявшие её долгосрочные политические, экономические цели и военные приоритеты. Русско-турецкие войны XVIII–XIX вв. сформировали устойчивую модель противостояния между двумя державами, в рамках которой Османская империя постепенно утрачивала стратегическую инициативу. Каждая новая война выявляла всё более глубокие структурные слабости османской военной системы, а поражения сопровождалось ростом национально-освободительных движений, появлением национальных автономий в европейских провинциях Османской империи [8]. Таковые национально-освободительные движения подрывали основы османской многонациональной государственности и усиливали восприятие России как силы, способной принести освобождение от османского ига грекам, румынам и югославянским народам.

Российская политика опиралась не только на военную мощь, но и на идеологический дискурс защиты православных народов Османской империи. Россия последовательно использовала религиозный фактор как инструмент своего законного вмешательства в дела Порты. Османским руководством это воспринималось как политическое давление, поскольку это стимулировало рост сепаратистских настроений среди христианского населения Балкан. Порты воспринимала Россию не как державу, стремившуюся к выгодным соглашениям, но как стратегического противника, чьи цели предполагали постепенное вытеснение Османской империи из Европы [5].

Даже периоды временной стабилизации отношений не устраняли фундаментального конфликта интересов. Так, после Венского конгресса 1815 г. Россия стала одним из ключевых гарантов европейского порядка. Однако её политика на Балканах и в Черноморском регионе продолжала восприниматься в Константинополе как долговременная угроза существованию империи. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. [11], заключённый после поражения Порты в войне с Египтом, стал для османских элит символом политического влияния России на подчиненные ей территории и подтверждением того, что империя утрачивает способность самостоятельно обеспечивать свою безопасность. Крымская война 1853–1856 гг. лишь усилила это восприятие. В этой войне против России Османская империя выступала в союзе с Великобританией, Францией и Сардинским королевством, что демонстрировало её неспособность самостоятельно противостоять России. В Константинополе это укрепляло убеждение, что «российская экспансия» представляет собой вызов, который невозможно нейтрализовать дипломатическими средствами.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала кульминацией внутривосточного кризиса в Османской империи и окончательно закрепила представление о России как о главном противнике Порты. Сан-Стефанский мирный договор [1], пусть и существенно пересмотренный в ходе Берлинского конгресса, означал фактическую утрату Османской империей влияния на Балканах и превращение данного региона в пространство, управляемое извне. Для Османской империи эта война не только завершилась сугубо военным поражением, но и стала символом того, что её соперничество с Россией завершилось стратегическим отступлением на Балканах.

Франция в первой половине XIX в. рассматривала Османскую империю, прежде всего, как направление своей колониальной экспансии. Завоевание Алжира в 1830 г. стало поворотным моментом, продемонстрировавшим неспособность Порты защитить собственные периферийные владения и обозначившим начало формирования французской средиземноморской колониальной системы. Для Парижа это открывало возможность закрепиться в стратегически важном регионе, расширить торговые маршруты и укрепить своё влияние в Северной Африке [3]. Для Османской империи, напротив, потеря Алжира стала болезненным свидетельством утраты реального контроля над формально принадлежавшими ей территориями и символом нарастающей деградации имперского управления. Французская политика в Северной Африке сочетала военную экспансию с активным экономическим освоением региона. Так, уже в первые десятилетия после вторжения Франция начала формировать в Алжире полноценную колониальную инфраструктуру, включая переселение европейского населения, развивать сельское хозяйство, строить дороги и порты [9]. Это превращало бывшие османские провинции в неотъемлемые элементы французской колониальной империи и окончательно исключало возможность восстановления османского контроля. Порта, лишённая ресурсов для военного сопротивления, находившаяся в состоянии внутреннего кризиса, была вынуждена ограничиваться дипломатическими протестами. Это лишь подрывало её международный авторитет.

В Леванте французское влияние реализовывалось преимущественно посредством культурно-религиозных механизмов. Под предлогом защиты католических общин, а также развития образовательных и миссионерских учреждений, Франция формировала профранцузские социальные и интеллектуальные сети. Католические школы, больницы, монашеские ордена и благотворительные организации становились инструментами «мягкой силы», постепенно вытеснявшими османскую администрацию из ключевых сфер общественной жизни. Для Османской империи это означало эрозию её идеологического влияния, поскольку французские структуры формировали новые элиты, ориентированные на европейские экономические, культурные и политические модели [5].

Таким образом, в более широком контексте французская политика усиливала общий кризис Османской империи и способствовала закреплению в европейском дискурсе данной метафоры – «Больной человек Европы». Потеря Алжира, рост иностранного влияния в Леванте и неспособность Порты противостоять внешнему давлению становились частью общей картины системного ослабления государства, которое всё чаще выступало не как субъект, а как объект международной политики. Именно в этом контексте французская политика имела особое значение, демонстрируя, что кризис Османской империи был не только внутренне, но и внешне обусловленным. Великие державы активно участвовали в перераспределении «османского наследия».

Великобритания занимала в отношении Османской империи достаточно прагматичную и расчётливую позицию. Лондон рассматривал Порту как инструмент поддержания выгодного для себя баланса сил в Восточном Средиземноморье и на всём Ближнем Востоке. Сохранение Османской империи в качестве формально независимого государства позволяло Великобритании сдерживать экспансию России в Средней и Западной Азии, а также препятствовать усилению Франции в Северной Африке, обеспечивая безопасность собственных коммуникаций, прежде всего пути в Индию [2]. Однако эта поддержка носила сугубо «инструментальный характер» и не предполагала укрепления реального суверенитета Порты. Османская империя была для Лондона скорее стратегическим буфером, чем равноправным партнёром. Экономическое проникновение Великобритании стало одним из ключевых факторов ослабления Османской империи во второй половине XIX в. [10]. По мере того, как Порта всё глубже погружалась в долговую зависимость от западных кредиторов, британские банки и торговые компании усиливали своё влияние на её финансовую систему. Дефолт 1875 г. и последующее учреждение в 1881 г. Управления государственной задолженности означали институционализацию внешнего финансового контроля над ключевыми доходами империи. Этот орган, в котором ведущую роль играли представители европейских держав, фактически определял бюджетную политику Порты, распределение налоговых поступлений и государственные расходы. Таким образом, финансовая сфера, — одна из основ государственного суверенитета — оказалась под прямым внешним управлением.

Особое место в британской стратегии занимал Египет, который, несмотря на формальный статус османской провинции, постепенно превращался в объект соперничества европейских держав [9]. Лондон внимательно следил за усилением французского влияния в Северной Африке и стремился предотвратить превращение Египта в часть французской колониальной системы. Введение в Египет британских войск в 1882 г. и установление фактического контроля над страной стали кульминацией этой политики. Для Османской империи это событие стало тяжёлым ударом по её международному престижу и статусу: одна из наиболее развитых и стратегически значимых провинций оказалась выведена из сферы её реального влияния.

Потеря контроля над Суэцким каналом имела ещё более глубокие последствия. Так, этот канал, открытый в 1869 г., стал ключевой артерией мировой торговли и важнейшим элементом глобальной стратегии Великобритании. Установление британского контроля над каналом означало, что Османская империя лишилась одного из важнейших стратегических ресурсов, который мог бы стать основой её экономического развития и укрепления международных позиций. Для Лондона же контроль над Суэцким каналом обеспечивал прямой путь в Индию, усиливая его влияние в Восточном Средиземноморье и позволяя оказывать давление на Порту [2].

Британская политика представляла собой форму скрытого протектората. Османская империя формально сохранялась как субъект международных отношений, но ключевые финансово-экономические решения, имевшие к ней прямое отношение, всё чаще принимались без участия Константинополя.

Лондон поддерживал территориальную целостность Порты лишь в той мере, в какой это соответствовало британским интересам. Внутренние реформы, включая Танзимат, также рассматривались Великобританией как инструмент стабилизации османского государства, способного выполнять роль барьера против российской и французской экспансии, но не как путь к восстановлению мощи Османской империи.

Британская политика в отношении Османской империи сочетала в себе декларативную поддержку её независимости и целостности с последовательным ограничением её реального суверенитета. Контроль над ключевыми стратегическими территориями и вмешательство в финансовую систему превращали Порту в зависимое государство, чья внешняя политика всё в большей степени определялась интересами Лондона. Это усиливало общий кризис Османской империи, способствуя закреплению в европейском дискурсе образа «Больного человека Европы», неспособного самостоятельно противостоять внешнему давлению и внутренним вызовам.

Австрийская политика на Балканах также была напрямую связана с прогрессирующим ослаблением Порты. Для Вены этот регион представлял собой не только сферу внешнеполитических интересов, но и зону стратегической безопасности, жизненно важный буфер между многонациональной Габсбургской империей и сильной Россией. Балканы рассматривались как пространство, за счет которого Австро-Венгрия могла решить ключевую внутреннюю проблему – растущий национализм её народов [6]. Для Порты же Балканы оставались историческим ядром имперского пространства, территорией, где на протяжении столетий формировалась административная, военная и социальная структура Османской державы. Оккупация Австрией Боснии и Герцеговины после Берлинского конгресса 1878 г. стала символом окончательного и неотвратимого вытеснения Османской империи из Европы. Формальное сохранение османского суверенитета над провинциями не компенсировало утраты фактического контроля. Реальная власть принадлежала австро-венгерской администрации, которая систематически подчиняла Боснию и Герцеговину своим политическим и экономическим интересам. Вена проводила модернизационные реформы, развивала инфраструктуру, вводила новые административные практики, тем самым окончательно разрывая связь Боснии и Герцеговины с Османской империей. Для Порты это означало не только потерю территории, но и разрушение многовековой системы управления, которая обеспечивала связь Османской империи с Центральными Балканами.

Политика Австро-Венгрии усиливала ощущение маргинализации Порты в европейской политике. Вена стремилась не допустить усиления России в регионе, одновременно противодействуя политике Сербии и Черногории, которые могли становиться центрами панславянского национализма. Ослабление Османской империи открывало для Австро-Венгрии пространство для экспансии, но при этом превращало Балканы в арену её соперничества с Россией. Берлинский конгресс стал ключевым моментом этого процесса: судьба османских владений обсуждалась и определялась европейскими правительственными кабинетами, тогда как сама Османская империя выступала лишь объектом чужих дипломатических комбинаций [12].

Балканы всё более превращались из пространства, пребывавшего под османским управлением, в объект влияния великих держав. Регион становился зоной внешнего регулирования, в котором Австро-Венгрия, Россия, Великобритания и другие великие державы стремились укрепить собственные интересы, не учитывая позиций Константинополя [3]. Для Османской империи это означало окончательный переход от роли активного участника европейской политики к положению периферийного государства, чья судьба определялась извне. Беспомощность перед австро-венгерской экспансией на Балканах стала наглядным проявлением упадка Османской империи, который европейские дипломаты и обозначали метафорой «Больной человек Европы».

Германская империя стала оказывать влияние на Османскую империю позднее других европейских держав, что позволило ей позиционировать себя, на первый взгляд, в качестве нейтрального партнёра. В отличие от Великобритании, Франции или Австро-Венгрии, Германия не участвовала в прежних разделах османских владений и не имела территориальных претензий к Порте [7]. Это создавало у османских элит впечатление, что Германия может стать надёжным союзником, не стремившимся к ослаблению империи. На фоне постоянного давления со стороны остальных великих держав сотрудничество с Германией воспринималось как шанс компенсировать неблагоприятный баланс сил и получить поддержку в модернизации государства.

Экономическое сотрудничество между Османской и Германской империями стало одним из ключевых элементов их взаимодействия. Центральным проектом этого сотрудничества было строительство Багдадской железной дороги, — масштабного инфраструктурного проекта, призванного связать Центральную Европу, Анатолию, Месопотамию и Персидский залив. Для османского руководства этот проект имел стратегическое значение: он должен был способствовать территориальной интеграции империи, укреплению административного контроля над её отдалёнными провинциями, развитию торговли и повышению военной мобильности. Однако на практике строительство дорог усиливало зависимость Порты от германского капитала, технологий и инженерных кадров. Германия получала экономические привилегии, концессии и доступ к ресурсам, что превращало её в одного из ключевых внешних акторов, влиявших на внутреннее развитие Османской империи [5].

Военное сотрудничество с Германией также играло важную роль. Германские военные советники активно участвовали в реформировании османской армии, занимали ключевые должности в её командных структурах. С одной стороны, это способствовало модернизации вооружённых сил, внедрению новых тактических подходов и повышению боеспособности армии. С другой же стороны — ограничивало самостоятельность османского командования и усиливало институциональную зависимость от германских специалистов. Германское проникновение в Османскую империю отличалось от колониальной экспансии Франции или экономического давления Великобритании. Оно носило менее прямой, но более структурно встроенный характер. Германия стремилась к созданию долговременной системы политического, экономического и военного влияния. Это делало германское присутствие одним из ключевых факторов трансформации Османской империи на рубеже XIX–XX вв. [3]. Для Порты Германия становилась не внешней угрозой, а партнёром, чьё влияние постепенно проникало во все ключевые сферы государственного управления.

Таким образом, Османская империя, получившая в европейском политическом дискурсе XIX в. обозначение «Больной человек Европы», превратилась в один из ключевых объектов соперничества между великими державами. Россия, Великобритания, Австрия, Германия, Франция стремились к расширению собственного влияния, установлению контроля над важнейшими торговыми и военными коммуникациями — проливами Босфор и Дарданеллы, Балканским полуостровом, Ближним Востоком и Северной Африкой [9]. Метафора «Больной человек Европы» отражала восприятие Османской империи как государства, формально сохранявшего суверенитет, но фактически находившегося в состоянии системного упадка. Неспособность осуществить модернизацию политических, экономических, административных и военных структур, а также рост национальных движений на периферии империи подрывали Османскую империю.

Внешнее же давление со стороны великих держав лишь усиливало эти процессы, превращая Османскую империю в объект международной политики. Судьба Османской империи в XIX в. стала отражением перераспределения сил великих держав, став прологом к Первой мировой войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харыбин А. Н. Балканское направление российской внешней политики: история и современность // *Studia Humanitatis*. 2021. № 2. С. 1–8.
2. Сабитова Л. Р. Дипломатия и дипломаты Англии в Османской империи (начальный этап сотрудничества) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2015. Т. 15. № 2. С. 64–69.
3. Петрунина Ж. В. Дипломатическая борьба европейских держав в связи с конфликтом в Османской империи в конце 40-х годов XIX века // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2007. № 14. С. 55–62.
4. Вахитов Р. Р. Отношения России и Турции в XIX – первой половине XX в.: миролюбие консерватизма и конфликтность либерализма // *Проблемы цивилизационного развития*. 2023. Том 5. № 1. С. 90–113.
5. Мусаева С. И., Джаватханов М. М. Эволюция международных отношений в контексте обострения Восточного вопроса в первой половине XIX в. // *Современная научная мысль*. 2023. С. 187–195.
6. Пономарев Д. О. Австро-Венгрия и Османская империя в системе международных отношений на Балканах в начале XX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 41 (179). С. 141–148.
7. Хачатрян Т. М. Немецко-турецкие взаимоотношения в 1882–1895 гг.: правовой, военно-политический анализ // *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2016. № 1. С. 73–83.
8. Петросян Ю. А. Российская историография Османской империи XVIII–XX вв. / Ю.А. Петросян; Российская академия наук, Ин-т восточных рукописей. — Санкт-Петербург: Наука, 2012. — 258, [2] с.
9. Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений) / В.П. Грачев; отв. редактор Н.И. Хитрова. — Москва: Наука, 1990. — 198 с.
10. Convention of Commerce and Navigation between Her Britannic Majesty and the Sultan of the Ottoman Empire (Balta-Liman, 16 August 1838) // *urunlu.com.tr* (текст конвенции о торговле между Великобританией и Османской империей, Балта-Лиман, 16 августа 1838 г.) — URL: <https://www.urunlu.com.tr/111-1838-treaty-of-commerce> (дата обращения: 25.12.2025).
11. Treaty of Hünkâr İskelesi, 8 July 1833 // *Encyclopedia Britannica* (описание и историческая справка о договоре между Османской империей и Россией, заключённом в Хюнкяр-Искелеси 8 июля 1833 г.) — URL: <https://www.britannica.com/event/Treaty-of-Hunkar-Iskelesi> (дата обращения: 25.12.2025).
12. Treaty between Great Britain, Germany, Austria, France, Italy, Russia, and Turkey for the Settlement of Affairs in the East: Signed at Berlin, July 13, 1878 // *The American Journal of International Law*, Vol. 2 (оригинальный текст договора о Берлинском конгрессе 1878 г., опубликованный в академическом журнале, включён в цифровую коллекцию JSTOR и доступен через Archive.org) — URL: https://archive.org/stream/jstor-2212670/2212670_djvu.txt (дата обращения: 25.12.2025). С. 401–424.

"THE SICK MAN OF EUROPE": THE OTTOMAN EMPIRE IN THE FOCUS OF THE INTERESTS OF THE LEADING STATES IN 19TH CENTURY

Annotation. Within this scientific paper the author considered the situation of the Ottoman Empire in the 19th century, when it was nicknamed the «Sick Man of Europe» because of the deep internal crisis, economic backwardness and inability to modernize. The causes of such a decline, which became the factor of active interference of the leading states in internal affairs of the given state, have been analyzed in the paper. Special attention is paid to the analysis of the Russian-Turkish wars, the Balkan crises, French colonial expansion in North Africa, the establishment of British control over Egypt and the Suez Canal, Austrian policy towards Bosnia and Herzegovina, as well as German penetration into the Middle East.

Keywords: Ottoman Empire, «Sick man of Europe», leading states, Balkan crises, redistribution of forces.

Generalnyuk D. V.

Scientific supervisor: Kozlovsky A. Yu., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: dariageneralnyuk@yandex.ru

УДК 94(47).084.9 "1953-1964"

УРАВНИТЕЛЬНЫЙ МОТИВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ Н.С. ХРУЩЁВЕ

Герасько В.А.

*Научный руководитель: Носков В.Ю., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматривается общая для ряда социальных реформ хрущёвского периода тенденция к манифестации нового, более эгалитарного советского общества в противовес прежнему «сталинскому» обществу, поощрявшему привилегии для технической и творческой интеллигенции. В данном контексте рассматриваются жилищная реформа, рост благосостояния советских граждан за счёт повышения зарплат и пенсий, а также реформа образования. К исследованию привлечён ряд источников: постановления и решения партии и правительства, советское законодательство, стенограммы Пленумов и заседаний. В основе исследования лежит сравнительно-исторический метод, помимо него применяются также системно-структурный метод, методы анализа и синтеза.

Ключевые слова: Хрущёвская социальная политика, жилищная реформа, реформа пенсий и заработной платы, реформа образования, эгалитаризм.

Социальная политика советского государства при Н.С. Хрущёве (1953-1964 гг.) совершила качественный сдвиг, впервые достаточно явно обосновав необходимость скорейшего подъёма уровня жизни населения. Несмотря на то, что многие реформы этого периода, особенно в социальной сфере, не принадлежат Н.С. Хрущёву единолично, а несут на себе печать действий коллективного руководства, возможным остаётся выделение того общего вектора развития данной сферы, который был задан именно с подачи Н.С. Хрущёва. Историография данного вопроса чаще сосредотачивается на общей оценке социальных реформ [1, с. 154; 2, с. 255], не уделяя достаточного внимания их идеологическому сопровождению. Актуальность данной темы обуславливается необходимостью дать исчерпывающую оценку изменений в советской социальной политике 1950-х – 1960-х гг. Целью данной работы является аналитическое рассмотрение уравнительного мотива в социальной политике Н.С. Хрущёва. В задачи исследования входит выявление данного мотива в контексте жилищной реформы, ряда реформ по улучшению народного благосостояния и реформы образования, проведенных в обозначенный период.

Важный идеологический крен содержала уже жилищная реформа, де-факто запущенная выступлением Н.С. Хрущёва перед строителями в декабре 1954 г. [3, с. 127], но полноценно развернувшаяся уже с марта 1955 г. в соответствии с Постановлением «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [4, с. 532]. Абстрагируясь от длительного и трудного процесса перехода к индустриально-типовым методам строительства, обратим внимание на само значение типизации жилья, подчеркнутое деятельностью советского правительства. С точки зрения Н.С. Хрущёва и группы архитекторов [5], на критическое видение которых опирался советский руководитель, современная ему архитектурная система т.н. «большого стиля» не соответствовала революционизирующим устремлениям СССР. Доминирующая роль именно Н.С. Хрущёва в вопросах строительства и архитектуры в эти годы признаётся и исследователями [6, с. 403; 3, с. 128; 7, с. 79].

С одной стороны, подверглись критике «украшательства» - декорирование фасадов зданий, в которых виделось лишь воспроизведение устаревших практик и самолюбование архитекторов; последних Хрущёв обвинял в том, что они «взяли в зубы старые проекты и доедают их» [8, с. 370]. Основным замыслом, стоявшим за упразднением архитектурного декорирования, безусловно, была экономия финансов, материалов и времени. Но вместе с тем, данная политическая формулировка повлияла

коренным образом на дальнейшую судьбу советской архитектуры. Директивное её исполнение привело к отказу от видоизменения внешнего вида панельно-блоковой конструкции и ликвидации, в ряде случаев, уже готовых фасадов зданий [3, с. 129], что, хотя и следует отнести к эксцессам, в целом не противоречило общей установке на выработку нового стиля. Таковой архитектурный стиль, призванный повторить формулу европейского и американского конструктивизма [7, с. 81], в конечном счёте должен был отражать именно утилитарную функцию жилья, пренебрегая внешней формой. Это позволило исследователю С.О. Хан-Магомедову охарактеризовать стилевые решения рассматриваемого периода как «хрущёвский утилитаризм» [5]. Обоснование же данного «утилитаризма» лежало на рубеже социальной и идеологической сфер.

С другой стороны, само функциональное назначение т.н. «хрущёвок» было заключено именно в обеспечении большей части советских граждан доступным и потому довольно упрощённым жильём в кратчайшие (10-12 лет) сроки [9, с. 198]. С позиции Н.С. Хрущёва и остального советского руководства, данный проект типового жилья был временной мерой, которая нивелировала бы наиболее болезненную форму нехватки и устаревания жилищного фонда. Так, ещё в 1946 г., когда ситуация с жильём была наиболее плачевной, Н.С. Хрущёв объяснял свою логику: «Нам легче плохо сделанный дом через 5 лет развалить и сделать его по-настоящему, чем лишний день держать людей в ямах, в которые загнали их немцы» [10, с. 182] Впоследствии, по мере приближения к провозглашённому скорому коммунистическому обществу, качественные нормативы жилья должны были быть усовершенствованы. До тех же пор многие аспекты, к примеру, высота потолков или тип совмещённого санузла, были своеобразным шагом назад по отношению к многоэтажному жилью сталинского периода. Как отмечают при этом исследователи [11, с. 16; 12, с. 31], прогрессивность последнего вступала в противоречие с его доступностью – основные преимущества получали достаточно обеспеченные в социальном плане граждане, формировавшие техническую и творческую интеллигенцию. В рамках же хрущёвского жилищного проекта, сам подобный образ мышления, склонный к требованию более совершенного жилья, был объявлен проявлением мещанства и формализма [13, с. 9].

Таким образом, вслед за рядом авторов, исследующих советскую повседневность данного периода [11, с. 68; 14, с. 161; 15, с. 15], следует признать действительную попытку хрущёвского правительства объединить техническую революцию в строительстве жилья с социально-идеологической установкой на равные жилищные условия для доминирующего большинства населения. Вместе с тем нельзя не отметить, что полностью данный курс не нашёл своего воплощения. Во-первых, в рамках децентрализации строительства, некоторые предприятия и совнархозы получили возможность добиваться для своих подчинённых жилищных преимуществ [11, с. 63]. Во-вторых, уже объективно существовавшую в силу разделения труда дифференциацию жилья целиком свести на нет не удалось, и часть граждан по-прежнему могла претендовать на лучшее жильё. Имел издержки и архитектурный утилитаризм, что в 1963 г. проявилось как констатация «однообразия и монотонности жилых районов и городов» [16, с. 371].

В сфере социального благосостояния граждан по инициативе Н.С. Хрущёва также должен был произойти существенный подъём, призванный сгладить некоторые проявления углубившегося разделения труда. Основой данного подъёма был пересмотр заработной платы населения, заключавшийся в унификации тарифных сеток, ставок, разрядов, норм и коэффициентов выработки, а также их повышении. Одними из первых, в 1955 г., на новые нормы и тарифные сетки перешли рабочие-строители [17, с. 264], за ними последовали и улучшения оплаты труда рабочих горнорудной, металлургической, коксохимической отраслей [Там же, с. 337], а в 1958 г. улучшения коснулись ещё ряда

отраслей тяжёлой промышленности, связанных с опасными и вредными факторами [Там же, с. 404].

Изменение тарифных сеток стало попыткой советского руководства выровнять баланс зарплат и розничных цен [18, с. 101], не прибегая при этом к мере дальнейшего снижения последних. Больше всего к уравнивательной тенденции этих лет примыкало Постановление 1956 г. «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим» [17, с. 321], целиком направленное на улучшение положения наименее квалифицированных и социально мало защищённых категорий заводских рабочих и служащих. Данная мера прогнозировала повышение заработной платы в размерах до 33% от имеющихся выплат [Там же, с. 323], а также вводила ряд финансовых льгот по отношению к затрагиваемым категориям граждан. Перечисленные реформы труда и заработной платы сопровождались общесоюзным процессом уменьшения длительности рабочего дня, что потенциально, к моменту формирования коммунистического общества в СССР, должно было разрешить основополагающее противоречие между физическим и умственным трудом – тем самым и проблема дифференциации между интеллигенцией и рабочими должна была исчезнуть.

В то же время происходила попытка смены самой системы оплаты труда - сдельно-прогрессивная сменялась премиально-повременной. Исследователи данного вопроса по-разному оценивают характер изменений: для одних прежняя сдельно-прогрессивная система была тесно сопряжена с ростом личной мотивации работника к труду и соответствующими денежными стимулами [18, с. 102], другие же, напротив, послевоенное состояние данной системы связывают лишь с практикой регулярных приписок к плану и устаревшими нормами выработки, затруднявшими для рабочих получение достаточного заработка [19, с. 69-70]. Объективно следует отметить, что первая система также была тесно связана с тем обществом, в рамках которого шло целенаправленное поощрение высококвалифицированных технических специалистов и героизация отдельных рабочих-новаторов («изотовское» и «стахановское» движения). Новая же система, реализация которой на местах оказалась в период хрущёвских реформ далеко не полной [20, с. 73-74], делала большую ставку на коллектив предприятия.

Сам Н.С. Хрущёв указывал на необходимость уравнивательного подхода в вопросах оплаты труда в 1955 г. [8, с. 277]. По его мнению, реформы должны были выровнять разрыв между низкооплачиваемыми и высокооплачиваемыми категориями граждан, чему могло способствовать не только повышение оплаты труда первых, но и некоторое понижение – для вторых [Там же, с. 278]. В том же русле, по замыслу Н.С. Хрущёва, должна была проходить и пенсионная реформа, в рамках которой значительные денежные выплаты интеллигенции также должны были быть срезаны. Однако данная мера по отношению к «высокооплачиваемым работникам интеллигентного труда» [Там же] не имела значимых последствий – дополнительные льготы и персональные пенсии остались доступными для интеллигенции, и в дальнейшем лишь закрепились [21, с. 269]. Так и исследователи реформы заработной платы отмечают второстепенность или даже третьестепенность рассмотренного уравнивательного подтекста в реформе, а первостепенной для хрущёвского руководства, согласно их заключению, являлась необходимость разрешать актуальные макроэкономические проблемы [19, с. 70].

Политика в области образования совмещала в себе сразу несколько аспектов. Новое советское руководство попыталось значительно улучшить условия жизни низкооплачиваемых трудящихся и в этой сфере – в 1956 г. была отменена обязательная плата за обучение в различных типах образовательных учреждений [22, с. 192], а сам Н.С. Хрущёв в том же году начал активно продвигать проект обустройства школ-интернатов, государственное обеспечение которых могло покрыть нужду бедных многодетных семей [23, с. 368].

Другим значимым аспектом стала реформа системы образования, необходимость которой, с точки зрения советского руководства, была обусловлена причинами не столько научно-педагогического, сколько социально-трудового характера. Н.С. Хрущёв, ещё в контексте школ-интернатов выступавший за повышение удельного веса трудового воспитания [8, с. 284], был одним из основных организаторов реформы, видя в ней средство от т.н. «отрыва от жизни» [8, с. 349], порождаемого, как считал советский лидер, в том числе характером сталинской образовательной политики, восстановившей некоторые дореволюционные нормы [Там же, с. 344].

Будучи тесно связанной с нехваткой молодых кадров на производстве [18, с. 104], реформа была направлена на углубление политехнических черт образования, развитие производственного компонента в обучении, снижение чрезмерного авторитета высшего образования. Вновь инициатива Хрущёва выступала и против сложившейся устойчивости интеллигенции: крупное упущение он видел в том, что большая часть поступающих в вузы – это дети той самой столичной интеллигенции, живущие «за спиной папаша и мамаша» и имеющие поэтому возможность проявлять апатию к труду [8, с. 353]. Стремление к новому витку эгалитаризма сопровождало цели реформы напрямую: «Надо действительно создать равные условия в социалистическом государстве. А равные условия – это все как один идут на производство» [8, с. 354]. Новые образовательные возможности должны были пресечь самовоспроизведение интеллигенции, дать больше возможностей обучающимся из регионов, вновь реализовать принцип позитивной дискриминации для детей рабочих и крестьян.

Если для среднего, профессионального и специального образования реформа имела свои положительные и отрицательные результаты, порой действительно помогая жителям малых городов и сёл освоить необходимую им профессию, то в области высшего образования совмещение обучения и «общественно полезного труда» [22, с. 59] привело к негативным последствиям – падению уровня знаний и «выгоранию» студентов [24, с. 133; 25, с. 70]. В то же время, несмотря на выявленную уравнительную направленность, нельзя свести реформу только к попытке Н.С. Хрущёва «оработить интеллигенцию» [25, с. 65] – изучение взглядов самого Хрущёва позволяет утверждать, что трудовое воспитание он считал универсальной мерой, которая должна была затронуть всех граждан, подготовив тем самым основы коммунистической сознательности среди населения. Подобное весьма абстрактное понимание труда и его роли в данном процессе, равно как и попытка прямолинейно решить противоречие физического и умственного труда, в целом были характерны для Н.С. Хрущёва, как человека, сформировавшегося в 1920-1930-е гг. Обсуждая вопрос реформы образования, Хрущёв не без гордости замечал, что «сам был рабфаковцем» [8, с. 357], имея в виду преимущества и допустимость восстановления подобной же системы образования.

Таким образом, в ходе реализации новой социальной политики во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. советским руководством в целом, и Н.С. Хрущёвым – в частности, было принято решение вновь обратиться к послереволюционной риторике и схожим мерам. Новая социальная политика позволяла одновременно сконцентрироваться на удовлетворении нужд советских граждан, и при этом продемонстрировать своеобразный «поворот» к прежним ориентирам.

О восторжествовавшем в эти годы среди населения стремлении к социальной справедливости писал и А.В. Пыжиков [21, с. 271]. Согласно его точке зрения, рост социальных требований в советском обществе был вполне объективным процессом, который популистская социальная политика Н.С. Хрущёва пыталась удовлетворить и обогнать. Однако по итогу эта линия потерпела поражение: многие прежние привилегии, оставленные интеллигенции и партийным деятелям, порождали недовольство, а замедление развития экономики привело к необходимости снизить темпы социальных реформ. Сама же фигура Хрущёва для населения к началу 1960-х гг. была

дискредитирована, не в последнюю очередь потому, что ассоциировалась с непопулярными в народе мерами и социальным регрессом, как в случае с повышением розничных цен на мясную продукцию в 1962 г. [26, с. 1].

Не мог демонстративный эгалитаризм хрущёвской социальной политики и существенно изменить объективные условия жизни советских граждан и функционирования государственных и экономических институтов. К моменту начала реформ, в СССР в соответствии с исторической необходимостью уже сформировалось общество, представлявшее собой отражение быстрого развития крупного промышленного комплекса. В соответствии с изменением материальных условий жизни, менялось и общественное сознание населения. Изменения такого рода не могли быть обращены вспять, равно как не могли быть целиком управляемыми путём прямого копирования мер прежних лет. В контексте заданного Н.С. Хрущёвым вектора строительства коммунистического общества, рассмотренные социальные инициативы, безусловно, можно отнести в разряд тех, что действительно улучшили материально-бытовое положение населения, что считалось важной предпосылкой построения коммунизма; однако эти же реформы, подражавшие послереволюционным годам, по своей сути не смогли сформировать непосредственно то общество, того советского человека, что были бы созвучны в полной мере коммунистической идее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М.: Наука, Ин-т рос. истории РАН, 2006. – 296 с.
2. Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953-1964 годах. – М.: Концептуал, 2019. – 592 с.
3. Горлов В.Н. Речь Н.С. Хрущёва на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954г. Как один из первых шагов в направлении десталинизации советского общества // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки, 2018, №2. – с. 126-131.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8. 1946-1955 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1985. – 544 с.
5. Хан-Магомедов С.О. Хрущёвский утилитаризм: плюсы и минусы / НИИТИАГ [Электронный ресурс], URL: https://niitiag.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy.html
6. Митрофанов А.Г. Повседневная жизнь советской коммуналки – М.: Молодая гвардия, 2019. – 427 с.
7. Якушенко О. Советская архитектура и Запад: открытие и ассимиляция западного опыта в советской архитектуре конца 1950-х – 1960-х годов // Laboratorium: Журнал социальных исследований, 2016, №2. – с. 76-102.
8. Н.С. Хрущёв Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва в 2-х томах. / Том 2, гл. ред. Н.Г. Томилина, М.: МФД, 2009. – 880 с.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 9. 1956-1960 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 574 с.
10. Н.С. Хрущёв Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва в 2-х томах. / Том 1, гл. ред. Н.Г. Томилина, М.: МФД, 2009. - 656 с.
11. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. – СПб.: Крига; Победа, 2015. – 484 с.
12. Меерович М.Г. От коммунального – к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н.С. Хрущёва // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2016, №2 (55). – с. 28-33.
13. Кузнецов С.О. Н.С. Хрущёв и борьба с излишествами в советской архитектуре (1949-1954 годы) // Academia. Архитектура и строительство, 2019, №3. – с. 5-10.
14. Варга-Харрис Кристин Хрущёвка, коммуналка: социализм и повседневность во время «Оттепели» // Новейшая история России, 2011, №1. – с. 160-166.
15. Винниченко И.В. Перемены в повседневной жизни советских людей как результат новой социально-экономической политики государства в период «Оттепели» // Омский научный вестник, 2011, №3 (98). – с. 13-16.

16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в пяти томах. / Т. 5 1962-1965 гг. - М.: Издательство политической литературы, 1968. – 753 с.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в пяти томах. / Т. 4, 1953-1961 гг. - М.: Издательство политической литературы, 1968. – 786 с.
18. Соколов А.К. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.: деградация стимулов к работе // Экономическая история: ежегодник, 2004. – с. 100-139.
19. Разгон В.Н., Прибыткова К.П. Реформа заработной платы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской промышленности: причины, содержание, значение в системе мотивации труда (на примере предприятий Алтайского края) // Вестник Томского государственного университета. История, 2022, №80. – с. 66-77.
20. Белоус В.И., Гинзбург Б.Л. Изменения в оплате труда на предприятиях металлургической промышленности СССР в 1957-1965 гг. (на материалах Выксунского, Кулебакского и Горьковского металлургических заводов) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014, №2 (30). – с. 68-74.
21. Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель» – М.: Олма-Пресс, 2002. – 511 с.
22. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.
23. Иванова Г.М. Мегaproект Хрущёва – школы-интернаты: от утопии к реальности // Известия Самарского научного центра РАН, 2018, №3-2. – с. 365-373.
24. Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2015, Т. 4, №1. – с. 126-134.
25. Иванова Г.М. Образовательная реформа 1958 года и общественные дискуссии о путях развития высшей школы в СССР // Историческая и социально-образовательная мысль, 2023, Т. 15, №1. – с. 55-75.
26. Газета «Правда», 1 июня 1962 г., № 152 (16008) / Библиотека коммунизма [Электронный ресурс], URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1962-58

THE EQUALIZATION MOTIVE OF N.S. KHRUSHCHEV'S SOCIAL POLICY

Annotation. This article examines the tendency of a number of social reforms of the Khrushchev period to manifest a new, more egalitarian Soviet society as opposed to the previous “Stalinist” society, which encouraged privileges for the technical and creative intelligentsia. In this context, the article examines housing reform, the increase in the welfare of Soviet citizens through higher wages and pensions, and educational reform. The article draws on a range of sources, including party and government resolutions, Soviet legislation, and transcripts of plenums and meetings. The study is based on the comparative-historical method, as well as the system-structural method, analysis, and synthesis methods.

Keywords: Khrushchev's social policy, housing reform, pension and wage reform, education reform, egalitarianism.

Gerasko V.A.

Scientific adviser: Noskov V.Y. Ph.D. in History, associate professor
Donetsk State University

E-mail: valentingerasko@yandex.ru

РАЗВИТИЕ НАУКИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XVI-XVII ВЕКАХ

Грабачко Д.С.

*Научный руководитель: Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается развитие науки Османской империи в период XVI-XVII веков, изобретения, достижения и научные труды учёных. А также практическое применение научных достижений в различных областях деятельности. Анализ применения изобретений помогает понять специфику развития Османской империи, на стыке двух миров и умело сочетавшую существующие традиции с новыми перенятыми знаниями.

Ключевые слова: Османская империя, деятели науки, изобретения, научные труды.

Для Османской империи XVI век был «золотым веком», в котором заложились традиции и каноны, оказавшие непосредственное влияние на архитектуру, литературу, каллиграфию, музыку и книжное дело в последующие столетия. Армия и флот были на пике могущества, позволяя присоединять всё больше новых территорий, которые обогащали Стамбул своими ресурсами, что давало возможность финансировать развитие науки под непосредственным покровительством султанов. Стоит ещё отметить тот факт, что Османская империя, в результате военных действий, не только лишь присоединяла огромные территории, но умело перенимала накопленные знания других народов. Ярким примером этому может служить присоединение территории Арабского Халифата, в результате которого османы получили в свою собственность все знания арабов не только в рукописном виде, но и с их хранителями в придачу. Переняв у арабов часть их культуры и научных знаний смогли добиться превосходства перед европейцами в таких областях науки, как математика, химия, медицина, география и навигация.

Цель данной работы состоит в изучении развития науки в Османской империи в XVI-XVII веках.

Среди наиболее новаторских для обсуждаемого периода времени стоит упомянуть такие изобретения Таки ад-Дина, как механические астрономические часы, способные бить по сигналу в любое заданное время, и импульсная шестицилиндровая паровая турбина, изначально применявшаяся в качестве первичного двигателя для переворачивания вертела над очагом. Мировое значение имели и труды турецкого мореплавателя Пири Рейса – его морской атлас «Бахрие», составленный в 1513 г. содержит подробную информацию о навигации и полное описание Средиземного, Черного и Эгейского морей, карту мира.

Развитие науки в Османской империи в XVI-XVII веках представляет собой многогранный процесс, охватывающий множество направлений, рассмотрим некоторые из них.

Начнём с деятелей истории, где основными видами работ в рассматриваемый периода были хроники, где собирались и описывались события из мировой истории, а также фиксировалась вся история турецкого народа. На протяжении всего XVI века не переставали создаваться различные исторические сочинения, самым важными известным из них было «Джиханнума» («Зерцало мира») османского историка Мехмеда Нешри (около 1450-1520 гг.). Эта работа разделена на шесть томов и в ней была зафиксирована вся всемирная история, которая тогда была известна туркам. Этот обширный труд охватывал период начиная с сотворения мира и заканчивая современностью, но, к сожалению, до нас дошла лишь последняя шестая часть. В ней рассказывается о доосманской истории Турции и истории Османской империи, в ней упоминаются древние тюрки с их историей и культурой, затем идёт история

анатолийских сельджуков и заканчивается в середине правления Баязида II. Точно определить источники, которыми пользовался Нешри нельзя, так как он их не упоминает, но по косвенным признакам можно сделать выводы, что одними из них были произведения Ашикпашазаде, ведь дословные цитаты из этих работ встречаются в «Джихан-ньюма». Основной чертой, которая выделяет работу Нешри на фоне других – умелое использование полученной автором информации. Нешри систематизирует события, устанавливает причинно-следственной связи, обращается к разным устным рассказам, комментируя их и делится собственными мыслями и наблюдениями. Такой скрупулёзный подход к своей работе не только позволяет назвать Нешри первым настоящим османским историком, но и так же помог найти признания среди современников, которые признавали фундаментальной и важность данного исторического труда и использовали эту книгу уже в своих изысканиях.

Помимо трудов по истории Османского государства также были созданы или переведены работы посвящённые истории ислама, одной из таких работ была «Тарих-уль-Хамис» («Четвёртая история») за авторством кадия Хюсейна Дийарбекири, она охватывала обширный период религиозно-исторической и общеполитической истории. Труд разделён на части, первая – введение, где автор начинает рассказ с сотворения мира, истории пророков, философов, правителей древности. Далее идёт три основных части, в первой рассказывается о жизни и деяниях пророка; вторая часть ведёт рассказ от начала пророчества до хиджры; а в третьей части события идут от хиджры до смерти пророка, а также описаны походы, газы (военные экспедиции), важные события раннего мусульманского сообщества. В заключении (хатима) рассказывается история халифатского правления: халифов-праведников, потом Умейядов и Аббасидов, а также сведения о других мусульманских династиях и более поздних исторических событиях, вплоть до времени, близкого к дате жизни автора.

Одной только историей османская наука не ограничилась, если говорить о других отраслях, то нельзя не упомянуть такого человека, как Таки ад-Дин (1526–1585 гг.), что в своих изысканиях писал работы в области астрономии, оптики, механики, математики и медицины. Стоит начать с его вклада в астрономию, в одну из самых развитых и масштабных отраслей знания тех лет, ещё с начала правления Баязида II до конца XVI века было зафиксировано 98 авторов, которые написали не менее 322 трудов по одной только астрономии. Вклад Таки ад-Дина в астрономию сложно переоценить, ещё в 1577 году им была построена Константинопольская обсерватория, где он и проводил свои наблюдения, будучи первым кто использовал в них не дробные значения, а десятичную запятую. Используя метод «трех точек наблюдения» Таки ад-Дин ещё до Тихо Браге и Коперника рассчитал эксцентриситет солнечной орбиты и годовое движение, причём благодаря своим наблюдательным часам его расчёты были более точными чем у его поздних коллег. Однако, к сожалению, обсерватория простояла всего три года и была разрушена в 1580 году, причиной для таких радикальных действий послужило то, что Таки ад-Дин увлекался астрологией, а она причислялась к гаданиям, которые, уже в свою очередь, запрещены в исламе. Дабы предотвратить использование обсерватории для гаданий её разрушили, после чего в Османской империи развитие астрономии остановилось почти на протяжении всего последующего столетия, пока в 1660 году не была введена гелиоцентрическая система Коперника.

Помимо астрономии Таки ад-Дин изучал иные области знания и писал по ним свои труды, так в 1574 году на арабском языке была написана работа по оптике под названием «Невру Хадикатю'ль-Эбсар ве Нуру Хакикати'ль-Энзар» («Блеск сада мыслительных способностей и свет видимых истин») в трёх томах, в ней Таки ад-Дин рассматривают структуру света, его диффузию и общее преломление, и как между собой связан свет и цвет. Так же у него есть две работы в области механики, ключевой является «эль-Кевакибю'д-Дюррийе фи Вади'ль-Бенкамати'д-Деврийе» («Блеск звёзд, или

конструкция механических часов»), эта работа особенно для всего исламского мира, ведь в ней впервые говорится о механических часах. В медицине он оставил след в виде работы Терджуманю'ль-Эттиба ве Лисани'ль-Элибба («Толкование для врачей и алфавитный словарь лекарств») в ней в алфавитном порядке были записаны различные лекарственные средства: минералы, растения и составные лекарства; также автором были даны свойства лекарств, какое влияние те оказывали на тело, способы их приготовить и в каких случаях их необходимо применять. Такое большое разнообразие тем для исследований было отличительной чертой учёных того времени, причём не только в Османской империи, многие деятели писали труды сразу и по астрономии, и по географии, и по медицине, и по математике. Таки ад-Дин же является ярким деятелем, на примере которого можно охарактеризовать османское научное сообщество XVI века.

Уделим немного внимания деятелем уже XVII века, одним из которых был Салих бин Насраллах ибн Саллум (ум. ок. 1670 г.). Он посвятил себя не менее важной и популярной отрасли знания в османской империи – медицине. Ибн Саллум родился в городе Халеб (современный Алеппо), где получил базовые медицинские знания и практику, а уже после, приблизительно в 1655 году, вошёл в состав имперских придворных медиков и спустя некоторое время был назначен главным придворным врачом при султানে Мехмеде IV. На этой высокой должности он стал одним из ближайших доверенных медиков султанского двора и пользовался высоким уважением среди научного сообщества тех лет. Для современной науки он считается центральной фигурой в истории османской медицины XVII века, однако такое отношение связано не с какими-либо важными медицинскими открытиями. Его медицинские заслуги заключались в том, что он стал ключевой фигурой в процессе осознанного включения европейских медицинских знаний раннего Нового времени в османскую ученую традицию, что заметно выделяет его на фоне других деятелей. В своих трудах он не ограничивался классической арабо-исламской медициной, основанной на авторитете Галена и Ибн Сины, а целенаправленно знакомил османских врачей с новыми для них идеями, распространявшимися в Европе в XVI–XVII веках, прежде всего с ятрохимической медициной, связанной с именами Парацельса и его последователей. Это проявлялось в использовании и описании минеральных и химически обработанных лекарств, а также в более гибком подходе к фармакологии, выходящем за рамки исключительно гуморальной теории.

Другим важнейшим медицинским достижением ибн Саллума, было введение в османский медицинский дискурс описаний заболеваний, которые ранее либо почти не выделялись османскими медиками, либо не имели чёткого и структурированного описания. В частности, он уделял внимание таким болезням как цинга и анемия, при этом не просто опираясь на европейские источники, но и адаптируя европейские термины под арабоязычную традицию. Тем самым он расширял представления османских врачей о нозологии и симптоматике болезней, связанных с питанием, кроветворением и общим истощением организма. Другим не менее существенным вкладом ибн Саллума было его главное сочинение «Гайат аль-иткан фи тадбир бадан аль-инсан» («Предел совершенства в управлении человеческим телом»), в котором он систематизировал медицинские знания своего времени. Этот труд показателен тем, что в нём традиционные положения галеновско-авиценновской медицины органично соседствуют с заимствованными из европейских трактатов методами лечения и рецептами. Особенно это заметно в разделах, посвящённых фармакологии и терапии, где наряду с растительными средствами используются минеральные и химические препараты, а также в описаниях глазных заболеваний и способов их лечения, отражающих влияние западноевропейской офтальмологической практики. Таким образом, медицинские достижения ибн Саллума заключались не в пересмотре существующей медицинской теории и не в создании

принципиально новых методов лечения, а в перенятии и грамотной интеграции европейских знаний в тогдашнюю медицинскую традицию осман.

Другим не менее важным деятелем XVII века, который то же внедрял европейские знания в османскую научную традицию был Мустафа Абдуллах, более известный как Кятиб Челеби (1609–1657 гг.), он был историком, географом, картографом, библиографом и писателем, оставив богатое наследие сочинений по истории, географии, геологии и другим наукам. Для современных учёных он интересен как один из самых образованных и многосторонних умов Османской империи XVII века, способствовавший интеграции данных европейской и мусульманской науки своего времени. Его труд «Джиханнюма» («Описание мира») представляет собой один из наиболее значимых источников по изучению географии и истории Османской империи XVII века, в частности Западного Кавказа. Создавался этот многотомный труд в период с 1648 по 1657 годы, в нём Челеби стремился систематизировать имеющиеся географические знания, дать всестороннее, на тот момент уникальное, описание различных частей света, сочетая сведения западной и мусульманской географических традиций. «Джиханнюма» сочетает в себе описание земель, народов, административных границ, природных условий и этнокультурных особенностей регионов, представляя собой уникальное на тот момент географическое сочинение. Некоторые историки считают эту работу первой попыткой в турецкой литературе сопоставить данные европейской географической науки с мусульманскими источниками.

Для нас особый интерес представляет фрагмент «Джиханнюмы», посвящённый Западному Кавказу, включающий описания территории от побережья Чёрного моря до внутренних горных районов. В этом разделе Кятиб Челеби подробно описывает не только народы и области, такие как Черкесия и Абаза, отмечая их территориальные границы, природные особенности и культурные различия, а также Челеби предоставляет информацию и различных населённых пунктах, им упоминается Сухум, Суджук и Геленджик — городах и поселениях, которые играли важную роль политике Османской империи на Кавказе. Кроме простого географического описания, в труде также уделяется отдельное внимание административному устройству регионов и стратегическому положению поселений, при этом сведения, которые приводит Челеби, взяты как из османских, та и из европейских источников, что делает данный труд крайне важным источником на территорию Западного Кавказа XVII века, позволяя реконструировать политический ландшафт того времени.

При всей важности данного труда следует отметить тот факт, что он был издан уже после смерти Челеби и дополнен Ибрагимом Мутеферриком. В оригинале труд состоял из 698 страниц, но в 1732 г. основатель первой османской типографии Ибрагим, напечатал «Джиханнюма», добавив около 325 страниц. Так в тексте есть упоминания крепости Анаклия, она была построена примерно в 1704 г., в то время как Кятиб Челеби умер в 1657 г., ещё задолго до её строительства. Данный факт несколько не умоляет важности данного труда как источника, но требует более внимательной работы и анализа при работе с ним.

Подводя итоги исследования, можно прийти к следующему выводу. Наука в Османской империи XVI–XVII веков развивалась многосторонне и была тесно связана с культурой и политикой государства. В XVI веке научные деятели, такие как Мехмед Нешри и Таки ад-Дин занимались самостоятельными исследованиями в истории, астрономии, механике, медицине и оптике, создавая оригинальные труды, расширяя своё понимание о мире. В XVII веке же акцент сместился на интеграцию европейских знаний в османскую научную традицию, что видно на примере Ибн Саллума и Кятиб Челеби, которые систематизировали медицинские и географические сведения, адаптируя их под местные условия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Османского государства, общества и цивилизации: В 2 томах. Т.2 Под ред. Экмеледина Ихсаноглу. / Пер. с турец. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера – М.: Восточная литература, 2006. – 586 с.
2. Кушчи Али. Астрономический трактат. Пер. А. У. Усманова. – Самарканд: М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. – 1970. – 95 с.
3. Чедия А. Р. Труд Кятиба Челеби «Джиханьюма» «Описание мира» как источник по изучению истории и географии Западного Кавказа. // Исторический журнал: научные исследования – 2019. – Вып. 5. – С. 8-18.
4. Мири Шефер. Османский врач и его социальная и интеллектуальная среда: случай Салиха бин Насраллы ибн Саллума // Studia Islamica – Т.106 (2011.) – Вып.1.

SCIENTISTS OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE 16-th – 17-th CENTURIES

Annotation. The article examines the specifics of the Ottoman Empire's army in the 16th century and explores the unique characteristics of Ottoman society, which was characterized by a life of war and for war. By analyzing these features, we can gain a deeper understanding of the rapid growth of the Ottoman army's military power, its significant achievements on the battlefield, and the vast territories in Asia, Europe, and Africa that were under the control of the Ottoman Empire.

Keywords: Ottoman Empire, scientists, inventions, scientific works.

Grabachko D.S.

Scientific adviser: Razumnyi V. V. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: dgrabachko@yandex.ru

УДК 903.2 (477.6) "638.32 "

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ ЖЕЛЕЗНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА

Гулько А.Е.

*Научный руководитель: Краснонос Ю.Н., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье на основе методов анализа, сравнения и обобщения, использования междисциплинарных подходов исследуются археологические памятники ранней железной металлургии в Донбассе, в условиях перехода от бронзового к железному веку. В работе выявлены локальные центры железоделательного производства в доскифский и скифский периоды, раскрыты особенности древних металлургических технологий; установлено, что Донецкая зона древней металлургии являлась периферийным очагом и связующим звеном на юге Восточной Европы в эпоху раннего железного века.
Ключевые слова: Донбасс, железная металлургия, археологические памятники, сыродутный процесс.

Изучение археологических памятников ранней железной металлургии является актуальным направлением современных исследований, раскрывая особенности технологических трансформаций в истории человечества, связанных с переходом от бронзового к железному веку. Донецкий горнорудный регион с уникальными природными ресурсами – болотными железными и ископаемыми рудами, лесами для производства древесного угля, речными и сухопутными путями для обмена – стал одним из базовых центров древней железной металлургии юга Восточной Европы, на территории которого были открыты многочисленные артефакты и останки металлургического производства [4,5]. Проблемы исследования археологических памятников ранней железной металлургии региона получили освещение в ряде работ, подчеркивающих особую роль предскифского периода в освоении железа [3, 11, 12], а также в недавних анализах Доно-Донецкой зоны древней металлургии [7].

Цель статьи – на основе анализа археологических данных исследовать ключевые памятники железоделательного производства, охарактеризовать специфику металлургических технологий на территории Донбасса в эпоху раннего железного века.

Металлургия железа выступает одной из самых революционных технологий в истории человечества, кардинально изменивших характер социально-экономических, политических и культурных процессов его развития. Древнейшие изделия из этого металла были найдены на территории Ближнего Востока и Древнего Египта (конец IV–начала III тыс. до н.э.) и имели часто метеоритное происхождение. Однако, количество подобных находок являлось ограниченным и не могло быть постоянной основой для развивающейся металлургии. Аналогичная ситуация была свойственна и для территории Восточноевропейской лесостепи и степи. В позднем бронзовом веке на данной территории были предприняты успешные попытки получения кричного железа, о чем свидетельствуют десятки артефактов, связанных с памятниками срубной и сабашиновской культур. Но подлинный прорыв в развитии железной металлургии Восточноевропейского макрорегиона происходит на рубеже II - I тыс. до н.э., когда железоделательный процесс был освоен в степной и лесостепной зонах (срубная, сабашиновская, белозерская, бондарихинская, маклашевская культуры), охватывая, в том числе, и территорию Среднего Подонцовья и Северного Приазовья (современный Донбасс) [8, с.35-37].

Хронология памятников ранней железной металлургии в Донбассе охватывает предскифский (XII–VII вв. до н.э.) и скифский (VII–III вв. до н.э.) периоды. Старейшие находки железа в регионе датированы XII–X вв. до н. э., с преобладанием в лесостепной зоне [3, с.3]. Окончательный переход к металлургии железа в Донецком регионе

фиксируется в период развития срубной и белозерской культур, под влиянием скифских племен, достигая пика активности в VII–V вв. до н.э. [1, 4]. Важным экономическим последствием утверждения новой технологии становится интеграция металлургии с земледелием, скотоводством и торговлей в лесостепной части Донбасса [2, 5]. Добыча руд в штольнях и производство орудий труда из железа усиливали социальную стратификацию древних сообществ, что находит отражение в исследованных погребениях [4, с.91]. Связи с Средним Доном и Кавказом подтверждают роль Донецкого региона в евразийских процессах, где донбасские очаги служили периферийными узлами обмена технологиями, выступали своеобразными мостами между степью и лесостепью, подчеркивали преемственность бронзового и железного веков [7, с.110]. В позднескифский период металлургия продолжалась, во многом отражая новые сарматские традиции (пример, исследование поселения Зливки Краснолиманского района, где бронзовые слои соседствуют с железными).

Изучение археологических памятников, связанных с ранней железной металлургией в Донбассе имеет глубокие корни, восходящие к концу XIX – началу XX вв., когда проводились первые раскопки курганов в Изюмском и Бахмутском уездах, выявившие переходные артефакты от бронзы к железу. Исследования, проведенные под руководством таких ученых, как В.А. Городцов, заложили основу для понимания преемственности технологий в регионе и продемонстрировали процесс постепенного замещения бронзовых изделий железными в повседневном пользовании. В частности, именно в дореволюционный период были открыты и зафиксированы комплексы смешанных инвентарей в погребениях, где бронзовые наконечники стрел соседствовали с железными кинжалами, что указывало на постепенный технологический сдвиг в металлургическом производстве [6, с.31, 50].

В советский период исследование археологических памятников раннего железного века успешно продолжалось во многом благодаря усилиям ученых, сотрудников и студентов Донецкого государственного университета, Донецкого областного краеведческого музея и др. Значительный вклад в освещение темы внесли обобщающие труды, где старейшие железные изделия в Европейской части СССР датированы VIII в. до н.э., с акцентом на донбасские аналогии [3]. В 1960–1970-е гг. металлографические анализы выявили начальный этап обработки железа в доскифский период, включая кричный процесс и ковку в лесостепной и степной зонах. Данные исследования связаны с научной деятельностью Б.А. Шрамко и его коллегами, которые подчеркнули несовершенство ранних техник, приводившее к дефектам изделий, таким как трещины и неоднородность структуры металла, связывали их с экспериментальными попытками освоения нового материала [11, с.36].

Археологические памятники ранней железной металлургии на юге Восточной Европы преимущественно представлены поселениями и курганами, отражающими предскифскую и скифскую эпохи (XII–III вв. до н.э.). Одними из ключевых археологических памятников древней железной металлургии Донецкого региона являются производственные комплексы, обнаруженные в бассейне среднего течения Северского Донца (поселение Зливки, урочище Кривая Лука у с. Закотное Краснолиманский район, Сидоровский археологический комплекс и др.). Так, на территории поселения Зливки были найдены материалы металлургического производства железа XII–XI вв. до н.э., такие как руда, шлаки и металл [7, с.110; 12, с.59–60]. Здесь же, в ходе экспедиций 2010–2013 гг. были выявлены ямы с керамикой и следами металлургии, включая куски руды, подготовленные к плавке, развалы сосудов со следами прокаленности, указывающие на использование местных ресурсов для экспериментального производства. Кроме того, стратиграфия Зливок показывает последовательность слоев от бронзового века, с медными артефактами, к раннему железу, что подчеркивает эволюционный характер технологий древней металлургии.

Исследование урочища Кривой Луки у с. Закотное Краснолиманского района связано с выходами железной руды (лимонит, гематит), которые использовались в раннем железном веке, имели подземные выработки, аналогичные эпохе бронзы [5]. Геологические исследования берегов Северского Донца подтвердили идентичность рудных образцов с теми, что были найдены в Зливках, подчеркивая связь добычи и обработки. Исследованные рудные выработки представляли собой штольни глубиной до 5–7 метров, с признаками использования деревянных подпорок, что указывает на организованную добычу. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец включает остатки жилых и хозяйственных построек с железными изделиями, такими как клады орудий, датируемые VIII–X вв. н.э., но с предшествующими слоями раннего железного века.

В целом, памятники древней металлургии Донбасса формируют сеть производственных очагов, связанных речными путями (Северский Донец, Дон), способствовавшими обмену сырьем и технологиями, подчеркивают переход от эпизодической добычи в бронзовом веке к систематическому производству в железном. Данные памятники, часто многослойные, отражают эволюцию от эпохи бронзы (срубная, белозерская) к железу (скифские артефакты), с влиянием на соседние регионы, такие как Приднепровье и Подонье. Более того, сравнение с памятниками типа Каменского городища показывает, как донбасские очаги вписывались в более крупные металлургические комплексы Скифии. Например, микроструктурный анализ железных орудий труда, открытых на территории Донбасса свидетельствует о наличии шлаковых включений в железе, что указывает об использовании низких температур плавки и ручном удалении примесей. Современный взгляд на генезис древней металлургии, подчеркивает особую роль Донбасса в горном деле юга Восточной Европы, от неолита до железного века, свидетельствует о наличии локальных центров в регионе [4, 5]. Недавние работы по металлургии среднедонского населения скифской эпохи, основанные на химическом анализе артефактов, демонстрируют производство низкоуглеродистого железа с использованием местных минералов [7]. В целом, эволюция исследований от описательных разведок и раскопок к аналитическим методам (металлография, сравнительный анализ, геохимические тесты) формирует комплексное видение Донбасса как периферийного, но значимого очага металлургии, связанного с скифскими и предскифскими культурами. Дополнительно, современные полевые работы, такие как изучение рудных месторождений в Картамышском микрорайоне (Луганщина), подчеркивают преемственность от бронзового века, где добыча меди эволюционировала к железу, и подтверждают роль региона в более широком евразийском контексте. Эти исследования также учитывают влияние миграций скифских племен, которые могли приносить новые знания о металлургии из Центральной Азии.

Технологии ранней железной металлургии в Донбассе опирались на сыродутный (кричный) процесс, при котором железо извлекалось в твердом виде из руды в специальных горнах. Древнейшие изделия из кричного железа в Восточной Европе, найденные в доскифский период, демонстрируют использование болотных руд (гематит, магнетит, гетит) и древесного угля [9, с.105-106]. В скифскую эпоху металлургические технологии включали кузнечную ковку, сварку и цементацию для упрочнения низкоуглеродистого железа [10, с.70]. Орудия для обработки, такие как молоты, клещи и наковальни, выявленные в лесостепной Скифии аналогичны донбасским [10]. Анализ артефактов показывает несовершенство методов: частые дефекты, брак и низкая прочность изделий что объясняется экспериментальным характером ранних попыток, включая многократный нагрев и проковку для удаления примесей [7, с.110-115]. Например, металлографические срезы железных топоров из Зливок раскрывают слоистую структуру с карбидными включениями, указывающими на попытки науглероживания.

В поселениях вроде Зливки горны адаптированы от медных – ямные конструкции у водоемов, с местным углем [12], где химический анализ шлаков выявил группы с содержанием железа 19–28% и 2–3%, с повышенной намагниченностью, указывающей на кричный процесс. Эти горны имели диаметр до 1 метра и глубину 0,5 м, с воздуходувками из глины для поддержания температуры 1200–1300°C. Переход от бронзы к железу начался в XII–VIII вв. до н.э., с локальными очагами и в Донбассе, где добыча руд эволюционировала от поверхностной к штольням [4, с.91; 5, с.84]. К III в. до н.э. – III в. н.э. металлургия интегрировалась в экономику, обеспечивая производство оружия, орудий труда, бытовых предметов [2]. Данные технологии были связаны во многом с влиянием из Среднего Дона, где сыродутный процесс был распространен ранее, отражая постепенную оптимизацию от примитивных методов к более эффективным, с межрегиональными связями (Кавказ, Приднепровье) [7]. Эволюция железной металлургии включала улучшениековки: от простой проковки крицы к многослойной сварке для создания дамасского эффекта, хотя в Донбассе данные технологии имели примитивный характер. Сравнение с кавказскими аналогами показывает заимствование методов термообработки, таких как закалка в воде.

Сравнение донбасских памятников с аналогами в Среднем Дону и Приднепровье показывает сходства и различия в технологиях [7, 11]. На Среднем Дону, Кавказском регионе, например, сыродутные печи были более развитыми, с использованием мехов для воздуха, в то время как в Донецком регионе преобладали ямные конструкции [12]. Это указывает на локальные адаптации к ресурсам: болотные руды в Донбассе требовали меньше топлива, чем горные в Кавказе. Культурные связи проявляются в распространении скифских мотивов на железных изделиях, таких как зооморфные украшения. Различия в несовершенстве техник подчеркивают периферийный статус Донбасса, где инновации происходили с задержкой, но адаптировались к местным условиям. Этот анализ обогащает понимание диффузии технологий в Скифии.

Ранняя железная металлургия в Донбассе играла ключевую роль в экономике, обеспечивая переход к эффективным инструментам для сельского хозяйства и ремесел [2, с.140]. В локальных центрах, таких как Зливки, Кривая Лука и др., производились изделия для повседневного использования, стимулировались торговые связи по рекам [5]. Внедрение железа способствовало социальной дифференциации общества, что подчеркивают элитные погребения, содержащие железные артефакты [3]. В скифскую эпоху металлургия интегрировалась в межплеменные отношения, воздействовала на развитие региона как ресурсной базы Восточной Европы. Экономически ранний железный век стимулировал усиление миграционных процессов и торгового обмена, с использованием рудных ресурсов для производства орудий, оружия и утвари, что повышало продуктивность труда и социальный статус ремесленников. В контексте скифского общества металлурги могли иметь особый статус, о чем свидетельствуют специализированные поселения. Социально-политическим последствием исследуемой эпохи становится также укрепление племенных союзов через обмен железными товарами, что способствовало культурной унификации региона [7, 12].

Анализ археологических памятников Донбасса выявил локальное развитие ранней железной металлургии с доскифского периода, с ключевыми центрами в районе Среднего Подонцовья. Важнейшими особенностями древней донецкой черной металлургии являлось использование болотных и подземных руд, использование сыродутного (кричного) процесса, при котором железо извлекалось в твердом виде из руды в специальных горнах, эволюция железоделательного производства отковки к цементации в скифскую эпоху и практика интенсивного взаимодействия с другими горно-металлургическими районами Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко В.П. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Донецкого университета у с. Пожарная Балка в 1984 году. НА ИА НАНУ. № 1984/1985.
2. Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Паньков С.В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. – III в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1983. – 111 с.
3. Граков Б.Н. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР // Советская археология. - №4 - 1958. - С.3-9.
4. Колесник А.В., Аноприенко А.Я., Виноградова Е.А. Ранняя история горного дела Донбасса: учебное пособие. Издание 2-е. - Донецк: ДонГУ, Москва: МГУ, 2023.
5. Косиков В.А. История исследования археологических памятников Донбасса. – Донецк, 2001.
6. История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / под общей редакцией проф. Л.Г.Шепко, проф. В.Н. Никольского. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 694 с.
7. Меркулов А.Н. Черная металлургия и металлообработка у среднедонского населения скифской эпохи // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 1 (302). С. 110–115. URL: https://www.academia.edu/120248501/Черная_металлургия_и_металлообработка_у_среднедонского_населения_скифской_эпохи
8. Татаринцов С.И. Металлургия железа в эпоху поздней бронзы в Донбассе // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов. Донецк, 10–11 апреля 1986 г. С. 35–37.
9. Шрамко Б.А. Древнейшее изделие из кричного железа в Восточной Европе // Яровой Е.В. (ред.). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V н.э.). М-лы междунар. конф. Кишинёв, 10-14 декабря 1990.- Киев, 1991.-
10. Шрамко Б.А. Орудия труда скифской эпохи для обработки железа // Советская археология, №3, 1969.
11. Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // Советская археология. - №4. - 1963. – С.36-57.
12. Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // Советская археология, №1, 1977. – С.57-74.

ARCHAEOLOGICAL SITES OF EARLY IRON METALLURGY IN THE DONBASS REGION

Don-Donets zone of ancient metallurgy

Annotation. This article uses methods of analysis, comparison, and generalization, as well as interdisciplinary approaches, to examine archaeological sites of early iron metallurgy in the Donbas during the transition from the Bronze to the Iron Age. The study identifies local centers of iron production in the pre-Scythian and Scythian periods, reveals the characteristics of ancient metallurgical technologies, and establishes that the Donets zone of ancient metallurgy was a peripheral center and link in the south of Eastern Europe during the Early Iron Age.

Keywords: Donbas, iron metallurgy, archaeological sites, bloomery process.

Gunko A.E.

Supervisor: Краснополов Y.N., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: ur.kr@yandex.ru

УДК 327.57(470+571:510)

ОБЩНОСТЬ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ПОЗИЦИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Довгай М. Я.

*Научный руководитель: Козловский А. Ю., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором рассмотрено единство позиций России и Китая по ключевым вопросам современной международной политики – в сфере безопасности и построения многополярного мира. Автором были выявлены общие стратегические интересы России и Китая в деле общего противодействия гегемонии Запада. Автором доказано, что российско-китайское двухстороннее сотрудничество зиждется на принципах неделимой безопасности, суверенитета государств и многополярности системы международных отношений. Результаты исследования демонстрируют эффективность российско-китайского партнерства как фактора стабильности современных международных отношений.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, международная безопасность, многополярный мир, государственный суверенитет, международное сотрудничество.

В условиях фундаментальных сдвигов в современной системе международных отношений, обуславливающих становление многополярного мироустройства, Россия и Китай выступают ключевыми акторами, предлагающими модель межгосударственного взаимодействия, альтернативную западной. Так, на сегодняшний день наблюдается беспрецедентное укрепление сотрудничества между двумя государствами в политической, торгово-экономической и военно-технической сферах. Это придаёт особую значимость анализу их консолидированной позиции на международной арене.

Примечательно, что несмотря на растущую обеспокоенность западных стран по поводу наращивания экономического и военного потенциала России и Китая, что некоторые западные аналитики интерпретируют как потенциальную угрозу международной безопасности, практика демонстрирует обратное. Совпадающие позиции Москвы и Пекина по ключевым международным вопросам служат прочным фундаментом для противодействия современным глобальным вызовам. Двусторонние российско-китайские отношения базируются на поддержании высокого уровня интенсивности и многообразия политических, торгово-экономических и гуманитарных контактов; позиционировании на мировой арене в качестве самодостаточных и влиятельных «центров силы»; быстрой адаптации двухстороннего партнерства к решению практически любой глобальной или региональной проблемы [7].

Цель данной научной статьи заключается в выявлении и анализе общности российско-китайских позиций на международной арене, проявляемой через призму обоюдных основополагающих принципов, к которым относятся:

- принцип неделимой и равной безопасности;
- принцип суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств;
- принцип многополярности системы международных отношений.

Как отмечалось ранее, устойчивость партнерства между Россией и Китаем базируется на фундаментальном совпадении их точек зрения на основы международного порядка. Ключевым фактором, скрепляющим это сотрудничество, выступают долговременные стратегические интересы обеих великих держав. Ярким примером фиксированного отражения сущности такого стратегического сотрудничества является Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении сотрудничества в целях поддержания авторитета международного права, принятая в 2025 г., которая, наряду с другими подобными

российско-китайскими документами, формирует как правовую, так и ценностную основу для реализации общих принципов двух стран [1].

И Россия, и Китай демонстрируют единодушие в оценке блока НАТО как потенциального источника угроз региональной и глобальной безопасности [2]. Это совпадение взглядов не случайно: оба государства исторически сталкивались с военно-политическим давлением со стороны западных держав. Российская Федерация столкнулась с этим в 1990-х гг. Политика США на постсоветском пространстве вела к возрастанию угроз национальной безопасности России, например в связи с «цветными революциями» в Грузии (2003 г.) и на Украине (2004-2005 гг.) [6]. Китай имеет собственный трагический опыт — «опиумные войны» с Великобританией и её военные интервенции XIX в.

В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 2022 г. особо подчёркивается: «Стороны подтверждают, что современный мир переживает период глубоких трансформаций, которые характеризуются формированием более справедливой и устойчивой системы международных отношений, основанной на центральной роли ООН, принципах уважения суверенитета государств, невмешательства во внутренние дела и мирного сосуществования» [4].

В центре общего внимания двух стран — принцип неделимой и равной безопасности, который подразумевает невозможность обеспечения безопасности одних стран за счет ущемления интересов других, недопустимость создания «зон исключительной безопасности» для отдельных государств или блоков, а также обязанность одних держав учитывать интересы других при выстраивании оборонной политики.

В официальных документах эта позиция находит четкое отражение. Так, в уже упомянутой Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении сотрудничества в целях поддержания авторитета международного права зафиксировано: «Стороны убеждены, что судьбы народов всех стран взаимосвязаны. Обеспечение государствами и их объединениями собственной безопасности не должно осуществляться за счёт и в ущерб безопасности других государств. Стороны призывают все государства придерживаться принципа равной и неделимой безопасности на глобальном и региональном уровнях, прилагать максимальные усилия, чтобы исключить конфликты в отношениях между государствами, выстраивать на коллективных началах всеобъемлющую, комплексную и устойчивую безопасность во всём мире» [1].

Практическая реализация принципа неделимой безопасности находит своё многогранное выражение в конкретных действиях обеих стран. Так, например, российско-китайское военное сотрудничество осуществляется посредством проведения совместных военных учений, в рамках которых особое место занимают масштабные маневры. Организация совместных морских учений России и Китая демонстрирует, что с каждым годом они становятся более разнообразными. Например, начали формироваться смешанные подразделения из российских и китайских кораблей, усложнились особенности совместной коммуникации и т. д. [7, с. 33]. Содержание учений «Морское взаимодействие» вполне согласуется с китайской концепцией «гармоничного моря», то есть механизма сотрудничества по обеспечению безопасности на море. Также проводятся командно-штабные тренировки по отработке алгоритмов взаимодействия в кризисных ситуациях военного характера [5].

Китай и Россия солидарно отстаивают принцип лидерства ООН в разрешении международных проблем и конфликтов, придерживаясь общих подходов к проблематике реформирования Организации, в частности Совета Безопасности ООН [9].

Координация действий осуществляется посредством голосований в ООН по ключевым вопросам международной безопасности и совместных заявлений в ходе работы сессий Генеральной Ассамблеи ООН.

Особенно значимым представляется общий российско-китайский подход к вопросам ядерной безопасности. Например, в Совместном заявлении об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами от 2024 г. подчёркивается: «Стороны выступают за то, чтобы ядерные державы стояли на страже глобальной стратегической стабильности, соблюдали принцип равной и неделимой безопасности, не посягали на жизненно важные интересы друг друга — в частности, путём экспансии военных союзов и коалиций и создания военных плацдармов вплотную к границам других ядерных держав, в особенности с передовым развёртыванием ядерного оружия и средств его доставки, а также другой военно-стратегической инфраструктуры» [2].

Такое комплексное сотрудничество не только укрепляет двусторонние отношения между Россией и Китаем, но и способствует формированию новых стандартов международной безопасности, основанных на принципах равноправия и взаимного учета интересов всех участников международного сообщества.

Логическим следствием принципа неделимой безопасности выступает принцип уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Несмотря на последовательное укрепление своих позиций, Россия и Китай продолжают сталкиваться с различными формами внешнего давления и попыток вмешательства стран Запада как в их собственные внутренние дела, так и во внутренние дела третьих стран. Это лишь укрепляет их решимость отстаивать не только свои национальные интересы, но и универсальные принципы международного права, включая «неделимость суверенитета» и невмешательство во внутренние дела любого государства.

Особую озабоченность обеих стран вызывает «политика двойных стандартов», которую, по их оценке, проводят США в вопросах отношения к суверенитету и территориальной целостности. Так, в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединённых Наций от 2025 г., стороны прямо указали на противоречивость подходов Вашингтона: с одной стороны, США заявляли о поддержке принципа территориальной целостности Украины, но с другой — продолжают игнорировать аналогичные права Китая в отношении Тайваня: «Стороны выступают против политизации вопросов борьбы с терроризмом и превращения их в инструментарий политики двойных стандартов, осуждают практику вмешательства во внутренние дела других государств в геополитических целях за счёт использования террористических и экстремистских группировок, равно как и под флагом борьбы с международным терроризмом и экстремизмом» [3].

В свете подобных тенденций Россия и Китай последовательно настаивают на уважении права государств на самостоятельный внешнеполитический курс, предусматривающий, в частности, отказ от участия в «принудительных коалициях».

Эффективными механизмами противодействия внешнему давлению стали блокирование антироссийских и антикитайских резолюций в ООН, использование права вето и создание коалиций дружественных стран. Страны активно развивают механизмы взаимной поддержки, включая создание резервных фондов, развитие альтернативных транспортных коридоров и укрепление торгово-экономических связей.

Как мы уже могли понять, обе страны выступают против доминирования какой-либо одной державы или замкнутой группы государств в мировой политике, поскольку такая гегемония напрямую угрожает их суверенитету и долгосрочным национальным интересам. Это понимание стало основой для формирования совместной стратегии по обеспечению сбалансированного мироустройства. Россия и Китай давно вышли за рамки двусторонних форматов отношений и являются государствами, участвующими в создании «неамериканского мира». Это напрямую связано с их стремлением к многополярности [8, с. 142].

Совместное заявление от 16 мая 2024 г. отражает обоюдное видение глобальных процессов. Стороны констатируют, что контуры полицентричного миропорядка становятся всё более явными. Россия и Китай выражают готовность максимально эффективно использовать потенциал двусторонних отношений для построения справедливой и рациональной системы многополярного мироустройства [2]. Эта позиция получила дальнейшее развитие в Совместном заявлении от 8 мая 2025 г., приуроченном к двум знаковым датам — 80-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне и созданию ООН. Документ подтверждает основополагающую роль ООН [3].

Важно отметить, что стремление к формированию многополярной системы международных отношений далеко не ограничивается декларациями о намерениях: оно находит своё реальное воплощение в конкретных действиях и инициативах. Показательным примером продуктивной совместной работы служит деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В сфере безопасности ШОС демонстрирует действенный подход к противодействию общим угрозам. Совместные усилия стран-членов ШОС позволяют купировать угрозы терроризма и экстремизма до того, как они перерастут в масштабные кризисы. При этом важно подчеркнуть, что ШОС не позиционирует себя как антизападный блок. ШОС открыта к диалогу с другими регионами и готова сотрудничать с любыми государствами, которые разделяют принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Все страны-члены ценят сотрудничество с Западом. В то же время они чувствуют себя более комфортно в мире, в котором имеют место альтернативные «центры силы», в котором действуют организации, способные решить их фундаментальные проблемы лучше и глубже, чем Запад и руководимые им союзы государств [8, с. 147].

Таким образом, российско-китайское партнёрство представляет собой устойчивую и глубоко продуманную систему взаимодействия, основанную на совпадении ключевых принципов и долгосрочных стратегических интересов. Обе страны последовательно отстаивают идеи неделимой и равной безопасности, не приемлют внешнего вмешательства в суверенные дела государств и выступают за построение многополярного мира. Эти принципы не просто декларируются в совместных документах, но и воплощаются в конкретных действиях: от координации позиций России и Китая в ООН до их совместной работы в рамках ШОС.

Несмотря на внешние вызовы и попытки интерпретировать укрепление их двусторонних связей как «угрозу Западу», Россия и Китай демонстрируют способность выстраивать конструктивный диалог, нацеленный на формирование справедливой и сбалансированной системы международных отношений в её глобальном измерении. Их сотрудничество не носит конфронтационного характера в отношении стран Запада, а выступает как ответ на объективную потребность современной мировой политики — потребность в уважении суверенитета, соблюдении международного права и отказе от однополярной гегемонии. Российско-китайский альянс становится значимым фактором современной глобальной стабильности, формирующим альтернативную модель взаимодействия, которая сочетает в себе защиту национальных интересов с поиском коллективных решений общемировых проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении сотрудничества в целях поддержания авторитета международного права // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 15 мая 2025 г. – URL: https://mid.ru/ru/maps/cn/2017655/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200051d09b92c0a669157563ad7495d388a882f16dbc56f3d1eb728de5ccfdca253108635b493e1430006f73b3516c1db3df2018b2af83f93ba00fc4e028148e2ab16868b341ffa482678c729b1015a45545ebb50305b1bb55ba (дата обращения: 03.02.2026).
2. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами // Официальный сайт Президента Российской Федерации, 16 мая 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 03.02.2026).
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединённых Наций // Официальный сайт Президента Российской Федерации, 8 мая 2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения: 04.02.2026).
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Официальный сайт Президента Российской Федерации, 4 февраля 2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 05.02.2026).
5. Голобоков А.С. Морское военно-политическое взаимодействие России, Китая и США в АТР: динамика международных и региональных противоречий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 26-38.
6. Кабасакалова М.Г. Внешняя политика США как фактор сближения России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 70-78.
7. Лузянин С.Г. Российско-китайское партнерство образца 2021 года: глобальные, региональные и двусторонние измерения // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5. № 3. С. 151-159.
8. Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 135-151.
9. Ян Юйхэн. К вопросу о сотрудничестве КНР и РФ в ООН в XXI в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 101-107.

THE COMMONALITY OF RUSSIAN AND CHINESE POSITIONS ON THE INTERNATIONAL ARENA

Annotation. Within this scientific paper the author considered the alignment of Russia's and China's positions on the key issues of the present international politics – in security and constructing multipolar world. The author revealed common strategic interests of Russia and China in common countering Western hegemony. The author proved that Russian-Chinese bilateral cooperation is grounded on the principles of indivisible security, both states' sovereignty, and multipolarity of the international relations' system. The findings of the research demonstrate the effectiveness of the Russian–Chinese partnership as a factor stabilising the present international relations.

Keywords: Russian-Chinese relations, international security, multipolar world, state sovereignty, international cooperation.

Dovgay M. Ya.

Scientific adviser: Kozlovsky A. Yu., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: mmdovgay@mail.ru

УДК 316.2

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Довгун К.Г.

*Научный руководитель: Разумный В.В., к.и.н., доцент.
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья посвящена становлению социологической мысли в России конца XIX века в процессе адаптации западных теорий (О. Конт, Г. Спенсер) к отечественным условиям. Рассматриваются социально-экономические предпосылки (реформа 1861 года, индустриализация) и влияние идейной полемики народников, западников и славянофилов. Анализируются ключевые направления: субъективная школа П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и академическое направление. Исследуется институционализация социологии через университеты, научные общества и периодику. Делается вывод о формировании самобытной традиции, сочетавшей научность с этической направленностью и вниманием к национальной специфике.

Ключевые слова: история социологии, русская социология XIX века, субъективная школа, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, позитивизм, эволюционизм, народничество, институционализация социологии, культурно-исторические типы.

Конец XIX века стал для России временем активного и динамичного становления социологической мысли, когда западноевропейские теоретические модели начали адаптироваться к уникальным и многообразным условиям российской действительности. Этот процесс синтеза различных идей и подходов, приведший к появлению оригинальных методов изучения общества, соответствовал общенаучной логике развития социологического знания, которая всегда осуществляется через критический диалог с классическими и современными теориями, их переосмысление в новом историческом контексте. Российская мысль не просто заимствовала, но и активно участвовала в этом диалоге. При этом становление социологии носило выраженный междисциплинарный характер: у истоков российской социологии стояли не специализированные учёные, а историки, политэкономы, юристы, философы, каждый из которых вносил в новую науку методологию своей дисциплины. Это превращало социологию в поле творческого синтеза различных социальных знаний, что способствовало её теоретическому богатству, но одновременно обусловило нечёткость первоначальных дисциплинарных границ.

Цель данной статьи состоит в изучении процесса зарождения социологических теорий в России в конце XX века.

Как справедливо отмечает Г.Е. Зборовский, ранний этап развития социологии в любой стране характеризуется именно её выделением из лона других социальных и гуманитарных наук, и российский случай здесь не был исключением [4]. Возникновение социологии как самостоятельной области знания было тесно связано с настоящей потребностью осмыслить и проанализировать глубокие социальные трансформации, происходившие в стране в этот период. Сформировавшаяся в этот период отечественная традиция продемонстрировала способность к рефлексивному усвоению мирового опыта и выработке самостоятельных подходов.

Социально-экономические преобразования, инициированные крестьянской реформой 1861 года, а также ускоренная индустриализация, стали катализаторами, создающими объективные предпосылки для развития социологического знания. Отмена крепостного права привела к коренной перестройке аграрных отношений и создала предпосылки для формирования рынка свободной рабочей силы, однако выкупные платежи и сохранение общинной организации ограничивали реальную свободу крестьянства. Индустриализация конца XIX века вызвала стремительный рост городов и

формирование промышленного пролетариата, что кардинально изменило экономический и социальный ландшафт империи. Урбанизация не просто увеличивала численность горожан – она порождала качественно новые социальные группы: промышленную буржуазию, фабричный рабочий класс и многочисленную городскую интеллигенцию. Концентрация разнородного населения в городах создавала мощный спрос на новые идеи и формы осмысления стремительно меняющейся реальности. Структурные сдвиги — расслоение крестьянства, социальные конфликты, формирование классового сознания — породили социальный заказ на новые аналитические инструменты, выходящие за рамки традиционной историографии или философии. Эти глубинные социальные сдвиги стали объективной основой для запроса на социологическое знание в России. Модернизационные процессы обострили социальные противоречия в российском обществе, усилили региональные диспропорции и создавали почву для классовых конфликтов, что стимулировало развитие социологической мысли, направленной на анализ структуры общества.

Интеллектуальная атмосфера пореформенной России, насыщенная полемикой между народниками, западниками и славянофилами, во многом определила этическую направленность ранних социологических концепций. Дискуссии о путях развития страны акцентировали внимание на моральных аспектах прогресса и значении роли личности в истории. Эта полемика имела не только идейное, но и глубокое методологическое измерение. Спор шёл о фундаментальных принципах познания общества: между умозрительной, нормативной традицией и позитивной, фактологической наукой, стремящейся к открытию законов. Западники выступали за перенимание европейских моделей модернизации, включая политические институты и экономические практики, тогда как славянофилы отстаивали уникальность русского исторического пути, основанного на православии и соборности. Дискуссии западников и славянофилов, а позже народников и марксистов, постоянно воспроизводили конфликт между поиском универсальных закономерностей и утверждением уникальности национального пути, основанного на этических идеалах, что напрямую формировало исследовательские программы ранней социологии. Эта этико-гуманистическая ориентация стала отличительной чертой отечественной социологической мысли, противопоставляя её более рационалистичным и позитивистским западным концепциям. Российская социология изначально развивалась в тесной связи с философскими и общественно-политическими поисками, что способствовало формированию уникального социологического дискурса.

Народничество стало доминирующим идейным течением в России конца XIX века, оказав существенное влияние на формирование социологического знания. Это движение объединяло разнородные группы интеллигенции, стремившиеся к преобразованию общества на основе крестьянской общины. Идеологи народничества рассматривали социологию как инструмент анализа социальных проблем и поиска путей развития страны. Как определяют И.А. Голосенко и В.В. Козловский, народническая социология была «морально-субъективной», и её главная заслуга заключалась в постановке проблемы ценности человеческой личности в историческом процессе и в этическом обосновании социального познания [1].

Ее представители разрабатывали концепции, обосновывавшие особый путь развития России, минуя капитализм. Конец XIX века также ознаменовался проникновением в Россию марксистских идей, которые подверглись активной адаптации к местным социально-экономическим реалиям. Российские последователи Маркса стремились применить его теорию к анализу специфических условий страны, где капитализм развивался особым образом. Наиболее системный и влиятельный вклад в развитие социологической мысли с марксистских позиций внес Г.В. Плеханов. В своих работах, таких как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», он не

только популяризировал исторический материализм, но и творчески применял его для анализа русской действительности. Плехановская теория «роли личности в истории» стала прямым ответом на субъективизм народников, предлагая материалистическое объяснение механизмов социальной детерминации.

Рецепция идей основоположников западной социологии, таких как Огюст Конт и Герберт Спенсер, сопровождалась в России их глубоким критическим переосмыслением. Идеи позитивизма Конта проникли в Россию преимущественно через университетское образование и научную периодику. Периодические издания, такие как журналы «Русское богатство» и «Вестник Европы», публиковали статьи, популяризирующие позитивистские идеи, что способствовало их широкому обсуждению в интеллектуальных кругах. Русские социологи, в частности П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский, активно интерпретировали контовский закон трех стадий применительно к российской истории. Ярким примером такого глубокого и критического усвоения западной мысли стала работа П.Л. Лаврова «Огюст Конт о положительной философии», в которой он не просто излагал учение родоначальника социологии, но и проводил его тщательный разбор. Лавров высоко оценивал контовскую идею о трёх стадиях интеллектуального развития и саму программу создания позитивной науки об обществе, однако решительно критиковал Конта за механистический детерминизм и пренебрежение ролью критической личности в истории. Для Лаврова контовский позитивизм был недостаточен, так как исключал этические и субъективные факторы, которые русский мыслитель считал главными двигателями прогресса.

Эволюционизм Герберта Спенсера также оказал значительное влияние на формирование социологической мысли в России. Его концепция социального дарвинизма стала методологической основой для анализа общественной дифференциации. Концепция Спенсера о военном и промышленном типах общества нашла отражение в исследованиях российской модернизации. Российские социологи применяли эту дихотомию для анализа перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, уделяя внимание особенностям этого процесса в России. Однако механистический перенос эволюционных законов на социальные процессы подвергся критике со стороны российских ученых. А.И. Стронин и Е.В. Де Роберти выступали против прямого применения биологических закономерностей к обществу, подчеркивая, что социальная эволюция имеет свои специфические законы, не сводимые к биологическим. Эта критика способствовала развитию более дифференцированного подхода к изучению общества в русской социологии.

Деятельность Петра Лаврова и Николая Михайловского сыграла ключевую роль в становлении субъективной школы в российской социологии. П.Л. Лавров разработал концепцию «критически мыслящих личностей» как главной движущей силы исторического прогресса. Он полагал, что именно эти личности, обладающие развитым сознанием и нравственными принципами, способны вести общество вперед. Прогресс, по Лаврову, достигается через просвещение и моральное совершенствование, а не через революционные потрясения. Согласно Лаврову, интеллигенция несет этическую ответственность перед народом и обязана служить его интересам. Он ввел понятие «долга» образованного сословия, подчеркивая, что личность является основным носителем моральных ценностей. Нравственное здоровье общества он считал производным от развития каждой отдельной личности, поэтому конечной целью социального прогресса для Лаврова было создание такого общежития, которое гарантировало бы возможность нравственного совершенствования для всех его членов.

Николай Михайловский разработал субъективный метод как альтернативу объективистским западным подходам. Его метод сочетал позитивистскую ориентацию на научность с глубоким вниманием к этическим аспектам социальной жизни. Михайловский утверждал, что социолог не может быть беспристрастным наблюдателем,

а должен учитывать собственные нравственные ценности при анализе общества. Он подчеркивал, что социальные явления нельзя изучать так же, как природные, поскольку человек обладает сознанием и волей, и настаивал на том, что социология должна не только описывать общественные процессы, но и оценивать их с точки зрения идеалов справедливости. Важным аспектом субъективного метода была критика органицистских концепций: Михайловский отвергал представление о том, что социальные законы действуют с такой же неотвратимостью, как законы природы, утверждая примат индивидуального над коллективным.

Параллельно с субъективной школой развивались другие влиятельные направления. Лев Мечников выдвинул оригинальную гидравлическую теорию цивилизаций, в которой источником социального прогресса считалось освоение великих рек. Николай Данилевский разработал теорию культурно-исторических типов, ставшую альтернативой европоцентристским моделям. В работе «Россия и Европа» он утверждал, что славянский тип обладает особым историческим потенциалом, предлагая нелинейную и плюралистичную модель социального развития. Александр Стронин предложил синтетический подход, основанный на применении математических методов, стремясь создать научную социологию по аналогии с естественными науками. Формировалось академическое направление (Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареев), стремившееся к большей научной строгости. Де-Роберти рассматривал социологию как науку о «надорганическом», развитие которого определяется эволюцией психических взаимодействий. Н.И. Кареев видел задачу социологии в изучении взаимодействия личности и социальной среды, уделяя особое внимание роли идей как двигателей прогресса. Эти ученые сыграли ключевую роль в систематизации знания и его адаптации для университетского преподавания.

В конце XIX века российские университеты стали центрами развития социологической мысли. Особую роль играли Московский и Санкт-Петербургский университеты, где разрабатывались учебные программы и методики преподавания. Научные общества играли ключевую роль в объединении исследователей: Русское социологическое общество, основанное в 1916 году и названное в честь М.М. Ковалевского, способствовало консолидации научного сообщества и организации публичных дискуссий. Специализированные журналы, такие как «Русское богатство» и «Вестник Европы», стали основными каналами коммуникации, формируя пространство для научного диалога. На их страницах разворачивались ключевые дискуссии о методологии, соотношении субъективного и объективного подходов, применимости западных теорий к российским реалиям. Благодаря открытому обмену мнениями формировалось более глубокое понимание социальных процессов, и российская социология постепенно обретала свою идентичность.

Зарождение социологических теорий в России характеризовалось активным синтезом западных концепций с отечественной мыслью. Российские мыслители творчески переосмысливали идеи позитивизма и эволюционизма, адаптируя их к специфике российской действительности, где преобладание аграрного уклада и крестьянская община играли ключевую роль. Синтез западных идей с национальными традициями выразился в соединении позитивистской методологии со славянофильскими концепциями, что особенно ярко проявилось в народничестве. Процесс институционализации через университетские кафедры и научные общества обеспечил организационную основу для развития дисциплины, позволил систематизировать накопленные знания и создать условия для подготовки профессиональных кадров. К началу XX века российская социология обрела устойчивые институциональные формы, заложив фундамент для дальнейшего развития и продемонстрировав способность к рефлексивному усвоению мирового опыта и выработке самостоятельных подходов, ориентированных на решение конкретных задач российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX-XX вв. – М.: Онега, 1995. – 288 с.
2. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: учебное пособие / А.Б. Гофман. – 9-е изд. – М.: КДУ, 2008. – 240 с
3. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
4. Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап : учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский ; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» ; . Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2-е изд. испр. и доп. – Сургут и [др.] : РИО СурГПУ, 2014. – 211 с.
5. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – 3-е изд., испр. – Москва: Омега-Л, 2007. – 567 с
6. Новакова Г.И. Социология: история, основы, институционализация в России. – М.: Мысль, 2010. – 458 с.
7. Бороноев А.О., Миронов Д.В. Становление журнального дела в российской социологии // Мир России. 2021. №2.
8. Глотов М.Б. Генетический подход к истории социологии в России // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. №2. - С. 148 - 159.
9. Зеленин Ю.А., Ильин В.Н. Роль классического народничества // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №2.
10. Подвойский Д. Г. Питирим Сорокин: бихевиорист, открывший для себя культуру // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. – С. 276—287. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2452>.

THE ORIGIN OF SOCIOLOGICAL THEORIES IN RUSSIA IN THE LATE 19-TH CENTURY

Annotation. The article examines the formation of sociological thought in late 19th-century Russia through the adaptation of Western theories (Comte, Spencer) to Russian conditions. It considers the socio-economic prerequisites (the 1861 reform, industrialization) and the influence of ideological debates among Populists, Westernizers and Slavophiles. Key trends are analyzed: the subjective school of Lavrov and Mikhailovsky, Danilevsky's theory of cultural-historical types, and the academic direction. The institutionalization of sociology through universities, scientific societies and periodicals is explored. The conclusion is drawn about the formation of an original tradition combining scientific rigor with ethical orientation and attention to national specifics.

Keywords: history of sociology, Russian sociology of the 19th century, subjective school, P.L. Lavrov, N.K. Mikhailovsky, positivism, evolutionism, Populism, institutionalization of sociology, cultural-historical types.

Dovgun K. G.

Scientific supervisor: Razumnyi V.V., Candidate of Historical Sciences, Associate
Donetsk State University

E-mail: kzen.dovgun1@gmail.com

УДК 433.9

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ В VI – VIII ВЕКАХ

Дубич Д.А.

Научный руководитель: Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье внимание сосредоточено на изучении фискальной системы Византии и её влиянии на военные институты. Используются исторические источники и аналитические подходы для выявления механизмов пополнения государственной казны и распределения финансов между армией и флотом. Исследуются различные виды выплат военным (жалование, донативы, пособия федератам), структура снабжения войск и роль земельных владений стратиотов. Основной вывод заключается в том, что стабильное поступление налогов позволило поддерживать регулярные вооружённые силы, в то время как поздняя эпоха характеризовалась финансовым кризисом и зависимостью полевых операций от частного капитала влиятельных полководцев. Статья подчёркивает уникальные особенности военного сословия стратиотов и их значение для развития феодальных отношений в Византии.

Ключевые слова: фискальная система, византийская армия, *stratioti* (стратиоты), *annona militatis*, военная организация.

Армия является одной из крупнейшей статей расходов государства, тем более империи, и ключевым инструментом сохранения территориальной целостности и безопасности государства.

В результате военной реформы в поздней Римской империи, проведенной в конце III – первой трети IV в., римские вооруженные силы были разделены на две основные категории: мобильные войска *comitatenses*, известные как «полевая армия» или «мобильная армия», и *limitanei*, представляющие собой «пограничные контингенты». В эпоху правления Диоклетиана (284–305) значительная часть войск дислоцировалась вдоль границ, но уже при Константине I (306–337) произошло заметное увеличение численности *comitatenses* за счет *limitanei*. IV век стал эпохой частых переформирований полевой армии. Это отразилось на ее составе и системе военного командования. После 395 г. мобильные войска Восточной Римской империи были разделены на пять частей и размещены под командованием *magistri militum*, или «военных магистров». Две полевые армии находились на Балканском полуострове, в Фракии и Иллирике, одна располагалась в Сирии и Палестине, а две другие – в окрестностях Константинополя, образуя стратегический резерв, известный как *comitatus praesentales*, или «презентальные армии» [6].

В VI–VIII вв. происходят трансформации от позднеримской модели к фемной системе. Финансовые реформы определяли способность империи вести войны и выживать в условиях кризиса.

Цель статьи – проанализировать механизмы финансирования византийской армии в VI–VIII вв., выявить их изменения.

Проблема финансового обеспечения византийской армии включает ряд самостоятельных вопросов, таких как финансирование, снабжение и экономическая политика в отношении византийской армии VI–VIII вв. Сведения по данной теме можно почерпнуть из работ Прокопия Кесарийского «Война с персами» [8], «О постройках» (данные о финансах и снабжении) [9], Феофана Исповедника «Хронография» (о кризисе VII в.) [13]. В «Corpus Juris Civilis» (Свод римского гражданского права) [14] включены законы о налогах, военных выплатах, реквизициях. В «Стратегиконе» Маврикия [12] содержатся косвенные данные о снабжении и организации армии.

В отечественной историографии к отдельным аспектам данной проблемы обращались Серов В.В. [11], Мехамадиев Е.А. [5].

Вопросы организации финансирования византийской армии изучали Тредголд [15], Дж.Хелдон, А.Мадгеару [16]

Полевая армия на протяжении долгих веков оставалась наиболее боеспособным и привилегированным сердцем византийских вооруженных сил. Исследователи подчеркивают, что в VI веке мобильные армии вновь подверглись важным реформам. Как отмечает Мохов А.С. [7], в эпоху правления Юстиниана I (527–565) была создана новая полевая армия, призванная к действию в Закавказье и действовавшая под командованием «magister militum per Armeniam» [16]. В дополнение к этому, первая половина VI в. ознаменовалась значительными преобразованиями в области тылового обеспечения мобильных войск, что способствовало их эффективности и мобильности на поле боя. Эти изменения в ландшафтной структуре вооруженных сил не только упрочили их позиции, но и подготовили почву для новых стратегий ведения войны, демонстрируя не только военную мощь, но и способность адаптироваться к меняющимся условиям времени.

Необходимо отметить, что население Восточной Римской империи не испытывало особого энтузиазма относительно военной службы, несмотря на сохранявшуюся обязательность всеобщего военного призыва. Даже несмотря на постоянные вторжения неприятеля, разорявшего регионы, плотно заселенные эллинами, будь то Ближний Восток, территория современной Турции, север Балкан вплоть до Дуная и сама Греция, жители внутренних областей государства относились к армейским обязанностям достаточно равнодушно. Как заметил историк эпохи ранневизантийского периода Прокопий Кесарийский, народ предпочитал оставаться сторонними наблюдателями чужих испытаний и рискованных предприятий, лишь бы самим избежать участия в опасных предприятиях [10].

В силу этого, к началу VII в. византийская армия представляла собой мощный, хотя и неорганизованный механизм. Собранные воедино лучшие войска, империя на определенный момент была способна успешно вести войны против одного внешнего врага. Однако, столкнувшись с противником на нескольких фронтах, императорские легионы утратили возможность оказать достойное сопротивление. Особым объектом критики становились именно местные «эллины», зачастую выступавшие предметом насмешек и презрения, тогда как многие варварские наемники открыто перебежали на сторону врагов, руководствуясь общностью религиозных убеждений и прочих симпатий.

Война с Персией (602–628) и последующие арабские завоевания привели к утрате Египта, главного поставщика зерна и налогов; Сирии; Палестины; Месопотамии. краткое, но яркое свидетельство финансовой катастрофы приводит Феофан Исповедник: «Страна была опустошена, и казна истощена» («Хронография», АМ 6118).

Запутанная система военного командования, угасание боеспособности пограничных контингентов, а также серьезные трудности со снабжением и финансовым обеспечением углубляли кризис. Ужасная военно-политическая катастрофа 602 г. ускорила распад военной системы. После захвата Константинополя войсками Фоки вооруженные силы Византии уже не представляли собой единую организацию; армия раскололась на множественные фракции, возглавляемые влиятельными полководцами, которые получили возможность выстраивать свои отношения как со столицей, так и с местной властью. Большинство из них отвергли легитимность узурпатора, который, по сути, был всего лишь предводителем одной из этих военных группировок [2].

Иракий и его преемники создали новую модель обеспечения армии: солдаты (стратиоты) получали земельные участки; земля обеспечивала их продовольствием и доходом; государство снижало денежные выплаты; армия становилась локальной и дешевле в содержании. Хелдон отмечает, что фемная система была «экономически рациональным ответом на потерю ресурсов».

Организационная структура византийской армии VII – середины IX века, начиная с правления императора Ираклия (610–641 г.) и заканчивая окончательным торжеством иконопочитания (843 г.), когда прекратились иконоборческие споры и последовавшие за ними гонения на иконы, представляет собой сложный объект изучения. В отличие от позднеримской и ранневизантийской эпох, источники VII – середины IX вв. практически не упоминают о конкретных воинских подразделениях, составляющих византийскую армию (или, вернее, армии) в тот период.

Стоит также упомянуть, что к началу VII в. правовое положение местных берберских племен Северной Африки претерпело значительные трансформации; они стали заметнее проявлять себя в византийской военной организации этого региона. В отличие от прежних эпох, берберские племенные объединения теперь исполняли роль регулярных пограничных гарнизонов в рядах византийской армии. Это отмечает новый этап их интеграции в военные структуры, где их значимость и надежность обрели новое значение. Взаимодействие и сотрудничество с Византией не только укрепили военное присутствие в данном крае, но и способствовали изменению статуса берберов, превращая их из изолированных племенных единиц в активных участников защиты и сохранения границ империи [7].

Фискальная система, унаследованная Византией, обладала одним значительным преимуществом: на протяжении многих лет она в почти автоматическом режиме пополняла государственную казну значительными средствами, часто в золоте. Эти поступления в основном использовались для финансирования императорского двора и бюрократии, однако большая часть шла на содержание армии и флота. Это, в свою очередь, способствовало экономическому развитию благодаря циркуляции золота. С точки зрения стратегии, важнейшим результатом налогообложения стало поддержание регулярной армии. Противники Византии, как правило, полагались на племенное ополчение или восставших крестьян. Византийцы могли ежегодно содержать наемников и военнотружущих. Армия обеспечивалась денежным довольствием, земельными наделами для кадровых и пограничных военнотружущих, а также необходимыми ресурсами для ведения боевых действий [5].

Воины Византии обеспечивались достойным жалованьем. Из исторических документов известно, что рядовые бойцы территориальных формирований имели месячный доход примерно в размере одной-полторы номизм (монеты золотого стандарта массой около 1/72 фунта), что ежегодно приносило каждому солдату порядка двенадцати-восемнадцати номизм. Помимо денежного довольствия, каждому представителю вооруженных сил выделялся земельный надел. Так, согласно распоряжению правителя Византии Константина VII Багрянородного от 947 г., стоимость земельного участка матросов государственных военных флотов составляла минимум два золотых фунта (эквивалентно 144 номизмам); аналогичные участки солдат сухопутных войск оценивались вдвое дороже – 4 фунта (около 288 номизм). Цена земельной доли конников постепенно возросла до уровня 12 золотых фунтов. Один источник утверждает, что за службу сверх установленных сроков предусматривалась ежегодная надбавка сроком на 12 лет. Историк арабского происхождения, живший в IX веке, подчеркивает, что регулярная выплата военнотружущим была периодической: чаще всего деньги выплачивались каждые три года, иногда интервалы достигали четырех-пяти-шести лет. Упомянутый император Константин VII делится информацией, что вооруженные силы империи распределялись на четыре подразделения, каждое из которых могло рассчитывать на получение выплат раз в четыре года, однако уточняет, что эта практика относилась скорее к устаревшим правилам, не раскрывая детально механизм начисления денег в свою эпоху. Судя по всему, отряды территориальной милиции призывались на постоянную военную службу циклично – через каждые три-

шесть лет. Это позволяло императору постоянно располагать крупными силами регулярных подразделений, готовых выступить по первому требованию [6].

Annona militatis – это денежное обеспечение, выплачиваемое воинам, зарегистрированным в военных списках, исходя из срока службы. *Annona foederatica* выплачивалась федератам в зависимости от их выслуги лет. Донатив представлял собой сумму, которую получал каждый воин при вступлении нового императора, а также каждые пять лет после этого. Военское сословие наделялось землями для успешного выполнения службы, что иногда позволяло им угнетать простых землевладельцев и арендаторов.

Военные экспедиции обеспечивались хлебом или зерном, вином и другими товарами, а также кормом для лошадей. Важной составляющей оставался захват ресурсов у противника, то есть грабеж. Армию сопровождал большой обоз, включающий все имущество солдат и их командиров. В этом обозе находились маркитанты, жены воинов и командиров, купцы, гетеры, слуги и рабы. С середины VI в. финансирование армии стало спорадическим. Поскольку «полки» выступали в походы неполным составом и наемным образом, возникала необходимость денежного обеспечения стратиотов [1].

При подготовке ко второй кампании против готов в Италии, Велисарий (505–565), ввязавшись в политические интриги, взял на себя обязательства по содержанию войска на свои средства, что привело к его бездействию на протяжении пяти лет, компенсируя финансовые потери за счет сбора налоговых недоимок с разоренного населения Италии. В предыдущей экспедиции Велисарий также самостоятельно закупал снаряжение для своих щитоносцев и копьеносцев [17].

Таким образом, ключевой особенностью византийской военной структуры до XI в. оставалось отсутствие обязательного земельного владения для военнослужащих, то есть государство не предоставляло воинам надель за исполнение службы. Земли стратиотов являлись их личной собственностью, обычно передаваемой по наследству. Однако, поскольку эти участки земли были основой для выполнения воинских обязанностей, они классифицировались как «военные земли» и регистрировались в каталогах стратиотов наряду с именами самих воинов. Семья, ответственная за земельный участок, обязана была обеспечивать воина пищей, деньгами, а также лошадью, вооружением и доспехами, причем государство не возмещало эти затраты. В этом ключе, византийские стратиоты составили уникальную и узнаваемую группу в обществе. Несмотря на заметные различия в богатстве воинов, до X в. они оставались относительно однородными в социально-экономическом плане, а стратиотское сословие стало прочной основой для военной системы фемного типа

Финансовое обеспечение византийской армии в VI–VIII вв. эволюционировало от централизованной денежной модели поздней Римской империи к смешанной земельно – денежной системе фем. Изначально армия финансировалась преимущественно за счет налогов и централизованных выплат, что позволяло поддерживать регулярную армию. Однако финансовый кризис VII века привел к разрушению прежней модели, заставляя государство искать новые решения.

Введенная фемная система оказалась экономически устойчивой и позволила империи сохранить военный потенциал. Финансовые реформы оказались ключевым фактором выживания Византии в эпоху внешних угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи / [пер. с англ. Коваля]. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. – 645 с.
2. Медовичев А. Е. : Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII - середине IX в. : развитие военно-административных структур. - Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2013. - 276 с. - библиогр. : С. 237-272 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История:

Информационно-аналитический журнал. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2015-03-011-mohov-a-s-vizantiyskaya-armiya-v-seredine-viii-seredine-ix-v-razvitie-voenno-administrativnyh-struktur-ekaterinburg-izd-vo-ural-un>

3. Медовичев А. Е. Регулярные войска и ополчения фем в Византии X–XII вв.: к проблеме «кризиса фемной системы» в современных исследованиях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 7–32.

4. Мехмадиев Е. А. Командная структура византийской армии в VII – начале VIII в.: особенности становления и развития должности стратига. // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). – С. 53–66.

5. Мехмадиев Е. А. Император Ираклий и византийская военная организация в 626–628 гг.: внутренняя структура экспедиционных армий и оборона Константинополя // Вестник Томского университета. – 2019. – № 445. – С. 124–130

6. Мехмадиев Е. А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: административно-территориальный и социальный аспекты развития. – СПб.: ИЦ «Петербургское востоковедение», 2020. – 456 с.

7. Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII - середине IX в.: развитие военно-административных структур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2013. – 276 с.

8. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/ Перевод выполнен по изданию: Procopii Caesariensis Opera omnia Rec. J. Haury. G. Wirth. Lipsiae, 1962–1963. Vol. 1: De Bello Persico, De Bello Vandalico; Vol. 3: Historia arcana – 578 с.

9. Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева //ВДИ. – 1939. – Т. 4. – С. 203—283.

10. Прокопий Кесарийский. История войн. Книга первая. – СПб.: Наука, 1998.

11. Серов В. В. Финансовая политика императоров ранней Византии в VI веке: автореферат дис. ... доктора ист. наук: 07.00.03. – Тюмень, 2010. – 54 с.

12. Стратегикон Маврикия / Издание подготовил В. В. Кучма. – СПб.: Алетей, 2004. – 256 с.

13. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора /Текст, пер., комм. – М., 1980.

14. Corpus juris civilis // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1895. – Т. XVI (31) : Конкорд – Коялович. – С. 334–335.

15. Treadgold W. Byzantium and its army. 284-1081. 1995. Stanford Unoversity Press. – 268 p.

16. Madgearu A. A Logistic Echelon of the Romano-Byzantine Army in the Sixth Century - Quaestura Exercitus Iustiniani // Romanian Military Thinking. 2009. № 3. – P. 139-144. URL: <https://www.ceol.com/search/article-detail?id=1254526>

17. Армия Византии VI в. Снабжение и состояние войск [Электронный ресурс] // Журнал «Военное обозрение». 2019. – URL: <https://topwar.ru/154892-armija-vizantii-viv-snabzhenie-i-sostojanie-vojsk.html>

18. **Оксфордский словарь Византии: в 3 т. / пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. 600+ с.** Один из наиболее авторитетных справочников по византистике. Статьи «Армия», «Финансы», «Фемы», «Стратиоты» дают систематизированные сведения о военной организации, налоговой системе и экономике Византии.

FINANCIAL SUPPORT OF THE BYZANTINE ARMY IN THE 6TH–8TH CENTURIES

Annotation. Reflects the subject of research, analytical methods used, and key findings of the article. It focuses on studying the fiscal system of Byzantium and its impact on military institutions. Historical sources and analytical approaches are employed to identify mechanisms for replenishing state treasury funds and distributing finances between the army and navy. Various types of payments to soldiers (salary, donatives, allowances for federates) are examined, as well as the structure of troop supply and the role of land ownership by statioti (stratotiots). The main conclusion is that stable tax revenues allowed maintaining regular armed forces, while later periods were characterized by financial crisis and dependence of field operations on private capital from influential commanders. The article emphasizes unique features of the stratiot military class and their significance in developing feudal relations within Byzantium.

Keywords: fiscal system, Byzantine army, statioti (stratotiots), annona militatis, military organization.

Dubich D.A.

Scientific adviser: Shepko L.G., doctor of historical sciences, professor
Donetsk State University

E-mail: dubich_torez@mail.ru

УДК 94(415) 355.311.1

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АРМИИ И БРИТАНСКИХ ВЛАСТЕЙ В КОНЦЕ 1960-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х ГГ.

Жарких М. С.

Научный руководитель: Бредихин А. В., д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Ирландской республиканской армии (ИРА) — одной из самых известных организаций XX века, которая для достижения определенных целей и задач использовала террористические методы борьбы. Анализируется противостояние Ирландской республиканской армии с британскими спецслужбами, рассматриваются контрмеры, которые принимали британцы для борьбы с ирландскими повстанцами

Ключевые слова: Ирландия, Британия, Северная Ирландия, ИРА, террор, ВИРА

Североирландский конфликт – один из самых продолжительных этнополитических конфликтов в Европе, отражающий религиозные и социальные противоречия. Его изучение помогает понять механизмы использования террора как инструмента политической борьбы. Исследование тактики ИРА, включая методы террора, пропаганду и вооруженную борьбу, а также анализ противостояния с британскими спецслужбами, позволяет понять механизмы эскалации и деэскалации этнополитических конфликтов. Это также дает возможность извлечь уроки для предотвращения подобных конфликтов в будущем. Современное состояние проблемы связано с последствиями деятельности ИРА, включая процесс мирного урегулирования в Северной Ирландии и вызовы, связанные с реинтеграцией бывших боевиков в общество. Целью статьи является анализ тактики террора ИРА в конце 1960-х-начале 1970-х гг., оценка эффективности мер, предпринятых британскими спецслужбами. Исследование направлено на выявление причин эскалации конфликта и оценку эффективности мер по его урегулированию.

Источниковая база представлена законодательными актами, протоколами заседаний, различными телеграммами и публикациями в СМИ.

В отечественной историографии теме посвящено крайне мало работ. Можно выделить несколько таких: Гольман Л. И. «История Ирландии». Монография является основной по изучению истории Ирландии, в ней также затрагиваются причины североирландского конфликта, рассматривается начальный этап противостояния.

Полякова Е. Ю. «Ольстер: истоки трагедии». В монографии рассматриваются причины и предыстория ольстерского конфликта

Среди зарубежной историографии можно отметить Питера Невилла. «Ирландия: История страны».

В конце 1950-середине 1960-х гг. в Северную Ирландию вторгались крупные иностранные компании, которые постепенно вытесняли мелкий и средний бизнес. Однако несмотря на проникновение иностранного капитала и финансовые вложения, Северная Ирландия продолжала оставаться достаточно депрессивной частью Соединенного королевства. Наиболее высокий уровень безработицы и низкий средний доход на душу населения был именно в Северной Ирландии. Уровень благосостояния населения был сравним с самыми бедными регионами Европы. Положение католической части населения все еще было довольно затруднительным, да, британцы вводили различные прогрессивные меры, такие как пособия многодетным семьям и бесплатное медицинское обслуживание, однако коренные проблемы социально-политического характера не были решены. Дискриминационное отношение к католикам никуда не делось

«Продолжался упадок традиционных отраслей промышленности. О происшедших в них колоссальных изменениях говорят следующие цифры: в 1949 г. в судостроении, текстильной и связанной с ними промышленности было занято 55% рабочей силы Северной Ирландии, а к 1970 г. только 26%. В провинции постоянно отмечался самый низкий в Соединенном Королевстве уровень валового национального продукта на душу населения и самый высокий процент безработных (в 3—4 раза превышающий данные по Соединенному Королевству в целом)» [9, С. 146].

Конфронтация между двумя частями населения (католиками протестантами) продолжала нарастать. «До начала 60-х годов Лондон, не обращая никакого внимания на соблюдение прав человека, методом репрессий сумел загнать ИРА в глубокое подполье. Целые поколения как боевиков ИРА, так и простых активистов сепаратистского движения провели большую часть жизни в британских тюрьмах» [12].

В 1967 г. была основана «Ассоциация борьбы за гражданские права», члены этой организации выступали против дискриминации католической части населения при устройстве на работу и в жилищном вопросе. Фитиль противостояния разгорелся 5 октября 1968 г., когда королевские жандармы разогнали марш за гражданские права. Нападение королевской полиции впервые привлекло внимание мировой аудитории к борьбе за гражданские права в Ирландии. Это стало настоящим открытием для многих людей в 26 графствах и в Великобритании. Но наиболее глубоким было его воздействие на молодых националистов. Один из жителей Дерри позже вспоминал: «Как и у каждого молодого человека в Дерри, весь мой образ мыслей был перевернут с ног на голову событиями 5 октября 1968 года. У меня возникла сильная ненависть к королевским жандармам. Мне еще в детстве было известно, что с ними лучше не разговаривать и не иметь с ними ничего общего, но сейчас все было по-другому» [13].

Для предотвращения дальнейшего развития конфликта были введены британские войска. Появление королевских войск привело к возникновению в рядах республиканцев сторонников более решительных мер. И в начале 1970 г. внутри Ирландской республиканской армии произошел раскол. Теперь существовало два крыла ИРА: «Временное» и «Официальное»

«Официальная» ИРА считала, что без должной агитационной и пропагандистской работы вооруженная борьба не приведет к запланированным результатам. «Лидеры этого крыла выступают за широкое использование политических методов с целью завоевания на свою сторону масс; за участие ИРА во всех политических выступлениях трудящихся, будь то забастовки, демонстрации бездомных либо безработных, митинги протеста против “общего рынка” или борьба против захвата ирландских земель иностранцами. Вместе с тем руководство “официального” крыла считает, что нельзя полностью отказываться от вооруженной борьбы» [6, С. 139].

«Временная» ИРА объявила своей приоритетной задачей защиту католического населения в Северной Ирландии, а итоговой целью стало полное отделение от Соединенного королевства. ВИРА считала, что заставить согласиться Англию на воссоединение страны можно лишь силой, лишь с помощью оружия.

«Участники этого сегмента ИРА выступали за жесткие меры по противостоянию английскому присутствию в Северной Ирландии. В противовес ИРА была создана организация Ольстерских Добровольцев, Ассоциация Оборона Ольстера и ряд иных военизированных юнионистских формирований» [3, С. 47].

Они развязали партизанскую войну против британской экономики, вооруженных сил и политических противников.

«Помимо нападений на армейские и полицейские посты ИРА широко применяла диверсии, в том числе с использованием заминированного автотранспорта, ракетно-минометные обстрелы, осуществляла теракты в общественных местах. В числе акций ИРА - взрыв в августе 1979 г. катера лорда Маунтбетена (дяди королевы Елизаветы II),

в результате которого он и еще 3 человека погибли, взрыв 12 октября 1984 г. в "Гранд-отеле" в Брайтоне в момент нахождения там Маргарет Тэтчер и других членов ее кабинета (5 человек, включая члена парламента, убиты, а более 30 получили ранения), покушение 7 декабря 1991 г. на премьер-министра около его особняка в Лондоне и др» [8].

Британские войска, отправленные для поддержания порядка в регионе, допускали много ошибок, некоторые их действия играли только на руку членами ВИРА, способствовали росту националистических настроений. «В качестве примера можно привести инцидент, произошедший в 1972 году, когда трое безоружных шотландских солдат, находясь в увольнении, отправились на местную вечеринку, где были застрелены бойцами ВИРА. После убийства солдат, подразделения британских военных устроили “зачистку” католического квартала, где погибли шотландские солдаты» [11, С. 233].

В период с 1971 по 1974 гг. членами ВИРА было убито больше двухсот солдат британской армии и более 50 полицейских. «В 1972 г. резко обострились отношения между Ирландской Республиканской Армией и правительственными войсками Великобритании, а также протестантскими вооруженными формированиями и ИРА. Число столкновений и актов террора выросло по сравнению с 1971 г. почти в 4 раза, число убитых вдвое, достигнув 464 человек. Ответом британских властей явилось ужесточение политики в отношении католической общины. В период 12-17 августа 1969 г. Северную Ирландию потрясли религиозные и политические беспорядки. В течение всего 1969 г. имели место случаи насилия, которые были связаны с кампанией за гражданские права, в ходе которой выдвигались требования положить конец дискриминации в отношении ирландских католиков» [10, С. 33].

Ситуация неуклонно ухудшалась после «кровавого воскресенья», когда 30 января 1972 г. британская армия застрелила 13 демонстрантов, выступавших за гражданские права, в Лондондерри [2]. Было заявлено, что по войскам был открыт огонь со стороны демонстрантов, которые не принимали участия в марше, военные были вынуждены открыть огонь в ответ [3].

Лишь в 2010 г. тогдашний британский премьер-министр Дэвид Кэмерон извинился перед жертвами и родственниками погибшим. По результатам нового расследования был сделан вывод, что стрельба по демонстрантам не имела никакого основания [5].

Опасаясь полномасштабной гражданской войны, британское правительство во главе с премьер-министром Эдвардом Хитом 24 марта 1972 года ввело «прямое правление» из Лондона. Хит назначил своего близкого коллегу Уильяма Уайтлоу первым государственным секретарем по делам Северной Ирландии. Кроме того, был принят закон позволявший выселять из Британии жителей, которые могли подозревать в симпатиях к ИРА [7, с. 281].

ВИРА продолжала тактику нападений и взрывов, так около часа дня, в пятницу, 21 июля 1972 года, команда по обезвреживанию бомб в Белфасте получила первый за день вызов. Взрывчатка была обнаружена под мостом Альберта. В общей сложности Временная ИРА установила 23 бомбы в центре Белфаста и его окрестностях. Террор распространялся. Люди спасались от одной бомбы, но наткнулись на другую. Взрыв продолжался примерно час и 20 минут, вызвав беспрецедентный хаос по всему городу. Службы безопасности и медицинские учреждения были задействованы на пределе своих возможностей.

«Ответом британских властей явилось ужесточение политики в отношении католической общины. В июле в ходе так называемой операции «Мотормен» английские войска, применив броневики и танки, оккупировали гетто крупных городов и провели в них повальные обыски и массовые аресты. К концу года число содержащихся за решеткой заключенных католиков достигло двух тысяч. Варварское обращение английских военнослужащих с католическим населением сплотило против британской

политики все угнетенное меньшинство. Начались и продолжались позже массовые кампании по непризнанию новой системы управления, неуплате квартплаты, налогов и т. п» [4, С. 385].

За 1972 г. прогремело множество взрывов, кроме вышеупомянутой «кровавой пятницы» следует назвать взрыв в ресторане «Аберкорн», взрыв на Донегол-стрит и в баре «Бенни», но не все из этих взрывов были осуществлены ВИРА, так, например, взрыв в ресторане «Аберкорн», ответственность за него на себя никто не взял, а полиция так и не смогла предъявить обвинения.

Тактику террора ВИРА продолжила в последующие годы, так в октябре 1974 г. были взорваны бомбы в двух пабах южной Англии, в ноябре была установлена бомба в Лондонском пабе. Несколько дней спустя взрывы прогремели в пабах Бирмингема.

«В первоначальный период активизации деятельности ИРА в 1970-е гг. борьба с ней была возложена на Королевскую полицию Ольстера (КПО) при поддержке британской армии и советнической помощи контрразведывательной службы МИ-5. На "Сикрет интеллидгент сервис" (британскую разведку, СИС или МИ-6) была возложена задача оказания помощи КПО путем проведения операций в Ирландской Республике и других странах. Объясняется это теми обстоятельствами, что сотрудники полиции Ольстера воспринимали теракты как "внутреннее дело провинции" и считали делом чести выявить и покарать преступников. К тому же вмешательство Лондона они были склонны оценивать как проявление определенного недоверия к себе и сомнения в своей компетенции. Однако после введения в Ольстере в 1972 г. прямого правления из Лондона роль МИ-5 в противодействии терроризму ИРА и других радикальных и экстремистско-террористических группировок стала возрастать» [8].

Таким образом можно сделать вывод, что раскол Ирландской республиканской армии в начале 1970 г. на две ячейки стал поворотным моментом в истории конфликта в Северной Ирландии. Два крыла ИРА имели абсолютно разные методы для решения этносоциального конфликта внутри общества. «Официальное» крыло считало, что в первую очередь нужно делать ставку на политическую составляющую, «временное» же считало с точностью, наоборот, по их мнению, достичь желаемого результата можно было лишь с помощью вооруженной борьбы. Разочарование в политике «официального» крыла ИРА, которое делало ставку на марксистскую идеологию и умеренные методы, привело к радикализации части республиканцев. ВИРА, избравшая тактику вооруженной борьбы, превратилась в главную силу сопротивления британскому присутствию, используя террористические атаки, взрывы и партизанские операции. Этот период (конец 1960-х — первая половина 1970-х гг.) ознаменовался эскалацией насилия: от кровавых терактов вроде «Кровавой пятницы» до жестоких столкновений с лоялистами и силами безопасности. Ответ британских властей, однако, лишь усугубил кризис. Жесткие контрмеры — массовые аресты без суда, прямого правления из Лондона, применение армии против гражданского населения — провоцировали рост поддержки ВИРА среди католиков.

Назвать методы ВИРА оправданными нельзя, ведь в ходе этих террористических атак погибли десятки человек, не все из них были британскими военнослужащими и полицейскими. Из-за таких методов борьбы в первую очередь страдали обычные граждане. Подобные действия вызывали еще большую агрессию со стороны британских служащих, но, возможно, ВИРА этого и добивалась. Посредством террористических методов борьбы вызвать озлобленность британцев, которая бы переросла в неконтролируемую агрессию и жестокость, вследствие чего у населения появилась бы ненависть к британцам, переросшая в войну, уже по итогам которой Северная Ирландия смогла бы выйти из состава Соединенного королевства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cabinet Minutes Confidential Annex. Thursday 3 February 1972 [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: <https://web.archive.org/web/20040614193457/http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2003/nig.htm>
2. Message No 3 of 30 January 1972. No 10 to Chequers From Lord Bridges to Prime Minister [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: <https://web.archive.org/web/20040614192333/http://www.pro.gov.uk/releases/nyo2003/nif.htm>
3. Афанасьева Д. А. Триумф и трагедия: события Первой мировой войны в идеологии участников Ольстерского конфликта (1969-1998 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки, т. 4. – №1. – 2022. С. 46-55
4. Гольман Л. И., Колпаков А. Д., Кунина В. Э., Сапрыкин Ю. М. История Ирландии — Москва: Мысль, 1980. — 390 с.
5. Земляков. К. Кровавые воскресенья мира // Журнал «Коммерсантъ Власть». – №25 от 28.06.2010. – 40 с. [электронный ресурс] – режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1390538>
6. Зимулина Л. А. Ирландская республиканская армия // Вопросы истории. – 1973. №8. – С. 130-141
7. Невилл Питер. Ирландия: История страны / Питер Невилл; пер. с англ. Н. Омельянович под ред. Ковешникова. – М.: Эксмо; СПб; Мидгард. – 2009 – 352 с.: ил. – (Биографии Великих стран).
8. Николаев И. Опыт Великобритании – в пример // Независимая газета. – №256 от 29. 11. 2002 [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: https://nvo.ng.ru/spforces/2002-11-29/7_great_britain.html
9. Полякова Е. Ю. Ольстер: истоки трагедии.— М.: Наука. – 1982.— 164 с.
10. Скопылатова В. И. Обострение отношений Великобритании и Северной Ирландии (1969-1973 гг.) / В. И. Скопылатова // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы III Международной научной конференции, Донецк, 25 октября 2018 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 7. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2018. – С. 32-34. Режим доступа: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36504833>
11. Спасовский П. Ирландская республиканская армия – Екатеринбург: Издательские решения. – 2020. – 371 с.
12. Смирнов А. Ирландский терроризм в Великобритании // Газета «Коммерсантъ». – №22 от 14. 12. 1996. – 4 с. [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/126808>
13. Anphoblacht. 5 October 1968 – RUC attack Civil Rights march in Duke Street, Derry [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: <https://www.anphoblacht.com/contents/24451>

THE IRISH REPUBLICAN ARMY: TACTICS OF TERROR. COUNTERMEASURES BY THE BRITISH AUTHORITIES

Annotation. This article examines the activities of the Irish Republican Army (IRA), one of the most famous terrorist organizations of the 20th century, which fought for the independence of Northern Ireland from Great Britain. The main focus is on tactical IRA methods. The article also analyzes the confrontation between the Irish Republican Army and the British special services, examines the countermeasures that the British took to fight the Irish rebels.

Keywords: Ireland, Britain, Northern Ireland, IRA, terror, PIRA

Zharkikh M. S.

Scientific adviser: Bredikhin A. V., Doctor of Historical Sciences, professor Donetsk State University

E-mail: zharkikh1mikhail@gmail.com

УДК 327.7

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ООН И ШОС

Загорская Е.М.

Научный руководитель: Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ роли и эффективности международных организаций в решении глобальных проблем современности на примере ООН и ШОС. Проводится категоризация глобальных вызовов, стоящих перед человечеством к 2025 году, с последующим детальным разбором деятельности ключевых структур, в первую очередь ООН и ШОС, в экологической, социальной и политической сферах. На основе определённых критериев дается сбалансированная оценка эффективности их работы, выявляются успехи и системные проблемы. Делается вывод о незаменимости, но и острой необходимости реформирования существующих механизмов глобального и регионального управления для адекватного ответа на вызовы XXI века в условиях формирующегося многополярного миропорядка.

Ключевые слова: международные организации, глобальные проблемы, Организация Объединённых Наций, Шанхайская организация сотрудничества.

Вступление. Актуальность исследования обусловлена беспрецедентным обострением и усложнением глобальных проблем, от изменения климата до геополитической нестабильности, на фоне кризиса существующих институтов международного сотрудничества. В этих условиях критически важным становится осмысление потенциала и пределов эффективности международных организаций. Оценка их деятельности позволяет выявить системные недостатки и определить пути адаптации механизмов глобального и регионального управления к новым реалиям.

Целью настоящей работы является проведение комплексного сравнительно-правового анализа роли международных организаций и оценка степени их эффективности, в частности ООН как универсальной структуры и ШОС как влиятельной региональной организации, в процессе разрешения ключевых глобальных проблем по состоянию на 2025 год. Исследование имеет трехчастную структуру. Первая часть посвящена теоретико-правовому анализу статуса, характеристик и классификации международных организаций. Вторая, аналитическая часть, содержит детальное разбирательство деятельности организаций в решении конкретных экологических, социальных и политических проблем. Третья часть представляет собой оценочный анализ эффективности ООН и ШОС на основе предложенных критериев, завершающийся обобщающими выводами.

Как справедливо указывает Е.В. Скурко, система, созданная в 1945 году, с трудом адаптировалась к реалиям многополярного мира [14, с. 60]. Роль ШОС в урегулировании этих глобальных конфликтов оставалась пассивной. Однако в своей зоне ответственности — Центральной Азии — ШОС играет ключевую стабилизирующую роль, фокусируясь на противодействии «трем силам зла»: терроризму, сепаратизму и экстремизму. Через Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) осуществляется координация спецслужб и проведение совместных учений.

Одной из наиболее актуальных глобальных проблем стала международная информационная безопасность (МИБ). Подходы ООН и ШОС к решению этой проблемы разительно отличаются.

В рамках ООН дискуссия по МИБ ведется на двух основных треках, однако работа этих механизмов характеризуется глубокими идеологическими разногласиями между западными странами и блоком России и Китая.

Как отмечают А.И. Бедаев и А.М. Ногмов, в ООН консенсус не достигнут даже по узким вопросам [1, с. 132]. В отличие от этого, в ШОС проблема МИБ решается более оперативно и последовательно. Государства-члены имеют схожие взгляды на угрозы, что позволяет им эффективно сотрудничать через подписание обязывающих документов (Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения МИБ от 2009 года) и создание региональных институтов в рамках РАТС.

Комплексная оценка эффективности деятельности ООН и ШОС требует использования таких критериев, как степень достижения уставных целей, количественные и качественные показатели, а также способность к адаптации.

С одной стороны, неоспоримы успехи ООН в гуманитарной сфере (Всемирная продовольственная программа), миротворчестве и деятельности специализированных учреждений (ВОЗ, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ). Как подчеркивала В.И. Князева, именно здесь ООН демонстрировала наибольшую результативность [6, с. 648].

С другой стороны, политическая эффективность Организации оказалась крайне низкой из-за паралича Совета Безопасности, что определяет необходимость реформ [4, с. 12]. Политическая эффективность Организации оказалась крайне низкой из-за паралича Совета Безопасности. Голосования по украинскому конфликту и ситуации в секторе Газа раз за разом демонстрировали глубочайшие разногласия постоянных членов, препятствовавшие принятию действенных мер. В этом контексте в период 2022-2025 годов активно обсуждался тезис о необходимости реформ, на трудности реализации которого указывал, в частности, А.В. Загорский [4, с. 12].

Анализ эффективности ШОС должен быть сфокусирован на ее региональной компетенции. Положительной оценки заслуживает ее деятельность в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом через РАТС. Как отмечает Д.А. Борисов, ШОС выработала эффективные механизмы противодействия экстремизму [2, с. 108]. В экономической сфере были достигнуты успехи в развитии транспортных коридоров. Расширение организации свидетельствовало о ее растущем авторитете. Вместе с этим следует отметить ограниченность влияния ШОС на глобальные проблемы.

Основная часть. Международные организации выступают субъектами международного права, создаваемыми суверенными государствами на основе учредительных актов для достижения общих целей в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах. Их правовой статус определяется сложным комплексом норм, включающих учредительные документы, такие как Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года [16], и другие международные договоры. Ключевой характеристикой правового статуса является их производная правосубъектность.

В отличие от государств, обладающих первоначальной и полной правосубъектностью, организации наделяются ею государствами-учредителями, и она ограничена рамками их учредительного акта. Далее следует функциональный характер компетенции: полномочия любой организации строго определяются ее целями и задачами, зафиксированными в уставе.

Объем прав и обязанностей организации не является универсальным, а диктуется исключительно необходимостью выполнения возложенных на нее функций, что находит прямое отражение в Статье 104 Устава ООН, закрепляющей, что «Организация пользуется на территории каждого из своих Членов такой правоспособностью, которая может оказаться необходимой для выполнения ее функций и достижения ее целей» [16, ст. 104].

Сегодня в мире существует разветвленная система международных организаций, которые классифицируются по различным критериям:

1. По компетенции они делятся на организации общей компетенции (ООН, ШОС) и специальной (ВТО, МВФ).

2. По составу участников их подразделяют на универсальные (ООН) и региональные или закрытые (ШОС, АСЕАН).

3. По характеру полномочий выделяют межправительственные организации, решения которых носят преимущественно рекомендательный характер (СНГ, ШОС), и наднациональные, чьи органы могут принимать обязательные решения прямого действия (Европейский союз).

Для комплексного анализа целесообразно сосредоточиться на ООН и ШОС, демонстрирующих двухуровневую модель глобального управления: универсальный подход ООН и региональную платформу ШОС.

Анализ деятельности международных организаций в решении глобальных проблем требует их условной категоризации на экологические, социальные и политические. В сфере экологических проблем одной из наиболее острых остается изменение климата. Ключевую координирующую роль в этой области играет ООН, под эгидой которой было заключено Парижское соглашение от 12 декабря 2015 года [11].

ШОС также уделяет внимание этой проблеме, что нашло отражение в Совместном заявлении глав государств-членов 2022 года, однако концентрируется на региональных проектах, таких как программа «Зелёный пояс».

Другой острой проблемой является утрата биологического разнообразия. Деятельность ООН была сосредоточена на реализации Куньмин-Монреальской глобальной рамочной программы по биоразнообразию [8], а в рамках ШОС была утверждена Концепция сотрудничества в области охраны окружающей среды. Проблема загрязнения пластиком стала фокусом переговоров под эгидой Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) по разработке Глобального договора, в то время как ШОС в данной области пока не проявляет значительной активности. В экологической сфере ООН выступает как незаменимая глобальная платформа, а ШОС играет вспомогательную, регионально-ориентированную роль.

Рассматривая социальные проблемы, на первый план в 2020-2025 годах вышла геополитическая нестабильность. Конфликты, в частности украинский конфликт и эскалация напряженности на Ближнем Востоке, продемонстрировали глубокий кризис системы коллективной безопасности. Деятельность Совета Безопасности ООН была фактически парализована из-за многочисленных случаев применения права вето постоянными членами.

Рассуждая на тему решения ранее описанных проблем, следует отметить, что создание единой межорганизационной платформы для унификации правовых режимов и процедур принятия решений является первоочередной мерой, которую следует инициировать на уровне высших представителей государств и руководителей министерств иностранных дел, обороны и юстиции участвующих в ШОС, ОДКБ, СНГ и диалоговых структурах с АСЕАН.

Полагаем, что, в первую очередь, необходимо разработать свод общих правовых принципов и регламентов, которые учтут национальные особенности каждой страны, с обязательным включением механизмов пересмотра спорных вопросов. Для этого требуется создать специализированную комиссию экспертов, в состав которой войдут представители правового сообщества, дипломаты и военные аналитики, ответственная за формирование унифицированных стандартов и протоколов, позволяющих устранить разногласия в правоприменении.

Следующим этапом является создание общего информационного центра, выступающего в роли посредника между организациями, позволяющего постоянно мониторить и корректировать принятые нормы, а также оперативно реагировать на возникающие кризисные ситуации с учетом изменяющихся геополитических условий.

Возникающие вопросы, связанные с пересмотром участия ряда государств в рамках объединений, требуют разработки системы постоянного мониторинга политической

конъюнктуры и оценки влияния внутренних политических перемен на международные обязательства. Полагаем, что для устранения этой проблемы рекомендуется создание независимой аналитической платформы, в которую будут включаться как государственные, так и академические эксперты, занимающиеся вопросами безопасности. Платформа должна регулярно проводить сравнительный анализ подходов к борьбе с трансграничными вызовами, а также предлагать корректирующие меры, позволяющие выстраивать согласованную стратегию коллективной безопасности даже в условиях неоднозначного внутреннего курса тех или иных государств.

Разногласия между подходами АСЕАН и ШОС в вопросах обеспечения безопасности требуют условий для двустороннего и многостороннего диалога, организованного на высоком правительственном уровне. Для этого целесообразно создать межрегиональный форум, объединяющий представителей национальных правительств и министерств обороны, где будет проводиться обмен опытом и прорабатываться общая стратегия противодействия транснациональным угрозам, который должен учитывать специфику морской и континентальной безопасности, а также механизмы контроля за передвижением подозрительных лиц и грузов. Особое внимание уделяется разработке совместных кризисных сценариев, в которых определяются роли каждого участника с учетом его геополитических интересов и экономического потенциала. В данной ситуации независимыми модераторами выступают международные эксперты, способные обеспечить нейтральность в обсуждениях, что снизит риски политизации процесса.

Одним из ключевых направлений для решения проблемы несовместимости регламентов обмена информацией является разработка единой системы классификации и защиты данных, с обязательным участием всех структур безопасности. Такая система должна предусматривать совместимые стандарты шифрования, протоколы доступа и обмена данными, а также автоматизированные платформы для координационного обмена информацией в режиме реального времени. Работа должна вестись под эгидой специально созданного координационного совета, в состав которого войдут представители всех заинтересованных объединений, что обеспечит преемственность и непрерывность работы.

Для преодоления внутриведомственных и межведомственных барьеров следует внедрить механизмы вертикального и горизонтального информационного обмена между министерствами, ответственными за вопросы безопасности, внешних дел и обороны. Необходимо создать специализированные рабочие группы, в состав которых войдут представители всех ключевых ведомств, способные формировать единую политику безопасности, учитывающую как национальные, так и международные обязательства. Такие группы должны регулярно проводить совместные сессии, с участием высокопоставленных должностных лиц, что позволит своевременно вырабатывать согласованные позиции по актуальным вопросам и оперативно реагировать на внутренние разногласия. Важной мерой выступает внедрение автоматизированных систем документооборота и координации, обеспечивающих своевременное распространение информации между ведомствами, что сократит временной разрыв в принятии решений.

Выводы. Проведенный анализ показал, что международные организации остаются незаменимым, хотя и несовершенным инструментом управления глобальными процессами. Их деятельность характеризуется дуализмом: с одной стороны, они достигают значительных успехов в гуманитарной, социальной и специализированных технических областях, с другой — в сфере поддержания мира и безопасности их эффективность серьезно подорвана политическими разногласиями. ООН, сохраняя универсальную легитимность, столкнулась с глубоким кризисом Совета Безопасности. ШОС, в свою очередь, утвердилась в качестве влиятельной региональной структуры, но

не обладает мандатом для решения проблем глобального масштаба. Эффективность любой международной организации напрямую зависит от политической воли ее государств-членов. Современный этап мирового развития наглядно демонстрирует, что без глубокой реформы существующих институтов, в первую очередь ООН, и их адаптации к реалиям многополярного мира адекватный ответ на нарастающие глобальные вызовы будет крайне затруднен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедаев, А. И. Информационные угрозы и международная информационная безопасность в работе ООН и ШОС / А. И. Бедаев, А. М. Ногмов // Современная наука и инновации. – 2024. – № 1 (49). – С. 129-135.
2. Борисов, Д. А. Оценка эффективности политики противодействия молодежному экстремизму шанхайской организации сотрудничества в контексте процессов информатизации и цифровизации / Д. А. Борисов // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 2. – С. 98-110.
3. Василенко, В. И. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект) : монография / В. И. Василенко, А. Г. Потееенко. – Москва : Проспект, 2014. – 191 с.
4. Загорский, А. В. Реформа Совета Безопасности ООН: тупик или поиск компромисса? / А. В. Загорский // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 4. – С. 5-14.
5. Карташкин, В. А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке : монография / В. А. Карташкин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 176 с.
6. Князева, В. И. Организация Объединенных Наций и ее роль в решении современных международных проблем / В. И. Князева // Сборник научных статей по результатам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 15–16 ноября 2022 года. – Ижевск, 2022. – С. 643-651.
7. Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций : принята 13.02.1946 Резолюцией 22 А (I) Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. Т. 1. – Москва : Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 138-147.
8. Куньмин-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия. CBD/COP/15/7/ADD1, 18 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbd.int/doc/c/e6d3/cd1d/daf663719a03302a9a8adf34/cop-15-07-add1-ru.pdf> (дата обращения: 02.11.2025).
9. Лукашук, И. И. Право международных организаций : учебник / И. И. Лукашук. – Москва : Волтерс Клувер, 2014. – 416 с.
10. Орлов, А. А. ООН в современном мире. Взгляд из Москвы : монография / А. А. Орлов, Г. Г. Мачитидзе ; МГИМО МИД РФ. – Москва : МГИМО-Университет, 2020. – 250 с.
11. Парижское соглашение по климату от 12 декабря 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris_agreement.shtml (дата обращения: 02.11.2025).
12. Рахимов, К. Х. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению безопасности в Евразии : монография / К. Х. Рахимов. – Москва : Русайнс, 2023. – 249 с.
13. Саркисян, Д. Б. Роль ООН и ее специализированных учреждений по решению глобальных экологических проблем / Д. Б. Саркисян // Материалы 10-ой научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию ВИНТИ РАН, Москва, 25–26 октября 2022 года. – Москва : ВИНТИ РАН, 2022. – С. 342-349.
14. Скурко, Е. В. Роль международных организаций в защите мира и безопасности / Е. В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право : Реферативный журнал. – 2023. – № 1. – С. 55-67.
15. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства : монография / под ред. С. Г. Лузянина, Е. И. Сафроновой. – Москва : ИДВ РАН, 2015. – 168 с.
16. Устав Организации Объединенных Наций : принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – Москва, 1956. – С. 14-47.
17. Хартия Шанхайской организации сотрудничества : подписана в г. Санкт-Петербурге 07.06.2002 // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 5. – С. 59-75.

**THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN SOLVING GLOBAL PROBLEMS:
ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE UN AND THE SCO**

Annotation. The article presents a comprehensive analysis of the role and effectiveness of international organizations in solving contemporary global problems, using the UN and the SCO as examples. It categorizes the global challenges facing humanity by 2025, followed by a detailed examination of the activities of these key structures, primarily the UN and the SCO, in the environmental, social, and political spheres. Based on defined criteria, a balanced assessment of their effectiveness is provided, identifying successes and systemic problems. The conclusion asserts that while existing mechanisms of global and regional governance are indispensable, they are in urgent need of reform to adequately respond to the challenges amidst the formation of a multipolar world order.

Keywords: international organizations, global problems, United Nations, Shanghai Cooperation Organisation.

Zagorskaya E.M.

Scientific supervisor: Kuznetsova E.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Donetsk State University

E-mail: <mailto:zagorskaya.em@donnu.ru>

УДК 94(728)

СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ И ЕЕ ПОСМЕРТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ У ДРЕВНИХ МАЙЯ

Ищенко Д.Д.

*Научный руководитель: Носко К.Г., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются представления древних майя о структуре человеческой сущности и ее посмертных трансформациях. На основе анализа ранних колониальных источников и эпических произведений исследуется концепция человека, описывается путь души после смерти.

Ключевые слова: древние майя, реинкарнация, душа, преисподняя.

Исторически ситуация сложилась так, что изучение древнего мира Америки протекало под знаком «чужой» культуры. Схема исследований Старого Света была довольно простой: есть два древних мира, средиземноморский и восточный, вокруг которых находятся доцивилизационные формации, имеющие разные стадии развития и зависимое положение к могущественным цивилизационным центрам.

А ведь на северо-западе Центральной Америки была сформирована одна из древнейших культур – майя, которая стала в некотором роде кульминацией развития Мезоамерики и оставила миру большое количество памятников, не сравнимое с культурами сапотеков, ольмеков или Исапы.

Цивилизация майя представляет собой явление определенно уникальное, человечество знает о них довольно много, но в реальности, конечно, не знает по большому счёту ничего.

Как бы не старались испанские монахи и завоеватели, культура древних майя не пропала без следа. Ее влияние на формирование культурного пространства латиноамериканских народов было велико как в прошлом, так и по сей день.

При исследовании истории и культуры народов важным является понимание их мировоззрения, особый элемент которого заключается в уникальном видении человеческой души.

Целью работы является изучение представлений древних майя о структуре человеческой сущности и ее трансформациях.

Исследование представлений древних майя о структуре человеческой сущности и посмертной трансформации опирается на значительный объем ранних колониальных источников и современных научных трудов.

Основополагающим источником послужила работа испанского религиозного деятеля XVI в. Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане». Его наблюдения о верованиях майя в бессмертие души и описание загробного мира стали первыми европейскими записями, заложившими фундамент для дальнейших изысканий. Важным источником также является эпос «Пополь-Вух», который предоставляет мифологический контекст для понимания пути в подземный мир, испытаний и ролей божеств.

История и культура древних майя немало изучалась отечественными исследователями. Стоит особо выделить работы Ю.В. Кнорозова, в частности «Письменность индейцев майя» и «Древние системы письма. Этническая семиотика», которые являются ключевыми для дешифровки иероглифических надписей и раскрывают детали погребальных обрядов и мифологических представлений. Важный вклад внесла Г.Г. Ершова, чьи работы, такие как «Фрай Диего де Ланда. Древние майя: уйти, чтобы вернуться» и «Духовные представления древних майя», предлагают глубокий анализ духовных аспектов культуры майя, включая структуру души и

представления о реинкарнации. Также стоит отметить труд В.И. Гуляева «Древние цивилизации Америки», который содержит ценный материал по культуре майя.

Среди зарубежных исследователей необходимо выделить работы Майкла Ко «Lords of the Underworld. Masterpieces of Classic Maya ceramics» и «The Maya scribe and his world», содержащие важные материалы по надписям майя на керамических сосудах. Также ценную информацию дает труд Альберто Руса «Costumbres funerarias de los antiguos Mayas».

Первые записи о метемпсихических представлениях народа майя относятся к XVI в. и принадлежат перу испанского религиозного деятеля Диего де Ланды. В своей работе «Сообщения о делах в Юкатане» он пишет: «Этот народ всегда верил в бессмертие души более, чем многие другие народы» [2, с. 164]. Загробный мир индейцев вызывал у де Ланды особый интерес, он хотел понять есть ли предпосылки считать, что их верования каким-то образом схожи с христианскими.

В представлениях майя человек состоял из трех сущностей: смертного тела, образа-двойника и души-дыхания.

Существование тела проходило в живом мире и имело свой жизненный конец. Образ-двойник, предположительно, одной частью совмещался с человеческим телом, другой – с животным телом. После наступления смерти человека, в этот же момент погибало и животное, двойник освобождался от него и направлялся в «поля блаженные». Данный образ имел название *ton-al*. Исходя из колониальных словарей, «тональ» подразумевал некое альтер эго каждого человека, в данных представлениях это животное, сохраняющее часть человеческой души от его рождения и до смерти, тем самым обрекающее обоих на единую судьбу [4, с. 310]. Важно отметить, что явление тонализма не относится к колдовству, оно считалось элементом естественного состояния человека.

Отдельно стоит остановиться на третьей сущности – душе-дыхании. Как правило, она ассоциировалась с биением сердца и дыханием и появлялась у младенца при рождении, а в момент смерти освобождалась и улетала. Майя представляли душу в виде звезды, бабочки или птички. Например, у народа какчикели из Панахачеля (город в юго-западной части Гватемалы) есть легенда, рассказывающая о том, что, умирая, человек превращается в звезду, а при рождении ребенка одна из звезд спускается с небосвода и становится душой новорожденного [10, с. 18].

По древнему обычаю, который в классический период уже не соблюдался, умершего укладывали в позе ребёнка, находящегося ещё в положении эмбриона, связывали и облачали в погребальный покров. Знак, который изображает труп в эмбриональном положении с элементом «краска» на голове, у майя читался *nos* – скрытый, покрытый, метонимически «призрак». Призрак, душа-тень, оставался в облике живого человека. Считается, что призраки находились в селении призраков, или преисподней, однако при необходимости могли приходить в мир живых. Душа-дыхание имела возможность отправляться в разные места, например, к богу, что часто использовалось при ритуалах жертвоприношения. Именно душа-дыхание воспринималась бессмертной сущностью, возвращавшейся для реинкарнации после прохождения через иное пространство.

Хранилищем души могла выступать и кровь. Предполагалось, что с вытекающей кровью тело оставляет и живая душа. Если она не успела вытечь и свернулась, то это было знаком, что душа остается взаперти. Как вместилище могло расцениваться бьющееся сердце, поэтому при жертвоприношении его необходимо было вырывать как можно быстрее и, еще трепещущим, подносить богу, пока душа его не покинула [2, с. 155].

Физическим воплощением реинкарнируемой души считался глаз *ich*. Объяснение заключалось в том, что по мнению майя только этот орган имел самостоятельную

«жизнь». При жизни глаз движется, блестит, выражает мысли и эмоции, но при наступлении смерти – тускнеет, «уходит» (закатывается) [4, с. 311].

Такие представления древних майя о загробном существовании нашли отражение в надписях и иллюстрациях на саркофаге из Храма надписей (Паленке). На нем изображено мировое дерево, связывающее верхний (реальный) и подземный (антимир) миры. По преданиям, его корни напитывались девственными водами, находящимися под толщей земли, а крона пресекала небесное пространство. После смерти человека «душа-тень» отправлялась в антимир, где занимала такое же положение, как и в племени [3, с. 237]. И именно призрак умершего запечатлён у дерева. Стоит отметить, что на саркофаге изображено желтое дерево *kan che*, соотносящееся у майя с югом (другим сторонам света соответствовали другие миротворящие деревья: красное – восток, черное – запад, белое – север). Оно считалось главным, как и бог Бакаб, отвечающий за южную сторону света.

В работе Диего де Ланды мы видим, что южный Бакаб, *kan Bacab*, считался старшим и лучшим из четырех братьев-богов Бакабов, поэтому майя в молитвах упоминали его первым. Испанский священник писал об особом значении *kan che*: «...они помещали изображение на жердь, которая имела название *k'ante*, ставили ему на плечи ангела в знак воды и того, что этот год должен быть хорошим» [2, с. 172]. Со временем, развивая идею о главенствующем Бакабе, который возвышался на дереве юга, майя придали *kan che* значение «трон», «должность».

Возвращаясь к изображениям на саркофаге из Паленке, нужно отметить вплетённые в дерево символы земледелия, а также расположившуюся на верхушке птицу-связника между мирами (священная для народа майя птица – кетцаль). Человек, лежащий под деревом, находится в характерном для изображений периода древних майя положении отдыхающего. Одежда намеренно архаизирована. На поясе располагается надпись 281.744.751 *Kan Moo Bol* ([сын] Желтой Попугаихи и Ягуара). Другие тексты, находящиеся на стенках саркофага, подтверждают, что так звали погребённого правителя. Нижняя часть крышки содержит в виде орнамента повторяющиеся знаки *chaam* (выдающийся) и *la* (владыка).

По преданиям, бог дождя каждый год совершает обход своих владений, посещая также и преисподнюю *ich chab*, куда спуститься можно по лестнице. Этот текст сопровождается изображением сооружения с высокими и узкими ступенями, символами бирюзы и драгоценных камней [6, с. 482].

Призрак также отправляется в преисподнюю по холодной лестнице, по синекдохе означающей и всю преисподнюю. В эпосе майя-киче «Пополь-Вух» содержится описание того, как мифические близнецы Хун-Ахпу и Шбаланке спускаются в подземный мир: «...(братья) отправились в путь, неся каждый свою выдвную трубку, стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступеням и пересекли несколько различных потоков и ущелий» [7, с. 59]. В заупокойной формуле (иероглифические надписи на погребальных сосудах древних майя) странствия призрака в подземном мире названы «большим путем».

Дорога в подземный мир начиналась со вступления на холодную лестницу, на которой призраку встречались три демона (сосуд №14), являвшихся прислужниками супруги правителя преисподней Тоша, черного бога грозы [8]. Согласно рукописям, ею являлась Чак Кит, Великая Богиня, которая изображалась старухой с когтистыми лапами. У ольмеков она, предположительно, считалась верховной богиней Луны, имеющей свиту из шести карликов (покровителей синодических месяцев лунного полугодия). Их изображение можно увидеть на стелах №2 и №3 одного из крупнейших центров цивилизации ольмеков – Ла-Венты. В дальнейшем лунная богиня утрачивает статус Верховной из-за перехода к солнечному календарю. Интересно, что как в свите богини Луны, так и в свите Чак Кит один из карликов является горбуном. Французский исследователь Жак Сустель высказал мнение, что младшие божества с изображений Ла-

Венты в настоящее время превратились в обычных духов, которые обитают в тропических лесах. В некоторых штатах Мексики их прозвали «чанеки» [5, с. 155].

Первый демон лестницы является главным, «хозяином неба». Он числится не только в свите Чак Кит, но и самого Тоша (сосуд №49). Этому демону соответствовал эпитет *rau* – «призывающий». Очевидно, он созывал у входа на лестницу призраков. Блок, который передает его имя, можно увидеть в титулатуре властителя города Калак'муль.

Вторым демоном был «хозяин смены» – *ah' ki-ngal*. Предполагается, что речь идет о времени нахождения в преисподней призраков. Слово *ki-ix* можно встретить и сейчас в названии должностного лица в штате Чьяпас у индейцев цоциль. Этот демон обладал направляющей функцией, указывал призраку дорогу. Блок, отображающий его имя, встречается в титулатуре правителя города Мачакила.

Третий демон является «хозяином ягуара» – *Ah' hix-ngal*, имеет эпитет «ярый». Согласно текстам на сосудах, ягуар называется «очищающим». Из этого следует, что, вероятно, функцией данного демона был контроль очищения призрака. Блок, который передает эпитет «ярый», относящийся к имени третьего представителя лестницы, можно увидеть в титулатуре властелина Тик'аля [1, с. 279].

Возвращаясь к черному богу грозы Тошу, следует сказать, что он, как и его супруга, имел свою свиту. Однако у него она состояла из шести богов (сосуд №49) [9]. В постклассический период его образ был переосмыслен: Тош, под стать Чак Кит, представлялся теперь довольно опасным, становился врагом земледелия и воиноразрушителем, в руках которого символы убийства и грабежа.

В надписях классического периода Тош является одним из двух соправителей преисподней. Вторым властителем считался *Vaay Kan* – «Дух Улитка». Его изображали в одних случаях сидящим в витой раковине, в других с раковиной за спиной. В названиях богов морфема *vaay* имеет перевод «дух». Предполагается, что изначально морфема имела значение «тотем», затем – «зверь, имеющий мистическую связь с человеком». Согласно рукописям, Дух Улитка иногда именовался *ah' ho vaay tun* – «владеющий пятью зловещими [днями] года» (в этом случае морфема *vaay* имеет другое значение – «зловещий»). Это был титул божества-распорядителя, который правил на протяжении последних пяти дней в году, когда сменялась власть богов. Во времена, когда формировалось майяское государство, происходило чередование правителей, власть передавалась поочередно представителям глав четырех родов. Такая ротация владык контролировалась верховным жрецом, который сначала был прототипом бога-распорядителя, а потом стал считаться его имперсонатором. Образ бога-распорядителя не был устоявшимся и на протяжении времени претерпевал изменения. Например, в Дрезденской рукописи данную должность занимает уже бог-опоссум – *Yuu-aan*.

Если детально разобрать сцены, изображенные на сосудах, то становится понятным наличие в преисподней майя довольно большого разнообразия божеств. Особый интерес в этом вопросе представляет сосуд №37, на котором отображены 32 бога. Поскольку первая фигура представляет собой символ, то американский исследователь Майкл Ко выдвинул версию, что в сцене задействовано 31 божество. По всей видимости, эти боги в представлениях майя были предками родов, находившимися в преисподней. На это предположение наталкивает тот факт, что их количество равнялось удвоенному числу родов, или брачных групп, которых во времена ольмеков насчитывалось 16, в более поздний период, период майя, – 32 [4, с. 315].

Надзирателем призраков считалась *Zotz'* – Летучая Мышь. Это было жуткое божественное существо подземного мира. Как правило, она изображалась на сосудах отдельно. Например, сосуд из Чама (Гватемала) дает следующую картину: Летучая Мышь с распахнутыми зубчатыми крыльями, возле пости знак огня – *tooc*, на шее

ожерелье – *ah'*, на лапах браслеты. С правой стороны изображения находится надпись, трижды повторяющая пару блоков:

27.526 *um chab* Владыка [подземного] мира,
27.528 *um cu* владыка периода [очищения] [9; 5, с. 158].

В эпосе «Пополь-Вух» Летучая Мышь играет весьма мрачную роль, ведь именно в доме Летучих Мышей состоялось последнее испытание близнецов, в ходе которого Хун-Ахпу снесли голову [7, с. 69]. С одной стороны, прототипом данного божества послужили живущие в пещерах Гватемалы и Мексики и в настоящее время летучие мыши-вампиры, с другой стороны, в Зодиакальном круге созвездие Летучей Мыши совпадает с Млечным путем, указывая на выход в пространство преисподней.

Другим особо ярким жителем подземного мира является ягуар. Его изображение можно увидеть на сосуде №67 (область Чочола, Юкатан): сидящий ягуар с бутонем водяной лилии на голове и надписью 59-533 *ti-la*, ст. м. *tul-iz* – «знаменитый», повторяющейся и на хвосте. На другой стороне сосуда расположена надпись 59.248:558(Ко:501):140 (-314) *ah' poc-ub* – «очищающий» [9; 5, с. 159].

Попав в преисподнюю, призраку предстоял процесс «очищения». Его начало следует понимать как весьма реальное промывание, для которого использовались такие приспособления как *but'ub tz'ac* – «лечебная воронка» и *t'ohob tz'ac* – «лекарственная спринцовка». Они применялись для введения препаратов из лекарственных растений. Часто использовались и просто очистительные спринцовки. Все это находит отображение на сосудах, например, сцена с богом-ягуаром, держащим спринцовку в лапе на сосуде №37 [9]. Есть изображения, на которых около спринцовки располагается надпись *tooc la-la hix* – «огненная щиплющая жидкость».

За этапом «промывания» следовал этап «обдирания». Этот процесс также стоит понимать весьма конкретно, то есть, как этап сдирания мяса с костей. В заупокойной формуле призрак в основном именуется *ca-aan* – «очищенный», «ободранный». Частично древние представления можно встретить и у современных майя. К примеру, в Юкатане практикуются вторичные захоронения: умершего сначала хоронят временно, пока мясо не сойдет с костей, затем кости перезахораниваются навечно в каменные домики-алтари на вполне «христианском» кладбище.

Судя по всему, майя считали, что в процессе очищения призрак должен был сократиться до размера эмбриона для того, чтобы при возвращении на землю, начать новую жизнь в утробе женщины, то есть, буквально – родиться второй раз. Словосочетание *ca-put zihil*, «второе рождение», переводилось и интерпретировалось европейскими монахами в более понятной им форме – «воскресение», что, конечно, не соответствовало тому смыслу, которое вкладывали древние майя. По их представлениям, душа призрака, который прошел процесс очищения в преисподней, спустя время возвращается, чтобы заново возродиться в новом теле [5, с. 160].

День, когда очищенный призрак выходит из преисподней, точно определялся жрецами. В этот день организовывалось поминальное пиршество, для которого и предназначались сосуды с заупокойной формулой и сценами из жизни умершего.

Судя по некоторым изображениям, очищенного призрака из преисподней к женщине или девушке доставлял аист-челноклюв, после чего она могла забеременеть.

Таков был путь человеческой сущности от смерти к возрождению.

Таким образом, исследование представлений древних майя о структуре человеческой сущности и ее посмертной трансформации выявляет сложную и глубоко разработанную систему мировоззрения, значительно отличающуюся от европейских концепций. Майя верили, что человек состоит из трех основных сущностей: смертного тела, образа-двойника и души-дыхания. Важным аспектом посмертного существования был путь души-тень в преисподнюю. Этот путь, описанный в «Пополь-Вух» и на

погребальных сосудах, включал прохождение через холодную лестницу, встречи с демонами-прислужниками, а также процесс «очищения».

Детальное изучение этих аспектов позволит не только реконструировать духовный мир древних майя, но и понять их вклад в формирование культурного пространства Мезоамерики, которое продолжает оказывать влияние и по сей день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуляев В. И. Древние цивилизации Америки. – М.: «Вече», 2008. – 448 с.
2. Де Ланда Д. Сообщение о делах в Юкатане. – М.-Л.: АН СССР, 1955. – 327 с.
3. Ершова Г. Г. Духовные представления древних майя: специальность 07.00.03 «Всеобщая история»: Диссертация на соискание доктора исторических наук / Ершова Г. Г.; Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2003. – 395 с.
4. Ершова Г.Г. Фрай Диего де Ланда.; Древние майя: уйти, чтобы вернуться / Г. Ершова; Ин-т археологии РАН. Центр мезоамер. исслед. им. Ю. В. Кнорозова РГГУ. – М.: Ладомир, 2000. – 565 с.
5. Кнорозов Ю.В. Древние системы письма. Этническая семиотика. – М.: Издательство «Наука», 1986. – 300 с.
6. Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. – М.: Книга по Требованию, 2024. – 669 с.
7. Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. – М.-Л.: АН СССР, 1959 – 270 с.
8. Coe M. D. Lords of the Underworld. Masterpieces of Classic Maya ceramics. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 142 p.
9. Coe M. D. The Maya scribe and his world. – New York: Grolier Club, 1973. – 160 p.
10. Ruz Lhuiller A. Costumbres funerarias de los antiguos Mayas. – Mexico: Universidad Nacional Autonoma de Mexico, 1968.

THE STRUCTURE OF HUMAN ESSENCE AND ITS POSTMORTAL TRANSFORMATION AMONG THE ANCIENT MAYANS

Abstract. This article examines ancient Mayan beliefs about the structure of human essence and its postmortem transformations. Based on an analysis of early colonial sources and epic works, the concept of man is explored and the path of the soul after death is described.

Keywords: ancient Maya, reincarnation, soul, underworld.

Ishchenko D.D.

Scientific adviser: Nosko K.G., Associate Professor Donetsk State University

E-mail: dasha04id@gmail.com

УДК 327.57(510+541.1-67)

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР – ПРОЕКТ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ

Козлова Е. И.

Научный руководитель: Козловский А. Ю., старший преподаватель ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Китайско-пакистанский экономический коридор, будучи флагманским проектом инициативы «Пояс и путь», представляет собой уникальный кейс многомерной модели региональной безопасности и развития. В рамках данной научной статьи автором рассмотрен КПЭК не просто как инфраструктурная программа, а как комплексный двухсторонний геостратегический инструмент. Через призму теорий неореализма и либерального институционализма автор проанализировал, как экономическая взаимозависимость, создаваемая коридором, реконфигурирует традиционные параметры безопасности, стимулирует внутреннее развитие и формирует фундаментальные институциональные рамки регионального взаимодействия. Выводы, представленные в данной научной статье, указывают на синергию целей развития и безопасности, присущую КПЭК, а также на вызовы, способные повлиять на его долгосрочную эффективность.

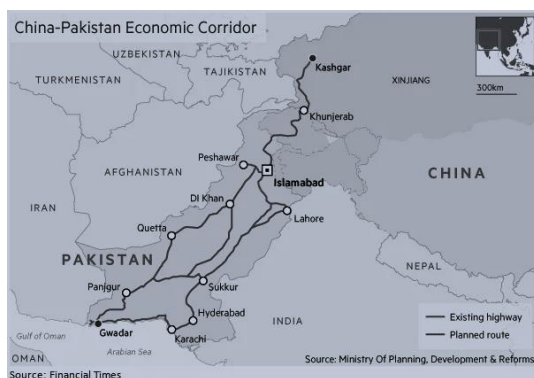
Ключевые слова: Китайско-пакистанский экономический коридор, «Пояс и путь», геэкономика, региональная интеграция, энергетическая безопасность.

Традиционные китайско-пакистанские отношения десятилетиями строились на жесткой геополитической логике: совместное сдерживание общего регионального соперника — Индии. Однако запуск в 2015 г. Китайско-пакистанского экономического коридора (далее – КПЭК) (рис. 1) знаменует собой качественный переход от преимущественно военного и дипломатического союза к «комплексной модели», в рамках которой экономическое развитие становится основной детерминантой для обеспечения долгосрочной и устойчивой безопасности. КПЭК, соединяющий в себе Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая с пакистанским портом Гвадар, представляет собой сеть автомобильных и железных дорог, энергетических и промышленных проектов на сумму свыше 60 млрд. долларов.

Цель данного исследования — проанализировать, каким образом КПЭК функционирует в качестве «гибридного инструмента», одновременно решающего задачи экономического развития и переосмысления проблем региональной безопасности.

На наш взгляд, КПЭК переносит акцент с безопасности в понятиях «hard security» на своего рода «неотъемлемую безопасность» (человеческое развитие, энергетику, внутреннюю устойчивость государства).

Рисунок 1. Схема Китайско-пакистанского экономического коридора.

Теоретическое осмысление сути КПЭК требует синтеза нескольких взаимодополняющих подходов, отражающих его многомерную природу. Так, позиция

неореализма позволяет объяснить исходную стратегическую логику данного проекта. Для Китая он представляет собой инструмент диверсификации жизненно важных маршрутов снабжения, снижения зависимости от Малаккского пролива как транспортной артерии и усиления политики «защиты периферии».

Однако для понимания «трансформационного потенциала» проекта ключевое значение приобретает теория либеральной взаимозависимости. Так, формируемая КПЭК плотная сеть экономических и инфраструктурных связей между двумя странами призвана институционализировать их сотрудничество, существенно повысив потенциальные издержки любого конфликта с ними, переориентировав, таким образом, интересы правящих элит Индии в сторону сотрудничества с Китаем и Пакистаном, превращая, в частности, экономическое развитие в фундамент внутренней стабильности Пакистана [1]. Эта логика находит своё законченное выражение в концепции «безопасность и развитие», которая постулирует взаимную обусловленность этих двух фундаментальных категорий. КПЭК становится операционализацией данной концепции. Масштабные инфраструктурные инвестиции направлены на устранение таких ключевых социально-экономических причин нестабильности, как бедность и безработица. Ожидаемое экономическое процветание рассматривается в качестве жизненно важного условия для подавления экстремизма и обеспечения долгосрочной безопасности в большей части Южной Азии и на Юго-Западных окраинах Китая.

КПЭК, будучи приоритетным двусторонним проектом, детерминирован не только дружественным характером китайско-пакистанских отношений, сложившихся исторически, но и рядом объективных геостратегических факторов. Так, первостепенное значение имеет уникальное транзитное положение Пакистана, который функционирует как критически важный связующий узел между Южной, Центральной Азией, Ближним Востоком и, опосредованно, Юго-Восточной Азией. Эта объективная географическая специфика в контексте реализации концепции «Пояс и путь» приобретает фундаментальное геополитическое измерение [1].

Другим стратегическим активом КПЭК является значительный демографический потенциал и Индии, и Пакистана. Так, например, Пакистан, с населением, превышающим 255 миллионов человек, и сохраняющий высокие темпы демографического прироста, представляет собой не только обширный формирующийся рынок сбыта, но и источник трудовых ресурсов. Это усиливает долгосрочную экономическую выгоду для других государств инвестировать в данный проект [2].

Интенсификация китайско-пакистанских связей, особенно в «чувствительных» инфраструктурных и военно-технических сферах, закономерно воспринимается как вызов «региональному балансу». Наибольшую озабоченность это вызывает, естественно, у Индии, которая видит в углубляющемся стратегическом альянсе двух ядерных держав фактор, потенциально дестабилизирующий хрупкую архитектуру безопасности в Южной Азии [3].

Индия, стремясь создать противовес КПЭК, ведёт активный поиск стратегических партнёров среди тихоокеанских государств, отрицательно относящихся к инициативе «Пояс и путь». Результатом этих дипломатических усилий стал четырёхсторонний диалог Индии с Австралией, США и Японией относительно возможности создания альтернативного инфраструктурного проекта, призванного отстаивать коллективные экономические интересы данной группы стран. Однако на текущем этапе данная инициатива не вышла за рамки предварительных консультаций. Как отмечают сами индийские эксперты и официальные лица, концепция находится в зачаточном состоянии, а её публичное обсуждение «считается преждевременным» [4].

Тем не менее, позиция Индии в отношении Китая и перспектив двустороннего сотрудничества с этой страной не лишена внутренней противоречивости. Несмотря на откровенно критическое отношение к инициативе «Один пояс, один путь» и, в

особенности, к строительству КПЭК, Нью-Дели воздерживается от публичной критики этого проекта. Формально Индия продолжает декларировать стремление к добрососедским и взаимовыгодным отношениям, отодвигая на второй план даже такие болезненные моменты прошлого, как конфликт 1962 г. и сохраняющиеся территориальные претензии. Эта линия последовательно озвучивается на высоком дипломатическом уровне — от переговоров советника по национальной безопасности Индии Аджита Довала с его китайским коллегой Ян Цзечи в 2017 г. до публичных заявлений посла Индии в КНР Гаутамы Бамбавале.

В свою очередь, для Китая безопасность Синьцзян-Уйгурского автономного района (далее – СУАР) является абсолютным приоритетом, напрямую связанным с территориальной целостностью. КПЭК, простираясь от Кашгара до пакистанского побережья, создает мощный экономический стимул, важный для развития наиболее отсталой западной провинции страны. Строительство современных автомагистралей, железных дорог, логистических хабов и энергетических объектов на территории СУАР – это не просто инфраструктура, а инструмент целенаправленной социально-экономической интеграции периферийного региона в национальную и глобальную экономику. Создание рабочих мест, передача технологий и рост благосостояния призваны подорвать питательную среду для экстремистских и сепаратистских нарративов, устраняя коренные причины нестабильности [2].

Для Пакистана хронический дефицит энергетической безопасности десятилетиями служил ключевым дестабилизирующим фактором, парализуя промышленность, провоцируя социальные волнения и подрывая экономический рост. Проект КПЭК призван решить эту проблему: более половины первоначальных инвестиций было направлено на строительство в Пакистане критически важных объектов энергетической инфраструктуры – угольных, солнечных, гидроэлектрических и ветряных электростанций. Их ввод в эксплуатацию существенно сократил разрыв между спросом и предложением электроэнергии. Устранение энергетического кризиса напрямую усиливает экономическую безопасность страны, создавая основу для промышленного ренессанса, снижения безработицы и социальной фрустрации. Благополучная экономика, в свою очередь, является фундаментом для внутренней политической стабильности и снижения привлекательности радикальных идей среди маргинализированного населения [5].

Вооруженные силы Пакистана несут ключевую ответственность за безопасность китайского персонала и объектов КПЭК, что способствовало дальнейшему укреплению стратегического альянса между двумя странами. Тем не менее, трасса коридора пролегает через территории, характеризующиеся хронической внутренней нестабильностью. Китайские специалисты и объекты КПЭК неоднократно становились мишенями для нападений, которые осуществляются как со стороны исламистских джихадистских группировок, так и белуджских сепаратистских формирований, действующих в этих регионах. Дополнительную угрозу безопасности проекта могут представлять пакистанские талибы, выдвигающие финансовые требования под угрозой осуществления ими целенаправленных атак на инфраструктуру инициативы «Один пояс, один путь» [6].

Благодаря КПЭК, Пакистан активно развивает сотрудничество с рядом ключевых государств, включая Китай, Иран, США, Турцию и Малайзию. Значительная содержательная часть этого диалога сосредоточена на вопросах морской экономики, тесно связанных с развитием КПЭК, что подчёркивает его растущее геоэкономическое значение. Данный проект получает всё более широкое международное признание [5].

На макрорегиональном уровне КПЭК формирует новую геоэкономическую реальность, которая трансформирует традиционные подходы к безопасности. Создание диверсифицированных и устойчивых транспортных и энергетических сетей снижает

зависимость обеих стран от таких потенциально нестабильных и узких транспортных маршрутов, как Малаккский пролив [6]. Это повышает «стратегическую автономию» и устойчивость их национальных экономик в условиях кризиса. Для Пакистана глубокая экономическая интеграция с Китаем служит стратегическим противовесом влиянию других региональных держав, укрепляя его позиции на дипломатическом и военном уровнях. Проект выступает как демонстрация китайско-пакистанского стратегического партнерства, изменяющего расчеты всех акторов в Южной Азии и за ее пределами.

Однако синергетический эффект, заложенный в основу КПЭЖ, сталкивается с комплексом серьезных вызовов, способных подорвать его долгосрочную устойчивость. Ключевым риском является угроза долговой зависимости Пакистана, обусловленная масштабным кредитным финансированием проектов со стороны китайских банков. Это актуализирует дискурс о «долговой дипломатии». Внутренняя стабильность в Пакистане, которую призван укрепить коридор, подвергается эрозии из-за «структурных дисбалансов»: напряженность между федеральным центром и провинциями в вопросах распределения выгод, а также сопротивление на местах, вызванное земельными спорами и различными социокультурными факторами [7].

Геополитическое же измерение проблемы проявляется в открытом противодействии со стороны Индии, которая рассматривает трассу коридора через Гилгит-Балтистан как нарушение своего суверенитета, а также в настороженности США, усматривающих в проекте инструмент расширения китайского влияния. Наконец, институциональные слабости, включая коррупцию, недостаточную прозрачность контрактной политики и слабую межведомственную координацию в Пакистане, создают существенные препятствия для реализации экономического потенциала КПЭЖ, тем самым ставя под вопрос достижение заявленных целей.

Совместное управление масштабными инфраструктурными проектами требует постоянного и плотного взаимодействия между силовыми и разведывательными структурами двух стран, необходимого для обеспечения физической безопасности объектов, персонала и маршрутов. Это взаимодействие, включающее в себя обмен информацией, совместное патрулирование и координацию операций, привело к качественному углублению сотрудничества в сфере безопасности. Борьба с трансграничным терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом стала общей оперативной задачей. Это напрямую усиливает способности Пакистана контролировать свою территорию. Китай же может предотвращать угрозы, исходящие из приграничных зон.

Реализация КПЭЖ расширяет концепцию национальной безопасности от военно-политической сферы до комплексной модели, в рамках которой экономическая устойчивость, энергетическая независимость и социальное благополучие становятся неразрывными элементами. Проект является примером практической реализации тезиса о том, что наиболее эффективная безопасность является превентивной и основывается на устранении коренных причин уязвимостей, а не только на борьбе с их последствиями. Для обеих стран коридор служит инструментом «санации» проблемных регионов посредством их интеграции в глобальные экономические потоки.

Таким образом, КПЭЖ представляет собой инновационную модель, в которой инструменты экономического развития применяются для решения ключевых вызовов безопасности. Он формирует внешнюю среду, благоприятствующую внутренней стабильности обеих стран. Безопасность обеспечивается не только посредством военного сотрудничества, но и при помощи создания материальных условий, необходимых для долгосрочного экономического развития. КПЭЖ – это уникальный инструмент развития современных китайско-пакистанских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрисанфова Д.В. История китайско-пакистанских отношений в контексте создания энергокоридоров // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 148-151.

2. Каменев С.Н. Китайско-пакистанский экономический коридор и вопросы региональной безопасности // Восточная аналитика. 2018. № 3. С. 67-81.
3. Замаева Н.А. Китайско-пакистанские отношения: двусторонние и региональные вызовы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. Том 25. С. 226-242.
4. Лазарева В.Д., Ахтямова А.М., Рахматуллина Р.Ш. Южно-Азиатский стратегический треугольник: Индия – Пакистан – Китай в Кашмирском конфликте // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 21-46.
5. Замаева Н.А. Международные вызовы и пакистано-китайские отношения (2021-2022 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. Том 27. Вып. 2. С. 193-209.
6. Серенко И.Н. К перспективе расширения Китайско-пакистанского экономического коридора // Восточная аналитика. 2019. № 1. С. 100-107.
7. Дауров Р.Д., Шашков И.В. Китайско-пакистанский экономический коридор и фактор нестабильности Афганистана // Восточная аналитика. 2019. № 1. С. 72-75.

CHINA–PAKISTAN ECONOMIC CORRIDOR – THE PROJECT FOR SECURITY AND DEVELOPMENT

Annotation. The China-Pakistan economic corridor, being the flagship project of the «Belt and Road» initiative, is a unique case of multivariate model of regional security and development. Within this scientific paper the author considered CPEC, not just as an infrastructure program, but as a comprehensive bilateral geostrategic tool. Through the prism of neorealism and liberal institutionalism theories the author analyzed how the economic interdependence, being created by the corridor, reconfigures traditional security parameters, stimulates internal development and forms new institutional framework for regional interaction. The conclusions of the paper point to the synergy of development and security goals inherent in the CPEC, as well as the challenges that can affect its long-term effectiveness.

Keywords: China-Pakistan economic corridor, «Belt and Road», geo-economics, regional integration, energy security.

Kozlova E. I.

Scientific adviser: Kozlovsky A. Yu., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: kozlovaelizaveta2005@mai.ru

УДК 94:624(477.62) «1943/1945»

ТЕХНОЛОГИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УГОЛЬНЫХ ШАХТ ДОНБАССА В 1943–1945 гг.

Колесников Н.С.

*Научный руководитель: Агапов В.Л., д-р ист. наук, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье исследуются основные инженерные решения и организационные принципы, примененные при восстановлении угольной промышленности Донбасса в 1943–1945 гг. Особое внимание уделено выяснению последовательности восстановительных работ, способам преодоления дефицита материалов, электроэнергии и оборудования, откачке воды, показаны результаты проведенных мероприятий.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Донбасс, угольная промышленность, восстановление.

Введение. Восстановление угольной промышленности Донбасса в годы Великой Отечественной войны стало одной из самых масштабных и стратегически значимых инженерно-технических задач советского тыла. Освобожденный в сентябре 1943 г. регион предстал перед советскими солдатами в состоянии почти полного опустошения: из 882 шахт не было ни одной, избежавшей разрушений. Более 2100 км подземных выработок оказались завалены, а шахтное оборудование было уничтожено или вывезено [1, с. 189]. В условиях острого дефицита угля, сдерживавшего работу трудовых коллективов металлургических и оборонных предприятий, восстановление донбасских шахт являлось не региональной, а общегосударственной задачей, напрямую влиявшей на боеспособность Красной армии. Рассматриваемая проблема имеет обширную историографию. Особое место в ней занимает коллективная монография «Восстановление угольной промышленности Донецкого бассейна» (1957 г.) под редакцией В.Г. Гейера, подготовленная специалистами угольной отрасли при участии работников шахт, трестов и шахтостроительных комбинатов Донбасса. [2] Среди значимых трудов также можно выделить монографию В.И. Мавроди [3], научные статьи, авторами которых стали А.В. Броварь [4], В.Л. Агапов [5,6], В.С. Околотин [7] и другие.

Цель статьи – раскрытие примененных в 1943–1945 гг. ключевых инженерных решений и организационных принципов, которые позволили в кратчайшие сроки возродить добычу угля в промышленных масштабах. Особое внимание уделяется приемам водоотлива, тактике поэтапного восстановления.

Основная часть. В сентябре 1943 г. Донбасс был полностью освобожден от фашистских захватчиков. Накануне освобождения суточная добыча угля в Сталинской области составляла 0,6% довоенной. При отступлении оккупанты сбрасывали в стволы шахт вагонетки, электровозы и другое оборудование, в штреках устанавливали взрывные устройства, разрушали сооружения поверхности, взрывали стволы шахт [5, с. 96]. Подготовка к восстановлению угольной промышленности Донбасса началась задолго до его освобождения. На протяжении 1942 г. Наркомат угольной промышленности (НКУП) координировал работу научных и проектных организаций, которые прорабатывали технические вопросы восстановления угольных предприятий. Организационная подготовка к восстановлению Донбасса активизировалась в начале 1943 г., когда советские войска в рамках проведения операций «Уран», Ростовской (с 1 января 1943 г.) и Ворошиловградской (с 29 января 1943 г.) наступательных операций приступили к освобождению занятых врагом городов и поселков Ростовской, Ворошиловградской и Сталинской областей [6, с. 69]. 30 января 1943 г. принятием постановления «О восстановлении угольных шахт комбината «Ростовуголь» ГКО запустило процессы восстановления угледобычи. В ходе проведения Ворошиловградской наступательной операции были освобождены территории, на которых до войны функционирование

тресты «Краснодонуголь», «Свердловантрацит», «Фрунзеуголь», «Боково-Антрацит». 22 февраля 1943 г. ГКО принял постановление «О восстановлении угольных шахт Донбасса», в соответствии с которым начались работы в упомянутых трестах.

Полное освобождение промышленного центра страны состоялось в ходе Донбасской стратегической наступательной операции (13 августа-22 сентября 1943 г.), что позволило приступить к восстановлению шахт, располагавшихся на освобожденных территориях Ворошиловградской и Сталинской областях. Немцы вывели из строя и разрушили в Сталинской области 140 шахт; уцелело только 12 мелких с общей суточной добычей в 500 т угля. Сводные данные о разрушенных наземных объектах в табл. № 1 показывают масштабы уничтожения шахтной инфраструктуры поверхности.

Таблица №1. Масштаб разрушений наземных объектов угольных шахт Донбасса (1943 г.) [2]

Наземные объекты	Количество (всего)	Из них разрушено	% разрушения
Стволы вертикальные	424	277	65
Стволы наклонные	200	156	78
Горные выработки, тыс. м	4127	3760	91
Насосы главного водоотлива	888	840	94
Вентиляторы	491	459	93
Компрессоры	200	196	98
Электростанции	279	263	95
Копры	464	427	92
Обогатительные фабрики	13	13	100

В первую очередь руководителям и специалистам комбинатов и трестов предстояло реализовать три задачи: определить степень урона, возобновить угледобычу там, где это представлялось возможным, подготовить план восстановительных работ. В период с 12 по 16 сентября 1943 г. шахты Сталинской области были обследованы бригадами инженерно-технических работников. Предстояло приступить к проведению инвентаризации и охране уцелевшего имущества, начать очистку от разрушений промышленных площадок [6, с. 96].

Восстановление шахт представляло собой сложную инженерную задачу, требовавшую предварительного технико-экономического обоснования. Для этого были необходимы квалифицированные проектировщики. Одним из первых препятствий, с которым столкнулись руководители отрасли, стала их малочисленность. К сентябрю 1943 г. удалось собрать около 600 специалистов, из которых около 130 имели реальный опыт проектирования шахт. Остальные являлись молодыми специалистами, студентами горных вузов, инженерами смежных отраслей, прошедшими ускоренную переподготовку. Для сравнения: в довоенные годы проекты для угольной промышленности Донбасса выполняли от 1200 до 1500 проектировщиков, сосредоточенных в институтах «Южгипрошахт», «Днепрогипрошахт» и крупных проектных бюро в Сталино и Шахтах. Вся материальная база этих научно-проектных организаций была уничтожена - библиотеки, архивы чертежей, чертежные станки, расчетные инструменты. В создаваемые проектные коллективы командировались специалисты из Кузбасса, Подмоскownого и Карагандинского бассейнов [8, с. 5].

Для проведения работ, осуществлявшихся на поверхности, использовались сохранившиеся или частично разрушенные помещения. Как правило, специальные

временные сооружения не возводились. Исключением являлись деревянные копры и случаи, когда абсолютно все поверхностные здания были уничтожены (например, на шахте им. Сталина («Центральная-Ирмино») треста «Кадиевуголь»). Параллельно проходили работы по расчистке площадок стволов, восстановлению подъездных путей, приводились в порядок воздушные высоковольтные линии. На шахте «Кочегарка» треста «Горловскуголь» в сентябре 1943 г. горняки отремонтировали и приспособили для работы помещение стройотдела, механическую мастерскую, электромастерскую, кузницу. В приспособленных помещениях были размещены столовая, магазин, медпункт и детский садик. Ремонт здания ламповой в октябре была завершена первая очередь подготовительных работ, открывавших возможность неотложных ремонтных работ в стволе шахты № 3 «Кочегарка» [9].

Необходимым условием начала работ под землей было восстановление подъемных машин было. Оккупантами подъемные машины были приведены в негодность на 97 % шахт [2, с. 24]. Эта сложная и ответственная техническая задача была успешно выполнена благодаря совместной работе специалистов угольной отрасли, включая работников угольного машиностроения, и предприятий тяжелого машиностроения. К примеру, на упомянутой шахте «Кочегарка» в конце сентября 1943 г. была установлена ручная 8-тонная лебедка, соединенная с легкой одноэтажной клетью, которая позволяла четырем горнякам спуститься в ствол для обследования и проведения ремонтных работ. Скорость движения по стволу составляла 10 м/мин. Одновременно велась подготовка к установке механической лебедки ПЛ-8 в расчете на то, что к моменту устойчивого обеспечения шахты электроэнергией монтаж лебедки будет завершен [9]. На шахте им. Сталина («Центральная-Ирмино») по такому же принципу установили подъемные машины ПМ-16 и ПМ-10. Только на отдельных шахтах можно было полагаться на восстановление имеющихся подъемных установок (шахты №13-бис треста «Советскуголь» (Макеевка), №17–17-бис треста «Рутченковуголь»). В большинстве случаев приходилось проектировать и строить новые подъемные установки.

Ремонтные работы в стволе велись со стационарных проходческих полков. Расчистка стволов большинства шахт усложнялась тем, что они были до определенного уровня затоплены водой. На шахте «Кочегарка», к примеру, вода стояла на глубине 340 м от поверхности. Поэтому вначале велось восстановление устья стволов и той их части, которая находилась выше зоны затопления.

Одновременно ГКО, руководители НКУП и «Донбассэнерго» искали возможности скорейшего обеспечения шахт электроэнергией, без которой процесс откачки грунтовых вод был невозможен из-за огромных ее объемов (см. табл. №2). В день освобождения Донбасса 8 сентября 1943 г. ГКО принял постановление №4068с «Об обеспечении оборудованием электростанций, восстанавливаемых в Донбассе и других освобожденных районах». Чтобы форсировать обеспечение горняков электроэнергией, 16 сентября 1943 г. ГКО принял постановление №4141 «О дополнительных мерах по строительству передвижных электростанций», а 26 октября 1943 г. - постановление № 4425с «О первоочередном восстановлении энергетического хозяйства Донбасса». 28 ноября 1943 г. ГКО утвердил документ «О мерах по увеличению отгрузки угля железным дорогам, черной металлургии, электростанциям и оборонной промышленности в зиму 1943–1944 гг. и обеспечению шахт Донбасса электроэнергией». В связи с невыполнением постановления от 26 октября «О первоочередном восстановлении энергетического хозяйства Донбасса», ГКО подталкивал региональные органы власти ускорить работы по вводу в эксплуатацию энергосистемы Донбасса [6, с. 107].

По решению ГКО в Донбасс были направлены малогабаритные передвижные электростанции из Углича и Рыбинска, а также отдельные агрегаты: турбогенераторы из Шуи (на шахту «Юнком») и Тейково (на шахту №1 «Щегловка»), передвижную станцию из Москвы (на шахту №17-17 бис). Оборудование для других ЦЭС поступало с

предприятий из Егорьевска, Читы, Сталинграда и Ярославля. Дополнительно в Сталинскую область должна была прибыть передвижная станция с Алтайского тракторного завода. На мелких шахтах применялись локомобили и компактные энергоустановки.

Таблица №2. Объем затопления угольных шахт Донбасса (1943 г.) [10]

Наименование комбината	Общий объем затопленных выработок, млн м ³	Макс. статический объем воды, млн м ³	Кол-во затопленных шахт	% затопленности от общего числа шахт
Сталинуголь	370,7	162,0	127	90%
Ворошиловградуголь	190,6	120,0	89	96%
Ростовуголь	48,7	21,0	34	72%
Всего по Донбассу	610,0	303,0	250	90%

При разработке схем откачки специалисты и горнорабочие всегда анализировали конкретную ситуацию: сколько воды нужно откачать, какие именно участки наиболее критичны, какое оборудование уже доступно на месте [10, с. 40]. На основе этого определяли тип нужных насосов, их мощность, места установки и порядок работ.

Шахты зачастую были гидравлически связаны, что сделало осушение отдельно взятой невозможной. Так, шахта им. Сталина («Центральная-Ирмино») была сбита горными работами с шахтой №4/2-бис и имела с ней общий бассейн затопления. Поэтому воду приходилось откачивать из двух–трех шахт одновременно. Для шахт, объединенных единым подземным водоносным горизонтом, или для соседних пластов разрабатывались специальные общие схемы подготовки. Вместо того, чтобы восстанавливать каждый пласт отдельно, создавали один общий групповой или полевой штрек, обеспечивающий одновременный доступ ко всем прилегающим пластам. Такой подход существенно снижал затраты труда и материалов, упрощал организацию работ и повышал общую эффективность восстановительных усилий.

Обезвоживание горного пространства требовало большого количества водоотливного оборудования, особенно подъемных насосов, выпуск которых только возобновлялся на Горловском машзаводе имени Кирова. На некоторых шахтах эти работы начинали при отсутствии водоотливного оборудования. Например, на шахте №17-17-бис откачка происходила с помощью подъемных машин с ящиками-скипами оригинальной конструкции. Ящики-скипы служили для забора воды на глубине и поднятия ее на поверхность, где вода самотеком сливалась в водосточную канаву. Откачка осложнялась тем, что в воде находились детали машин, оборудования и транспорта, которые не мешали продолжать откачку. В шахте №17-17-бис в стволе №17 застрял электровоз, который не позволял опустить ящик-скип на глубину для забора воды. Проблема была решена благодаря привлечению к работам группы водолазов из Мариуполя [2, с. 561].

В ходе восстановления шахт специалистам приходилось сталкиваться с жуткими свидетельствами военных преступлений: остатками тел мирных жителей, подвергнутых пыткам и казням оккупационными войсками и сброшенных в стволы шахт. Так, на шахте №57, расположенной на территории совхоза «Укркомбикормсовхозтреста» Никитовского райсовета, при откачке воды были извлечены трупы замученных и расстрелянных немецко-фашистскими головорезами людей. Всего извлечено тридцать один труп, из них 5 женских. Все трупы имели возраст от 18 до 45 лет, из них один принадлежал подростку 14 или 16 лет. Ввиду того, что трупы долгое время находились в воде, опознать не представилось возможным. [11, с. 354]

На горловской шахте «Кочегарка» в условиях отсутствия подвесных вертикальных насосных установок большой производительности, пришлось применять эрлифтные насосы, работающие за счет сжатого воздуха. Система эрлифтов позволяла подавать воду в помойницу на горизонте 310 м, откуда на поверхность воду перекачивали насосы малой мощности. К 1 января 1945 г. на упомянутой «Кочегарке» появились подвесные вертикальные насосы АЯП-В, что существенно ускорило процесс откачки. Однако схема водоотлива не изменилась — вертикальные насосы подавали воду на горизонт 310 м., откуда вода перекачивалась уже на поверхность. Благодаря высокой квалификации инженеров и нестандартным технологическим решениям удалось организовать откачку с использованием разнообразной техники: горизонтальных центробежных насосов (в клетях или на тележках), подъемных насосов, эрлифтов, скипов и низконапорных насосов. Вместе с откачкой ствола производилась откачка воды из горных выработок.

Следующим техническим этапом стало восстановление осушенных горных выработок. Шахтные вентиляционные системы были полностью разрушены, что усложняло горные работы, особенно в длинных выработках с завалами. Для выполнения этих работ необходимо было вентиляционное и компрессорное оборудование. Горловский машзавод им. Кирова быстро наладил выпуск вентиляторов. Восстановленные и новые компрессоры сначала направились на шахты Центрального района Донбасса, где добыча угля велась с использованием отбойных молотков [2, с. 24]. В ходе восстановления горных выработок были проведены масштабные реконструкционные мероприятия: заменялись крепи, переустанавливались металлические кольца. Многие протяженные выработки не подлежали восстановлению, вместо них создавались новые. Завершающим этапом восстановительных работ стало возрождение шахтных поселков. Развернувшееся восстановление позволило реорганизовать жилищную застройку возле угольных предприятий.

Так уже в 1945 г. народное хозяйство страны получило 38403 тыс. т донецкого угля, что составляло 25,7% к общесоюзной добыче и 40,7% к уровню добычи угля в Донбассе в 1940 г. Только в восточной части Донбасса в 1943-1945 гг. вступили в строй действующих 123 крупные шахты, было восстановлено и построено 506 средних и мелких шахт. В 1945 г. началась закладка 50 новых крупных шахт [3, с. 31].

Заключение. Восстановление угольной промышленности Донбасса в 1943–1945 гг. стало выдающимся примером способности советского государства в экстремальных условиях осуществлять сложнейшие инженерно-технические проекты. Горными инженерами был разработан и в процессе восстановления угольных шахт реализован технологический цикл, позволивший в кратчайшие сроки возобновить добычу стратегически важного ресурса - угля. Ключевыми факторами успеха стали централизованная координация усилий на уровне ГКО, наркоматов и высокая степень инициативы местных коллективов, действовавших в условиях острого дефицита ресурсов. Анализ последовательности восстановительных работ показывает, что процесс восстановления шахт был поэтапным и взаимосвязанным. Он начинался с обследования разрушенных объектов и расчистки поверхностных площадок, после чего для обеспечения доступа под землю устанавливались временные подъемные механизмы. Критически важным шагом стало обеспечение минимального энергоснабжения за счёт передвижных станций и перебазированного оборудования, что дало возможность приступить к главной технической задаче — водоотливу. В условиях острого дефицита насосов применялись эффективные решения: эрлифты, самодельные скипы, мобильные насосные установки, а также разрабатывались групповые схемы откачки для гидравлически связанных шахт. Только после осушения выработок стало возможным восстановление вентиляции и компрессорного хозяйства, а затем реконструкция осушенных горных выработок, включая замену крепи или проходку новых штреков. По мере стабилизации ситуации временные решения последовательно заменялись на

стационарные, а завершающим этапом стала реорганизация шахтных поселков. Таким образом, опыт восстановления донбасских шахт представляет собой уникальный историко-технический феномен, демонстрирующий, как сочетание государственной воли, научно-инженерной мысли и трудового энтузиазма позволило преодолеть, казалось бы, непреодолимые разрушения и внести решающий вклад в победу в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комлякова Ю. Ю., Руднева М. А. Угольная промышленность Донбасса накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.) // *Via in tempore. История. Политология.* 2025. №1. [Электронный ресурс]: - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolnaya-promyshlennost-donbassa-nakanune-i-v-pervye-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1939-1943-gg> (дата обращения: 03.01.2026).
2. Восстановление угольной промышленности Донецкого бассейна. В 2-х томах. Том II. / ред. В. Г. Гейер. М.: Углетехиздат, 1957. - 784 с.
3. Мавроди В. И. Коммунисты Донбасса в борьбе за восстановление тяжелой промышленности в годы Великой Отечественной войны (1943 - 1945 гг.). – М.: Изд- во МГУ. 1962. – 63 с.
4. Броварь А. В. Восстановление и правовое обеспечение угольной промышленности Донбасса в годы Великой Отечественной войны // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти: сборник трудов международной научно-образовательной конференции, 15–16 октября 2020 г. – СПб.: Свое издательство, 2020. С. 81-88.
5. Агапов, В. Л. Первые шаги по восстановлению угольного Донбасса (февраль 1943 г.) / В. Л. Агапов // *Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года. Том 7. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 69-71. – EDN MVSCTL.*
6. Агапов, В. Л. Деятельность Государственного комитета обороны по восстановлению угледобычи в комбинате «Сталинуголь» в сентябре-декабре 1943 г / В. Л. Агапов // *Журнал исторических, политологических и международных исследований.* – 2023. – № 2(85). – С. 94-112. – EDN TQNTMW.
7. Околотин, В. С. О мерах Государственного комитета обороны по восстановлению угольных шахт Донбасса в январе-марте 1943 г / В. С. Околотин // *Журнал исторических, политологических и международных исследований.* – 2020. – № 1-2(72-73). – С. 72-78. – EDN PRRQFQ.
8. Броварь, А. В. Научно - образовательный потенциал Донбасса в восстановлении и развитии угольной промышленности 40-60 гг. XX века / А. В. Броварь. – Донецк : Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт научно-технической информации», 2024. – 47 с. – EDN MDLWMP.
9. Описание восстановления шахты "Кочегарка" треста "Горловскуголь" комбината "Артемуголь", 1950 . - [Электронный ресурс]: - Режим доступа: URL <https://www.donmining.info/2014/11/1950.html> (дата обращения: 06.02.2026).
10. Игнатов Н.Н., Гейер В.Г., Чернавкин Н.Н. Откачка воды при восстановлении Донбасса. - М.: Углетехиздат, 1950. – 194 с.
11. Горлівка в період Великої Вітчизняної війни та перші повоєнні роки (1941-1950): історичний нарис та джерела / В. Є. Сусликов, Д. М. Титаренко. – Донецьк : Норд-прес, 2010. – 505 с.

TECHNOLOGY OF RESTORATION OF COAL MINES OF DONBASS IN 1943–1945

Annotation. This article examines the key engineering solutions and organizational principles used in the restoration of the Donbas coal industry from 1943 to 1945. Particular attention is paid to the sequence of restoration work, methods for overcoming shortages of materials, electricity, and equipment, and water pumping. The results of these measures are presented.

Keywords: The Great Patriotic War, Donbass, coal industry, restoration.

Kolesnikov N.S.

Scientific supervisor: Agapov V. L. D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor
Donetsk National University
E-mail: giakolesnikov@yandex.com

УДК 316.2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГАБРИЭЛЯ ТАРДА

Кононов А.А.

*Научный руководитель: Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент.
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе описываются биография и деятельность Габриэля Тарда (судебная практика, должность директора отдела уголовной статистики, переход в науку и кафедра в Коллеж де Франс), его основные социологические взгляды («Законы подражания» 1890 года с верховным законом, законом направления и законом социального уровня; «Социальные законы» 1898 года — законы повторения, противопоставления и приспособления), теория толпы (сравнение с сомнамбулизмом, классификация на ожидающую, внимающую, манифестантскую и действующую толпы, подвиды агрессивная, паническая, стяжательская, отличие от публики) и взгляды на преступную толпу, а также итоги и актуальность идей Тарда в современном мире 2025 года (в эпоху социальных сетей, вирусных трендов, фейковых новостей и массовых протестов).

Ключевые слова: Габриэль Тард, теория подражания, законы подражания, социальные законы, толпа, публика, преступная толпа, социология толпы, Франция XIX–XX веков.

В конце XIX века во Франции, особенно после кровавых событий Парижской коммуны 1871 года, общество жило в постоянном страхе перед уличной толпой. Именно тогда и появился человек, который впервые попытался объяснить всё это не эмоциями, а спокойно и с научным обоснованием. Этим человеком был Габриэль Тард (1843–1904) – судья, криминолог, а потом один из самых известных социологов Европы.

Актуальность темы очевидна: чтобы понять, почему люди в 2025 году одновременно надевают одинаковые кроссовки, верят одним и тем же фейковым новостям или выходят на площадь с одинаковыми плакатами – нужно вернуться к Тарду.

Цель статьи – показать основные социологические взгляды Габриэля Тарда с акцентом на его теорию толпы и подражания и объяснить, почему его исследования актуальны по сей день.

Габриэль Тард (1843–1904) – один из самых ярких французских мыслителей конца XIX – начала XX века. Его путь в науку был совсем не обычным для того времени: он не был «кабинетным профессором», а пришёл в социологию прямо из судебного зала.

Родился в небольшом городке Сарла (юго-запад Франции) в судейской семье. С детства видел, как отец разбирает уголовные дела, и сам решил пойти по юридической стезе. После окончания школы и юридического факультета в Тулузе с 1867 по 1894 год проработал в судебной системе. С 1894 года стал директором отдела уголовной статистики при Министерстве юстиции Франции. Это был золотой период для будущего социолога: он лично читал тысячи уголовных дел со всей страны, проводил допросы, изучал статистику преступлений. Именно тогда Тард заметил удивительную вещь: большинство участников уличных бунтов, погромов и массовых преступлений – совершенно обычные люди (рабочие, мелкие торговцы, отцы семейств), которые в одиночку никогда бы не нарушили закон. В 1894 году, в возрасте 51 года, оставляет государственную службу и полностью уходит в науку. Он уже известен: его книги «Законы подражания» (1890) и статьи в журналах сделали его знаменитым. В 1900 году случается главное признание — получает одну из самых престижных кафедр Франции — кафедру современной философии в Коллеж де Франс в Париже. К сожалению, профессорская карьера длилась недолго: 13 мая 1904 года Тард внезапно умер от болезни в возрасте 61 года. Но за свою жизнь он успел написать больше двадцати книг и сотни статей, которые до сих пор переиздаются и изучаются. Человек, который первым объяснил, как работает массовая психология

Тард считал подражание самым главным и самым простым социальным фактом.

1. Самое чёткое определение — из «Законов подражания» (1890): «Общество — это подражание, а подражание — это своего рода гипнотизм». Можно сказать, что для человека общество – это нормальное явление, значит все мы попадаем под влияние этого гипноза, что является своего рода нормой.

2. «Подражание идёт от внутреннего к внешнему» - На примере: Сначала люди принимают новую религию или политическую идею в голове (внутреннее). А потом уже начинают носить особую одежду, делать определённые жесты, строить храмы или ходить на митинги (внешнее).

В книге «Законы подражания» (1890) в последней главе итоги и главные законы, по которым работает подражание. Верховный закон: подражание стремится к бесконечному распространению. Тард пишет: «Верховным законом подражания является по-видимому его стремление к бесконечному распространению. Это своего рода врожденное и безмерное властолюбие, составляющее душу вселенной... даже самое пустое, не исключая и ничтожнейшего индивидуального нововведения, распространится во всей бесконечно-расширившейся сфере социальных отношений» [1, с. 284]. Простыми словами: любая идея или изобретение хочет распространиться на как можно больше людей, как волна в океане. Если ничто не мешает, оно захватит весь мир.

Закон направления: подражание идёт от внутреннего к внешнему Тард формулирует: «каждый зародыш подражания... развивается постепенно, получает внешнее выражение в словах и действиях... согласно с законом развития изнутри наружу» [1, с. 286]. Простыми словами: сначала копируется что-то внутри головы (мысль, вера, желание), а потом это выходит наружу (в одежде, словах, действиях).

Закон социального уровня: подражание идёт от высшего к низшему Тард объясняет: «нововведение, задуманное или принятое последними [высшими классами], легко передается низшим слоям общества, привыкшим подчиняться обаянию высших» [1, с. 286]. Простыми словами: люди копируют тех, кого считают лучше или сильнее — от богатых к бедным, от вождей к подданным. В старой Франции низшие классы копировали моду высших, что привело к равенству: «низшие общественные классы, постепенно возвышаясь, усиливают собой ряды высших» [1, с. 286].

Тард в конце главы подводит: все эти законы помогают подражанию распространяться, как волна, делая общество всё более равным и связанным.

В книге «Социальные законы» (1898) описывает три главных закона, по которым развивается всё на свете, включая общество. Он говорит, что любая наука смотрит на мир с трёх точек зрения: повторения, противопоставления и приспособления. Эти законы — как три ключа, которые помогают понять, почему всё меняется, но остаётся похожим.

Закон повторения (репетиция, подражание). «Повторение есть однообразное воспроизведение, простое и элементарное вытекание одного из другого при полном отсутствии творчества, когда следствие тождественным образом воспроизводит причину» (Тард, 2009, с. 6). Простыми словами: всё в обществе повторяется — люди копируют старые идеи, привычки, слова. Это основа подражания: один придумал, остальные повторяют, как эхо. Без повторения не было бы традиций или толпы, где все кричат одно и то же.

Закон противопоставления (оппозиция, конфликт). «Повторения отыскивать противопоставления, которые свойственны ей» [2, с. 6]. Простыми словами: новое всегда борется со старым. Идеи, люди, группы противопоставляются друг другу – это создаёт конфликты, но и прогресс. В толпе это когда один кричит "да", другой "нет", и начинается драка. В биологии – борьба за существование (Дарвин), где виды конкурируют. В обществе – революции, где новые идеи (свобода) противопоставляются старым (монархия). В толпе – противопоставление вожака и толпы, или разных групп внутри толпы.

Закон приспособления (адаптация, гармония). «приспособление явлений друг к другу, на их взаимное отношение в деле истинно-творческого совместного производства» [2, с. 4]. Суть закона приспособления – в адаптации людей к появившимся новшествам и изменившимся условиям жизни. Приспособление проявляется в гении изобретателя, чьи изобретения приобрели социальное значение, то есть получили распространение. Чтобы получить распространение, идея изобретателя должна быть в гармонии с существующими потребностями и способом их удовлетворения.

Тард подчёркивает: эти три закона связаны. Повторение создаёт основу (подражание), противопоставление – изменения (конфликты), приспособление — баланс (гармония). В обществе они объясняют, почему толпа сначала хаотична (противопоставление), потом все копируют (повторение) и наконец действуют вместе (приспособление). Формулировал три универсальные социальные закономерности.

Габриэль Тард считал толпу самой древней и самой простой формой общественной группы (после семьи). В обычной жизни человек подражает другим медленно, с размышлениями, выбором и критикой. В толпе доминируют инстинкты: снимается критичность и рациональность индивидов. Чем многочисленнее есть толпа – тем ниже его уровень рациональности, больше эмоциональный. То, во что человек в толпе верит, становится для него абсолютной истиной, превращается в неудержимое желание, разум молчит. Толпа верит слухам, может видеть то, чего нет (коллективные галлюцинации). В одиночестве человек отвечает за себя и боится последствий, в толпе же он чувствует себя лишь крошечной частичкой большого целого. Поэтому готов на поступки, которых никогда не совершил бы один – грабежи, убийства, разрушение. Именно в толпе его главный закон – закон подражания – действует в чистом виде, может распространяться практически мгновенно. Например, достаточно вожаку в определённый момент выкрикнуть, что надо делать, и толпа начнёт выполнять. Тард прямо сравнивает человека в толпе с сомнамбулой – человеком, находящимся в гипнотическом сне. Он пишет в «Законах подражания»: «Толпа подражателей представляет собой, в некотором роде, сомнамбулу» [1]. Человек теряет свою обычную личность, критическое мышление почти полностью исчезает, он становится чрезвычайно внушаемым и послушным. Вожак толпы (оратор, зачинщик) играет роль гипнотизёра, а каждый участник толпы — роль загипнотизированного. Один внушает — все остальные бессознательно повторяют его слова, движения, чувства и действия. Толпа не может расти бесконечно — предел определяется слухом и зрением (максимум, как в Колизее, 100 тысяч человек). Когда она перестаёт слышать голос вожака, то она распадается.

Тард классифицировал толпы по степени активности (от пассивной к активной):

- Ожидающая толпа: Люди собираются в ожидании события (например, перед театром или казнью). Они терпеливы, потому что заражают друг друга спокойствием. Но если кто-то проявит нетерпение, все подхватят.

- Внимающая толпа: Слушает оратора, смотрит зрелище (трибуна, эстрада). Внимание усиливается коллективно — даже если не все видят/слышат, люди чувствуют себя частью целого. Толпа здесь как "зритель для себя самой".

- Манифестантская толпа: Выражает эмоции — кричит, поёт, несёт знамёна. Символы простые (крики "да здравствует!" или "смерть!"), но повторяются упорно. Толпа нетерпима, горда, легко переходит от ярости к радости.

- Действующая толпа: Активная — разрушает, грабит, убивает или, реже, помогает (тушит пожар). Тард делил на "любящие" (праздничные, энтузиасты) и "ненавидящие" (мятежные, преступные). Любящие толпы укрепляют общество (праздники, процессии). Ненавидящие — разрушают, но часто под влиянием вожаков.

Выделяет такие подвиды:

1. Агрессивная — множество людей, движимых гневом и злобой, стремящихся к уничтожению, разрушению, убийствам.

2. Паническая — характеризуется чувством страха и стремлением избежать некой опасности.

3. Стяжательская — люди, желающие вернуть себе некие ценности.

Публика – это рассеянная толпа, в которой влияние умов друг на друга происходит на расстоянии. Она зависима от средств массовой информации, объединена общностью суждений и склонна к новизне. Более замкнута социально и терпима к чужому мнению. Тард противопоставлял толпу "публике" – рассеянной толпе, где люди не соприкасаются, а связаны через газеты или СМИ. Публика — это "будущее общества", более интеллектуальная и менее импульсивная, а толпа — прошлое. Таким образом, связь между людьми в публике и толпе заключается в сознании, что идея или желание разделяются большим количеством других людей, даже если они не соприкасаются между собой.

Согласно Габриелю де Тарду, преступниками не рождаются, а становятся. Личности преступника свойственны гордыня, чувство собственной уникальности, эгоизм и отрешенность. По Тарду, преступность имеет социальную природу. Учёный объяснял, преступники, как и все остальные, подражают в своем поведении тем, кто их окружает, что социальные отношения и связи определяют поведение через этот механизм. Упомянул про специфическую социальную среду, в которой находится преступник: здесь существуют свои правила, обычаи, нравы, специфический язык. Также учёный отмечал, что преступники, как и другие категории людей, тяготеют к объединению в сообщества и организации (банды, группировки, мафия) Человек в толпе ощущает себя лишь маленькой частичкой большого целого. Он думает: «Все так делают – и ничего мне не будет». Именно поэтому обычный человек, который один никогда не решился бы украсть или ударить, в толпе грабит магазины или бьёт кого-то вместе со всеми. Лёгкая антипатия в толпе делается ненавистью, простое желание обращается в страсть. Обычный человек, который в нормальной жизни стыдится таких желаний, в толпе чувствует, что это позволено и даже обязательно. Таким образом, обычные люди грабят, бьют и убивают в толпе потому, что теряют личную ответственность, заражаются худшим примером через мгновенное подражание и опускаются до уровня первобытных инстинктов.

Идеи Габриэля Тарда, французского социолога конца XIX – начала XX века, не потеряли своей ценности и в наше время. Хотя он писал больше 100 лет назад, его мысли о подражании, толпе и общественном мнении помогают понять современный мир. Тард считал, что общество держится на подражании – люди копируют друг друга в привычках, моде и мыслях. В книге "Законы подражания" он объясняет, что новые изобретения сначала появляются у кого-то одного, а потом распространяются через копирование. Сегодня это видно в социальных сетях: мемы, тренды в TikTok или в Instagram. Например, если кто-то выложит видео с новым танцем, миллионы людей повторят его – это чистое подражание по Тарду. В эпоху интернета подражание ускоряет изменения в обществе. Маркетологи используют это, чтобы продвигать товары, а политики – чтобы влиять на мнение. Мы видим, как один пост в сети может изменить поведение тысяч людей. Тард делил толпу на тех, кто внушает идеи (вожаки), и тех, кто им следует. Сегодня это видно в онлайн-сообществах: флешмобы, агитация к протестам через социальные сети и т.д. . Преступная толпа теперь – это так же хейтерские атаки в комментариях.

В 2025 году, с ростом соцсетей, толпа может образоваться мгновенно по любому поводу. Самая часта причина – протесты из-за недовольства внутренней политики страны. Опасность в том, что в интернете много фейковой информации, даже от элитных изданий. Толпа часто верит в несуществующее, то есть в эти фейки. Поэтому толпа как никогда раньше может образоваться в любой момент и для этого не нужно кого-то собирать и агитировать на улице. Идеи Тарда помогают понять, почему люди

объединяются и как распространяется паника или энтузиазм, ведь сама суть общества не поменялась, изменилась «обёртка»

Таким образом, Тард, опираясь на свой опыт судьи и криминолога, показал, что общество – это психологические взаимодействия людей: люди копируют идеи, эмоции и действия, а толпа – это форма такого подражания. В толпе обычные люди чаще теряют контроль и совершают преступления под влиянием гипноза вожака, анонимности и усиления животных инстинктов. Идеи Тарда, как оказалось, остаются актуальными в 2025 году. В эпоху социальных сетей «рассеянная толпа» проявляется в вирусных трендах, фейковых новостях и онлайн-митингах, где подражание распространяется мгновенно. Это помогает понимать современные явления, такие как кибербуллинг или массовые протесты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тард Г. Законы подражания. — М.: Академический проект, 2011. — 304 с.
2. Тард Г. Социальные законы / Пер. с фр. Ф. Шипулинского. — 2-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» / URSS, 2009. — 64 с.
3. Тард Г. Социальная логика. — СПб.: Социально-психологический центр, 1996. — 278 с.
4. Тард Г. Общественное мнение и толпа. — © ООО «Издательство АСТ», 2021 — 236 с. Режим доступа: <https://bookvium.ru/read/28555/>
5. Тард Г. Преступная толпа // Психология толп: сб. работ. — М.: Институт психологии РАН, 1999. — С. 147–288.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1991. — 577 с.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Пер. с фр. А. Н. Ильинского; под ред. В. А. Базарова. — М.: Мысль, 1994. — 399 с. (изд. СПб., 1912 с сокр.).
8. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. — 9-е изд. — М.: Книжный дом «Университет», 2008. — 240 с.

GABRIEL TARDE'S SOCIOLOGICAL VIEWS

Annotation. This work describes the biography and activities of Gabriel Tarde (judicial practice, position of director of the Department of criminal statistics, transition to science and chair at the College de France), his main sociological views ("Laws of Imitation" in 1890 with the supreme law, the law of direction and the law of the social level; "Social Laws" in 1898 — laws repetition, juxtaposition and adaptation), crowd theory (comparison with somnambulism, classification into waiting, listening, demonstrative and acting crowds, subspecies aggressive, panic, acquisitive, difference from the public) and views on the criminal crowd, as well as the results and relevance of Tarde's ideas in the modern world of 2025 (in the era of social networks, viral trends, fake news, and mass protests).

Keywords: Gabriel Tarde, theory of imitation, laws of imitation, social laws, crowd, public, criminal crowd, sociology of the crowd, 19th-20th century France.

Kononov A.A.

Scientific supervisor: Razumnyi V.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate

Donetsk State University

E-mail: kononovleha2007@gmail.com

УДК 94(477.62-21)

ГОРОД МАРИУПОЛЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Копыльченко В.А.

*Научный руководитель: Разумная Н.Н., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается социально-экономическое развитие города Мариуполя в начале XX века. На основе анализа архивных материалов, статистических сборников и периодической печати выявлены особенности урбанизации, функционирования промышленности, демографических изменений и повседневной жизни населения. Особое внимание уделено влиянию военного времени на городскую инфраструктуру и социальную сферу. К началу 1910-х годов Мариуполь превратился в важный промышленный центр Юга России, а война стала переломным моментом, повлиявшим на его дальнейшее развитие.

Ключевые слова: Мариуполь, начало XX века, промышленность, урбанизация.

Начало XX века стало для южных городов Российской империи периодом значительных социально-экономических и культурных изменений, обусловленных процессами индустриализации, модернизации городского управления и изменениями в структуре населения.

Ранее отдельные аспекты развития города рассматривались в публикации Н.Н. Разумной и А.Р. Дягло [1, с. 62]. В статье анализируется процесс обустройства глубоководного торгового порта в г. Мариуполе во второй половине XIX – начале XX веков. Улучшение инфраструктуры порта осуществлялось за счет Комиссии по устройству коммерческих портов. Работы по усовершенствованию сооружений на его территории продолжались и в 1913-1916 г.

Целью данного исследования является определение роли и места Мариуполя как промышленного центра Юга Российской империи в контексте урбанизационных процессов начала XX века, а также в характеристике изменений в социальной структуре и экономике города, вызванных Первой мировой войной и революционными событиями 1917 года.

Город Мариуполь, расположенный на северо-восточном побережье Азовского моря, к началу XX века был одним из главных промышленных и транспортных центров Юга Российской империи. Его развитие зависело от индустриализации Донецкого угольного бассейна и роста металлургического производства. К 1897 году население города достигло 25 993 человек, из которых более 14 000 составляли рабочие и служащие промышленных предприятий. Основу экономики формировал Южнорусский металлургический завод, построенный в 1897 году на базе старого железоделательного завода братьев Путиловых. К 1913 году предприятие производило 420 000 тонн чугуна и 310 000 тонн стали в год, обеспечивая до 15% всего проката, выпускаемого на Юге России. Расширение производственных мощностей требовало модернизации транспортной инфраструктуры. Мариупольский морской порт, к 1910-м годам стал важнейшим пунктом экспорта чёрных металлов и угля. В 1912 году через порт было отправлено свыше 1,2 миллиона пудов груза. Город был связан с Донецким бассейном линией Екатерининской железной дороги, а в 1911 году завершена прокладка ветки к Ново-Николаевскому руднику, что сократило логистические издержки. В 1913 году начато строительство второго причала, рассчитанного на приём судов водоизмещением до 3 000 тонн, что позволило увеличить грузооборот и улучшить условия погрузки.

Демографический рост населения города в начале XX века был напрямую связан с промышленным бурлением: город привлекал рабочих из центральных губерний – Курской, Воронежской, Харьковской и Полтавской. К 1914 году население выросло до

67 300 человек, формируя многонациональную среду. К 1910 году в городе действовало 17 национальных общин, что подчёркивало его этническое разнообразие [7, с. 198].

Социальная структура была чётко иерархизирована: верхушку составляли управляющие, инженеры и купцы, жившие в каменных домах на центральных улицах – Большая Садовая, Керченская, Красная. Эти районы уже к 1910-м годам имели мощёные дороги, газовое освещение, телефонную связь и централизованное водоснабжение: в 1910 году введена в строй водонапорная башня, а в 1912-м – городская электростанция, обеспечившая электроосвещение улиц и общественных зданий.

В резком контрасте с этим находились рабочие посёлки – Терновка, Зелёная Роща, Старая Слободка, где преобладали деревянные избы с земляными полами, отсутствовала канализация, а вода подавалась из общих колодцев. В 1913 году на 1 000 человек приходилось лишь три уборные и один колодец, что создавало угрозу санитарных катастроф. Условия труда на Южнорусском заводе оставались изнурительными: рабочий день длился 10-12 часов, оплата составила 2,5-3 рубля в сутки. По данным земского врача С.И. Ковалёва, ежегодно фиксировалось свыше 300 производственных травм, включая 8-10 смертельных. Медицинская помощь оказывалась в основном через заводскую больницу на 50 мест, явно недостаточную для 5 000 рабочих. Лишь в 1912 году в Терновке открылась амбулатория, но её работа тормозилась нехваткой кадров и лекарств [6, с. 108].

Культурная сфера развивалась медленно, но стабильно. В 1908 году открылась земская школа на улице Керченской, где к 1914 году обучалось 217 детей, включая 89 девочек. В 1911 году при поддержке городской думы была создана женская гимназия на 250 мест, где преподавались русский язык, арифметика, география, история и основы домоводства. В 1913 году при гимназии организована библиотека с фондом в 1 200 томов, доступная не только ученицам, но и горожанам [2, с. 30]. В том же году открылось мужское реальное училище, готовившее технических специалистов по физике, химии, черчению и техническому рисованию. К 1916 году число учащихся достигло 185 человек, а училище установило практику сотрудничества с заводом: студенты проходили практику в цехах, а инженеры читали лекции.

Не менее важную роль в социальной жизни играли религиозные институты. В городе действовали три православные церкви – Покровская, Николаевская, Святотроицкая, а также католический костёл, синагога и греческая церковь Святого Иоанна. Храмы стали центрами благотворительности: раздавали хлеб бедным, организовывали приюты для сирот. В 1915 году при Покровской церкви открылась школа грамотности для взрослых, где обучались более 60 человек, в основном женщины из рабочих семей. Основным медицинским учреждением оставалась земская больница на 60 коек (построена в 1905 г.), а в 1913 году при ней открылись аптека и прачечная для бедных. В 1916 году в Терновке организован изолятор на 20 коек на фоне эпидемии сыпного тифа. Однако к 1917 году в городе работало лишь 14 врачей и 27 фельдшеров – один врач на 4 800 человек, что ниже среднего по губернии.

Быт населения резко различался по социальным слоям. Элита пользовалась газовым освещением, телефоном, читала прессу. Рабочие семьи жили в избах, топили печи дровами или углём, освещались керосиновыми лампами. В 1912 году в Терновке открылись три кооперативных магазина, продававшие муку, крупу и соль по сниженным ценам, но их возможности были ограничены. Досуг также был социализирован: для элиты – музыкальные вечера, чтение; для рабочих – народные гуляния, кустарные ярмарки. В 1913 году в городе открылся первый кинематограф «Астроном» на 150 мест, где показывали немые фильмы. Билет стоил 15-30 копеек, что делало кинопросмотры доступными в основном для среднего класса.

С началом Первой мировой войны в августе 1914 года Мариуполь был включён в систему военной экономики Российской империи. Южнорусский завод перешёл на

выпуск стратегической продукции – артиллерийских снарядов, бронеплит, рельсов и деталей для бронепоездов. Уже в 1915 году произведено 18 400 тонн броневой стали – в 2,3 раза больше, чем в 1913 году, что подтвердило стратегическую важность города в промышленном потенциале страны.

Этот рост требовал колоссальных усилий рабочих: трудовой день увеличился до 12-14 часов, выходные были отменены, а за перевыполнение плана выплачивались премии. Одновременно с напряжённой работой шла мобилизация: к осени 1914 года из города призвано более 1 200 человек. Однако уже в 1915 году по распоряжению Военно-промышленного комитета квалифицированные специалисты были оставлены на производстве, что позволило сохранить технологическую устойчивость. К 1916 году на заводе работало 4 850 человек, включая 372 демобилизованных по состоянию здоровья, – свидетельство всё более острой нехватки рабочей силы.

Военные действия вызвали масштабный приток беженцев из Галиции, Буковины и Бессарабии. К 1916 году в Мариуполе проживало 5 300 беженцев – около 8% населения. Их размещали в пустующих домах и бараках, а в 1915 году на окраине Терновки построили 12 временных домов. Беженцы нашли работу на заводе, в порту и на стройках, но их прибытие обострило и без того острый жилищный кризис. Средняя плотность заселения в рабочих посёлках достигла 3,2 человека на комнату, что способствовало распространению сыпного тифа и других инфекций.

Экономика города оказалась под давлением: поставки угля сократились на 30%, а к 1917 году завод работал лишь на 65% от проектной мощности. На фоне роста цен – хлеб подорожал в 3,2 раза, сало – в 4,1 раза по сравнению с 1913 годом – сохранение низких зарплат вызывало растущее недовольство. Социальная напряжённость переросла в забастовочное движение: в 1915 году зафиксировано три стачки, в 1916-м – семь, а к февралю 1917 года произошло ещё пять. Основными требованиями были повышение оплаты, сокращение рабочего дня, улучшение условий [3, с. 60].

В январе 1917 года вспыхнула крупная забастовка с участием более 2 000 человек, сопровождавшаяся распространением листовок РСДРП и призывами к свержению самодержавия.

Февральская революция 1917 года достигла Мариуполя в начале марта. 5 марта на площади перед городской думой прошёл митинг рабочих Южнорусского завода, по итогам которого был создан Временный комитет общественной безопасности. Два дня спустя, 7 марта, сформирован Мариупольский Совет рабочих депутатов с участием представителей РСДРП, эсеров и беспартийных. Первым председателем стал инженер П. И. Лебедев, позже заменённый М. Г. Розенбергом. Совет взял под контроль завод, снабжение и охрану порядка. Уже 12 марта рабочий день был сокращён до 8 часов, а 15 марта зарплаты повышены на 25%. Были созданы цеховые комитеты и введено коллективное обсуждение производственных вопросов [5, с. 88].

Период 1917-1918 годов стал переломным в истории Мариуполя. Город прошёл через революцию, установление советской власти, иностранную оккупацию и возвращение к большевистскому управлению. Эти события окончательно разрушили имперскую экономическую и социальную модель, заложив основы нового, советского урбанистического уклада, который будет развиваться в условиях Гражданской войны и политики военного коммунизма [4, с. 40].

Таким образом, развитие города Мариуполя в начале XX века, одного из ключевых промышленных центров Юга Российской империи, было обусловлено индустриализацией Донбасса и выгодным транспортно-географическим положением. Урбанизационные процессы нашли выражение в стремительном демографическом росте, формировании многонациональной социальной среды и модернизации городской инфраструктуры. Однако Первая мировая война стала переломным моментом. С одной стороны, она стимулировала рост военного производства и укрепила стратегическое

значение города, с другой — привела к истощению ресурсов, обострению социальных противоречий и жилищного кризиса. Революционные события 1917 года завершили трансформацию социальной структуры, разрушив имперскую модель управления и заложив основы нового советского уклада, что проявилось в создании Советов, национализации предприятий и изменении городской повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разумная Н.Н., Дягло А.Р. Мариупольский торговый порт во второй половине XIX – начале XX вв. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – №2 (85). – С.62-69.
2. Григорьева Е. А. Женское образование в провинциальных городах Российской империи (на примере южных губерний) // Гендерные исследования. 2023. № 1. С. 30-45. URL: (дата обращения: 01.02.2026).
3. Дроздов М. А. Экономика Донбасса в годы Первой мировой войны // Война и общество. 2025. № 1. С. 60-75. URL: (дата обращения: 02.02.2026).
4. Ковальчук Н. А. Городская модернизация в южных губерниях России (1900–1917): водоснабжение, освещение, связь // История техники. 2023. № 2. С. 40-52. URL: (дата обращения: 01.02.2026).
5. Красильников Д. Н. Февральская революция 1917 года в промышленных городах Юга России // Отечественная история. 2022. № 4. С. 88–102. URL: (дата обращения: 02.02.2026).
6. Мельник Р. С. Социальные условия рабочих металлургических предприятий Донбасса в начале XX века // Труд и социальные отношения. 2021. № 1. С. 108-120. URL: (дата обращения: 31.01.2026).
7. Шевченко Т. И. Культурная жизнь промышленных городов Юга России (1900–1917) // Культура и время. 2024. № 1. С. 198-210. URL: (дата обращения: 04.02.2026).

THE CITY OF MARIUPOL IN THE EARLY 20TH CENTURY AND DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article examines the socio-economic and cultural development of Mariupol in the early 20th century and during the First World War. Based on archival materials, statistical collections and periodicals, the features of urbanization, industrial functioning, demographic changes and everyday life are revealed. Particular attention is paid to the impact of wartime on urban infrastructure and the social sphere. It is shown that by the 1910s, Mariupol had become a major industrial center of Southern Russia, and the war became a turning point affecting its further development.

Keywords: Mariupol, early 20-th century, First World War, industry, urbanization

Kopylchenko V.A.

Scientific advisor: Razumnaya N.N., Candidate of Historical Sciences, associate professor

Donetsk State University

E-mail: vladkopylchenko@yandex.ru

УДК 316.012

КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОНБАССА В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ (2024–2025 ГГ.): УРОКИ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИТАЛИИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ В СОСТАВ РОССИИ

Кротов Л.А.

Научный руководитель: Быстрянец С.Б., д-р соц. наук, профессор ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В статье рассматривается феномен культурного возрождения Донбасса в контексте постконфликтного восстановления (2024–2025 гг.) с применением компаративного социологического анализа. В качестве исторической референтной модели используется опыт послевоенной Италии (1945–1960-е гг.), пережившей аналогичный процесс реинтеграции региональных идентичностей в национальную культурную матрицу. Автор обращается к концептуальному аппарату теорий культурной памяти, идентичности и символического капитала для осмысления специфики трансформационных процессов на территории Донецкой и Луганской Народных Республик в условиях интеграции в состав Российской Федерации. Статья обосновывает тезис о том, что успешное культурное возрождение Донбасса требует реализации многоуровневой стратегии, сочетающей институциональную реконструкцию, поддержку локальных нарративов и активизацию гражданского участия.

Ключевые слова: культурное возрождение, Донбасс, постконфликтное восстановление, региональная идентичность, символический капитал, культурная память, послевоенная Италия, социальная интеграция.

Постконфликтное восстановление представляет собой один из наиболее сложных объектов социологического анализа, поскольку охватывает не только материально-инфраструктурное, но и символическое, смысловое измерение социальной жизни. Донбасс – регион с глубоко укоренёнными индустриальными традициями, специфической культурной идентичностью и трагически противоречивой историей последнего десятилетия – оказывается сегодня в уникальной точке исторического перехода: между разрушением и созиданием, между утратой и обретением нового места в большом цивилизационном пространстве России.

Обращение к опыту послевоенной Италии не случайно. Эта страна пережила глубочайший культурный кризис, обусловленный последствиями фашистского режима и Второй мировой войны: разрушенная символическая инфраструктура, подавленные региональные идентичности, острая необходимость переосмысления коллективного прошлого. Итальянское «экономическое чудо» и культурное возрождение 1950–1960-х годов стали возможны во многом благодаря продуманной политике в отношении культурного наследия, местных традиций и социальной памяти. Данный прецедент предоставляет социологии обширный аналитический материал для разработки универсальных принципов постконфликтной культурной реинтеграции.

Цель настоящего исследования состоит в разработке аналитической модели культурного возрождения Донбасса, основанной на компаративном социологическом анализе постконфликтного опыта послевоенной Италии, применительно к задачам сохранения региональной идентичности и успешной интеграции в состав Российской Федерации.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) систематизировать теоретические концепции культурной памяти, символического капитала и социальной интеграции, релевантные для анализа постконфликтных трансформаций;

2) реконструировать ключевые механизмы культурного возрождения послевоенной Италии (1945–1960-е гг.) как исторически верифицированной модели;

3) охарактеризовать специфику социокультурного положения Донбасса в 2024–2025 гг. в контексте постконфликтного восстановления;

4) провести компаративный анализ итальянского и донбасского случаев по ключевым параметрам культурной реинтеграции;

5) сформулировать обоснованные рекомендации для культурной политики на территории региона.

Методологическую основу исследования составляет сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить структурные аналогии между двумя постконфликтными ситуациями, разделёнными хронологически, но сопоставимыми типологически. В качестве дополнительных методов используются: структурно-функциональный анализ — для оценки роли культурных институтов в системе социальной регуляции; дискурс-анализ — для исследования механизмов производства и циркуляции культурных нарративов; а также концептуальный синтез в рамках социологии культуры. Эмпирическую базу исследования образуют данные федеральных программ восстановления Донбасса, материалы социологических опросов, проведённых в регионе в 2023–2024 гг., а также научная литература по итальянскому послевоенному обществу. Исследование выдержано в русле неоклассической социологической традиции, синтезирующей структуралистские и интерпретативные подходы к изучению культуры.

1. Теоретические основания: идентичность, память и символический капитал

Анализ процессов культурного возрождения требует опоры на несколько взаимосвязанных теоретических концепций. Во-первых, центральное место занимает концепция культурной памяти, разработанная Яном и Алейдой Ассман. В их интерпретации культурная память есть институционализируемая форма коллективного воспоминания, закреплённая в текстах, ритуалах, памятниках и иных «местах памяти» (*lieux de mémoire*) — по П. Нора. Для Донбасса актуализация культурной памяти означает возвращение к подлинным истокам региональной идентичности: шахтёрской культуре, казачьим традициям, православной духовности, — вытесненным за годы конфликта на периферию общественного дискурса.

Во-вторых, существенную роль играет концепция символического капитала П. Бурдьё. Культурные институты — музеи, театры, библиотеки, учебные заведения — производят и воспроизводят символический капитал, легитимирующий ту или иную версию коллективной идентичности. Деструкция этих институтов в ходе вооружённого конфликта означает не просто материальный ущерб, но символическое обеднение сообщества, утрату ресурсов для воспроизводства культурных кодов. Постконфликтная реконструкция, игнорирующая данное измерение, рискует воспроизводить лишь внешние, «фасадные» формы культурной жизни при отсутствии её органического содержания.

В-третьих, следует обратиться к теории социальной интеграции, восходящей к классической дюркгеймовской традиции. Механическая и органическая солидарность, принципы которых Э. Дюркгейм разработал применительно к традиционным и индустриальным обществам, сохраняют аналитическую ценность при рассмотрении постконфликтных сообществ. Интеграция Донбасса в российское культурное пространство должна строиться не по принципу поглощения, но по принципу дополнения — через органическое включение донбасской идентичности в полицентричный российский культурный универсум.

Итальянский опыт послевоенного десятилетия (1945–1955) представляет исключительную ценность для сравнительного анализа. После краха фашистского режима итальянское общество столкнулось с задачей двойной реконструкции: материальной и символической. Ключевым инструментом культурного возрождения стало неореалистическое движение в кино и литературе (Р. Росселлини, В. Де Сика, А. Моравиа, И. Кальвино), осмыслявшее трагический опыт войны, Сопrotивления и оккупации через призму повседневной жизни обычных людей. Неореализм выполнял

функцию социальной терапии: он предоставлял обществу художественный язык для коллективной проработки травмы.

Параллельно итальянское государство осуществляло активную политику охраны культурного наследия. Региональные идентичности – сицилийская, венецианская, неаполитанская — не подавлялись во имя унитарного единства, но инкорпорировались в общенациональный культурный нарратив как его неотъемлемые и равноценные составляющие. Этот принцип «единства в многообразии» оказался крайне эффективным с точки зрения социальной интеграции: регионы, сохранявшие культурную автономию, демонстрировали более высокие показатели гражданского участия и социальной сплочённости.

Особую роль сыграло движение *cultura popolare*, опиравшееся на этнографические исследования Э. де Мартино и предполагавшее систематическую фиксацию и легитимацию локальных традиций, диалектов, обрядов. Этот проект нёс выраженное политическое измерение: признавая культурные практики крестьянства и рабочих полноправными формами культурного производства, итальянское общество тем самым декларировало отказ от элитарной, иерархической модели культуры, характерной для фашистского периода. Грамшианская концепция «национально-народного» (*nazionale-popolare*) стала не просто теоретическим конструктом, но программой реальной культурной политики.

Донбасс входит в фазу активного восстановления, неся специфический груз исторических противоречий. Регион формировался как индустриальный форпост – сначала Российской империи, затем СССР, – и его идентичность неразрывно связана с шахтёрской культурой, коллективизмом горнодобывающих сообществ и особым этосом трудового братства. Этот культурный код, несмотря на десятилетия постсоветской трансформации, сохранял высокую степень витальности вплоть до 2014 года, образуя то, что П. Коннертон назвал бы «телесными» и «когнитивными» практиками памяти, укоренёнными в повседневных ритуалах профессионального сообщества.

Вооружённый конфликт нанёс серьёзный удар по культурной инфраструктуре региона: значительная часть учреждений культуры – музеев, библиотек, театров, домов культуры – пострадала от боевых действий или длительного недофинансирования. Не менее значительным оказался ущерб символического порядка: десятилетие информационного противостояния и конкурирующих нарративов привело к тому, что многие жители Донбасса оказались в состоянии «культурного лимба» — ситуации, при которой привычные культурные коды утрачивают референтность, а новые ещё не успели институционализироваться. П. Штомпка, анализируя социологию социальных изменений, определял подобное состояние как «культурную травму» – нарушение привычных паттернов идентификации на уровне сообщества.

Интеграция в состав России открывает перед регионом качественно новые возможности: включение в единое культурное, образовательное и информационное пространство, доступ к ресурсам федеральных программ, возможность апелляции к богатейшему общерусскому цивилизационному наследия. Вместе с тем ключевым вызовом остаётся сохранение донбасской культурной специфики – недопущение её растворения в унифицирующих тенденциях массовой культуры, предостережение от которого составляет один из сквозных мотивов современной социологии культуры.

Сравнительный анализ итальянского и донбасского случаев позволяет сформулировать ряд принципиальных положений, релевантных для разработки культурной политики в регионе.

Первое: приоритет документирования над реконструкцией. Итальянский опыт показывает, что форсированное «воссоздание» разрушенной культуры нередко приводит к производству культурных симулякров – поверхностных имитаций, лишённых живой связи с социальным опытом сообщества. Более продуктивной стратегией является

тщательная этнографическая и архивная работа по документированию живых традиций: устной истории, локальных практик, профессиональной культуры шахтёров. Подобная работа выполняет двойную функцию – охраняет уникальное культурное наследие и активизирует у носителей этого наследия субъектность и самоуважение.

Второе: легитимация «малых» культурных форм. Итальянский неореализм и движение *cultura popolare* продемонстрировали, что именно «малые», неэлитарные культурные формы — местный говор, рабочая песня, коллективная память о труде — обладают наибольшим интегративным потенциалом. Применительно к Донбассу это означает необходимость государственной поддержки локальных культурных инициатив: фольклорных коллективов, краеведческих объединений, рабочих театров, литературных журналов. Э. Хобсбаум предупреждал об опасности «изобретения традиций» сверху: подлинная традиция не конструируется — она поддерживается.

Третье: роль интеллигенции как медиатора. В послевоенной Италии культурная интеллигенция — писатели, режиссёры, философы — выступала в роли социального медиатора, переводя частный опыт горя и надежды на язык общезначимых культурных нарративов. Донбасс располагает значительным интеллектуальным потенциалом — региональными университетами, художественными школами, литературными традициями, — который нуждается в целенаправленной государственной поддержке и включении в общероссийский культурный диалог.

Четвёртое: институциональная преемственность как условие идентичности. Один из важнейших уроков итальянского восстановления — сохранение институциональной преемственности даже в условиях коренных политических перемен. Библиотеки, музеи, университеты функционировали как хранители культурной памяти вне зависимости от политической конъюнктуры. Для Донбасса это означает приоритетное восстановление культурных институтов с одновременным обновлением их содержательной повестки — переориентацией от административной к подлинно общественной функции.

Заключение. Культурное возрождение Донбасса — задача, не допускающая ни упрощений, ни отлагательств. Опыт послевоенной Италии убедительно показывает, что культурное восстановление является не приложением к экономическому, но его необходимым условием: без символической реинтеграции, без восстановления коллективной субъектности, без легитимации локальной идентичности материальная реконструкция обречена оставаться внешней и хрупкой. Донбасс располагает уникальным культурным капиталом — рабочей этикой, историческими традициями, живой памятью о коллективном труде и солидарности, — способным стать не только региональным, но и общероссийским достоянием. Задача культурной политики состоит в том, чтобы обеспечить условия для органического включения этого капитала в созидательный процесс интеграции — таким образом, чтобы донбасская идентичность обогащала общероссийский культурный универсум, а не растворялась в нём.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Бурдьё П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.
6. Де Мартино Э. Юг и конец света / пер. с ит. – М.: Прогресс, 1982. – 288 с.
7. Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. – М.: Политиздат, 1991. — Ч. 1. — 560 с.
8. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 320 p.
9. Connerton P. How Societies Remember. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 121 p.

10. Ginsborg P. A History of Contemporary Italy: Society and Politics, 1943–1988. – London: Penguin Books, 1990. – 560 p.
11. Lumley R. Italian Journalism: A Critical Anthology. – Manchester: Manchester University Press, 1996. – 268 p.
12. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
13. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
14. Федеральная целевая программа «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области». – М., 2023.

CULTURAL REVIVAL OF DONBASS DURING THE RECONSTRUCTION PERIOD (2024-2025): LESSONS FROM POST-WAR ITALY FOR PRESERVING IDENTITY AND INTEGRATION INTO RUSSIA

Abstract: The article examines the phenomenon of cultural revival in Donbass within the context of post-conflict reconstruction (2024–2025) through the lens of comparative sociological analysis. The post-war Italian experience (1945–1960s) is employed as a historical reference model, as Italy underwent an analogous process of reintegrating regional identities into a national cultural matrix. The conceptual apparatus of cultural memory theory, identity studies, and the theory of symbolic capital is applied to the transformational processes in the Donetsk and Luhansk People's Republics as they integrate into the Russian Federation. The article argues that a successful cultural revival of Donbass requires a multi-level strategy combining institutional reconstruction, support for local narratives, and the activation of civic participation.

Keywords: cultural revival, Donbass, post-conflict reconstruction, regional identity, symbolic capital, cultural memory, post-war Italy, social integration.

Krotov I. A.

Scientific supervisor: Bystriantsev S.B., Doctor of Philosophy, Professor
Donetsk State University

E-mail: krotovlev19@gmail.com

ПЕРВАЯ АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1880-1881 ГОДОВ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Кузьмин С.Д.

*Научный руководитель: Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе описываются причины («Алмазная лихорадка» 1860-х годов, деятельность Теофилуса Шепстоуна, нарастание конфликтной ситуации в 1870-х годах), основные сражения (восстание буров в Потчеструме, битва у Лэнгс-Нэк, бой у холма Маджуба) и итоги Первой англо-бурской войны (Трансваальской войны) 1880-1881 годов (Преторийская конвенция, Лондонская конвенция, освещение событий Трансваальской войны в периодической печати Великобритании).

Ключевые слова: Великобритания (Британская империя), Капская колония, Наталь, Южно-Африканская Республика (Трансвааль), Оранжевое Свободное Государство (Оранжевая республика).

Англо-бурская война 1880-1881 годов почти всегда рассматривается исключительно как «пролог» к Англо-бурской войне 1899-1902 годов, в следствие чего она менее исследована, в отличие от Второй англо-бурской войны.

Цель данной статьи состоит в изучении истории Первой англо-бурской войны 1880–1881 годов и ее последствий.

На Венском конгрессе 1814 года власть Великобритании над югом Африки была официально закреплена. Однако буры были недовольны необходимостью общаться исключительно по-английски, а запрет рабства в 1834 году поставил под угрозу основу их хозяйств. В 1835 году начался «Великий трек»: тысячи буров, бросив свои дома, стали переселяться на земли к востоку от Капской колонии. В 1839 году африканеры создали республику Наталь. В дальнейшем экспансия буров продолжилась за пределы этой республики. Колонисты стали селиться севернее, за реками Оранжевая и Вааль. В 1852 году образовалась Южно-Африканская Республика, а в 1854 году – Оранжевое Свободное Государство.

Великобритания признала их независимость, но в долгосрочной перспективе независимость бурских республик была невыгодна Британии по двум причинам. Во-первых, буры обращались с местным населением существенно жёстче, чем британцы, сдерживаемые законами и административной системой, что создавало опасность массового бегства африканцев на британские территории. Уже в 1842 году англичане предприняли экспедицию для защиты коренного населения в Натале именно из-за этой причины. Экспедиция закончилась аннексией Натала Британской империей в 1843 году. Во-вторых, территории африканеров хоть и не принадлежали крупным геополитическим игрокам, однако могли представлять интерес, например, для Португалии или Германии. В 1866 году на границе Трансвааля, в долине Оранжевой реки, темнокожий мальчик обнаружил большой алмаз, а в 1867 году, неподалёку от того же места, пастух нашёл ещё один крупный драгоценный камень, после чего в Южной Африке вспыхнула «алмазная лихорадка». В надежде найти драгоценности и разбогатеть в Западный Грикваленд, входивший в состав Оранжевой Республики, хлынул поток рабочих со всего мира. В 1873 году британцы аннексировали данную территорию, а в 1880-м – включили её в состав Капской колонии.

В 1870-е годы в Великобритании возникает проект Южно-Африканской Конфедерации, в которую должны были войти, помимо английских колоний, ещё и бурские государства. Первым делом британцы решают присоединить Трансвааль, воспользовавшись его крайне тяжёлым финансовым положением. В 1876 году Генри Герберт, 4-й граф Карнарвон, занимавший тогда пост государственного секретаря по делам колоний, поручил Теофилусу Шепстоуну специальную миссию по переговорам с

Трансваалем по вопросу о федерации южноафриканских государств и наделил его полномочиями в случае необходимости аннексировать эту страну при условии одобрения со стороны британского правительства. В январе 1877 года Теофилус отправился в Преторию, а в апреле 1877-го издал прокламацию, в которой объявил об установлении британской власти в Южно-Африканской Республике. Силы Шепстоуна состояли всего из 25 человек конной полиции Наталя, но аннексии никто открыто не противостоял, так как республика на тот момент вела войну против коренного населения Южной Африки – народа зулу. Теофилус оставался в Претории в качестве администратора Трансвааля до января 1879 года, пока его не вызвали в Лондон, чтобы он проконсультировал Министерство по делам колоний по вопросам, связанным с Южной Африкой. Должность администратора Трансвааля занял Оуэн Лэньон.

Буры надеялись, что Британская империя, аннексировав Южно-Африканскую Республику, возьмёт на себя ведение войны против зулу. Их надежды полностью оправдались. С 11 января 1879 года по 4 июля 1879 года шла англо-зулусская война, по итогам которой зулу были разгромлены, а их государство ликвидировано. Избавившись от опасных соседей, африканеры стали активнее выступать против британцев. Непосредственным поводом к волнениям среди буров послужил начатый английскими властями сбор недоимок по налогам за годы, предшествовавшие британской аннексии Трансвааля.

В ноябре 1880 года, по распоряжению Лэньона, местный судья города Потchefструма конфисковал повозку бура Пита Безёйнденхаута за неуплату налогов и выставил её на аукцион. Вооружённый отряд африканеров под командованием Пита Кронье прибыл на помощь Безёйнденхауту и вернул ему повозку. 8 декабря 1880 года в небольшом селении Паардекраале собрались делегаты из разных районов страны. Спустя пять дней споры буров решили повторно провозгласить Трансвааль независимым и бороться против английского господства с оружием в руках. Было избрано временное правительство во главе с Паулем Крюгером, Петрусом Жубером и Мартинусом Преториусом. 16 декабря 1880 года в городе Хейдельберхе была провозглашена Южно-Африканская Республика и поднят её флаг.

20 декабря 1880-го произошло первое сражение между африканерами и британцами у города Бронкхорстспрёйта. Тогда две роты британской пехоты шли по просёлочной дороге с оркестром, который исполнял песню «Kiss Me Mother, Kiss Your Darling» («Поцелуй меня, мама, поцелуй своего дорогого»). Навстречу солдатам королевы вышли бурские парламентарии, предложив командиру отряда сложить оружие и сдаться, в то время как залёгшие вокруг дороги африканеры взяли отряд на прицел. Англичане сдаваться отказались, после чего попали под шквальный огонь, потеряв 86 человек убитыми, 83 ранеными и 20 пленными. Буры же лишились только 1 человека убитым.

Следует отметить, что все мужчины-африканеры умели метко стрелять, прекрасно ездили верхом и хорошо знали местность. А вот британские войска в Трансваале к серьёзной войне оказались совершенно не готовы. Это были рекруты из молодых фабричных рабочих, попавшие в Южную Африку прямо из Англии и попросту не успевшие набраться хоть какого-то военного опыта. Важным фактором стало и то обстоятельство, что буры носили самостоятельно сшитую одежду из натуральных тканей, которая не выделялась на фоне африканского пейзажа; тогда как униформа британской пехоты состояла из алых мундиров, тёмно-синих брюк с алыми лампасами, белых пробковых шлемов и снаряжения из белой кожи, что резко контрастировало с африканским жёлто-бурым пейзажем. Артиллеристы носили синие мундиры, а горцы – мундиры цвета хаки и килт. Опираясь на многолетний опыт ведения приграничных стычек с многочисленными коренными африканскими племенами, буры полагались на мобильность, скрытность, меткость и инициативу, в то время как британцы старательно

культивировали традиционные военные ценности. В это же самое время англичанам пришлось подавлять ещё и восстание племени басуто, и именно против них были направлены самые опытные части. В результате буры блокировали британские гарнизоны сразу в нескольких городах, включая Преторию, где большую часть её четырёхтысячного населения также составляли подданные Великобритании.

28 января 1881 года англичане попытались прорвать позиции африканеров у Лэнгс-Нэж. Однако, потеряв 83 человека убитыми, 113 ранеными и 2 пленными, британцы отступили. Буры, потери которых составили 14 убитых и 27 раненых, перешли в наступление и вторглись в Наталь. Райдер Хаггард, английский писатель и автор множества приключенческих романов, в данное время живший в Натале на ферме, впоследствии вспоминал об этом так: «Мы были окружены противником и ежечасно ожидали его нападения. Ночь за ночью мы спали, иногда не раздеваясь, поставив заряженные винтовки под кроватью и револьверы под подушку; на конюшне всегда стояло шесть осёдланных лошадей».

Против африканеров были отправлены войска из Наталья под командованием генерал-майора Джорджа Колли. 27 февраля 1881 года произошёл бой у холма Маджуба, где укрепившихся англичан сразу с нескольких сторон атаковали бурские командос. В итоге 92 британца, включая самого Колли, было убито, 134 ранено, а 59 попало в плен. Потери буров и на этот раз были ничтожно малы: всего один 1 убитый и 5 раненых. Поражение англичан в битве при Маджубе оказало на них такое влияние, что во время англо-бурской войны 1899-1902 годов одним из британских лозунгов было «Помни Маджубу!».

Правительство Британской империи во главе с премьер-министром Уильямом Гладстоном занимало примирительную позицию, поскольку понимало, что любые дальнейшие действия потребуют значительного усиления войск и что вооружённый конфликт, скорее всего, будет дорогостоящим, кровопролитным и затяжным. Не желая увязать в далёкой войне, англичане объявили перемирие. Сэр Генри Вуд, заменивший Колли, 6 марта 1881 года подписал соглашение о перемирии, а 23 марта 1881 года в коттедже О'Нила был подписан мирный договор с Крюгером, официально завершивший вооружённый конфликт. Окончательно мир был установлен 3 августа 1881 года, когда была подписана Преторийская конвенция, согласно которой Трансвааль получал внутреннее самоуправление, признавая сюзеренитет Великобритании. Неудовлетворённость буров достигнутым соглашением привела к продолжению переговоров и заключению 27 февраля 1884 года Лондонской конвенции. В ней уже не было прямого указания на британский сюзеренитет, хотя Трансвааль обязался не заключать без утверждения английского правительства никаких соглашений с иностранными государствами, за исключением Оранжевого Свободного Государства.

По сравнению с газетными репортажами о войнах в Зулуленде или Афганистане в 1879-1880 годах, британская пресса уделяла мало внимания военному аспекту, в отличие от политического, Англо-бурской войны 1880-1881 годов. Дело в том, что большинство репортёров и корреспондентов просто не смогли вовремя добраться до границы Трансвааль-Наталь. Сыграла свою роль и непродолжительность боевых действий: к тому времени, когда на фронт прибыло большинство журналистов, война вступила в фазу мирных переговоров. Первые изображения Трансваальской войны появились в газете «The Illustrated London News» 5 марта 1881 года, а в газете «The Graphic» – 21 мая 1881 года. 12 марта 1881 года в журнале «Punch» было издано стихотворение «На холме Маджуба», а 7 мая 1881 года – «Военная ода». 15 апреля 1881 года газета «The Daily Telegraph» опубликовала подробную информацию о битве при Маджубе.

Когда в 1886 году на хребте «Витватерсранд» («Хребет белой воды») было обнаружено крупнейшее в мире месторождение золотой руды, это вновь пробудило интерес Великобритании к Южно-Африканской Республике. В Трансвааль устремился

поток переселенцев-англичан. Мужчины ехали туда в поисках лёгкого заработка. Женщины – найти себе обеспеченных мужей, или устроиться в услужение в богатые семьи. Данные события резко увеличили численность сугубо британского населения на Юге Африки. Снова начались разговоры о правах англичан на территориях бурской юрисдикции, только теперь равных с африканерами прав многие британцы стали требовать по «праву рождения». Возник настоящий «гордиев узел» неразрешимых противоречий, «развязать» который могла только новая война, начавшаяся в 1899-м.

Таким образом, стремление Великобритании усилить свой контроль над Южной Африкой было обусловлено её стратегическими (предотвращение возможности массового бегства африканцев на британские территории из-за жестокости буров, а также недопущение того, чтобы Трансваалем или Оранжевой Республикой заинтересовались какие-либо европейские страны) и экономическими интересами (добычей алмазов). Аннексия Южно-Африканской Республики привела к вооружённому конфликту с бурами, которые одержали победу в войне 1880-1881 годов, добившись внутреннего самоуправления под сюзеренитетом Британской империи. Однако открытие золотых месторождений вновь обострило противоречия между британцами и африканерами, что сделало новый конфликт неизбежным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Народы Африки. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 754 с.
2. Карнацевич В. Л. 100 знаменитых сражений. – Харьков: Издательство Фолио 2004. – 818 с.
3. Хаггард Г. Р. Миссия в Трансвааль. – Москва: Наука, 1974. – 237 с.
4. История Африки в документах, 1870-2000: в 3 т. / под ред. А. Б. Давидсона. – Т. 1. 1870-1918. – М.: Наука, 2005. – 499 с.
5. Давидсон А.Б. Создание Британской Южно-Африканской Компании. – М., 1960. - 162 с.
6. Поляков А. Африка объект соперничества // Азия и Африка сегодня. – 1998. – № 6. – С. 25 – 29.
7. Бредихин А.В., Разумный В.В. История Азии, Африки и Латинской Америки в новое время. – Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2016. – 393 с.
8. L Waldman: The Griqua Conundrum: Political and Socio-Cultural Identity in the Northern Cape, South Africa. Oxford. 2007.
9. Guy Jeff. Theophilus Shepstone and the Forging of Natal. Scottsville: University of KwaZulu-Natal Press, 2013.
10. Hattersley, Alan F. "The Annexation of the Transvaal, 1877." History 21.81 (1936).
11. Laband, John (2014). The Transvaal Rebellion: The First Boer War, 1880-1881.
12. Thomas Fortescue Carter, A narrative of the Boer War, its causes and results, 1882, – 159 p
13. The war is not included in Peter Johnson, Front Line Artists, 1978, but there is a substantial coverage of events in 1880-1 by R.J. Wilkinson-Latham, From our special correspondent: Victorian war correspondents and their campaigns, 1979, pp. 159-68. The best concise account is by Brian Bond, Victorian military campaigns, 1967, pp. 201-40, "The South African War, 1880-81".
14. The first poem appeared in Punch for 7 May 1881, p. 210, and the other, entitled "On the Majuba Hill", in Punch for 12 March 1881, – 114 p
15. Martin Meredith. Diamonds Gold and War - New York: Public Affairs, 2007. – 162 p.
16. Castle, Ian. Majuba 1881: The Hill of Destiny. – Oxford, Osprey Publishing, 1996.

THE FIRST BOER WAR OF 1880-1881 AND ITS CONSEQUENCES

Annotation. This work describes the causes (the «Diamond Rush» of the 1860s, the activities of Theophilus Shepstone, the growing conflict situation in the 1870s), the main battles (the Boer uprising in Potchefstroom, the Battle of Lang's Neck, the battle of Majuba Hill) and the results of the First Anglo-Boer War (Transvaal War) 1880-1881 years (Pretoria Convention, London Convention, coverage of the events of the Transvaal War in the periodical press of Great Britain).

Keywords: Great Britain (British Empire), Cape Colony, Natal, South African Republic (Transvaal), Orange Free State (Orange Republic).

Kuzmin S. D.

Scientific supervisor: Razumnyi V.V., Candidate of Historical Sciences, Associate
Donetsk State University

E-mail: stanislavkuzmin2005@mail.ru

УДК 321.011(510):351.746.007

ЦИФРОВЫЕ ГРАНИЦЫ КИТАЯ: СТРАТЕГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ АВТОНОМИИ

Куканова М.А.

*Научный руководитель: Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: В работе рассматривается стратегия построения информационной автономии Китая и особенности подходов к обеспечению цифрового суверенитета. Актуальность обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и возрастающими угрозами безопасности данных. Цель исследования заключается в исследовании процессов формирования и реализации стратегии построения информационной автономии Китая. Анализируются исторические этапы развития концепции киберсуверенитета, механизмы регулирования интернет-пространства, международные инициативы Китая. Сделан вывод о том, что Китай демонстрирует достаточно успешный опыт защиты национальных интересов в цифровой среде, предлагая миру альтернативную модель управления киберпространством.

Ключевые слова: цифровая автономия, киберсуверенитет, информационная безопасность, Китай, международная политика

Исследование проблемы цифровых границ Китая и его стратегии построения информационной автономии приобретает особую значимость в контексте современного мира, характеризующегося ускоренными темпами цифровизации и ростом угрозы нарушения конфиденциальности и безопасности данных. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий создает условия для повышения эффективности управления страной, улучшения качества жизни граждан и укрепления позиций государства на международной арене. Однако эти процессы сопровождаются новыми рисками и вызовами, такими как несанкционированный доступ к данным, распространение дезинформации и вмешательство в политические процессы извне.

Цель статьи – изучение процессов формирования и реализации стратегии построения информационной автономии Китая, выявление особенностей её структуры и механизмов, а также оценка перспектив дальнейшего развития цифровой экономики страны.

Исследованием вопроса занимались Е.А. Михалевич «Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность» [1], А.Д. Янькова «Архитектура концепции киберсуверенитета КНР (по материалам докладов Всемирной интернет-конференции “Киберсуверенитет: теория и практика» [4], которые рассматривали историческое развитие идеи киберсуверенитета в Китае, подчеркивая ее важность для формирования национальной стратегии кибербезопасности. В работе О. Мельниковой «Практический опыт защиты китайского киберсуверенитета» [2] проанализированы конкретные меры, принятые китайским правительством для защиты своего киберпространства и как они реализовывались на практике. В статье Цзо Ци «Динамика и тенденции цифровой трансформации в Китае» [3] был описан процесс цифровизации в Китае, подчеркивая инновационные методы и инструменты, применяемые государством для ускорения цифрового перехода.

Материалы докладов седьмой и восьмой всемирной интернет-конференции 网络主权：理论与实践 (Киберсуверенитет: теория и практика) [8] и 网络主权：理论与实践 (3.0 版) (Киберсуверенитет: теория и практика (версия 3.0)) [9] сформировали четкое представление о том, как развивалась теория и практика киберсуверенитета, начиная с конца XX вв. и как эволюционировали взгляды китайского руководства на управление интернет-пространством. В Белой книге Госсовета КНР «Совместное создание сообщества единой судьбы в киберпространстве» [10] подробно изложена официальная

точка зрения правительства Китая на построение общего будущего в киберпространстве, что служит достаточно важным источником в вопросе изучения поставленной темы исследования.

В современных условиях сохранение цифрового суверенитета является не только насущной необходимостью, но и залогом существования каждого независимого государства, способом избежать потенциальных конфликтов в информационной среде.

Цифровой суверенитет – способность страны успешно реализовывать самостоятельную политику в цифровой сфере, обеспечивать безопасность на внешних и внутренних контурах.

Цифровой суверенитет характеризуется следующими особенностями: контроль над средствами коммуникации и устройствами, используемыми для взаимодействия в цифровом пространстве, управление информационными потоками внутри страны и предотвращение злоупотреблений извне, способность государства создавать и поддерживать собственную цифровую инфраструктуру, обеспечивать устойчивость и надежность функционирования, независимое принятие решений в сфере информационных технологий, включая разработку стандартов и нормативов.

Несмотря на очевидные преимущества цифрового суверенитета, существует ряд серьезных угроз. Например, расширение спектра различного рода злонамеренных действий и хакерских атак на объекты критической инфраструктуры, цифровое неравенство, рост объема противоправных действий в цифровой среде.

Эти и подобные им обстоятельства ставят остро вопрос перед каждым государством о том, каким образом эффективно развивать собственный цифровой потенциал, чтобы обеспечить цифровую безопасность граждан и цифровой суверенитет государства.

В этом контексте стоит рассмотреть опыт Китая, поскольку, именно в этой стране руководство одним из первых осознало необходимость жестко отстаивать национальный цифровой суверенитет.

За последние годы Китай добился значительных успехов в области цифровых технологий. Об уровне цифровизации в Китае свидетельствует наличие, например, системы социального кредита или системы социального доверия (社会信用体系). Кроме того, уже долгое время в Китае существует система распознавания лиц (人脸识别系统), **которая успешно используется при посадке в поезд, для борьбы с нетрезвыми водителями, при оплате в магазинах, в банкоматах, при использовании видеоигр и др.**

Широкое распространение в Китае получила технология связи нового поколения 5G. Цифровые технологии широко используются в банковской, медицинской, пищевой, образовательной отраслях. Развиваются так называемые «умные магазины», которые представляют собой автоматизированные торговые точки, в которых покупатели могут сканировать штрих-коды или RFID-метки для самостоятельной оплаты покупок, использовать интерактивные зеркала или технологии дополненной реальности, чтобы виртуально примерять одежду.

Несмотря на то, что цифровизация в Китае в целом продвигается достаточно быстрыми темпами, существует неравномерность широты и скорости как в региональном, так и отраслевом аспектах. Цифровое неравенство связано с различиями в доступе и результатах использования цифровых технологий среди различных социальных групп.

Процесс формирования самостоятельного и защищённого национального сектора киберпространства в Китае начался ещё в конце 80-х гг. XX столетия, когда страна впервые стала производить попытки подключения к мировой Интернет сети. С этого времени и до настоящего момента китайскому руководству удалось создать одну из

самых жёстких и высокоэффективных систем регулирования, отличающуюся многослойностью и комплексной структурой.

В начале 2000-х был введен в эксплуатацию масштабный по тем меркам проект по регулированию Интернет-доступа под названием «Золотой щит», важнейшим элементом которого является «Великий китайский файрвол», т.е. система фильтрации интернет-контента, который блокирует доступ ко многим зарубежным сайта. Так, китайским пользователям заблокирован доступ к Facebook, Twitter, Youtube, Gmail, Google, Wikipedia, нет доступа к ресурсам BBC, CNN, «New York Times» и др. Вышеуказанные мировые ресурсы постепенно были заменены на их местные аналоги: Renren (вместо Facebook), Sina Weibo (вместо Twitter), Youku (вместо YouTube), Baidu (вместо Google).

Китайский сегмент Интернета контролируют следующие государственные структуры: Министерство промышленности и информатизации КНР, Департамент интернет-безопасности и защиты Министерства государственной безопасности КНР, Центральная комиссия по делам киберпространства при Центральном комитете Коммунистической партии Китая, Национальное управление радио и телевидения на уровне министерства, которое контролируется Департаментом по связям с общественность Коммунистической партии Китая.

С 1994 года в Китае действуют правила, позволяющие Министерству государственной безопасности нейтрализовать практически любой неудобный ресурс. В соответствии с законом «О национальной безопасности», принятом в 2015 году, на спецслужбы страны были возложены функции по незамедлительной блокировке интернет-ресурсов, содержащих информацию, противоречащую социалистической морали или не соответствующую политическому курсу страны [2]. Также в Китае действует обязательная система деанонимизации пользователей социальных сетей, интернет-форумов и мессенджеров, введенная в 2015 году.

В 2021 году в КНР вступил в силу новый закон «О защите персональных данных», устанавливающий порядок получения, обработки, хранения, передачи корпоративных и персональных данных граждан организациям, которые действуют на территории КНР.

Такая строгость внутренних мер, направленных на защиту информационной безопасности как самих граждан Китая, так и государства, вполне закономерна, учитывая острую конкуренцию и напряженность, существующие в сфере высоких технологий на международном уровне.

Китайское правительство первым предложило собственную концепцию киберсуверенитета (ваньло чжуцюань), опирающуюся на одну из базовых международно-правовых норм государственного суверенитета [1].

Следует отметить, что история развития китайского подхода к киберсуверенитету начинается с Первой Всемирной интернет-конференции (Учженьский Саммит), который проходил в ноябре 2014 года. Во время Второй Всемирной интернет-конференции Китай представил более обоснованную и проработанную позицию в отношении суверенитета в киберпространстве, заявив, что «киберпространство не должно становиться полем битвы для стран, тем более оно не должно стать очагом преступления» [11]. Шестая конференция, проходившая в 2019 году завершилась публикацией итогового документа «Киберсуверенитет: теория и практика» (网络主权：理论与实践), содержащим основные идеи, которые, по мнению китайского правительства, в полной мере отражали понятие концепции киберсуверенитета [8].

Немаловажными вехами в истории развития киберсуверенитета стали также седьмая и восьмая Всемирные интернет-конференции, проходившие в ковидные года, 2020 и 2021 соответственно.

В 2017 г. МИД КНР опубликовало «Международную стратегию взаимодействия в киберпространстве», подчеркивающую уже ставшие традиционными для этой страны

доминанты [13]. Этот документ обращает внимание не только на необходимость продвижения концепции киберсуверенности посредством существующих глобальных площадок (Форум по управлению Интернетом, Всемирный экономический форум, Всемирная конференция по телекоммуникациям), но также подчеркивает важность проведения осмотрительной реформы этих механизмов взаимодействия.

С 2020 года Китай продвигает инициативу «Совместного создания сообщества единой судьбы в киберпространстве», которая уже в ноябре 2022 года обрела статус национальной стратегии, предполагающей уважение цифрового суверенитета, обеспечения информационной безопасности, создания справедливой системы управления Интернетом и т.д [10].

Китайский подход привлекателен для многих развивающихся кибердержав и стремящихся к этому статусу развивающихся стран, не входящих в западный блок и не желающих признавать лидерство США в вопросах управления киберпространством [7]. Среди особо активных можно выделить страны-участницы БРИКС (Россия, Бразилия, Индия, Иран), страны-партнеры БРИКС (Беларусь, Казахстан, Узбекистан), а также страны-участницы ШОС (Кыргызстан и Таджикистан).

Китай ведет работу со всеми государствами, в первую очередь, используя международные организации (ООН, ВТО, G20, АТЭС, БРИКС, ШОС) как платформу для обмена мнениями, координации позиций по реагированию на глобальные технические вызовы и т.д.

В качестве примера, можно привести тот факт, что Китай и Российская Федерация на полях ООН активно сотрудничает по вопросам обеспечения международной информационной безопасности. Китайская сторона координирует с Россией свои действия по продвижению идей защиты цифрового суверенитета. Стоит также отметить Конвенцию ООН по противодействию преступному использованию ИКТ, принятую 24 декабря 2024 года, которая соответствует общему курсу Китая в области киберсуверенитета, поскольку исходит из принципа уважения государственного суверенитета в цифровом пространстве.

Начиная с августа 2020 года, Китай стал активным участником процесса продвижения собственной инициативы по защите цифровых данных.

Активно развивается деятельность Китая и по линии БРИКС. Страна обладает значительным потенциалом для передачи передовых технологий, что подтверждается рядом инициатив, среди которых можно выделить следующие: Партнерство БРИКС по вопросам новой промышленной революции, Сетевой университет БРИКС, Инновационный центр PartNIR в провинции Фуцзянь и т.д.

Отдельно стоит отметить, что в 2025 году Китай приступил к созданию платформы для глобального развития ИИ. В рамках «Взаимовыгодное партнёрство БРИКС» на Всемирной конференции по искусственному интеллекту (WAIC) состоялось официальное открытие Комитета предприятий Китайско-БРИКС центра развития и сотрудничества в области искусственного интеллекта [6].

Китай активно использует и трансрегиональные сетевые платформы для продвижения своих интересов и позиции. В качестве примера можно привести взаимодействие Китая и АСЕАН. Так, например, в 2020 году был осуществлен запуск инициативы «Инициатива Китая и АСЕАН по созданию партнерства в области цифровой экономики», Кроме того, в 2023 году был дан старт инициативе «Инициатива партнерства по цифровой трансформации» в 2023 году, а в 2024 году подписан «Меморандум о взаимопонимании между АСЕАН и Китае о сотрудничестве в области связи и цифровых технологий на 2024 – 2029 гг.» [12].

В 2021 г. была обнародована «Китайско-арабская инициатива по сотрудничеству в области безопасности данных», которая утверждала приверженность принципу

киберсуверенитета и отказ от подписания соглашений, каким-бы то ни было образом нарушающих киберсуверенитет других стран.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что цифровой суверенитет представляет собой ключевое условие для государства, охватывающий весь спектр деятельности, начиная от разработки новых решений и внедрения передовых технологий до формирования национальных стандартов и обеспечения информационной защищенности. Значение цифрового суверенитета трудно переоценить: он играет решающую роль в укреплении обороноспособности страны, способствует устойчивому развитию экономики и укрепляет ее позиции на международной арене.

Китай ведет активную деятельность по реформированию цифрового порядка используя различные инструменты правового регулирования, среди которых можно выделить международные организации, национальные инициативы и двусторонние договоренности. Расширяя свое влияние на мировую сеть, Китай стремится обеспечить защиту внутренней стабильности от потенциально опасных воздействий внешнего мира и продвигать свои интересы на международной арене.

Концепция киберсуверенитета Китая направлена не на фрагментацию единого цифрового пространства, а на формирование безопасной цифровой среды, где каждое государство сможет свободно реализовывать свои права в области регулирования Интернета.

Интеграция цифровых технологий является весьма сложной задачей. Возникновение новых общественных явлений привело к различию в уровнях доступности цифровых ресурсов, неравномерности распределения возможностей и недостаточности в подготовке населения в области цифровых компетенций. Однако Китай неустанно трудится над тем, чтобы в скором будущем страна завершила полномасштабную цифровую трансформацию общества.

Китайский опыт примечателен своей способностью отстаивать национальные интересы в цифровом пространстве и обеспечивать безопасность государства в условиях отсутствия четких правовых рамок, регулирующих деятельность в киберпространстве. Как можно заметить, многие западные страны активно и систематически препятствуют выработке единых норм в области цифрового суверенитета и пространства, предлагая взамен какие-то расплывчатые правила, которые, по большому счету, выгодны лишь им самим. Западные государства до сих пор живут в мире, где Китай и остальные державы Глобального Юга представляют собой слаборазвитые, зависящие от экспорта образования, тогда как в реальности, именно Запад все больше и больше теряет свою конкурентоспособность в науке и технологиях, становясь зависимой от импорта кадров и идей, утрачивая роль одного из ведущих центров технологического прогресса.

Анализируя изложенное, следует сделать вывод, что Китай умело и последовательно защищает свой суверенитет в цифровой сфере, обеспечивая безопасность государства в глобальном масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлович Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2021. Т.3. – № 2. – С. 254 – 264.
2. Мельникова О. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета // Журнал Международная жизнь, 2022. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38218> (дата обращения: 05.01.2026)
3. Цзо Ци Цифровая трансформация в Китайской Народной Республике: динамика и тенденции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2025. Т. 31. – №1. – С. 202 – 224.
4. Янькова А.Д. Архитектура концепции киберсуверенитета КНР (по материалам докладов Всемирной интернет-конференции “Киберсуверенитет: теория и практика”) // Проблемы Дальнего Востока, 2023. – № 4. – С. 1 – 14.

5. Особенности политики государств-участников БРИКС в сфере развития ИКТ, обеспечения национальной и международной информационной безопасности / под общ. ред. Б.Н. Мирошникова. – Москва, 2024. – 407 с.

6. Китай и БРИКС создают платформу для глобального развития ИИ // PRC.today, 2025. – URL: <https://prc.today/kitaj-i-briks-sozdayut-platformu-dlya-globalnogo-razvitiya-ii/> (дата обращения: 05.01.2026)

7. Stephen M. China's New Multilateral Institutions: A Framework and Research Agenda // International Studies Review, 2020. Vol. 23. – № 4. – P. 827 – 829.

8. 网络主权：理论与实践 [Киберсуверенитет: теория и практика] // 世界互联网大会, 2019. – URL: https://cn.wicinternet.org/2019-10/21/content_36224822.htm (дата обращения: 05.01.2026)

9. 网络主权：理论与实践 (3.0 版) [Киберсуверенитет: теория и практика (версия 3.0)] // 世界互联网大会, 2020. – URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/28/content_36222995.htm (дата обращения: 05.01.2026)

10. 携手构建网络空间命运共同体 [Белая книга: Совместное создание сообщества единой судьбы в киберпространстве] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 2022. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-11/07/content_5725117.htm (дата обращения: 05.01.2026)

11. Highlights of Xi's Internet speech // Xinhua Finance Agency, 2015. – URL: <http://en.xfafinance.com/html/Policy/2015/178621.shtml> (дата обращения: 05.01.2026)

12. Overview of ASEAN-China Comprehensive Strategic Partnership // ASEAN: official site, 2024. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/06/Overview-of-ASEAN-China-CSP-12-June-2024.pdf> (дата обращения: 05.01.2026)

13. 网络空间国际合作战略 [Международная стратегия взаимодействия в киберпространстве] // 新华社, 2017. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-03/01/content_5172262.htm (дата обращения: 05.01.2026)

CHINA'S DIGITAL FRONTIERS: A STRATEGY FOR ESTABLISHING INFORMATION SOVEREIGNTY

Annotation: The article explores the strategy of China's information self-reliance and the specific measures taken to ensure digital sovereignty, which is relevant given the rapid advancement of digital technology and increasing threats to data security. The aim is to examine the processes involved in formulating and implementing a strategy for China's information independence. Historical developments in the concept of cybersecurity are analyzed, along with the mechanisms used to regulate the internet space and China's international initiatives in this area. It is concluded that China has successfully protected its national interests in the digital realm and offers an alternative approach to managing cyberspace, which could serve as a model for other countries.

Keywords: digital autonomy, cyber sovereignty, information security, China, international politics

Kukanova M.A.

Scientific adviser: Medovkina L.Y., associate professor

Donetsk State University

E-mail: mkukanova926@gmail.com

УДК 94:327 [(73):(597)] «1961/1963»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ США ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. Ф. КЕННЕДИ (1961 – 1963 ГГ.)

Кухарская Д.В.

*Научный руководитель: Агаркова М.И., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе исследуется эволюция американской политики во Вьетнаме в период президентства Дж. Ф. Кеннеди. Проводится анализ предпосылок и механизмов перехода от стратегии «ограниченного партнерства» к активной интервенции, рассматриваются ключевые инструменты воздействия (экономические, пропагандистские, силовые), а также противоречия в американо-вьетнамских отношениях. На основе комплекса источников демонстрируется, что несмотря на масштабное вовлечение США, избранная стратегия не обеспечила стабилизации обстановки в регионе.

Ключевые слова: США, республика Вьетнам, Дж. Ф. Кеннеди, Вьетнамская война, Вьетконг.

Начало 1960-х гг. стало поворотным этапом в политике США в Юго-Восточной Азии. Приход к власти Дж. Ф. Кеннеди сопровождался пересмотром подходов к сдерживанию коммунизма во Вьетнаме. Как отмечает И. В. Конева, новая стратегия предполагала «комплексное противодействие коммунистическому распространению через сочетание военных, политических и социально-экономических мер» [6, с. 100-109]. Наследие администрации Д. Эйзенхауэра – опыт корейского конфликта, институциональные механизмы и стратегические установки – создало объективные предпосылки для эскалации американского присутствия. Однако администрация Кеннеди изначально избрала тактику «ограниченного партнерства», сочетавшую поддержку южновьетнамского режима с избеганием прямого военного участия [5, с. 24].

Целью исследования является выявление и анализ трансформации политики США в отношении Республики Вьетнам в период администрации Дж. Ф. Кеннеди (1961–1963 гг.), определение факторов перехода от сдержанного вовлечения к прямой интервенции, оценка результативности применяемых американской администрацией инструментов. Методологическую основу исследования составляют историко-генетический метод, позволяющий реконструировать эволюцию политического курса, системный анализ, направленный на выявление взаимосвязи используемых инструментов воздействия, а также критический разбор источников, охватывающий документальные материалы по проблеме.

В январе 1961 г., после вступления в должность президента США, Дж. Ф. Кеннеди столкнулся с обострением ситуации в Южном Вьетнаме, где активно нарастала партизанская война. В рамках выработки ответных мер американская администрация сформулировала первоначальную стратегию, включавшую несколько ключевых направлений. Во-первых, предусматривалась политическая легитимация режима Нго Динь Зьема в качестве антикоммунистического лидера, способного противостоять угрозе со стороны коммунистических сил. Во-вторых, планировалось существенное наращивание экономической помощи Южному Вьетнаму с целью модернизации его вооруженных сил и инфраструктурных объектов. В-третьих, предполагалось направление военных советников для оказания консультационной поддержки без ввода регулярных боевых частей. Наконец, одним из принципиальных элементов стратегии стало сдерживание масштабов прямого военного присутствия США в регионе [6, с. 100-109].

В течение 1961 г. были предприняты конкретные практические шаги по реализации намеченного курса. Прежде всего, заметно увеличилась численность американских военных советников: с 700 до 3200 человек. Параллельно была инициирована программа

«стратегических деревень» (Strategic Hamlet Program), призванная изолировать крестьянское население от воздействия Вьетконга. Кроме того, были расширены объемы поставок вооружения для Армии Республики Вьетнам (ARVN) [5, с. 24; 6, с. 100-109]. Тем не менее, уже в первый год реализации данной стратегии выявились серьезные системные проблемы, препятствовавшие достижению поставленных целей. Среди них особо выделялись: низкая боеспособность южновьетнамской армии, неэффективность проводимых режимом Зьема реформ, а также неуклонный рост влияния Вьетконга [1]. Как подчеркивает И.В. Конева, американская администрация в тот период делала ставку на комплексное воздействие, включавшее обучение и оснащение южновьетнамской армии, развитие местной инфраструктуры и проведение пропагандистских кампаний [4, с. 59-66]. Однако, несмотря на предпринятые усилия, эти меры не смогли обеспечить кардинального перелома в сложившейся обстановке. К 1962 г. администрация США была вынуждена признать несостоятельность политики «ограниченного партнерства» в отношении Южного Вьетнама. Пересмотр стратегического курса был обусловлен комплексом взаимосвязанных причин, которые можно систематизировать по трем ключевым направлениям.

Во-первых, к началу 1962 г. проявилась военно-стратегическая несостоятельность ранее избранной линии. Несмотря на наращивание военного присутствия США и увеличение численности военных советников, реальная боеспособность Армии Республики Вьетнам оставалась низкой. Проведенные совместные операции зачастую носили формальный характер, правительственные силы не контролировали значительную часть сельских районов, особенно в дельте Меконга и Центральном Вьетнаме. Программа «стратегических деревень», призванная создать сеть опорных пунктов в сельской местности, на практике сопровождалась коррупцией, насильственными переселениями и недостаточным уровнем защиты, что нередко превращало эти поселения в легкую цель для Вьетконга. Уже в 1962 г. отчеты американских военных и представителей миссий на местах фиксировали рост активности партизан, увеличение числа диверсий и терактов, а также расширение подпольной сети НФОЮВ (Национального фронта освобождения Южного Вьетнама).

Во-вторых, существенную роль сыграл внутривьетнамский кризис в Южном Вьетнаме, связанный с политикой режима Нго Динь Зьема. Авторитарные методы управления, концентрация власти в руках семьи Зьема, репрессии против оппозиции и игнорирование интересов крестьянского большинства подрывали легитимность южновьетнамского правительства в глазах собственного населения. Особенно остро ситуация обострилась в религиозной сфере: преференции, оказываемые католическому меньшинству, на фоне дискриминации буддийского большинства, вызывали растущую напряженность. Уже в 1962 г. американские аналитики предупреждали, что социальная и политическая база режима сужается, а антирежимные настроения усиливаются. Вашингтон все отчетливее осознавал, что ставка на Зьема как на «оплот антикоммунизма» не обеспечивает необходимой устойчивости южновьетнамского государства и, напротив, стимулирует поддержку Вьетконга среди сельского населения.

В-третьих, важным фактором стала внешнеполитическая и внутривьетнамская динамика, воздействовавшая на принятие решений в Вашингтоне. На международной арене администрация Дж. Кеннеди была ограничена необходимостью учитывать общий баланс сил в условиях «холодной войны», а также последствиям других кризисов – прежде всего, Берлинского (1961 г.) и Карибского (1962 г.). Эти события продемонстрировали опасность прямой военной конфронтации с СССР и КНР, что делало эскалацию конфликта во Вьетнаме крайне рискованной. Одновременно внутри США усиливались дискуссии относительно целесообразности дальнейшего наращивания поддержки Сайгона. Часть экспертов и чиновников указывала на затяжной характер конфликта, расплывчатость целей и отсутствие четкой перспективы победы

при сохранении существующей линии. Доклады и меморандумы, подготовленные в текущем 1962 г. в Пентагоне, Госдепартаменте и аппарате Совета национальной безопасности, акцентировали внимание на затяжном, «болотистом» характере войны, где военные, политические и социальные задачи были тесно переплетены и не поддавались решению исключительно военными средствами.

Таким образом, к 1962 г. администрация Дж. Ф. Кеннеди оказалась перед необходимостью корректировки курса: совокупность военных неудач, истощение политического ресурса режима Зьема и ограниченность маневра в условиях глобального противостояния вынудили Вашингтон перейти от концепции «ограниченного партнерства» к более активному, комплексному и, в перспективе, более прямому вмешательству во внутренние дела Южного Вьетнама. Именно эти факторы заложили предпосылки дальнейшей эскалации американского участия в конфликте.

В стратегическом плане определяющую роль играли опасения реализации «эффекта домино» – сценария, предполагавшего последовательное распространение коммунизма на соседние государства региона [10, с. 6]. Внутриполитический контекст характеризовался усиленным давлением со стороны консервативных кругов и военного руководства, что заставляло президента демонстрировать решительность в противостоянии коммунизму [2]. С оперативной точки зрения ситуацию усугубляли очевидные неудачи Армии Республики Вьетнам (ARVN) и прогрессирующее усиление партизанского движения [6, с.100-109].

Эскалация военного вмешательства США проявилась в ряде конкретных мер. К концу 1963 г. численность американских военных специалистов возросла до 11300 человек. Были внедрены вертолетные подразделения, призванные повысить мобильность сил. Расширились масштабы воздушной разведки и логистической поддержки. Стратегия сместилась в сторону наступательных действий, что выразилось в проведении крупномасштабных операций против баз Вьетконга. Кроме того, началось применение гербицидов (в частности это был Agent Orange) с целью обезлесения стратегически значимых территорий [5, с. 24; 6, с. 100-109]. Параллельно происходили изменения политической линии в отношении режима Нго Динь Зьема. Американская администрация усилила давление на южновьетнамские власти с требованием проведения реформ, способных повысить легитимность режима. Одновременно осуществлялась скрытая поддержка оппозиционных групп. Кульминацией прямого вмешательства США во внутренние дела Южного Вьетнама стало санкционирование военного переворота, осуществленного 1 ноября 1963 г. [5, с. 24; 6, с. 100-109].

И. Ф. Шелудяков подчеркивал, что геостратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1950-1960-е гг. формировалась под определяющим влиянием глобального противостояния с СССР и КНР. Именно этот фактор предопределял жесткость американских подходов к урегулированию региональных конфликтов [9, с. 6].

Экономическая стратегия США в Южном Вьетнаме опиралась на механизм официальной помощи развитию (ODA), объемы которой продемонстрировали существенный рост – с десятков до сотен миллионов долларов в год [1]. Выделенные средства распределились по трем основным направлениям. Во-первых, они направлялись на модернизацию Армии Республики Вьетнам (ARVN), включая закупку вооружений и обмундирования. Во-вторых, финансировались инфраструктурные проекты – строительство и ремонт дорог, мостов, а также системы ирригации. В-третьих, средства шли на реализацию программы «стратегических деревень», предусматривавшей создание жилья, школ и медицинских пунктов [5, с. 24; 6, с. 100-109]. В рамках торговых механизмов использовались следующие инструменты: предоставление льготных кредитов для закупки американских товаров; содействие экспорту ключевых вьетнамских товаров – каучука и риса; субсидирование импорта технологий, предназначенных для развития аграрного сектора [6, с. 100-109; 4, с. 59-66].

Тем не менее реализация намеченных экономических мер сопровождалась рядом существенных проблем. Прежде всего, отмечалась высокая степень коррупции при распределении выделенных ресурсов. Кроме того, местные элиты активно сопротивлялись проводимым реформам. Наконец, режим Нго Динь Зьема не смог обеспечить необходимую легитимность в глазах населения, что существенно ограничивало эффективность предпринимаемых шагов [7, с. 399; 3, с. 191]. Исследователь В. Н. Колотов отмечает, что серьезным препятствием для реализации экономических программ стал религиозно-политический конфликт, связанный с дискриминацией буддийской общины. Этот фактор подрывал социальную базу правительства и затруднял проведение намеченных мероприятий [3, с. 191].

Пропагандистское воздействие США в Южном Вьетнаме реализовывалось посредством комплексного набора инструментов информационной политики. В их число входили:

- распространение через СМИ и печатные материалы на вьетнамском языке (листовки, плакаты);
- радиовещание, в котором основной акцент делался на угрозе коммунизма;
- культурно-образовательные программы, реализуемые USAID и содержащие антикоммунистический контент;
- психологические операции (PSYOP), включавшие меры по деморализации Вьетконга и обещания амнистии потенциальным перебежчикам [6, с. 100-109; 4, с. 59-66].

Однако эффективность данных мер ограничивалась рядом существенных факторов. Во-первых, существенную роль играли семантические и культурные барьеры, затрудняющие восприятие пропагандистских сообщений целевой аудитории. Во-вторых, репрессивная политика режима Нго Динь Зьема подрывала доверие населения к властям и тем самым снижала результативность пропагандистских усилий. В-третьих, активную контрпропаганду вел Вьетконг, используя подпольные печатные издания и устную агитацию [1; 3, с. 191]. Особого внимания заслуживает программа «стратегических деревень». Она вызвала массовое недовольство населения из-за насильственных методов реализации, что существенно подрывало легитимность южновьетнамского режима [8, с. 237]. Вьетконг сумел эффективно использовать эту ситуацию для расширения своей социальной базы [1], что демонстрирует ограниченность возможностей чисто пропагандистских методов в условиях глубокого социально-политического кризиса.

В процессе взаимодействия США с режимом Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме выделились три ключевых направления сотрудничества, что подтверждается данными исследований [6, с. 100-109].

1. Военное сотрудничество включало комплекс мер по усилению обороноспособности южновьетнамского государства:

- систематические поставки вооружений;
- поэтапное расширение контингента американских военных советников (к 1963 году их численность достигла 16 000 человек);
- организацию обучения и переподготовки военнослужащих Армии Республики Вьетнам (ARVN).

2. Программы «умиротворения» предполагали реализацию стратегии по изоляции крестьянского населения от влияния Вьетконга. Основным инструментом стало принудительное переселение сельских жителей в укрепленные поселения. Однако подобные меры спровоцировали рост социального напряжения в обществе, подрывая доверие к властям.

3. Политическое взаимодействие характеризовалось двойственностью американской позиции. С одной стороны США продолжали оказывать поддержку

режиму Зьема как антикоммунистическому оплоту в регионе. С другой – настойчиво требовали проведения политических и социальных реформ для повышения легитимности власти.

Вместе с тем взаимодействие сторон сопровождалось нарастанием системных противоречий, которые можно классифицировать следующим образом. Политические противоречия были обусловлены отказом Зьема от демократизации управления, доминированием клановых интересов в принятии решений и репрессивной политикой в отношении буддийской общины [7, с. 399; 3, с. 191]. Военные противоречия проявлялись в низкой боевой мотивации военнослужащих ARVN, их критической зависимости от американской военной и финансовой поддержки, а также в серии тактических неудач на поле боя [6, с. 100-109]. Социально экономические противоречия коренились в игнорировании властями насущных проблем: нерешенного аграрного вопроса, этнических разногласий и конфессиональных конфликтов [7, с. 399].

К 1963 г. совокупность проблем привела к формированию комплекса кризисных феноменов [1], таких как религиозно – политический конфликт, деградации военно-оперативной обстановки и расколу в элитах. Совокупность неразрешенных проблем – нерешенный аграрный вопрос, острые этнические и конфессиональные противоречия, а также глубокий кризис легитимности режима – существенно ограничивала эффективность военных мер по подавлению повстанческого движения [7, с. 399]. Это свидетельствует о том, что чисто силовые методы урегулирования конфликта оказались недостаточными без комплексного решения социально – политических проблем.

Можно утверждать, что в начале 1960-х гг. администрация Дж. Ф. Кеннеди предприняла масштабную попытку стабилизировать ситуацию в Южном Вьетнаме, сочетая военную, экономическую и пропагандистскую поддержку режима Нго Динь Зьема. Изначально стратегия США строилась на ограничении прямого вмешательства, усилении южновьетнамской армии через поставки вооружений и работу военных советников, а также на попытках политической легитимации режима Зьема как антикоммунистического лидера. Однако уже в первый год реализации курса проявились системные изъяны: низкая боеспособность ARVN, коррупция при распределении помощи, сопротивление элит реформам и растущее влияние Вьетконга.

Попытки решить проблемы через программу «стратегических деревень», инфраструктурные проекты и пропагандистские кампании не дали результата – насильственные методы переселения, культурные барьеры и репрессивная политика Зьема лишь усиливали недовольство населения и подрывали легитимность власти. К 1962-1963 гг. США были вынуждены пересмотреть подход: численность американских специалистов резко возросла, начались крупномасштабные операции против Вьетконга, применялись гербициды, а политическая линия сменилась на давление на режим Зьема с одновременной поддержкой оппозиции. Кульминацией всего происшедшего стало санкционирование переворота в ноябре 1963 года.

Таким образом, несмотря на значительные ресурсы и многоплановость усилий, американская стратегия в Южном Вьетнаме потерпела неудачу. Ее крах был обусловлен неспособностью учесть глубинные социально-политические противоречия, такие как аграрный вопрос, этнические и религиозные конфликты, отсутствие легитимности режима. Это продемонстрировало, что чисто силовые и внешние методы урегулирования конфликта без решения внутренних проблем оказываются неэффективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрамкулова Л.Л. Стратегия «Особой войны» и начало прямого вмешательства США во вьетнамский конфликт (1961-1963 гг.) // [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1176 (дата обращения: 25.12.2025)

2. Война во Вьетнаме 1955-1975. Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/v-etnamskaia-voina-1960-1975-11e2af?ysclid=mku8fkto99183394425> (дата обращения: 06.01.2026)
3. Колотов, В. Н. Сайгонские режимы: религия и политика в Южном Вьетнаме, 1945-1963 гг. / В. Н. Колотов. – Санкт-Петербург, 2001. – 191 с.
4. Конева И. В. Вьетнамское направление внешней политики Джона Кеннеди в Индокитае / И. В. Конева // Уральское востоковедение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – Вып. 4. – С. 59-66.
5. Конева И.В. Политика США по отношению к Республике Вьетнам: 1961-1963 : автореферат дис. кандидата исторических наук : 07.00.15 / Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006.
6. Конева И. В. США и Вьетнам: эволюция взаимоотношений при президенте Дж. Ф. Кеннеди / И. В. Конева // Уральское востоковедение. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 100-109.
7. Ли В. Ф. Стратегия и политика неоколониализма США : дипломатия «новых рубежей» и страны Южной и Юго-Восточной Азии / В. Ф. Ли; АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва: Наука, 1971. – 399 с.
8. Мельников Ю. М. Внешнеполитические доктрины США. Происхождение и суть программы «новых рубежей» президента Дж. Кеннеди / Ю. М. Мельников. – Москва: Наука, 1970. – 237 с.
9. Шелудяков И.Ф. Геостратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1950-1960 годы, Калуга / Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, 2020. – 6 с

TRANSFORMATION OF THE U.S. POLICY TOWARDS THE REPUBLIC OF VIETNAM UNDER THE ADMINISTRATION OF JOHN F. KENNEDY (1961-1963)

Annotation. This paper examines the evolution of American policy in Vietnam during the presidency of John F. Kennedy. It analyzes the prerequisites and mechanisms of the transition from a strategy of "limited partnership" to active intervention, and examines the key tools of influence (economic, propaganda, and military), as well as the contradictions in U.S.-Vietnamese relations. Based on a range of sources, the paper demonstrates that despite the extensive involvement of the United States, the chosen strategy did not stabilize the situation in the region.

Keywords: USA, Republic of Vietnam, J. F. Kennedy, Vietnam War, Viet Cong.

Kuharskaya D.V.

Scientific adviser: Agarkova M.I., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: satokha@mail.ru

УДК 94:327(8=134)"201/202"

ВЛИЯНИЕ ТОРГОВЫХ ВОЙН МЕЖДУ КНР И США НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ

Лавров В.В.

*Научный руководитель: Стаценко Т.В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: В статье рассматривается влияние торговых войн между КНР и США на экономическое сотрудничество с Латинской Америкой. Актуальность исследования обусловлена ростом экономического соперничества между двумя мировыми державами и его последствиями для развивающихся стран. Цель исследования заключается в анализе стратегий Китая и США в Латинской Америке, выявлении факторов, определяющих их экономическое влияние на регион, а также оценке последствий этих торговых войн для стран Латинской Америки. Исследуется, как Китай и США используют различные механизмы экономического воздействия и как это влияет на торговые потоки, инвестиции и политическую ситуацию в регионе. Сделан вывод о том, что Латинская Америка, находясь между двумя мощными экономиками, сталкивается с новыми вызовами, но также получает возможности для диверсификации внешнеэкономических связей и укрепления своей политической независимости.

Ключевые слова: торговая война, КНР, США, Латинская Америка, экономическое сотрудничество, инвестиции, политическая стабильность.

Торговые войны между двумя мировыми сверхдержавами — Китайской Народной Республикой (КНР) и Соединёнными Штатами Америки — в последние годы приобрели небывалый размах, что оказало заметное влияние на глобальные экономические и политические процессы. Эти экономические конфликты не ограничиваются лишь прямыми последствиями для двух держав, но также влекут за собой серию изменений, затрагивающих экономику и политику других стран, включая страны Латинской Америки. Регион, традиционно воспринимаемый как зона стратегического интереса для многих государств, стал ареной усиленной конкуренции. В связи с этим многие страны региона сталкиваются с необходимостью переосмыслить свои внешнеэкономические отношения и выбрать стратегию взаимодействия с глобальными игроками, что вызывает как возможности для роста, так и риски экономической зависимости от внешних факторов.

Латинская Америка обладает множеством ключевых ресурсов для глобальной экономики, такими как нефть, медь, соя, а также важнейшие сырьевые товары, играющие решающую роль в мировых торговых цепочках. Природные богатства региона делают его исключительно важным для обеих мировых сверхдержав, что объясняет высокий интерес Китая и США к этому региону. В последние десятилетия страны Латинской Америки становятся важными объектами экономической экспансии. Китай активно увеличивает свои вложения в добычу природных ресурсов, таких как нефть в Венесуэле и Боливии, а также металлы в Чили и Перу, что помогает КНР укрепить свои позиции на мировых рынках. США, в свою очередь, поддерживают тесные торгово-экономические связи с регионами, развивая сельское хозяйство и энергетику, а также активно внедряясь в проекты, способствующие поддержанию стабильности и доступа к энергетическим и сельскохозяйственным ресурсам.

Кроме того, интерес Китая и США к Латинской Америке объясняется не только наличием природных богатств, но и стратегическим расположением региона, который служит важной частью глобальной цепочки поставок и является зоной влияния для обеих держав. В последние годы Латинская Америка стала объектом торговых войн между США и Китаем, что породило новые вызовы и возможности для стран региона. Эти страны вынуждены искать баланс между двумя мощными экономиками, определяя собственную внешнеэкономическую политику в условиях изменяющихся условий

международной торговли и политической напряжённости. В условиях торговых конфликтов, таких как введение тарифов, изменения в правилах международной торговли и изменения условий поставок товаров, страны Латинской Америки оказались в ситуации, где необходимо переосмысливать свою внешнюю политику для сохранения экономической независимости и улучшения инвестиционного климата.

Цель статьи — всесторонний анализ влияния торговых войн между КНР и США на экономическое сотрудничество с Латинской Америкой. Это исследование фокусируется на изменениях внешнеэкономической политики двух ведущих мировых держав и их влиянии на страны региона. В статье детально рассматриваются торговые потоки, инвестиции и политические ориентиры, которые определяют стратегическое взаимодействие Латинской Америки с двумя мировыми державами. Для более глубокого понимания происходящих процессов необходимо проанализировать не только экономические и торговые цели Китая и США, но и политические аспекты, в частности, как торговые войны влияют на политические и социальные тенденции в Латинской Америке. Исследование будет опираться на долгосрочные последствия этих торговых войн, что поможет в дальнейшем выявить конкретные угрозы и возможности для стран Латинской Америки.

В последние десятилетия Соединённые Штаты традиционно воспринимали Латинскую Америку как сферу своего стратегического влияния. С момента провозглашения доктрины Монро в 1823 году США заявили о своём праве вмешательства в дела региона. С тех пор американская внешняя политика многократно подчеркивала исключительность этой зоны влияния. США использовали экономические санкции, военные интервенции и дипломатическое давление для поддержания своего контроля над Латинской Америкой. Ярким примером долгосрочной экономической политики США является Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA), подписанное в 1994 году, которое включало Канаду, Мексику и США. Это соглашение значительно усилило позиции США в Латинской Америке, укрепив экономические связи с ключевыми странами региона. Однако в последние годы, учитывая рост китайской экспансии в регионе, США начали искать новые способы укрепления своих позиций через обновление торговых соглашений и углубление политических связей с наиболее важными государствами региона [1].

Однако усилившаяся активность Китая в Латинской Америке, выражающаяся в масштабных инвестициях, заключении соглашений о свободной торговле и поставках китайской продукции, поставила под сомнение долгосрочную монополию США в этом регионе. Особенно это проявляется в увеличении объёма китайских инвестиций в инфраструктуру, промышленность и энергетические проекты. В частности, Китай активно финансирует строительство портов и железных дорог в таких странах, как Бразилия и Чили, а также инвестирует в добычу нефти в Венесуэле. Эти меры китайского правительства способствуют формированию долгосрочных экономических связей, направленных на углубление китайского присутствия в Латинской Америке и уменьшение зависимости региона от американского влияния.

В ответ на активное расширение китайского влияния в Латинской Америке США начали предпринимать шаги, направленные на укрепление своего влияния в регионе. Одним из таких шагов стало переработанное соглашение NAFTA, ставшее USMCA, а также увеличенное финансирование через международные финансовые учреждения, такие как Межамериканский банк развития (IDB). В 2022 году IDB выделил более 15 миллиардов долларов на проекты по развитию инфраструктуры, сельского хозяйства и социальных программ в странах Латинской Америки. Эти меры направлены на укрепление политической стабильности в регионе и сдерживание китайской экспансии, однако проблемы внутренней политической стабильности и сложная международная ситуация затрудняют их эффективное выполнение.

Активное присутствие Китая в Латинской Америке началось с начала XXI века, когда Китай стал одним из главных игроков на мировой экономической арене, в том числе благодаря вступлению в Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 году [4]. С тех пор Пекин значительно расширил своё экономическое влияние в регионе, сделав ставку на долгосрочные инвестиции, инфраструктурные проекты и торговлю сырьём. Китай активно инвестирует в добычу природных ресурсов, таких как нефть и металлы, в страны, такие как Венесуэла и Боливия, а также поставляет готовую продукцию — электронику, автомобили и текстиль — на рынок Латинской Америки. В отличие от традиционных западных моделей, Китай утверждает принцип невмешательства во внутренние дела стран региона, что способствует формированию положительного имиджа среди латиноамериканских правительств.

По данным Всемирного экономического форума, объём торговли между КНР и Латинской Америкой с 2000 по 2020 годы вырос более чем в 25 раз, достигнув 300 миллиардов долларов США. В 2020 году Китай импортировал из региона сырьевых товаров на сумму 120 миллиардов долларов, включая нефть (34 %), соевые бобы (26 %) и медь (15 %) [2]. Китай продолжает вкладывать огромные суммы в инфраструктурные проекты, включая строительство новых портов, железных дорог и модернизацию энергосистем, что открывает новые возможности для стран Латинской Америки. Эти проекты создают новые рабочие места, способствуют экономическому росту и укрепляют торговые связи с Китаем.

Одной из важнейших составляющих китайской стратегии является не только использование экономических рычагов, но и поддержка политических связей через участие в международных институтах и инициативах, таких как "Один пояс, один путь". Эта инициатива позволяет Пекину укреплять свои позиции в Латинской Америке и укреплять экономическую зависимость ряда стран от китайских инвестиций. Программа «Один пояс, один путь» активно реализуется в странах региона, что позволяет Китаю устанавливать долгосрочные экономические и политические отношения, диверсифицируя свои торговые потоки и уменьшая зависимость от западных рынков.

Ответом США на активное расширение китайского влияния в Латинской Америке стали обновления торговых соглашений, в том числе переработка NAFTA в USMCA, а также усиление финансирования стран региона через международные финансовые учреждения, такие как Межамериканский банк развития (IDB). В 2022 году банк выделил более 15 миллиардов долларов для развития инфраструктурных и социальных проектов в странах Латинской Америки. Несмотря на эти шаги, США столкнулись с несколькими вызовами, такими как ограниченная гибкость своей внешнеэкономической политики и внутренние политические противоречия, что ослабило их способность эффективно противостоять китайской экспансии [3].

Американская стратегия также включает укрепление дипломатических и торговых связей с крупнейшими экономиками Латинской Америки, такими как Бразилия, Мексика и Аргентина, где США стремятся сохранить своё лидерство через экономические инициативы и укрепление политической стабильности в регионе.

Латинская Америка, обладая важными природными ресурсами и стратегическим положением, оказывается в сложной ситуации, пытаясь балансировать интересы двух великих держав. Для стран с развивающимися экономиками, таких как Бразилия, Мексика и Аргентина, критически важным становится умение маневрировать между Китаем и США, извлекая выгоду из экономического сотрудничества с обеими сторонами. Например, Бразилия экспортировала в Китай продукцию на сумму около 70 миллиардов долларов в 2023 году, одновременно сохраняя тесные экономические связи с США, которые являются её крупнейшим торговым партнёром с оборотом около 90 миллиардов долларов.

Для стран с более слабыми экономиками, такими как Венесуэла и Боливия, китайские предложения о долгосрочном финансировании инфраструктурных проектов являются решающим фактором для экономического роста. Однако этот процесс сопряжён с рисками политической зависимости от Китая. Эти страны сталкиваются с проблемами обеспечения своей экономической независимости и социальной стабильности, что требует от них максимально гибкой внешней политики.

Таким образом, соперничество между КНР и США в Латинской Америке представляет собой комплексный процесс, в котором наряду с экономическими интересами, важным элементом является политика и идеология обеих сторон. Китай, активно расширяющий своё влияние в регионе через инвестиции и торговлю, стал вторым крупнейшим торговым партнёром Латинской Америки, в то время как США, сталкиваясь с внутренними проблемами и вызовами на внешней арене, вынуждены искать новые механизмы воздействия. Латинская Америка, оказавшаяся в центре этого глобального соперничества, должна стремиться к максимальной экономической независимости, одновременно укрепляя политическую стабильность и диверсификацию внешних связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молокоедов Д.И., Сунь Сяцин, СОПЕРНИЧЕСТВО США И КИТАЯ В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ // Конфликтология / nota bene, 2023. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopernichestvo-ssha-i-kitaya-v-torgovo-ekonomicheskikh-otnosheniyah-so-stranami-latinskoj-ameriki> (дата обращения: 20.01.2026).

2. Зверева В.С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2019. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-na-prostorah-latinskoj-ameriki-sovremennyye-geopoliticheskie-realii> (дата обращения: 23.01.2026).

3. Хлопов О. А. ПОЛИТИКА США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ИНТЕРЕСЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ // The Scientific Heritage. – 2021. – №77-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-v-latinskoj-amerike-interesy-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 23.01.2026).

4. Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Проблемы Дальнего Востока, 2023. – № 4. – С. 1 – 14. Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения, 2019. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-i-knr-v-latinskoj-amerike-kontury-konkurentsii> (дата обращения: 29.01.2026).

THE IMPACT OF TRADE WARS BETWEEN CHINA AND THE US ON ECONOMIC COOPERATION WITH LATIN AMERICA

Annotation: The article explores the impact of trade wars between China and the United States on economic cooperation with Latin America. The relevance of the study is due to the growing economic rivalry between the two world powers and its consequences for developing countries. The aim of the study is to analyse the strategies of China and the US in Latin America, identify the factors that determine their economic influence on the region, and assess the consequences of these trade wars for Latin American countries. The study examines how China and the US use various mechanisms of economic influence and how this affects trade flows, investment and the political situation in the region. The conclusion is that Latin America, caught between two powerful economies, faces new challenges but also has opportunities to diversify its foreign economic relations and strengthen its political independence.

Keywords: trade war, China, USA, Latin America, economic cooperation, investment, political stability.

Lavrov V.V.

Scientific adviser: Statsenko T.V., associate professor

Donetsk State University

E-mail: v1121176@gmail.com

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Левченко М.Т.

*Научный руководитель: Колесник А.В., д-р ист. наук., доцент, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья направлена на рассмотрение проблемы появления критериев для осуществления процесса выделения среднего палеолита. Актуальность темы обусловлена продолжением формирования теории палеолита, поскольку для дальнейшего её развития необходимо проводить углубленный анализ историографических источников с выделением важнейших моментов по теме исследования. Цель работы – дать краткую сводку значимых этапов в процессе выделения среднего палеолита.

Ключевые слова: средний палеолит, эволюция концепции, таксономия, периодизация.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (№ FRRE-2026-0023).

Средний палеолит – второй из трех основных периодов, выделяемых в пределах палеолита. По современным представлениям, средний палеолит продолжался примерно от 250 до 40 тыс. лет назад. В геологическом плане совпадает с частью среднего и верхнего неоплейстоцена (рисс, рисс-вюрм, первая половина вюрма) в пределах МИС 8/9 – начала МИС 3. Такое понимание сформировалось в результате длительной эволюции периодизации палеолита. Цель настоящей работы – проследить логику формирования археологической периодизации палеолита в ретроспективном плане, для понимания места среднего палеолита Донбасса в системе древностей Западной Евразии.

Первая предложенная внутренняя периодизация каменного века Э. Ларте 1861 г. была, в сути своей, палеонтологической. Периоды распределялись по векам, основываясь на фаунистических останках: выделялись периоды (века) больших пещерных медведей, мамонта, северного оленя и т.д. [46]. Как известно, палеолит как начальный период каменного века впервые был выделен последовательным пропагандистом эволюционизма и дарвинизма Дж. Леббоком в 1865 г. [47]. Позднее, в 1883 г., Г. де Мортилье переработал эту систему, выделив привычные для нас шелль, мустье, солютре и мадлен в рамках линейной эволюции техники [31]. Все эти концепции целиком укладывались в рамки теории эволюционизма, которая господствовала в европейской научной среде во второй пол. XIX в. В основе этой периодизации лежит идея деления памятников палеолита не по палеонтологическим материалам, а по отличительным особенностям стоянок, по техническим критериям. Действительно, средний палеолит – понятие археологической периодизации, которая основана на смене эпох технологических новаций. В последующем этот постулат не менялся, хотя критерии технологических новаций и технологических границ между периодами были объектом острых дискуссий. Они касались понимания технологического содержания и границ уже намеченных периодов, поскольку роль техники и её компонентов оценивалась весьма по-разному в контексте всего развития. Поднимались вопросы границ между большими периодами и также внутреннее их деление, особенно различные маркеры, детали, которые сигнализировали о том или ином делении внутри большого периода. На Западе, в основном, придерживались деления палеолита на три периода, хоть и выдвигались концепции объединения верхнего палеолита с мезолитом (миолит), а также существовали предложения о создании еще одного временного разграничения, но уже перед палеолитом, т.н. «первобытный век» [50]. Подобную эпоху «эолитов» («камни зари») мы находим у Г. де Мортилье в схеме эволюции культуры 1883 г.

В русскоязычной литературе традиция археологической периодизации палеолита имеет глубокие корни. Еще в 1923 г. В.А. Городцов в своей авторской технологической периодизации индустриального времени (эры) разделил древнейшее прошлое по критерию «технические приемы обработки орудий» на отделы (периоды) каменных и металлических орудий. Далее каменный отдел (период) был разделен на эолитическую, археолитическую, мезолитическую и палеолитическую эпохи. Для мезолитической эпохи характерен «прием обработки камня способом скалывания ..., когда галька превращается в нуклеус» [10, с. 23, табл. II]. Это была попытка создания археологической периодизации преистории, протоистории и истории на основе линейной эволюции культуры Г. де Мортилье. Мезолитическая эпоха¹, по Городцову, – фактически средний палеолит в современном понимании термина. В 1930-е гг. в советской исторической науке широко распространилась стадильная теория развития общества. Четвертичный, или палеолитический период Г. де Мортилье, был разделен на три последовательные эпохи, совпадающие со стадиями развития первобытного общества [3; 15, с. 153]. Средний палеолит – время первобытной эндогамной коммуны [15, с. 256-303], или первобытной общины неандертальцев [16, 182-260]. К этой стадии палеолита относилось «... отчасти ашельское, главным же образом мустьерское время. Физический тип человека в эту эпоху представлен ...неандертальцем» [15, с. 157]. Средний палеолит датировался рисским оледенением и отождествлялся с Moustérien Г. де Мортилье [15, табл. VII]. В советской науке эволюция техники считалась закономерным следствием общественного прогресса [11; 17]. «К концу среднего палеолита ... складывается ... набор ... орудий, который и понимаем обычно под термином «типичного мустье». Мустьерские стойбища поздней поры дают кремневый инвентарь ... более совершенный, чем в предшествующее время среднего палеолита» [16, с. 216]. С точки зрения технологии, это была эпоха «... расщепления кремня путем отделения крупных, более или менее широких, обычно треугольных пластин», которые обрабатывались при помощи ретуши [16, с. 182].

Исследования первой пол. XX в. показали, что периодизационная шкала Г. де Мортилье была территориально ограничена, поскольку в Африке, Восточной Европе и Азии культуры палеолита обладали существенными отличиями, иными делениями по шкале технологических эпох. Вновь на первый план стали выходить геологические критерии [42], определяющими стали хронологические данные. Советские археологи в ходе ряда совещаний, особенно важным из которых стало совещание 1957 г., приняли резолюцию, что периодизация должна создаваться на основе археологического подхода с учетом геологических данных [18]. В 1980-е гг. в советской археологии средний палеолит также определялся по геологическим критериям и фактически сводился к мустьерской эпохе в пределах рисс-вюрма – начала вюрма [32, с. 52-57; 6]. Мустьерская эпоха рассматривалась как часть раннего палеолита [5].

Одновременно уточнялись особенности технологий расщепления камня в эпоху среднего палеолита. Развитие представлений о среднем палеолите Восточной Европы в 1950-1960-е гг. как об эпохе отщеповых технологий шло параллельно с формированием классической типологии изделий этой эпохи в Западной Европе [39; 40]. Понимание среднего палеолита как эпохи широкого распространения леваллуазских отщеповых технологий [41] вызвало позитивные отклики в Восточной Европе. Основной особенностью, отличающей среднепалеолитические индустрии от нижнепалеолитических, в частности – ашельских, является возрастание роли орудий на сколах, которые становятся теперь не только гораздо более многочисленными, чем раньше, но и более совершенными, выразительными. Появляются нуклеусы для

¹ Переходный период от палеолита к неолиту юга Восточной Европы системно изучается с начала 1920-х гг. [14], но термин мезолит как синоним эпипалеолита стал употребляться в советской археологии чуть позже, в конце 1920-х гг. [34].

получения сколов заранее заданной, predetermined формы, отщепы делаются более стандартизированными. В ряде случаев встречаются в довольно большом количестве пластины, а также специальные нуклеусы для снятия пластин. Количество типов орудий увеличивается, кроме многочисленных разновидностей скребел, ножей, зубчато-выемчатых изделий, широкое распространение получает такая типичная для среднего палеолита форма, как острие. Изделия этой категории представлены множеством типов. Рубила, кливеры и другие орудия из отдельностей породы, определявшие общий облик нижнепалеолитических индустрий, в одних регионах вовсе исчезают, а в других встречаются намного реже, чем прежде. Формальные костяные орудия присутствуют в ограниченном количестве [4, с. 247].

В настоящее время прочно укоренились представления о среднем палеолите как об эпохе расцвета отщеповых технологий с широким хронологическим диапазоном существования. Деление европейского среднего палеолита на ранний (MIS 9-6) и поздний (MIS 5 – начало 3) этапы [45; 49; 43], с дополнительными подразделениями в пределах MIS 5e [48] и MIS 4 – начала 3 [51], справедливо по отношению к всей Северной Евразии. В пределах Равнины к раннему этапу относятся немногочисленные памятники в Подолии, Молдавском Приднестровье, Северо-Восточном Приазовье, на Нижнем Дону. В Подолии это стоянки Великий Глыбочек I и Буглив V [35, с. 315-316], в Молдавском Приднестровье – скальные убежища Старые Дуруиторы [1, с. 119-120] и Выхватицы [2, с. 151], в Северо-Восточном Приазовье – Николаево-Отрадное II [26]. Местонахождения Хрящи и Михайловское (находки из ископаемых почв) в низовьях Северского Донца Н.Д. Праслов называл «домустьерскими» [33], А.Е. Матюхин относил к раннему среднему палеолиту [30, с. 149-151]. За пределами Равнины памятники раннего этапа среднего палеолита известны на Северном Кавказе. Среди находок в долине р. Белой (Республика Адыгея) только на Среднехаджохской стоянке сохранился культурный слой [7], остальные коллекции (Шаханская, Курджипс и др.) происходят вне стратиграфического контекста. На Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа *in situ* сохранились каменные изделия Азербайджанского [37, с. 72-80], Кадошского [Там же, с. 81-84], Тенгинского [38] местонахождений. Многочисленные сборы на поверхности местонахождения Богос по археологическим критериям датируют рубежом ашеля – мустье [28; 27, с. 60]. К раннему этапу среднего палеолита относятся слой 5В пещеры Матузка [8, с. 30-31], слои 3 и 2В4 Мезмайской пещеры [9], слои 6 и 7 стоянки Хаджох-2 [13]. За пределами юга Восточной Европы широкую известность получили относящиеся к MIS 8-7 находки среднего палеолита в Денисовой пещере на Алтае [12; 19]. Памятники микулинского и ранневюрмского возраста (MIS 5e – начало 3) Восточной Европы в многих публикациях традиционно относят к эпохе мустье [1; 36]. Этот термин, также, как и «восточный микок» [20, 21], фактически является периодизационной единицей позднего этапа среднего палеолита. В количественном отношении, памятники этого этапа абсолютно доминируют.

Средний палеолит Русской равнины и прилегающих территорий допустимо делить на два периода – ранний и поздний [29; 30]. Вопрос об эволюции культурных традиций среднего палеолита Восточной Европы находится в стадии дискуссии. Тезис о раннем и позднем этапах развития регионального микока [24, 23; 22; 25; 44] имеет характер предположения. В регионах с разработанной источниковедческой базой, например, в Алтае, есть основание выдвигать более сложную трехчленную периодизацию. Выделяются начальная (MIS 9 - начало MIS 6), средняя (конец MIS 6 – первая пол. MIS 5) и заключительная (конец MIS 5 – первая пол. MIS 3) стадии развития, в рамках которых происходило развитие культуры [19].

Таким образом, средний палеолит является крупной периодизационной единицей палеолита Северной Евразии и Циркумсредиземноморской зоны, для Южной Евразии и Африки южнее Сахары действует другая периодизация. Средний палеолит охватывает

длительный период времени и включает различные индустрии с выраженными локальными особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисюткин Н.К. Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. – СПб: Европейский дом, 2001. – 309 с.
2. Анисюткин Н.К., Кетрару Н.А. Выхватинский грот (история исследования, стратиграфия, фауна, каменные индустрии) // Археологический альманах, №8. – Донецк, 1999. – С. 141-152.
3. Борисковский И.И., Замятнин С.Н. Габриель де Мортилье // ПИДО, №7-8, 1934. – С.88-107.
4. Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2007. – 264 с.
5. Гладили В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – К., 1976. – 229 с.
6. Гладили В.Н., Ситливый В.И. Принципы археологической периодизации палеолита // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». – Улан-Удэ, 1986. – С. 12-14.
7. Голованова Л.В. Условия залегания палеолита на Среднеадыгской стоянке и характеристика индустрии. // Вопросы Археологии Адыгеи. 1986а. С. 24–74.
8. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. – Донецк, 2003. – Вып. 13. – С. 18-66.
9. Голованова Л.В., Иванов В.В., Дороничев В.Б. Анализ структуры культурного слоя эпохи среднего палеолита (по материалам слоя 2В4 Мезмайской пещеры, Северный Кавказ) // Проблемы археологии эпохи камня. К 70-летию Валентины Ивановны Беляевой (Труды Исторического факультета СПбГУ). – СПб: СПбГУ, 2014. – С. 59-87.
10. Городцов В.А. Археология. Т. I. Каменный период. – М. Государственное издательство, 1923. – 404 с.
11. Данилевський В. Історія техніки. Нариси історії розвитку продуктивних органів суспільної людини. – Київ: Державне видавництво України. 1929 – 565 с.
12. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3, 3-32.
13. Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Дороничева Е.В. Ранний средний палеолит Северо-Западного Кавказа // Евразия в кайнозое. 2018. Вып. – С. 88-94.
14. Ефименко П.П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста // Русский антропологический журнал. – Т. 13, вып. 3/4. – М., 1924. – С. 211-228.
15. Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Второе дополнительное и переработанное издание. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 636 с.
16. Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Издание третье переработанное и дополненное. – Киев: Издательство АН УССР, 1953. – 664 с.
17. История техники / Под редакцией Н. Бухарина и других. Вып. 1. – М.–Л.: ОНТИ, 1935. – 139 с.
18. Клейн Л.С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2000. №1. С. 485-515.
19. Козликин М.Б. Средний палеолит Алтая: культурная динамика и природная среда // Атореф. ... доктора ист. наук. – Новосибирск, 2025. – 26 с.
20. Колесник А.В. «Восточный Микок» – миф или реальность? // Археологический альманах. – Донецк. 1999. – № 8. – С. 37-50.
21. Колесник А.В. Донецкая модель палеолита // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2017. – Вып. 6. – С. 112-119.
22. Колесник А.В. К вопросу об истоках «восточного микока» // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция. Тезисы докладов. – М.: ИА РАН, 2020. – С. 49.
23. Колесник А.В. Ручные рубила среднего палеолита Восточной Европы // Археологический альманах. – Донецк, 1998. – № 7. – С. 3-24.
24. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. – Донецк, 2002. – № 12. – 294 с.
25. Колесник А.В., Весельский А.П. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах, вып. 17. – Донецк, 2005. – 166 с.
26. Колесник А.В., Зоров Ю.Н., Данильченко А.Ю., Титов В.В., Константинов Е.А., Фролов П.Д., Сычев Н.В. Николаево-Отрадное II – новый памятник раннего и среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 3. – С. 25-31.

27. Кулаков С.А. Местонахождение Богос на Северо-Западном Кавказе // Изучение раннего палеолита Старого Света. К 80-летию Василия Прокофьевича Любина. – СПб, 1998. – С. 57-66.
28. Любин В.П., Щелинский В.Е. Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, №36, 1972. – С. 88-98.
29. Матюхин А.Е. Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. – СПб: Нестор-История, 2012. – 244 с.
30. Матюхин А.Е. Ранняя пора среднего палеолита Восточной Европы // Місцезнаходження Меджибіж і проблеми вивчення нижнього палеоліту Східноєвропейської рівнини. – Меджибож, Тернополь, Киев, 2013. – С. 140-160.
31. Мортилье, де Г. и А. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. Третье издание / Перевод с французского под редакцией Л.Я. Штернберга. – СПб: «XX Век», 1903. – 576 с.
32. Палеолит СССР / З. А. Абрамова, М. В. Аникович, Н. О. Бадер, П. И. Борисковский, В. П. Любин, Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев; Отв. ред. П. И. Борисковский. – М: Наука, 1984. – 383 с.
33. Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья / Н.Д. Праслов // МИА, № 157. – Л., 1968. – 154 с.
34. Рудинський М.Я. До питання про культури «мезолітичної доби» на Україні // Антропологія: річник Кабінету антропології ім. Ф. Вовка, т. I. – Київ, 1928. – С.
35. Ситник О. Середній палеоліт Поділля. – Львів, 2000. – 370 с.
36. Цвейбель Д.С., Колесник А.В. Техника первичного расщепления мустьерской стоянки Белокузьминовка в Донбассе // Советская археология. – 1987. – № 1. – С. 5-20.
37. Щелинский В.Е. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). – СПб: Европейский дом, 2007. – 189 с.
38. Щелинский В.Е. Тенгинская стоянка раннего среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии. – 2024. – № 274. – С. 83-100.
39. Bordes F. Principes d'une methode d'etude des techniques de debitage et de la tipologique du Paléolithique ancien et moyen // L'Antropologie, t.54, N1-2, 1950.
40. Bordes F. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Mémoire No.1. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. – Bordeaux, 1961. – Pp. 85 + 11 figs. + 108 plates.
41. Bosinski G. The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northern Germany // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. – Oxford, BAR Int. Ser. 151, 1982. – P. 165-175.
42. Delcourt A. Problèmes de chronologie en préhistoire // Bulletin de la Soc. et Rech. préhist. 1975. – P. 25: 70-77.
43. Jöris O., Neruda P., Wiśniewski A., Weiss M., 2022. The Late and Final Middle Palaeolithic of Central Europe and Its Contributions to the Formation of the Regional Upper Palaeolithic: a Review and a Synthesis // Journal of Paleolithic Archaeology. Vol. 5. P. 5-17.
44. Kolesnik A. Middle Palaeolithic Hand Axes of Eastern Europe. In *Anatolian prehistory. At the Crossroads of Two World*. Vol.1 Actes du colloque international. Liege, 28 avril - 3 mai 1997. ERAUL 85, Liège, 1998. – P. 77-112.
45. Kozłowski J.K. Taxonomy of the Early Middle Palaeolithic in Central Europe // Litikum. N 4, 2016. P. 19-27.
46. Lartet É. & Christy H. Reliquiae Aquitanicae, being contributions to the Archaeology and Palaeontology of Perigord and the adjoining provinces of Southern France. – London, 1865-1875.
47. Lubbock J. Prehistoric times, as illustrated by ancient remains and the manners and customs of modern savages. – London, 1865. – 623 p.
48. Richter J. Leave at the height of the party: A critical review of the Middle Paleolithic in Western Central Europe from its beginnings to its rapid decline // Quaternary International. Vol. 411, 2016. – P. 107-128
49. Richter J. When did the Middle Paleolithic begin? // Nicholas Conard and Jürgen Richter (eds.). Neanderthal lifeways, subsistence and technology: 150 years of Neanderthal studies. New York: Springer, 2011. – P. 99-110.
50. Rickard T. A. The nomenclature of archaeology // American Journal of Archaeology, 1944, XLVIII (1): 10-16.
51. Romagnoli F., Chabai V., Gravina B., Hérisson D., Hovers E., Moncel M.-H., Peresani M., Uthmeier Th., Bourguignon L., Chacón M.G., Modica K.D., Faivre J-Ph., Kolobova K., Malinsky-Buller A., Neruda P., Garaizar J.R., Weiss M., Wiśniewski A., Sykes R.W. Neanderthal technological variability: A wide-ranging geographical perspective on the final Middle Palaeolithic // Romagnoli F. et al., eds. Updating neanderthals: Understanding behavioral complexity in the Late Middle Paleolithic. London: Academic Press, 2022. P. 163-205.

ON THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING THE MIDDLE PALEOLITHIC

Annotation. The article is aimed at considering the problem of the emergence of criteria for the process of identifying the Middle Paleolithic. The relevance of the topic is due to the continuation of the formation of

Paleolithic theory, since for its further development it is necessary to conduct an in-depth analysis of historiographical sources with the identification of the most important points on the research topic. The purpose of this work is to provide a brief summary of the significant stages in the process of isolating the Middle Paleolithic.

Keywords: Middle Paleolithic, evolution of the concept, taxonomy, periodization.

Levchenko M.T.

Scientific supervisor: Kolesnik A.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: sprmdvlln@yandex.ru

УДК 94:061.2-055.2(47)"191/193"

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНИЦИАТИВ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПОЛИТИКУ, ЭКОНОМИКУ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ РСФСР (1917-1930-Е ГГ.)

Леснова А.В.

Научный руководитель: Пенькова О.Б., канд. ист. наук, зав. кафедрой ФГБОУ ВО ДонГУ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли женских организаций в РСФСР в 1917 – 1930-е гг., а также их влиянию на формирование государственной политики, на трансформацию экономических практик и социокультурную динамику общества. В центре внимания находятся институциональные механизмы включения женщин в процессы государственного строительства. В результате делается вывод о том, что инициативы женских организаций оказали заметное воздействие на советскую государственную политику.

Ключевые слова: Советская Россия, РСФСР, гендерная политика, женские организации, политика.

С первых дней существования Советского Союза женщины принимали активное участие в работе партии и правительства, играли решающую роль в продвижении своих прав, улучшении своего положения на рынке труда. Женщины были активными участницами революций, Гражданской войны, а при поддержке женских политических объединений и Коммунистической партии смогли добиться изменений в своём положении в обществе.

Политику большевиков в отношении феминизма, осуществленную после русской революции 1917 года, можно понять, изучив контекст того времени и идеологию большевиков.

ВКП(б) во главе с Владимиром Лениным пришла к власти в России с целью установления диктатуры пролетариата и создания социалистического государства. Большевики стремились решить различные социальные и экономические проблемы, включая гендерное неравенство. Они рассматривали феминизм и освобождение женщин как важные аспекты своей революционной программы.

Советское правительство в период 1917–1930-х гг. приняло ряд законодательных актов и стратегий, направленных на улучшение прав женщин и обеспечение гендерного равенства.

Вскоре после прихода большевиков к власти был издан Декрет о равноправии женщин (1917 г.), предоставлявший женщинам равные политические и юридические права. Это включало в себя право голосовать и занимать государственные должности. Конституция РСФСР, принятая в 1918 г., в 64 статье 13 главы декларирует право «избирать и быть избранными в Советы, обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [1].

Советское руководство в октябре 1918 г. приняло решение о сокращении рабочего дня до 8 часов и ввело ограничение на сверхурочные работы. Вместе с этим, был введен запрет на вовлечение женского пола в ночные и подземные работы, а также «Декрет о рабочем времени» установил равные зарплаты для рабочих независимо от пола. Показательна динамика изменения пропорции заработной платы женщин по отношению к зарплате мужчин в промышленности. В 1914 г. она составляла 47 %, в 1924 г. – 65 %, в 1930 г. – 67 %. Различия в оплате труда значительно сокращались [2, с. 116].

Данные положения, касающиеся трудовой деятельности, были закреплены первым «Кодексом законов о труде» 1918 г. Также Кодекс утвердил запрет на применение женского труда в отраслях, которые несли тяжелый вред или опасность для здоровья. Но последующие исторические события, такие как гражданская война и индустриализация, вынудили допустить сверхурочную работу. Более того, были

профессии, в которых на ночных сменах не всегда можно было заменить женщину мужчиной или вовсе приостановить работу в ночное время суток, что и изложил циркуляр отдела охраны труда НКТ РСФСР в 1924 году [2, с. 114].

Эту идею поддержали VI съезд профсоюзов, Оргбюро ЦК РКП (б), что привело к тому, что в 1925 г. Народный комиссариат труда СССР принял решение о применении ночного труда женщин, если его невозможно избежать, и исключил такой вариант для беременных и кормящих грудью [2, с. 115].

Казалось бы, что и проблема безработицы среди женщин была разрешена, ведь политика большевиков направлена на привлечение девушек в ряды тружеников и законодательно охраняла труд работниц, но в связи с демобилизацией мужчин после окончания Гражданской войны, на многих предприятиях женщин сокращали. Мужской труд все еще считался более ценным и продуктивным, нежели женский. Также нежелание нанимать женщин, было связано с их низкой квалификацией и с длительными отпусками из-за беременности и уходом за ребенком.

Во избежание несправедливости для уволенных девушек и ради защиты женского труда, Оргбюро ЦК РКП (б), Наркомтруд, Наркомсобес, ВСНХ и профсоюзы подготовили в 1922-1924 гг. постановления, благодаря которым:

1. Если женщина и мужчина были одной квалификации и исполняли одинаковую работу, то сокращаться они могли лишь в равном соотношении.

2. Женщин, которые носили в себе ребенка и кормили грудью, нельзя было увольнять.

3. Имеющие ребенка до одного года женщины имели приоритет при сокращении штатных работников.

4. В случае, если у уволенной женщины был ребенок, то он должен оставаться в детском учреждении на содержании предприятия/организации, которое ее уволило. Продолжительность обеспечения – до поступления женщины на другую работу.

5. Нельзя было выселять одинокую уволенную женщину из жилого помещения [2, с. 118].

В 1920 году был принят «Декрет о материнстве и детстве», который ввел оплачиваемый отпуск по беременности и родам, обеспечивал бесплатное медицинское обслуживание для женщин во время беременности и после родов.

Декрет был основан на дореволюционных разработках А. Коллонтай и был под надзором Комиссии по охране материнства и детства при Комиссариате здравоохранения, которая следила за исполнением законодательного акта [3].

Говоря о здравоохранении женщины со стороны государства, стоит отметить Декрет СНК от 23 июня 1923 г., который обеспечивал достойные условия для проведения преждевременного прекращения беременности. Он дал право женщинам самостоятельно принимать решение о материнстве в любую сторону [4, с. 6].

Были предприняты шаги для расширения доступа женщин к образованию. «Декрет о ликвидации безграмотности» (1919 г.) провозглашал всеобщее и бесплатное образование для всех граждан СССР, включая женщин. Он устанавливал равные возможности для обучения независимо от пола и отмечал, что женщины должны иметь возможность получить высшее образование. Также провозглашал всеобщее и бесплатное образование для всех граждан СССР. В результате всех принятых мер, к 1926 году

в РСФСР грамотность женщин, которые были в возрасте от 9 до 49 лет, достигла 42,7 %, а к началу 1930-х годов неграмотность была почти искоренена [5].

Не менее важным вопросом в новом государстве был вопрос о проституции. В Российской империи законодательно были разрешены бордели, или как их тогда называли, «дома терпимости». Такой вид бизнеса могли открывать лишь женщины,

а проститутками девушки имели право работать с 16 лет, с 1903 г. возрастное ограничение подняли до 21 года. Стоит заметить, что такая профессиональная деятельность была довольно популярна среди девушек, ведь она гарантировала им хорошее финансовое обеспечение, но зачастую вступление в ряды «жриц любви» было вынужденной мерой. По состоянию на 1 августа 1889 г. на территории Российской империи существовало 1 216 борделей, что говорит и о готовности мужчин покупать женские тела. Февральская революция послужила концом официальной продажи женщин [6].

Не менее важной проблемой являлась демография страны. В результате, советское правительство поставило перед собой задачу повышения уровня жизни и обеспечения социальной защиты населения. Это включало в себя меры по борьбе с детской

и материнской смертностью, улучшению условий жизни и развитие здравоохранения. В соответствии с марксистско-ленинской идеологией, считалось, что социалистическое общество должно быть основано на принципах равенства и справедливости, в том числе и в области демографии. Введение законов о демографии было частью стратегии по созданию «нового человека» и построению «нового общества». В.И. Ленин еще в 1913 г. указывал на необходимость об отмене всех законодательных актов, которые преследовали прерывание беременности. Придя ко власти, данный вопрос стал на повестку дня и 18 ноября 1920 г. было легализовано искусственное прерывание беременности по медицинским и социальным показаниям. Одной из причин разрешения проведения процедуры прекращения беременности была проблема существования подпольных аборт, которые проводились людьми без нужного образования и в антисанитарных условиях, что зачастую приводило либо к тяжелым последствиям для здоровья женщины, либо к летальным исходам. Теперь аборт проводился под четким медицинским контролем, а Советский Союз стал первым государством в мире, который разрешил проведение данной процедуры.

В законе об официальном разрешении абортов указывалось то, что «укрепление социалистического строя» и «широкое осуществление принципов охраны материнства и младенчества» приведут к постепенному исчезновению абортов как следствия «моральных пережитков прошлого и тяжелых экономических условий настоящего». Предполагалось, что данный закон сможет улучшить положение трудящихся и снизить число нежелательных беременностей. Помимо этого, циркуляр Наркомздрава в 1923 г. легализовал противозачаточные средства, также была создана Центральная научная комиссия по изучению противозачаточных средств [7].

Научная база для развития практики контрацепции была развита на достаточно высоком уровне. В широком применении находились резиновые и металлические вагинальные колпачки, которые надевались на шейку матки и носились сутки после полового акта, рекомендовали в комплект пасту «Преконсоль» для усиления эффекта. В аптеках и больницах находились презервативы, первые внутриматочные средства контрацепции стали производиться еще в 1909 г. на Западе.

Однако, данная политика вскоре была прекращена. 27 июня 1936 вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». К предпосылкам принятия данного Постановления можно отнести введение оплаты за проведение аборта в 1936 г., которая составляла 300 рублей. На бесплатную процедуру имели право больные туберкулезом, эпилепсией, шизофренией и врожденным пороком сердца. Вплоть до 1955 г. было запрещено проводить процедуру искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям, также было сокращено количество медицинских причин

(разрешение у врачебной комиссии на аборт могло быть получено в случаях угрозы жизни роженицы и при наследственных заболеваниях). С 1936 г. было введено уголовное наказание для медицинских работников, их помещали под тюремное заключение от 1 года до 2 лет. Если женщина поступала в больницу с неполным абортom, то обязательно необходимо было донести эту информацию в прокуратуру. Девушек, которые прервали беременность в первый раз, ожидали социальные неформальные негативные санкции, если же она проводила эту же процедуру вторично, то ей выписывали штраф, в том числе были уголовные преследования.

Также Постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» ввело государственные выплаты для многодетных матерей, определило размер алиментов, расширило число родильных домов, детских яслей и садов, а бракоразводная процедура усложнилась. Для регистрации развода необходимо было присутствие обоих супругов и увеличилась пошлина с 3 до 50 рублей (второй развод стоил 150 советских рублей, а за третий – 300 рублей). Советская пропаганда оправдывала усложнение бракоразводной процессий тем, что граждане несерьезно рассматривают вступление в брак [8]. Это постановление не было приостановлено или отменено даже в условиях Великой Отечественной войны.

К положительным законам, направленных на увеличение роста населения, можно отнести Постановление СНК СССР от 27 июля 1936 года. Постановление ввело ежегодные пособия семьям в течение пяти лет со дня рождения ребенка. Это были одни из первых в мире систематически выплачиваемых пособий по многодетности [9, с. 3].

Таким образом, большевистское правительство ввело ряд организационных мер, направленных на поощрение гендерного равенства и прав женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туманов Д.Ю. Система прав и свобод по Конституции РСФСР 1918 года [Электронный ресурс] // Вестник СГАП, №1, 2012. – 18-21 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prav-i-svobod-po-konstitutsii-rsfsr-1918-goda?ysclid=lhkr94xkag446764739>
2. Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917 - 1937). М.: Мысль, 1978. – С. 225
3. Воронина М.В. Политика партии большевиков по «женскому вопросу», 1917-1930 гг. [Электронный ресурс] // Гуманитарный акцент, 2020. – 74-78 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-partii-bolshevikov-po-zhenskomu-voprosu-1917-1930-gg>
4. Бурлаков, И. Г. Борьба с абортами / Прив.-доц. И. Г. Бурлаков. - [Харьків]: Научная мысль, 1927. – С. 16
5. Хасбулатова О.А. Женщины и образование в России: исторический обзор (1860-2000 гг.) [Электронный ресурс] // Женщина в российском обществе, 2003. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-i-obrazovanie-v-rossii-istoricheskiy-obzor-1860-2000-gg?ysclid=lhksiu53o6110274491>
6. Зюбан М.Н. Российские дома терпимости: середина XIX столетия 1917 г. [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал КГУ, №3 (19), т. 2., 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-doma-terpimosti-seredina-xix-stoletiya-1917-g>
7. А. Г. Вишневецкий, Б. П. Денисов, В. И. Сакевич. Контрацептивная революция в России. [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. – 2017. – Т. 4, № 1. – С. 6–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontratseptivnaya-revolyutsiya-v-rossii?ysclid=ls gla8o7a7477370888>
8. Шаповалова Я.Н. Государственная политика советского государства в отношении абортов в 1920-1930-е гг. : от разрешения к полному запрету [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура – 2011. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-otnoshenii-abortov-v-1920-1930-e-gg-ot-razresheniya-k-polnomu-zapretu?ysclid=ls go9wn5v1764104678>
9. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М: Финансы и статистика, 1981. – С. 200

**THE IMPACT OF WOMEN'S ORGANIZATIONS' INITIATIVES ON THE POLITICS, ECONOMY,
AND SOCIO-CULTURAL PROCESSES OF THE RSFSR (1917-1930S)**

Abstract. This article analyzes the role and influence of women's organizations in the RSFSR from 1917 to the 1930s on the formation of state policies, the transformation of economic practices, and the sociocultural dynamics of society. The focus is on the institutional mechanisms for including women in the processes of state-building. The article concludes that the initiatives of women's organizations had a significant impact on Soviet politics.

Keywords: Soviet Russia, RSFSR, gender policy, women's organizations, politics.

Lesnova A.V.

Scientific adviser: Penkova O. B. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: krol.al@mail.ru

УДК 796.01:725.82(477.63)"1950/1968"

РАЗВИТИЕ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА ДОНЕЦКА В 1950-1968 ГГ.

Любич Е.С.

*Научный руководитель: Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования спортивной инфраструктуры г. Донецка в 1950–1960-е гг. в контексте послевоенного восстановления Донбасса и реализации государственной политики массовой физической культуры. Особое внимание уделено интеграции спортивной функции в клубную инфраструктуру предприятий.

Ключевые слова: Донецк, спортивная архитектура, физическая культура, послевоенное восстановление, Донбасс

Введение. В послевоенные годы развитие массовой физической культуры и спорта стало одним из приоритетных направлений государственной политики в СССР. Такая тенденция была продолжена и в годы «оттепели», и позже. Это было обусловлено не только стремлением укрепить здоровье населения после тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны, но и идеологической задачей формирования «нового человека», то есть физически крепкого, дисциплинированного гражданина социалистического общества. Процесс формирования «нового человека» был закреплён в партийных стратегических документах как одна из важных задач: «Формирование нового человека происходит в процессе активного участия в строительстве коммунизма, развития коммунистических начал в экономической и общественной жизни, под воздействием всей системы воспитательной работы партии, государства и общественных организаций, в которой важная роль принадлежит печати, радио, кино и телевидению», — отмечалось в программе КПСС [1, с. 171]. Значительные финансовые ресурсы направлялись на создание спортивной инфраструктуры, особенно в промышленных центрах, где трудовые коллективы предприятий становились основой для развития добровольных спортивных обществ (ДСО). Донецк, как крупнейший угольный и промышленный регион, получил особое внимание в этом процессе.

Особое место в советской историографии занимает «Архитектурно-исторический очерк» С.К. Килессо, В.Ф. Петренко [2]. В очерке подробно освещены вопросы архитектуры г. Донецка. Также важное место занимает справочник «Все о Донецке» А.И. Беленко [3]. Помимо этого, следует упомянуть работу В.П. Кишканя «Силуэты Донецка» [4]. На современном этапе истории развития г. Донецка посвятили свои работы В.П. Степкин и В.И. Гергель [5].

Целью статьи является комплексный анализ процессов формирования и развития спортивной инфраструктуры г. Донецка в 1950–1960-е гг., включая изучение архитектурно-планировочных решений ключевых объектов (крытых спортивных залов, стадионов, легкоатлетических манежей) и их функциональной роли в системе массовой физкультуры.

Основная часть. В первое военное десятилетие в условиях масштабного восстановления инфраструктуры Донбасса значительное внимание уделялось возведению общественных зданий, включая спортивные сооружения.

11 июня 1950 г. после восстановления из военной разрухи открылся стадион «Металлург» завода имени Сталина. Вот что 12 июня 1950 г. пишет газета «Социалистический Донбасс»: «В воскресенье впервые широко распахнулись ворота вновь построенного стадиона «Металлург» завода имени Сталина. На его открытие пришло более десяти тысяч трудящихся» [6].

В 1953 г. в Донецке был введён в эксплуатацию первый в Украинской ССР крытый спортивный зал — гимнастический зал Добровольного спортивного общества «Шахтёр», спроектированный архитекторами Г. И. Навроцким и О. К. Терзяном. Это событие стало важной вехой в развитии физкультурно-спортивной инфраструктуры не только Донбасса, но и всей республики, поскольку до этого подобные многофункциональные закрытые сооружения на территории УССР отсутствовали.

Центральный спортивный зал имел квадратную в плане форму размером 30 × 30 метров и был рассчитан на размещение до 600 зрителей на стационарных трибунах, расположенных вдоль одной из стен. Такая вместимость позволяла проводить не только тренировочные занятия, но и официальные соревнования республиканского уровня. В состав комплекса помимо основного зала входили специализированные секции для занятий тяжёлой атлетикой, боксом и фехтованием, что делало его уникальным для своего времени: ранее подобные дисциплины, как правило, развивались в отдельных помещениях.

Особое внимание при проектировании было уделено рациональной организации внутреннего пространства. Все вспомогательные помещения, включая раздевальные с душевыми кабинами, инструкторские комнаты, массажные кабинеты и технические зоны, были компактно размещены в подтрибунной части здания. Подобное решение не только минимизировало занимаемую площадь, но и обеспечивало чёткое функциональное зонирование: потоки спортсменов, зрителей и обслуживающего персонала не пересекались, что повышало эффективность эксплуатации здания. Эта принципиальная архитектурная идея, в виде максимальной компактности при многофункциональности, впоследствии стала образцом для проектирования аналогичных спортивных объектов в других городах Советской Украины.

Итак, гимнастический зал ДСО «Шахтёр» стал не просто местом для занятий спортом, но и образцом прогрессивного советского проектирования, сочетающего инженерную рациональность, функциональную целесообразность и стремление к массовому охвату населения физкультурой в условиях послевоенного восстановления. Несмотря на скромные по современным меркам габариты, здание стало архитектурным новаторством: впервые в республике под одной крышей были объединены площадки для нескольких спортивных дисциплин, что заложило основы проектирования многофункциональных спортивных комплексов в советской архитектуре [2, с. 34].

Градостроительная судьба объекта отразила динамику развития Донецка. При строительстве в 1952 г. главный фасад здания был ориентирован на бульвар Пушкина, а тыловая часть выходила на территорию промышленных складов. Однако в 1960-е гг., после формирования улицы Университетской, ранее второстепенный фасад оказался обращённым к одной из центральных магистралей города, что выявило дисбаланс в архитектурно-пространственной композиции объекта [6].

Именно в этом спортивном зале в составе спортивного общества «Шахтер» с 1953 по 1963 гг. тренировалась будущая пятикратная чемпионка Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта СССР по спортивной гимнастике Полина Григорьевна Астахова.

Таким образом, именно в Донецке появился новый тип сооружения — крытый спортивный зал, рассчитанный не только на проведение тренировок, но и на размещение значительного количества зрителей [2, с. 31].

Также одним из знаковых объектов стал стадион «Локомотив», возведённый в 1954 г. на территории, примыкающей к улице Артема, по проекту архитектора Е. А. Ревина. Это сооружение стало самым крупным по тем временам не только в Донецке, но и во всём Донбасском регионе. Стадион символизировал возрождение города и демонстрировал возможности послевоенного строительства — масштабные инженерные решения, использование современных для того времени материалов и стремление

создать не просто спортивную арену, а полноценный общественный центр для массовых мероприятий. Спортивный комплекс ДСО «Локомотив» объединил стадион «Локомотив», Дворец спорта и теннисные корты. Стадион имеет 45 тысяч мест, легкоатлетическое ядро на 8 беговых дорожек, секторы с резино-битумным покрытием. Дворец спорта располагает бассейном 25 × 14 м., спортивным залом 44 × 17 м. и подсобными помещениями [3, с. 221].

В 1967 г. стадион «Шахтер», изначально построенный в 1936 г. отправился на реконструкцию. Первоначально трибуны были рассчитаны на 25 тысяч зрителей, но в 1967 г., после проведенной реконструкции, число болельщиков увеличили до 43 тыс. (архитекторы В. Д. Проценко и Л. С. Барабаш). При строительстве стадиона удачно использован рельеф местности для устройства западных трибун, расположенных на повышенных отметках, земляные откосы, насыпи и подпорные стены; в пространстве под южными, восточными и северными трибунами размещены тренировочные залы и другие помещения [2, с.33]. Помимо уже упомянутого стадиона «Металлург», также стадионы в этот период строили многие другие донецкие предприятия. Они были небольшими и вмещали 5-10 тыс. зрителей.

23 марта 1968 г. рядом со стадионом «Шахтер» на ул. Стадионной завершилось строительство здания из стекла и бетона. На тот момент это был крупнейший в УССР легкоатлетический манеж спортивного общества «Авангард».

В апреле 1965 г. Донецкий горисполком рассмотрел ходатайство областного совета ДСО «Авангард» о выделении земли под строительство легкоатлетического манежа. Первоначально участок площадью 0,32 га планировалось предоставить на территории стадиона «Локомотив». Однако решением № 9/263 от 16 апреля 1965 г. это решение было отменено, а взамен выделен новый участок площадью 0,45 га в северо-западной части стадиона «Шахтёр» [8].

Разработкой проектной документации по привязке типового проекта к местным условиям занимался институт «Донецкпроект». Распоряжением директора института В. Иванова № 16 от 16 января 1965 г. главным инженером проекта был назначен П.М. Жук — известный донецкий архитектор и автор проектов многих современных зданий и проспектов центральной части г. Донецка. Манеж располагает полезной площадью 3900 кв. м., имеет 3 легкоатлетические круговые 200 м. дорожки, секторы для метаний, современное на тот момент люминесцентное освещение.

Стоит упомянуть, что параллельно с возведением специализированных спортивных сооружений развивалась клубная инфраструктура, игравшая ключевую роль в реализации советской политики массовой физкультуры. В условиях первых послевоенных пятилеток физическое воспитание трудящихся рассматривалось как составная часть производственной дисциплины и подготовки здорового кадрового резерва для восстановления промышленности Донбасса. В этой системе типовые клубы приобретали особое значение, где помимо культурно-зрелищных функций, они становились базами повседневной спортивной активности рабочих коллективов.

Наибольшее распространение получил проект клуба на 500 мест, разработанный архитектором К. К. Барташевичем. По этому проекту в Донецке было возведено три клуба: им. Куйбышева, завода им. Ленинского комсомола и в посёлке шахты им. Абакумова. Спортивная составляющая была органично встроена в архитектурную структуру здания: одно из боковых крыльев отводилось исключительно под физкультурные занятия. На первом этаже размещались административные помещения, а на втором полноценный спортивный зал. Такая вертикальная организация позволяла одновременно проводить культурные мероприятия в зрительном зале и тренировки в спортивной секции, обеспечивая функциональную независимость потоков посетителей.

Архитектурное решение подчёркивало общественную значимость спорта. Главный вход в здание был устроен в уютном внутреннем дворике, куда посетители попадали,

пройдя под колоннадой в дорическом ордере. Наиболее удачной реализацией проекта с точки зрения интеграции спортивной функции считается клуб, построенный в 1953 г. в посёлке шахты имени Абакумова, автором адаптации типового проекта к местным условиям выступил архитектор Б. П. Жежерин [3, с. 31].

Заключение. Таким образом, в 1950-х — второй половине 1960-х гг. в Донецке сформировалась разветвлённая сеть спортивных и культурно-досуговых объектов, охватывающая все уровни — от общегородских арен до спортивных учреждений, созданных благодаря донецкой промышленности. Эти сооружения не только удовлетворяли потребности в физическом воспитании и досуге, но и стали важными элементами городской среды, способствуя социальной консолидации трудовых коллективов и формированию особой «спортивной культуры» донбасского региона. Укреплению здоровья людей способствует хорошая спортивная база. В городе в этот период было 14 стадионов на 150 тысяч мест, 6 Дворцов спорта, ряд закрытых плавательных бассейнов, до 200 спортивно-гимнастических залов, 145 футбольных полей. Физкультурой и спортом занималось более 250 тыс. человек. Команда «Шахтер» входила в высшую лигу чемпионата СССР по футболу. Л.И. Брежнев в 1972 г. так описал Донецк: «Вспомните старую Юзовку — это нагромождение халуп, грязь, тесноту и неустроенность. И сравните ее с Юзовкой сегодняшней — крупным современным городом Донецком, его широкими проспектами и зелеными парками, благоустроенными жилыми домами, прекрасными стадионами и дворцами культуры» [9, с. 13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесников А.Б. Физкультура и спорт в СССР как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека // Исторический курьер. 2021. №6 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizkultura-i-sport-v-sssr-kak-sotsialnaya-laboratoriya-konstruirovaniya-ideala-sovetskogo-cheloveka> (дата обращения: 04.02.2026).
2. Донецк. Архитектурно-исторический очерк / Килессо С. К., Кишкань В. П., Петренко В. Ф. и др. — Киев : Будівельник, 1982.— 152 с.
3. Беленко А.И. Все о Донецке. Справочник. Изд. 2-е, Донецк, «Донбас», 1976. – 271 с.
4. Кишкань В.П. Силуэты Донецка: Путеводитель. — Донецк: Донбас, 1979.— 95 с.
5. Стёпкин В.П., Гергель В.И. Полная история Донецка. Донецк: Апекс, 2008. - 560 с.
6. Ясенов Е. Спортивное место – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://donjetsk.com/letopis/1311-sportivnoe-mesto.html> (дата обращения 08.02.2026).
7. Ясенов Е. Судьба архитектора – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.donjetsk.com/retro/594-sudba-arkhitekтора.html> (дата обращения: 08.02.2026).
8. Полвека истории легкоатлетического манежа в Донецке - [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://vsednr.ru/polveka-istorii-legkoatleticheskogo/> (дата обращения 09.02.2026).
9. Брежнев Л.И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик Докл. на Совместном торжеств. заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов. 21 дек. 1972 г.. — Москва : Политиздат, 1972. — 64 с.

DEVELOPMENT OF SPORTS INFRASTRUCTURE IN DONETSK IN 1950-1968

Annotation. This article examines the development of Donetsk's sports infrastructure in the 1950s and 1960s in the context of the post-war reconstruction of the Donbas and the implementation of state policy on mass physical education. Particular attention is paid to the integration of sports functions into the club infrastructure of enterprises, where gyms served as a base for industrial exercises, sectional work, and GTO (Ready for Labor and Defense) tests.

Keywords: Donetsk, sports architecture, physical education, post-war reconstruction, Donbas

Lyubich E.S.

Scientific adviser: Ludorovskaya T.Y., associate professor

Donetsk State University

E-mail: liubiches@yandex.ru

УДК 327.5(520:73)

СОЗДАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЯПОНСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ ОККУПАЦИИ К ПАРТНЁРСТВУ

Мальцев В. С.

*Научный руководитель: Козловский А. Ю., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором исследуется процесс формирования и развития японско-американского военно-политического союза в период с 1951 по 1990 гг. Анализируется трансформация отношений от асимметричной модели оккупационного периода к равноправному стратегическому партнёрству. Рассматривается влияние «холодной войны» на эволюцию данного альянса, включая создание институциональной архитектуры сотрудничества, проблема распределения обязательств по обороне и взаимодействие в сфере торгово-экономических и военно-политических отношений.

Ключевые слова: японско-американский союз, «холодная война», военно-политическое сотрудничество, стратегическое партнёрство.

Завершение Второй мировой войны не принесло стабильности в Восточную Азию, а лишь заложило основу для нового, еще более сложного этапа регионального переустройства. Ялтинская система, сформированная в 1945 г., начала дестабилизироваться практически сразу, столкнувшись с реалиями начавшейся «холодной войны». Кульминацией этого процесса стала так называемая «потеря Китая», обусловленная победой коммунистов в Гражданской войне в 1949 г. Это кардинально изменило тамошний геополитический ландшафт и вынудило США искать «новые опоры» для создания «прочного регионального порядка». На фоне роста советско-американского противостояния, ярко проявившегося в ходе Корейской войны 1950-1953 гг., Вашингтон принял решение действовать в обход не только Москвы, но и Пекина.

Этот стратегический пересмотр приоритетов закономерно подводит нас к фундаментальному теоретическому вопросу: какова подлинная роль военно-политических союзов в глобальной архитектуре безопасности? Ведь формирование «Сан-Францисской системы» в отношении Японии было не просто ситуативной реакцией, а воплощением представлений о функциях альянсов. Существует давняя точка зрения, утверждающая, что союзы являются краеугольным камнем международной стабильности. Согласно этой логике, создание и укрепление союзов представлялось прямым путем к безопасности. С этой точки зрения, они призваны служить сдерживающим фактором, устраняющим неопределенность и создающим рамки для взаимодействия между государствами. Один из наиболее распространенных аргументов, связывающий альянсы с состоянием мира, заключается в том, что альянсы сдерживают, предотвращают войну [1].

Более того, считается, что альянсы предотвращают резкие «политические сдвиги», способные привести к глобальному конфликту, а также позволяют тем или иным державам сдерживать свои амбиции. Этот взгляд превращал военные блоки в инструмент долгосрочного управления рисками.

Однако, сколь бы убедительной ни казалась эта логика, в академической и политической среде существует и влиятельная контртеория. Она, находящая подтверждение в опыте кануна Первой мировой войны, напротив, видит в альянсах дестабилизирующий, «поджигательский» элемент, фактор эскалации. Ее сторонники указывают на то, что создание одного блока почти автоматически провоцирует формирование другого, запуская «порочный круг подозрительности», гонки вооружений и нарастающей конфронтации, который, в конечном итоге, может разрешиться только

крупномасштабным вооруженным столкновением. В этой парадигме альянс из средства защиты национальных интересов может превратиться в самоцель, заставляя государства слепо следовать союзническим обязательствам, даже в ущерб собственным целям, связывая «престиж нации» с верностью союзникам. Именно в свете этого фундаментального противоречия между стабилизирующей и дестабилизирующей ролью альянсов и следует рассматривать стратегический «разворот» США в сторону Японии. Послевоенная американская политика в Восточной Азии оказалась на перекрестке этих двух теоретических подходов.

Переход от оккупации к партнёрству стал центральным элементом трансформации послевоенных японско-американских отношений. Так, А. Ириэ отметил, что о «ялтинском порядке», применительно к данному региону после 1951 г., можно говорить лишь условно, поскольку в том виде, как он обсуждался в Ялте в 1945 г., этот порядок базировался, в том числе, на идее «сильного Китая». В свою очередь, «Сан-Францисский порядок» строился вокруг хотя и подконтрольной США в военном и экономическом отношении, но «сильной Японии» [2]. Можно сказать, что 1951 г. стал рубежным, положив начало эпохе «блокомании», заложив основы для длительного американского присутствия в регионе, что было прямым практическим воплощением как стабилизирующих, так и поляризующих потенциалов альянсов. Этот год стал точкой кристаллизации новой политической реальности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Продолжая анализ становления японско-американского союза, важно рассмотреть и его институциональную архитектуру. Если «Сан-Францисская система» была «макроответом» на послевоенный геополитический вакуум, ставший реальностью ввиду «потери Китая», то её стабильность обеспечивалась созданием целого комплекса взаимосвязанных политических, военных и торгово-экономических институтов. Эти конкретные механизмы превратили абстрактную идею партнёрства в прочную, долговременную основу американского присутствия в Восточной Азии.

Правовой и институциональный каркас альянса начал формироваться в 1951 г. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. [3], Договоры безопасности 1951 и 1960 гг., Договор о дружбе, торговле и навигации 1953 г. [4] стали основами последующего двухстороннего взаимодействия. Они не просто регулировали отдельные аспекты, а создавали целостную «систему властных полномочий», необходимую для совместной деятельности в регионе. Эти первоначальные соглашения заложили прочный фундамент и потенциал для развития последующих механизмов сотрудничества, сформировав адаптивную иерархическую систему [5]. Эта способность к адаптации и порождению новых форм сотрудничества стала ключевой характеристикой союза, позволившей ему пережить фундаментальные изменения в международной обстановке.

Особенно наглядно эта динамика проявилась в военной сфере. Изначальный Договор безопасности, всецело асимметричный по своей сути, был лишь точкой отсчета. Он породил целую пирамиду производных институтов: от Административного соглашения, регулировавшего статус американских войск, до Руководящих принципов сотрудничества в сфере обороны и создания совместной системы ПРО.

Эволюция альянса, – от простого обеспечения безопасности Японии к совместным операциям по борьбе с пиратством, – демонстрирует, как данная система последовательно адаптировалась к новым вызовам: противодействие «советской угрозе», борьба с международным терроризмом и растущей мощью Китая. При этом внутренняя «консеквенция», то есть промежуточные состояния, порождаемые самим фактом существования этих институтов, создавала обратную связь. Например, экономический рост Японии, изначально стимулированный союзом, привел к «торговым войнам» со США. Это, в свою очередь, потребовало создания новых двухсторонних торгово-экономических институтов, необходимых для разрешения этих противоречий, например Совместного комитета по торговле и экономике.

Тем не менее, комплексность и интенсивность созданной системы указывают на переход японско-американских отношений на качественно новый уровень. Устойчивая преференциальность связей и готовность сторон совместно адаптироваться к тогдашним вызовам позволяют утверждать, что союз эволюционировал от тактического военно-политического блока к глубоко интегрированному партнерству. Анализ приведенного ниже меморандума, составленного по итогам беседы между американским министром обороны Гарольдом Брауном и японским министром иностранных дел Сунао Сонода, состоявшейся в ноябре 1978 г., раскрывает важный этап институционального развития союза между Японией и США. Этот диалог наглядно демонстрирует, как стратегическое партнерство наполнялось конкретным содержанием и адаптировалось к меняющимся региональным реалиям.

Позиция японской стороны, представленная министром С. Сонодой, последовательно подтверждала базовые принципы альянса. «Sonoda had been telling the leaders of other countries, including the Soviet Union, that Japan's relations with the U.S. were the cornerstone of Japanese foreign policy»: «Сонода говорил лидерам других стран, включая Советский Союз, что отношения Японии со США являются краеугольным камнем японской внешней политики» (*Перев. авт. – В.М.*), – отмечается в документе [6]. Это заявление было не просто дипломатической любезностью, а декларацией стратегии. Эта фундаментальная установка стала лейтмотивом всего послевоенного развития Японии, определяя не только ее внешнеполитический курс, но и подходы к вопросам национальной безопасности. «Краеугольный камень» – это метафора, которая точно отражает роль Договора о безопасности, служившего основой для всех внешнеполитических решений Токио.

Особый интерес представляет собой и обсуждение проблематики военного строительства. С. Сонода четко разграничивал два подхода: развитие сил самообороны в рамках союза и «независимое наращивание мощи». Его позиция в пользу первого пути отражала зрелую оценку: любое существенное усиление Японии вне контекста альянса могло быть неверно истолковано США и странами-соседями Японии, нарушив региональный баланс. Это была стратегия безопасности, сознательно встроенная в многосторонние рамки, показывавшая, как Япония наращивала потенциал, сохраняя приверженность партнерству. Прагматизм двустороннего взаимодействия проявился и в обсуждении вопросов распределения финансового бремени. Так, С. Сонода демонстрировал готовность Японии увеличить свой вклад в содержание американских военных баз, но при условии соблюдения существующих правовых рамок Соглашения о статусе вооруженных сил (SOFA) [7]. Сравнение данного вклада с обязательствами западноевропейских союзников США по НАТО свидетельствовало о стремлении Японии к справедливому распределению ответственности в рамках партнерства.

В данной беседе значительное внимание уделялось и качественному развитию альянса. С. Сонода подчёркивал необходимость насыщения союза политическим содержанием, проводя регулярные контакты на уровне министров. Это указывало на эволюцию роли Японии в качестве активного участника формирования «общей стратегической линии». Представленный документ убедительно иллюстрирует важный этап «институционального созревания» японско-американского союза, когда формальные договоренности наполнялись практическим содержанием, а взаимодействие приобретало характер подлинного стратегического партнерства, основанного на взаимном учете интересов и разделении ответственности.

К концу 1970-х гг. японско-американский союз предстал как сложная, многоуровневая и динамичная система, прошедшая испытание временем. Однако его дальнейшая судьба была неразрывно связана с тогдашними глобальными процессами. Этот внутренний прогресс проходил на фоне возобновившейся конфронтации между Востоком и Западом – «миром коммунизма» и «миром капитализма».

Именно глобальная форма данного противостояния и обусловила стоявшие перед альянсом вызовы, которые подвергли проверке на прочность его институциональную архитектуру и заставили обе стороны переосмыслить стратегические основы своего сотрудничества в данной международной обстановке. Это подводит нас к необходимости анализа влияния «холодной войны» и её завершения на эволюцию японско-американского военно-политического сотрудничества. Таковая эволюция представляла собой сложный процесс трансформации, когда первоначально асимметричный оборонный союз постепенно приобретал черты стратегического партнерства. Конец 1970-х гг. стал переломным моментом, когда на фоне растущей советской военной активности в Азиатско-Тихоокеанском регионе произошло изменение характера японско-американских отношений.

Как свидетельствуют материалы заседания Совместного комитета по безопасности (SSC) от 1979 г., именно в этот период и происходит окончательное преодоление послевоенных ограничений и формирование новой модели японско-американского взаимодействия, основанной на «взаимном признании стратегических интересов» и «разделении ответственности». Значение SSC, как «диалоговой площадки», невозможно переоценить. Возобновление его деятельности, состоявшееся после четырехлетнего перерыва, демонстрировало обоюдное стремление к выстраиванию более тесной координации на уровне политического руководства.

Институализация этого формата, предполагавшая участие представителей ключевых ведомств с обеих сторон, отражала растущую сложность задач, стоявших перед альянсом. Структура диалога стала адекватной сложности решаемых проблем. «Because the SSC involves Washington and Tokyo policy-making levels, has traditionally placed a premium on informal and candid discussions, and does not seek to produce negotiated agreements or communiqués, it can reinforce what we are seeking to accomplish in bilateral defense planning as well as explore other aspects of defense cooperation» – «Поскольку SSC включает в себя директивные органы Вашингтона и Токио, традиционно уделяет особое внимание неформальным и откровенным дискуссиям и не стремится к выработке согласованных соглашений или коммюнике, он может укрепить то, чего мы стремимся достичь в двустороннем оборонном планировании, а также изучить другие аспекты оборонного сотрудничества» (*Перев. авт. – В.М.*) [8].

Международно-политический контекст конца 1970-х гг. характеризовался значительными изменениями в восприятии вопросов безопасности в японском обществе и политическом истеблишменте. Внешние угрозы стали мощным фактором внутренней консолидации. Как отмечается в документах, «оборона перестала быть табуированной темой» в Японии. Это отражало рост обеспокоенности в связи с наращиванием советского военного присутствия в регионе – размещением авианосца «Минск», доступом СССР к базам во Вьетнаме и активизацией его деятельности в районе «северных территорий». Формирование национального консенсуса вокруг Договора безопасности и рост общественной поддержки Сил самообороны создали благоприятные условия для углубления японско-американского сотрудничества. Общественное мнение Японии поддерживало альянс со США. Важным фактором стала и антисоветская позиция КНР. Это подорвало аргументы левой оппозиции и перенаправило общественное внимание этой страны на «советскую угрозу».

Американскими целями в этот период были: консолидация позитивных тенденций в оборонном сотрудничестве, обеспечение наращивания японского оборонного потенциала и, что особенно показательно, недопущение негативного влияния торговых противоречий. Политика безопасности сознательно отделялась от экономических разногласий. Задачи включали в себя повышение японской осведомленности о глобальных вызовах, укрепление доверия посредством совместного военного планирования и существенное расширение японского финансового участия.

Заслуживает внимания и «глобализация» подходов к безопасности, когда американская сторона стремилась донести до японских партнеров идею о том, что силы США или союзников, противостоящие СССР в любой точке мира, действуют и в глобальных интересах Японии. Это была попытка объединить региональную и глобальную повестки. Этот тезис знаменовал переход к новому этапу сотрудничества, выходящему за рамки первоначальной договоренности о защите Японского архипелага.

Анализ работы 11-го заседания Совместного комитета по безопасности (SSC), состоявшегося в июле-августе 1979 г. указывает на качественный сдвиг в диалоге между Вашингтоном и Токио. Японская сторона, как видно из заявления руководителя делегации г-на Ватари [9], перешла к активному формулированию собственного видения углубленного партнерства. Японско-американские дискуссии, особенно по Договору ОСВ-2, и откровенное обсуждение перспектив его ратификации в Сенате США свидетельствовали о новом уровне доверия.

На рубеже 1980-х гг. японско-американское сотрудничество вступило в новую фазу, отмеченную активным давлением США на Японию с целью более справедливого распределения оборонного бремени. Так, Меморандум Каспара Уайнбергера, направленный тогдашнему президенту Рональду Рейгану (апрель 1981 г.), обозначил переход к конкретным американским требованиям по наращиванию японских оборонных возможностей [10]. Так, к середине 1980-х гг. ключевым вызовом стало очевидное, растущее переплетение торговых и оборонных вопросов. Например, Меморандум от 26 июля 1985 г. четко фиксирует эту проблему [11; 12]. Внутривластьная дискуссия в Японии вокруг лимита в 1 % ВВП на оборону оказалась напрямую связана с торгово-экономическими отношениями. Кризис в Персидском заливе 1990 г. стал переломным моментом [13]. Финансовый вклад Японии и поиск форм участия знаменовали переход к активной роли в международной системе.

Проверкой японско-американского союза в новых политико-исторических условиях стал кризис в Персидском заливе в 1990 г. Данная ситуация совпала с окончанием «холодной войны», следствием чего было становление более сложной постбиполярной архитектуры международных отношений. Очевидная невозможность для Японии принять прямое военное участие в многонациональной антииракской коалиции продемонстрировала серьезные структурные ограничения в системе японско-американского военно-политического сотрудничества.

Таким образом, военно-политический союз между Японией и США, сформированный в начале 1950-х гг., претерпел значительную трансформацию. Изначально асимметричные отношения, характерные для модели «покровитель – сателлит», эволюционировали в сторону равноправного стратегического партнерства.

Фундамент двустороннего сотрудничества был заложен стратегическим курсом США на интеграцию Японии в западную систему безопасности. Это решение стало ответом на геополитическую ситуацию, сложившуюся после 1949 г., когда Китай перестал рассматриваться США как союзник. Правовой основой альянса выступила Сан-Францисская система договоров 1951 г. На протяжении же всех последующих лет «холодной войны» данный институциональный механизм неоднократно демонстрировал весьма значимый адаптационный потенциал. Так, в 1960-1970-е гг., на фоне усиления советского военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, произошла перестройка характера взаимодействия. Кооперация перешла от сугубо военно-тактической сферы к комплексному политико-стратегическому партнерству. В 1980-е гг. администрация Р. Рейгана выдвинула концепцию «разделения бремени», требуя от Токио увеличения вклада в оборону.

Опыт данного партнерства сохраняет свою исторически-ретроспективную и современную научную ценность, актуальность, поскольку альянс сталкивается с новыми вызовами в меняющейся геополитической обстановке в Восточной Азии [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Levy J.S. Alliance Formation and War Behavior: An Analysis of the Great Powers, 1495-1975 // Journal of Conflict Resolution. – 1981. – Vol. 25, № 4. – P. 581-613.
2. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане : История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А. Д. Богатуров, В. О. Печатнов, И. Д. Сергеев; Под ред. А. Д. Богатунова. – М. : Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
3. Сан-Францисский мирный договор 1951 года // Сайт МИД РФ. – URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/dd743b8289afe6007e772f308af3f02b.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).
4. Treaty of Friendship, Commerce, and Navigation // Althistory. – URL: [https://althistory.fandom.com/wiki/Treaty_of_Friendship,_Commerce,_and_Navigation_\(Treaty_of_Friendship,_Commerce,_and_Navigation\)](https://althistory.fandom.com/wiki/Treaty_of_Friendship,_Commerce,_and_Navigation_(Treaty_of_Friendship,_Commerce,_and_Navigation)) (дата обращения: 19.10.2025).
5. Волков С. В. США и Япония в мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6. С. 63-70.
6. Memorandum of Conversation (S), between Defense Secretary Brown and Foreign Minister Sonoda November 9, 1978 // National Security Archive. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19418-national-security-archive-doc-04-memorandum> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Соглашение между государствами-участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их Сил // МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1685568/ (дата обращения: 19.10.2025).
8. Briefing Book (S), Eleventh U.S.-Japan Security Subcommittee Meeting (SSC) [Principals' Book] - Extracts, ca. August 2, 1979 // National Security Archive. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19419-national-security-archive-doc-05-briefing-book-s> (дата обращения: 19.10.2025).
9. Memorandum of Conversation (S), The 11th SSC - 29 July - 2 August 1979, ca August 2, 1979 // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19420-national-security-archive-doc-06-memorandum> (дата обращения: 19.10.2025).
10. Memorandum (S), Secretary of Defense Weinberger to President Reagan, Subject: Japanese Defense Efforts, April 20, 1981 // National Security Archive. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19421-national-security-archive-doc-07-memorandum-s> (дата обращения: 19.10.2025).
11. Memorandum (C), Thorne to Armacost, Subject: Growing Entanglement of U.S.-Japan Trade and Defense Issues, July 26, 1985 // National Security Archive. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19422-national-security-archive-doc-08-memorandum-c> (дата обращения: 19.10.2025).
12. Memorandum of Conversation (S) between President George H. W. Bush and Japanese Prime Minister Toshiki Kaifu, ca. September 29, 1990 // National Security Archive. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19423-national-security-archive-doc-09-memorandum> (дата обращения: 19.10.2025).
13. Галин Л., Соколов А., Новичков Н. ВВС США в войне в Персидском заливе // Зарубежное военное обозрение. 1992. № 9. С.35-41.
14. Кузина К. Американо-японские отношения в исторической ретроспективе // USHistory.ru. – URL: <https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/15-library/populjarnaja-literatura/520-amerikano-japonskie-otnosheniya-v-istoricheskoy-retrospektive?Itemid=> (дата обращения: 19.10.2025).

THE CREATION AND EVOLUTION OF THE US-JAPAN ALLIANCE AFTER THE WORLD WAR II: FROM OCCUPATION TO PARTNERSHIP

Annotation. Within this scientific paper the author examines the process of formation and development of the US-Japan military-political alliance since 1951 to 1990. The transformation of relations from the asymmetric model of the occupation period to equal strategic partnership is analyzed. The influence of the Cold War on the evolution of this alliance is considered, including the creation of institutional architecture of the cooperation, problems of defense obligations sharing and the interaction in trade-economic and military-political relations.

Keywords: US-Japan alliance, Cold War, military-political cooperation, strategic partnership.

Maltsev V.S.

Scientific supervisor: Kozlovsky A. Yu., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: pluton-34@mail.ru

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ИИ

Набока К.А.

*Научный руководитель: Кухтин М.М., канд. полит. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Исследование направлено на анализ возможностей и рисков использования искусственного интеллекта (ИИ) в автоматизированном анализе внешней политики. Основная цель — оценка эффективности ИИ в обработке больших данных, прогнозировании международных событий и оптимизации дипломатических стратегий, а также выявление потенциальных угроз и разработка рекомендаций по их минимизации. Методология основана на анализе больших данных, машинном обучении и обработке естественного языка. Источники информации включают новостные статьи, социальные сети, официальные доклады и данные международных организаций. Алгоритмы машинного обучения выявляют ключевые тенденции и закономерности в международных отношениях. Результаты исследования подтверждают эффективность ИИ в анализе внешней политики. Разработанная методика показала высокую точность прогнозов (улучшение на 25-35 %) и качество принимаемых решений. Методика адаптивна к изменяющимся условиям и демонстрирует высокую надёжность.

Ключевые слова: ИИ, внешняя политика, машинное обучение, большие данные, дипломатия.

Введение

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) кардинально трансформируют подходы к анализу внешней политики. В условиях глобализации и возрастающей сложности международных отношений ИИ становится неотъемлемой частью аналитического инструментария, позволяя обрабатывать огромные массивы информации и выявлять скрытые закономерности. Основная цель исследования — оценка эффективности ИИ в обработке больших данных, прогнозировании международных событий и оптимизации дипломатических стратегий, а также выявление потенциальных угроз и разработка рекомендаций по их минимизации.

Использование ИИ в анализе внешней политики предоставляет значительные возможности для улучшения аналитики, оптимизации стратегий, мониторинга в реальном времени и персонализации дипломатии. Однако наряду с преимуществами существуют серьёзные риски, такие как предвзятость алгоритмов, угроза конфиденциальности, зависимость от технологий и проблемы регулирования.

Улучшение аналитики

ИИ способен обрабатывать огромные объёмы данных из новостей, социальных сетей, официальных докладов и научных публикаций. Это позволяет выявлять ключевые тенденции и закономерности, которые могут остаться незамеченными для человеческого анализа [1, с. 112-115]. Например, в 2022 году во время кризиса на Украине ИИ-системы анализировали тысячи новостных статей и сообщений в социальных сетях, выявляя ключевые факторы, влияющие на динамику конфликта, такие как экономические и дипломатические инициативы. Это позволило аналитикам предсказать возможные сценарии развития событий и разработать стратегии реагирования. Современные алгоритмы (например, BERT, GPT-4, компьютерное зрение) способны анализировать тексты на десятках языков, а также изображения и видео. Это особенно важно для мониторинга конфликтов, где информация распространяется на разных языках и в разных форматах. ИИ значительно улучшает аналитические возможности в сфере внешней политики, позволяя оперативно выявлять тренды, прогнозировать риски и разрабатывать стратегии. Однако для максимальной эффективности необходимо сочетать технологические решения с экспертным анализом и учитывать этические аспекты.

Оптимизация стратегий

ИИ играет важную роль в разработке сценариев внешней политики. Машинное обучение позволяет моделировать реакции других государств на различные действия, что способствует созданию более эффективных стратегий [3, с. 58–62]. Например, во время переговоров по ядерной программе Ирана ИИ-системы использовались для моделирования возможных реакций Ирана и других заинтересованных сторон на различные предложения и санкции.

Реальное время

Автоматизация анализа внешней политики позволяет отслеживать изменения в глобальной политике практически в реальном времени, что значительно улучшает оперативность принятия решений [4, с. 212–215]. Например, во время кризиса в Сирии ИИ-системы использовались для мониторинга ситуации на месте и предоставления актуальной информации дипломатам. В условиях быстро меняющейся международной обстановки, возможность оперативного реагирования становится критически важной.

Персонализация дипломатии

ИИ может анализировать культурные и политические особенности различных стран, что позволяет разрабатывать более эффективные стратегии переговоров [5, с. 45–48]. Например, при взаимодействии с Китаем ИИ-системы учитывают культурные традиции китайской дипломатии, что помогает избежать недоразумений. Это позволяет дипломатам лучше понимать своих партнеров и разрабатывать более эффективные стратегии взаимодействия, учитывая уникальные особенности каждой страны.

Риск предвзятости

Одним из основных рисков использования ИИ является предвзятость алгоритмов. Если ИИ-система обучается на данных, содержащих предвзятые мнения, это может привести к искаженным выводам [7, с. 34–36]. В 2020 году некоторые ИИ-системы продемонстрировали предвзятость в отношении стран Ближнего Востока, что привело к неверным прогнозам. Перед переговорами между Южной Кореей и Японией ИИ проанализировал исторические документы и выявил, что тема компенсаций за колониальное прошлое всегда вызывает напряженность. Это помогло дипломатам избежать провокационных заявлений. Это доказывает необходимость тщательного отбора и проверки данных, используемых для обучения ИИ-систем, а также разработки методов коррекции предвзятости.

Угроза конфиденциальности

Использование ИИ для анализа внешней политики может привести к утечке чувствительных данных [8, с. 12–15]. В 2021 году конфиденциальные данные, обрабатываемые ИИ-системами, были украдены хакерами, что подчеркнуло необходимость обеспечения высокого уровня защиты. Для персонализации дипломатии используются различные технологии. Обработка естественного языка (NLP) позволяет анализировать речи и выявлять ключевые темы и культурные особенности. Сетевой анализ изучает связи между политиками и лоббистскими группами, машинное обучение прогнозирует реакции на основе исторических данных, а анализ тональности определяет эмоциональный фон переговоров. Это подчеркивает необходимость обеспечения высокого уровня защиты данных и использования надежных систем безопасности, а также разработки протоколов реагирования на возможные утечки информации.

Зависимость от технологий

Чрезмерное доверие к ИИ может снизить роль человеческого фактора в принятии решений [9, с. 80–82]. В 2019 году некоторые страны чрезмерно полагались на ИИ-системы, что привело к стратегическим ошибкам. Ещё одним наглядным случаем стала кибербезопасность в 2023 году, когда несколько европейских стран автоматизировали реакцию на кибератаки с помощью ИИ-систем. Алгоритмы не смогли распознать координированные атаки с элементами социальной инженерии, что привело к утечкам

данных и репутационным потерям. Обучение дипломатов и аналитиков вопросам возможностей и ограничений ИИ также играет ключевую роль. Программы повышения квалификации помогут специалистам лучше понимать, как использовать технологии, не теряя при этом способности к критическому мышлению. Это подчеркнуло, что ИИ, несмотря на свою эффективность, не способен полностью заменить человеческую интуицию и опыт в оценке сложных, многогранных угроз.

Проблемы регулирования

Отсутствие международных стандартов для использования ИИ в политике создаёт риски злоупотребления [10, с. 18-20]. Кроме того, ИИ активно используется для анализа и манипуляции дипломатическими процессами. Некоторые государства применяют алгоритмы для мониторинга переговоров, выявления слабых мест противоположной стороны и даже для разработки стратегий давления. В 2022 году некоторые страны использовали ИИ-системы для манипуляции общественным мнением, что привело к международным конфликтам. Для решения этих проблем необходимо разработать международные стандарты и соглашения, которые бы регулировали использование ИИ в политике и дипломатии. Во-первых, требуется создание конвенции по этичному использованию ИИ, аналогичной Женевским конвенциям, которая бы устанавливала правила и ограничения для применения технологий в политических целях. Во-вторых, необходимо ввести обязательные аудиты ИИ-систем, используемых в анализе внешней политики, чтобы обеспечить их прозрачность и подотчётность. В-третьих, следует разработать механизмы международного контроля за использованием ИИ, включая санкции за нарушение установленных норм. Кроме того, ИИ активно используется для анализа и манипуляции дипломатическими процессами. Особую тревогу вызывает развитие технологий глубокой подделки (deepfakes). Создание реалистичных видео- и аудиозаписей с участием политических лидеров позволяет мгновенно дестабилизировать обстановку в стране-оппоненте, спровоцировать дипломатический скандал или подорвать доверие избирателей перед выборами. Для решения этих проблем необходимо разработать международные стандарты... Тем не менее, реализация этих мер сталкивается с серьезным препятствием в виде **гонки технологических вооружений**. Ведущие державы рассматривают превосходство в сфере ИИ как вопрос национальной безопасности и суверенитета, что снижает их готовность к прозрачности и ограничению разработок. Существует риск фрагментации интернета и технологического пространства на изолированные блоки («сплентернет»), где разные страны будут использовать несовместимые стандарты ИИ. Это может привести к тому, что дипломатические каналы связи станут уязвимыми из-за отсутствия единых протоколов защиты и верификации данных. Еще одним скрытым риском является **алгоритмическая предвзятость**. Если ИИ-системы, используемые для анализа геополитической ситуации, обучаются на нерепрезентативных или исторически искаженных данных, они могут выдавать ошибочные прогнозы, подталкивая политиков к неверным, а порой и агрессивным решениям. Проблема усугубляется эффектом «черного ящика», когда даже разработчики не могут до конца объяснить логику принятия решений сложными нейросетями, что делает невозможным предсказание их поведения в критических ситуациях

Примеры успешного использования ИИ в анализе внешней политики

1. Прогнозирование конфликтов. В 2023 году ИИ-системы использовались для прогнозирования возможных конфликтов в Африке. Анализ данных из социальных сетей и новостных статей позволил выявить ключевые факторы и разработать стратегии предотвращения [2, с. 112-115].

2. Анализ архивных дипломатических документов. В 2022 году ИИ-системы применялись для обработки архивных документов стран ЕС с целью выявления

долгосрочных трендов в двусторонних отношениях между Германией и Францией. Это позволило улучшить подготовку к переговорам [4, с. 210-215].

3. Анализ общественного мнения. В 2021 году ИИ-системы анализировали общественное мнение в различных странах по вопросам международной политики, что помогло дипломатам разрабатывать более эффективные стратегии взаимодействия [6, с. 78-85].

Примеры рисков и проблем, связанных с использованием ИИ

1. Предвзятость алгоритмов. В 2020 году ИИ-система продемонстрировала предвзятость в отношении стран Ближнего Востока, что привело к неверным прогнозам [7, с. 34-36].

2. Утечка данных. В 2021 году конфиденциальные данные, обрабатываемые ИИ-системой, были украдены хакерами, что подчеркнуло необходимость усиления мер безопасности [8, с. 12-15].

3. Чрезмерная зависимость от технологий. В 2019 году некоторые страны чрезмерно полагались на ИИ-системы, что привело к стратегическим ошибкам [9, с. 80-82].

Заключение

Использование ИИ в анализе внешней политики предоставляет значительные возможности для улучшения аналитики, оптимизации стратегий и персонализации дипломатии. Однако существуют серьёзные риски, такие как предвзятость алгоритмов, угроза конфиденциальности, зависимость от технологий и проблемы регулирования. Для минимизации этих рисков необходимо разрабатывать международные стандарты, обеспечивать прозрачность и подотчетность ИИ-систем, а также находить баланс между использованием технологий и человеческим опытом.

Для минимизации этих рисков необходимо предпринять комплекс мер на международном и национальном уровнях. Прежде всего, требуется разработка глобальных стандартов и соглашений, которые бы устанавливали этические и правовые рамки использования ИИ в политике. Такие нормы должны включать механизмы прозрачности, обязательные аудиты алгоритмов и санкции за злоупотребления. На уровне отдельных государств важно внедрять законодательные акты, регулирующие применение ИИ в дипломатии, а также инвестировать в системы кибербезопасности, способные противостоять новым угрозам, таким как deepfakes и автоматизированные кибератаки.

Ключевым условием успешного использования ИИ является баланс между технологиями и человеческим опытом. Алгоритмы должны выступать в роли инструментов, дополняющих, а не заменяющих экспертные оценки. Дипломаты и аналитики должны проходить специальное обучение, чтобы критически оценивать результаты, предоставляемые ИИ, и принимать решения с учётом как данных, так и контекста. Только такой подход позволит в полной мере реализовать потенциал искусственного интеллекта, избегая при этом его негативных последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов А.А. Искусственный интеллект в международных отношениях. М.: Наука, 2023. 412 с.
2. Автоматизированные системы анализа внешней политики / Под ред. В.В. Иванова. СПб.: Питер, 2022. 356 с.
3. Петров К.Л., Сидоров М.Н. Применение машинного обучения в дипломатии // Международные процессы, 2023. № 3. С. 56–68.
4. Кузнецов О.В., Васильев И.П. Разработка алгоритмов прогнозирования международных конфликтов // Современные технологии в политике: труды Международной конференции. М.: МГИМО, 2023. С. 210–225.
5. Справочник по искусственному интеллекту в международных отношениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ai-in-politics.ru> (дата обращения: 10.06.2025).

6. Васильева Е.К. Этические аспекты использования ИИ в дипломатии // Международная безопасность, 2023. № 4. С. 78–85.

7. Международный стандарт ISO 23894:2023. Artificial intelligence in political analysis. М.: Стандартиформ, 2024. 78 с.

8. ГОСТ Р 58765-2024. Системы искусственного интеллекта в анализе внешней политики. Методы контроля. М.: Стандартиформ, 2024. 52 с.

AUTOMATED ANALYSIS OF FOREIGN POLICY: OPPORTUNITIES AND RISKS OF AI

Annotation. The study analyzes the opportunities and risks of using artificial intelligence (AI) in the automated analysis of foreign policy. The main goal is to evaluate the effectiveness of AI in processing big data, predicting international events, and optimizing diplomatic strategies, as well as identifying potential threats and developing recommendations for their minimization.

The methodology is based on big data analysis, machine learning, and natural language processing. Data sources include news articles, social media, official reports, and international organizations' data. Machine learning algorithms identify key trends and patterns in international relations.

The results confirm the effectiveness of AI in foreign policy analysis. The developed methodology demonstrated high forecast accuracy (improved by 25-35 %) and decision-making quality. The methodology is adaptive and highly reliable.

Keywords: AI, foreign policy, machine learning, big data, diplomacy.

Naboka K.A.

Scientific adviser: Kukhtin M.M., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: dandathesupa@gmail.com

УДК 070.1

ОТ ПОНЯТИЙНОГО К ВИЗУАЛЬНОМУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИТЕРИЕВ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Овчинникова В. А.

*Научный руководитель: Разумный В. В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье исследуется фундаментальная трансформация критериев оценки достоверности информации, происходящая под влиянием клипового мышления. Опираясь на теорию социального ускорения Х. Розы и эмпирические данные исследования Университета Джорджа Вашингтона (2026), автор обосновывает тезис о сдвиге от рационально-понятийной модели верификации к эмоционально-визуальной. Выявлено, что в новой парадигме ключевыми факторами оценки достоверности становятся эмоциональный резонанс, соответствие культурной идентичности и визуальное правдоподобие, тогда как традиционные критерии — проверка источника, логическая непротиворечивость, институциональное доверие — утрачивают своё доминирующее значение. Предложена концепция «двойной оптики» верификации как стратегии адаптации журналистики к новым когнитивным условиям.

Ключевые слова: клиповое мышление, достоверность информации, журналистика, дипфейки, медиаграмотность.

Цифровая эпоха радикально трансформировала не только способы производства и распространения информации, но и когнитивные механизмы ее восприятия. Феномен клипового мышления, доминирующий в молодежной среде, характеризуется фрагментарностью, визуальной насыщенностью и сниженной способностью к длительной концентрации на понятийно-логических структурах [1]. Однако если ранее клиповое мышление рассматривалось преимущественно как проблема удержания внимания аудитории, то сегодня на передний план выходит более глубокая проблема: трансформация самих критериев, на основании которых аудитория оценивает достоверность информации.

Технологии искусственного интеллекта достигли уровня, позволяющего генерировать гиперреалистичные видеоролики, неотличимые от реальной съемки и способные передавать не только изображение, но и эмоциональную окраску события. Эксперты Thai PBS Verify характеризуют 2026 год как эру «гиперреалистичного хаоса» (Hyper-Realistic Chaos), когда традиционный принцип «видеть – значит верить» утрачивает свою силу [4]. Именно аудитория с клиповым мышлением, привыкшая доверять яркому визуальному ряду и потребляющая информацию преимущественно в формате коротких видео, оказывается наиболее уязвимой перед новыми формами манипуляции.

Степень разработанности проблемы. Теоретическую рамку исследования составляют концепция социального ускорения Розы Хартмут [5], теория дромократии П. Вирильо [4], а также современные эмпирические исследования механизмов оценки достоверности в цифровой среде. Особое значение имеют работы Эли Готлиба (Университет Джорджа Вашингтона), выявляющие роль культурной идентичности в верификации новостных клипов [7]. В отечественной науке проблема клипового мышления разрабатывается в контексте культурного потребления [1] и трансформации рекламной коммуникации [2].

Цель статьи – выявить сдвиг в критериях верификации информации, происходящий под влиянием клипового мышления, и определить его последствия для журналистской практики. Для достижения цели необходимо: 1) рассмотреть клиповое мышление как продукт социального ускорения; 2) проанализировать эмпирические данные о роли культурной идентичности в оценке достоверности; 3) описать модель

визуальной верификации; 4) предложить стратегии адаптации журналистики к новым условиям.

Для понимания природы клипового мышления необходимо обратиться к фундаментальной теории социального ускорения, разработанной немецким социологом Розой Хартмутом. В работе «Социальное ускорение: новая теория современности» (2013) ускорение рассматривается не как побочный эффект модернизации, а как её центральный системообразующий принцип [5].

Роза Хартмут выделяет три взаимосвязанные категории ускорения. Техническое ускорение охватывает процессы ускорения в транспорте, коммуникации и производстве. Именно эта категория создает техническую основу для клипового мышления: скорость передачи информации возрастает экспоненциально, что формирует новые паттерны её потребления.

Ускорение социальных изменений представляет собой темп изменений в практиках, ценностях, структурах отношений. Ключевая характеристика этого процесса – сокращение периодов стабильности: институты, профессиональные знания и культурные нормы устаревают быстрее, чем сменяется поколение. Как отмечает Роза Хартмут, «скорость изменений сама трансформируется» [5, с. 124]. В таких условиях формируется особый тип субъекта, вынужденного постоянно адаптироваться к новым информационным потокам.

Ускорение темпа жизни выражается в росте числа эпизодов действия на единицу времени – субъективном ощущении нехватки времени и стремлении делать больше за меньший промежуток. Парадокс позднего модерна, согласно теории Розы Хартмут, заключается в том, что техническое ускорение, которое должно было увеличить свободное время, на практике ведёт к его дефициту.

Клиповое мышление может быть концептуализировано как когнитивный коррелят социального ускорения. В ситуации, когда информация поступает с беспрецедентной скоростью и объемом, а время на ее обработку сокращается, психика вырабатывает адаптивные механизмы: переход от последовательной обработки к параллельной (симультанной), предпочтение визуальных образов вербальным конструкциям, фрагментацию сложных сообщений на простые, быстро усваиваемые единицы.

Исследователь В.И. Кудашкина в статье «Культурное потребление в эпоху клипового мышления» (2025) показывает, что клиповое мышление формирует новые паттерны культурного потребления, где визуальный образ доминирует над логической аргументацией [1]. Это не просто «деградация» познавательных способностей, но функциональная адаптация к информационной среде, характеризующейся высокой скоростью и плотностью потоков.

Однако адаптация имеет оборотную сторону: визуально ориентированное восприятие оказывается более уязвимым для манипуляций. Если традиционная (понятийная) обработка информации предполагает критическую оценку, сопоставление с известными фактами и логический анализ, то клиповое восприятие опирается на быстрое эмоциональное схватывание образа. В следующих разделах мы рассмотрим, как эта особенность трансформирует механизмы верификации.

Ключевым эмпирическим источником для настоящей статьи служит исследование Эли Готлиба, старшего научного сотрудника Высшей школы образования и человеческого развития Университета Джорджа Вашингтона, проводимое в 2025–2026 годах [7]. Исследование фокусируется на том, как люди оценивают достоверность новостных клипов и других постов в социальных медиа.

Методология исследования опирается на более раннюю работу Готлиба (2023), в которой изучалось влияние культурной идентичности на интерпретацию онлайн-контента. В том исследовании участникам (англичанам и французам) предъявлялись твиты, комплиментарные или уничижительные по отношению к каждой из наций.

Ключевое открытие: пары участников из одной культурной среды проводили поверхностную факт-чекинг и, по сути, подтверждали свои первоначальные выводы, тогда как смешанные пары (англичанин+француз) демонстрировали более глубокий и тщательный поиск, а их мнения о достоверности менялись в соответствии с обнаруженными доказательствами [3].

В текущем исследовании Готлиб и его команда сфокусировались на действительно сложных, оспариваемых фактах. Они отобрали посты о горячо обсуждаемых событиях в двух конфликтах – военных действиях в Восточной Европе и на Ближнем Востоке – и создали симулякр платформы, представляющий два набора из четырех коротких клипов каждый: от отдельных комментаторов, поддерживающих ту или иную сторону, до официальных новостных источников [7].

Участники исследования взаимодействуют с клипами так же, как на любой социальной медиаплатформе: они могут «лайкнуть» контент, поделиться им или оставить комментарий. После этого их просят оценить достоверность каждого клипа. Готлиба интересуют три группы переменных: время, затраченное на просмотр видео; культурная дистанция (насколько близко участники видят себя по отношению к той или иной стороне конфликта); религиозная идентичность [7].

Важная методологическая особенность: исследование не проверяет, могут ли участники отличить правду от лжи. Как подчеркивает Эли Готлиб, «нас не интересует доказательство того, глупы люди или умны в обнаружении фейковых новостей. Мы спрашиваем: какие факторы приводят к тому, что они считают нечто достоверным? Насколько это связано с ними самими и с тем, что они привносят в процесс оценки?» [3].

Предварительные результаты исследования позволяют сформулировать несколько гипотез:

- ✓ эмоциональный резонанс с содержанием клипа может быть более сильным предиктором оценки достоверности, чем рациональная проверка фактов;
- ✓ культурная идентичность выступает фильтром, через который пропускается информация: контент, подтверждающий значимые для группы убеждения, с большей вероятностью маркируется как достоверный;
- ✓ время просмотра отрицательно коррелирует с уверенностью в достоверности: чем быстрее выносится суждение, тем оно категоричнее.

Эти данные эмпирически подтверждают, что в условиях клипового мышления критерии достоверности смещаются от объективно-фактологических к субъективно-идентитарным.

Традиционная журналистика и классическое образование сформировали модель верификации, которую можно назвать понятийной. Эта модель включает следующие элементы:

1. Рациональная проверка.
2. Критическое мышление.
3. Институциональное доверие.
4. Контекстуализация.

Эта модель предполагает относительно медленную, последовательную обработку информации, достаточное время для размышления и доминирование вербально-логических структур над визуально-образными. Она сформировалась в индустриальную эпоху и соответствовала ее темпоральным характеристикам.

Исследование Эли Готлиба и теоретическая рамка социального ускорения позволяют описать контуры новой модели, которую мы называем визуальной верификацией. Важно подчеркнуть: визуальная верификация – это не просто «ошибочный» способ оценки, но функциональная адаптация к условиям информационной перегрузки. В ситуации, когда объем информации превышает

возможности ее рациональной обработки, психика вынуждена опираться на эвристики – быстрые, автоматические механизмы принятия решений.

Обобщая теоретические и эмпирические данные, можно выделить основные эвристики, которыми пользуется аудитория с клиповым мышлением при оценке достоверности:

Эмоциональная эвристика: «Если видео вызывает сильные эмоции – оно правдиво». Эта эвристика делает аудиторию уязвимой перед дипфейками, которые специально конструируются для максимального эмоционального воздействия. Как отмечают эксперты Thai PBS, технологии 2026 года позволяют генерировать видео, передающие не только изображение, но и «эмоцию» [4], что делает эмоциональную эвристику особенно опасной.

Идентитарная эвристика: «Если видео поддерживает „наших“ – оно правдиво». Эта эвристика создает эффект эхо-камер и подтверждения предубеждений. Данные Готлиба показывают, что культурная близость к источнику или героям видео значимо влияет на оценку достоверности [7].

Визуальная эвристика: «Если я вижу – значит, это существует». Эта эвристика, работавшая на протяжении всей человеческой истории, в эпоху гиперреалистичной генерации становится источником систематических ошибок. Кризис доверия к видеоизображению — один из ключевых вызовов современной журналистики.

Социальная эвристика: «Если много лайков – значит, правда». Эта эвристика делает аудиторию уязвимой перед накруткой метрик, ботами и скоординированными кампаниями по манипуляции общественным мнением.

Как показывают исследования Готлиба, даже при предъявлении противоречивой информации люди склонны к поверхностной проверке, если она подтверждает их изначальные установки [3]. В условиях клипового мышления эта тенденция усиливается: времени на глубокую проверку нет, а визуальная убедительность дипфейков делает их неотличимыми от реальности.

В ответ на описанные вызовы мы предлагаем концепцию «двойной оптики» верификации для журналистов и медиапедагогов. Эта концепция предполагает одновременное удержание двух фокусов:

Первый фокус – традиционный, направленный на проверку фактической достоверности: авторство, источник, соответствие известным фактам, технический анализ изображения на предмет следов генерации. Этот фокус сохраняет свое значение, но требует усиления технической компетентности журналистов в области выявления дипфейков. Второй фокус – направленный на анализ эмоционально-идентитарного измерения: почему это видео может показаться достоверным? Какие эмоции оно вызывает? Каким культурным ожиданиям соответствует? Кто является целевой аудиторией этого контента и почему он для неё убедителен? Этот фокус позволяет не только выявлять подделки, но и понимать механизмы их убедительности.

«Двойная оптика» требует от журналиста не только традиционных профессиональных компетенций, но и понимания когнитивных механизмов аудитории с клиповым мышлением, способности анализировать эмоционально-идентитарную размерность контента.

Эли Готлиб в своем исследовании подчеркивает важность «более глубокого и тщательного поиска», который демонстрировали смешанные пары участников [3]. В условиях клипового мышления ключевым навыком становится не столько способность отличить правду от лжи (что технически становится все сложнее), сколько способность задержать реакцию, сделать паузу между эмоциональным впечатлением и решением о доверии или репосте.

Эту паузу — «паузу на 5 секунд» – можно рассматривать как базовый навык медиаграмотности в эпоху гиперреалистичного хаоса. Обучение такой паузе, встроенное

в журналистские образовательные программы и медиапросветительские кампании, может стать важным элементом противодействия манипуляциям.

Еще одним направлением адаптации может стать трансформация самих журналистских форматов с учетом особенностей визуальной верификации. Если аудитория с клиповым мышлением склонна доверять визуальному ряду и эмоциональному резонансу, журналистика должна научиться использовать эти каналы для трансляции достоверной информации.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что под влиянием клипового мышления, являющегося когнитивным коррелятом социального ускорения, происходит фундаментальная трансформация критериев оценки достоверности информации. От рационально-понятийной модели верификации, предполагающей проверку фактов и опору на институциональные источники, аудитория смещается к эмоционально-визуальной модели, где ключевыми факторами становятся эмоциональный резонанс, соответствие культурной идентичности и визуальное правдоподобие.

Для историков, политологов и журналистов описанный сдвиг означает необходимость выработки новой оптики – «двойного взгляда», удерживающего в фокусе как традиционные методы проверки, так и анализ механизмов эмоциональной убедительности. Ключевым навыком для аудитории становится способность к паузе – задержке автоматической реакции на эмоционально заряженный визуальный контент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудашкина В. И. Культурное потребление в эпоху клипового мышления: трансформация моделей поведения аудитории / В. И. Кудашкина // Научная палитра. – 2025. – № 2 (48). – URL: [https://s.esrae.ru/culture/pdf/2025/2\(48\)/1493.pdf](https://s.esrae.ru/culture/pdf/2025/2(48)/1493.pdf)
2. Труханов А. О. Эволюция рекламной коммуникации в условиях цифровой среды: адаптация к клиповому мышлению / А. О. Труханов, Н. И. Мутугулина // Медиаисследования. – 2026. – № 1 (15). – С. 45–58.
3. George Washington University. GW Researcher Asks How People Assess Credibility of Social Media Clips // Public Technologies. – 2026. – 2 February. – URL: <https://www.publicnow.com/view/> (дата обращения: 18.02.2026).
4. Thai PBS Verify. 2026 Trend Forecast: Hyper-Realistic Chaos and Verification Strategies. – Bangkok : Thai Public Broadcasting Service, 2026.
5. Rosa, H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity / H. Rosa. – New York : Columbia University Press, 2013. – 470 p.
6. Virilio, P. Speed and Politics: An Essay on Dromology / P. Virilio. – New York : Semiotext(e), 1986.
7. Gottlieb E. G.W. Researcher Asks How People Assess Credibility of Social Media Clips / E. Gottlieb // GW Today. – George Washington University, 2026. – 2 February. – URL: <https://www.gwtoday.gwu.edu/> (дата обращения: 18.02.2026).

FROM CONCEPTUAL TO VISUAL: TRANSFORMATION OF INFORMATION

RELIABILITY CRITERIA IN JOURNALISM UNDER CONDITIONS OF CLIP-BASED THINKING

Annotation. This article explores the fundamental transformation of the criteria for assessing the credibility of information, influenced by clip-based thinking. Drawing on H. Rosa's theory of social acceleration and empirical data from a study conducted by George Washington University (2026), the author argues that there is a shift from a rational-conceptual model of verification to an emotional-visual one. It has been found that in this new paradigm, key factors in assessing credibility become emotional resonance, alignment with cultural identity, and visual plausibility, while traditional criteria—source verification, logical consistency, and institutional trust—lose their dominant significance. The concept of "dual optics" in verification is proposed as a strategy for journalism to adapt to these new cognitive conditions.

Keywords: clip-based thinking, information credibility, journalism, deepfakes, media literacy.

Ovchinnikova V. A.

Scientific adviser: Razumnyi V. V. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: vladislava.ovchinnikova.24@mail.ru

УДК 327(410)-049.5

КОМПЛЕКСНЫЙ ОБЗОР 2021 КАК ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА «ГЛОБАЛЬНОЙ БРИТАНИИ»

Очеретяный К.И.

*Научный руководитель: Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В работе рассматривается «Комплексный обзор 2021» как программный документ стратегического планирования Великобритании, закрепивший изменение внешнеполитического и оборонного курса страны после выхода из Европейского Союза. Показано, как в документе была оформлена концепция «Global Britain» и объединены направления безопасности, обороны, развития и дипломатии в единую стратегическую рамку. Анализируются институциональные механизмы реализации обзора, распределение полномочий между ключевыми ведомствами и бюджетные ограничения, повлиявшие на практическое выполнение стратегии. Рассматриваются оборонные, технологические и географические приоритеты документа и их значение для перестройки международной роли государства в постбрекзитный период.

Ключевые слова: Global Britain, Комплексный обзор, безопасность, Индо-Тихоокеанский регион

«Integrated Review 2021» (далее «Комплексный обзор») представляет собой один из ключевых программных документов стратегического планирования Великобритании, разработанных в условиях трансформации внешнеполитического курса страны после выхода из Европейского союза. Документ под официальным названием *Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy* [4] был опубликован правительством Великобритании в марте 2021 года и стал первой комплексной попыткой зафиксировать новую геостратегическую идентичность государства в постбрекзитный период. Комплексный обзор 2021 объединил вопросы безопасности, обороны, развития и внешней политики в единую концептуальную рамку, что отражало стремление Лондона сформировать целостный подход к реализации проекта «Глобальная Британия» в условиях усиливающейся международной конкуренции.

Целью данной работы определено рассмотрение Комплексного обзора 2021 как программного документа, зафиксировавшего переход Великобритании к самостоятельному геостратегическому позиционированию в условиях утраты институциональных рамок Европейского союза.

В отличие от секторальных стратегий и доктрин, принимавшихся Великобританией до 2016 года, включая оборонные и внешнеполитические обзоры, Комплексный обзор 2021 был направлен не на корректировку отдельных направлений политики, а на формирование единой стратегической логики действий государства на международной арене. Ранее стратегическое планирование Лондона строилось вокруг участия в наднациональных механизмах ЕС и распределения ответственности внутри евроатлантического сообщества, что снижало необходимость самостоятельного определения глобальных приоритетов.

В этом отношении Комплексный обзор 2021 отличается и от документов переходного периода 2019–2020 годов, которые носили преимущественно адаптационный характер и были сосредоточены на управлении последствиями Брексита. Ключевые направления преобразования внешней политики Великобритании были зафиксированы в разделе, определяющем базовые принципы её дальнейшего курса. В соответствии с ними:

Положение I предусматривало переход от защиты международного порядка периода после холодной войны к его активному формированию, включая продвижение

демократических ценностей и влияние на нормы и стандарты в сферах технологий, цифровой экономики, киберпространства и космоса.

Положение II закрепляло сохранение вовлечённости Великобритании в безопасность и экономику Европы при одновременном проведении самостоятельного внешнеполитического и экономического курса вне институциональных рамок ЕС.

Положение III устанавливало лидерство Великобритании в сфере климатической политики, включая достижение углеродной нейтральности к 2050 году и выделение £11,6 млрд международного климатического финансирования, из которых £3 млрд направлялись на защиту биоразнообразия.

Положение IV фиксировало приоритетное развитие науки и технологий как инструмента стратегического преимущества, включая формирование подхода «own-collaborate-access» или «собственные разработки – сотрудничество – доступ к технологиям» в таких сферах, как искусственный интеллект, квантовые технологии и инженерная биология.

Положение V предусматривало формирование комплексной киберстратегии, развитие наступательных возможностей в киберпространстве и использование инструментов Национальных Кибервойск для сдерживания противников.

Положение VI закрепляло принятие интегрированной космической стратегии, создание Космического командования и развитие национальных возможностей запуска спутников с территории Великобритании.

Положение VII определяло углубление взаимодействия с Индо-Тихоокеанским регионом через развитие дипломатических и торговых связей, сотрудничество с АСЕАН и намерение присоединиться к ВПТТП.

Положение VIII формулировало подход к Китаю как к системному вызову, предусматривая одновременное развитие торгово-инвестиционных отношений и усиление механизмов защиты национальной безопасности и технологического суверенитета.

Положение IX устанавливало укрепление глобальной системы здравоохранения, увеличение финансирования ВОЗ до £340 млн в течение четырёх лет и реформирование международных механизмов реагирования на пандемии.

Положение X предусматривало формирование вооружённых сил, способных к ведению боевых действий полного спектра и постоянному глобальному присутствию, включая развитие высокотехнологичных систем вооружения.

Положение XI закрепляло усиление противодействия государственным угрозам посредством расширения полномочий служб безопасности и принятия нового законодательства.

Положение XII предусматривало укрепление внутренней и международной устойчивости, создание межведомственного Ситуационного Центра и развитие цифровых инструментов прогнозирования кризисов.

Данные положения Комплексного обзора 2021 зафиксировали комплексную трансформацию внешнеполитического и оборонного курса Великобритании, охватывающую институциональные, военные, технологические и экономические направления в рамках проекта «Глобальная Британия» [4, р. 21-22].

Реализация документа была возложена на существующую институциональную архитектуру исполнительной власти Великобритании без создания отдельного органа, ответственного за выполнение документа. Ключевую координирующую роль в процессе реализации стратегии играл Кабинет министров, действующий через Совет национальной безопасности (National Security Council), который обеспечивал согласование решений в сфере безопасности, обороны и внешней политики на уровне высшего политического руководства. Совет национальной безопасности рассматривал вопросы, связанные с приоритетами, зафиксированными в Комплексном обзоре, в

рамках регулярных заседаний, однако не обладал собственными исполнительными функциями, что ограничивало его роль преимущественно стратегическим надзором.

Основная ответственность за практическую реализацию положений обзора была распределена между Министерством иностранных дел, по делам Содружества и развития (Foreign, Commonwealth and Development Office), Министерством обороны и Казначейством. МИД Британии выступало центральным ведомством в части дипломатического сопровождения стратегии и координации внешнеполитических инициатив, включая реализацию географических приоритетов и взаимодействие с международными партнёрами. Министерство обороны отвечало за выполнение положений, связанных с модернизацией вооружённых сил, военным планированием и глобальным развертыванием. Казначейство сохраняло контроль над бюджетным обеспечением стратегии, фактически определяя пределы её практической реализации через распределение финансовых ресурсов.

Институциональной особенностью реализации Комплексного обзора стало отсутствие формализованного механизма межведомственной подотчётности и единых показателей оценки выполнения стратегии. Документ не предусматривал обязательных отчётов о ходе реализации и не устанавливал чётких временных индикаторов достижения поставленных целей. В результате его выполнение осуществлялось через уже существующие ведомственные программы и бюджеты, что привело к фрагментации реализации и зависимости стратегических приоритетов от текущих политических и финансовых решений правительства.

Практическая реализация обзора в сфере безопасности и обороны в период 2021–2023 годов была сосредоточена на перераспределении ресурсов, модернизации военного потенциала и адаптации вооружённых сил к новым формам конфликтов. В ноябре 2020 года, до публикации обзора, правительство Великобритании объявило о крупнейшем со времён холодной войны увеличении оборонных расходов, предусматривавшем дополнительные 24,1 млрд фунтов на период 2021–2025 годов [8]. Эти средства были направлены на технологическую модернизацию, развитие высокоточных вооружений и укрепление потенциала сдерживания.

Ключевым элементом оборонного блока обзора стало пересмотренное понимание ядерного сдерживания. Документ официально отказался от ранее установленного лимита в 180 ядерных боезарядов и закрепил возможность увеличения их максимального количества до 260 единиц. Данное решение стало первым расширением ядерного арсенала Великобритании с конца холодной войны и отражало изменение оценки угроз международной безопасности. Одновременно был сохранён принцип минимального сдерживания и подтверждена приверженность морскому компоненту ядерных сил на базе подводных лодок класса *Vanguard* с последующей заменой на класс *Dreadnought*.

Значительное внимание в реализации документа было уделено новым операционным доменам. В 2021 году были ускорены программы по развитию киберкомандования и космического компонента вооружённых сил, включая создание ранее упомянутого Космического командования, формально учреждённого в апреле 2021 года. В документе киберпространство и космос были зафиксированы как полноценные сферы военного противоборства, что нашло отражение в перераспределении бюджетных ассигнований и кадровых ресурсов.

Практическим проявлением обновлённого подхода к использованию военной силы стало развертывание авианосной ударной группы Carrier Strike Group 21 в 2021 году. Впервые за несколько десятилетий Великобритания осуществила масштабное глобальное морское развертывание с участием авианосца HMS *Queen Elizabeth*, сопровождавшегося кораблями союзников. Операция имела демонстративный характер и рассматривалась как подтверждение способности Великобритании к проецированию военной силы за пределами европейского театра. Стратегические пакеты поддержки

науки и технологий в период 2022–2025 включали рекордные £39,8 млрд, увеличенные на £3,5 млрд в 2023 году с расчётом на усиление технологического потенциала государства [9, р. 4]. В совокупности меры, реализованные в 2021–2023 годах, свидетельствовали о смещении оборонного планирования Великобритании в сторону технологически ориентированной модели.

Географические и экономические приоритеты проекта «Глобальная Британия» в документе были выстроены вокруг расширения внешнеполитического пространства Великобритании за пределы Европы и активного использования торгово-экономических инструментов. Центральным элементом стала ориентация на Индо-Тихоокеанский регион, зафиксированная в документе как стратегический «tilt» или «поворот» [7, р. 169]. В практическом плане этот курс выразился в подаче Великобританией заявки на присоединение к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТП) в 2021 году, а также в активизации дипломатических контактов с Японией, Австралией и странами АСЕАН [2, с. 27].

Одновременно документ подтвердил ключевое значение отношений с Соединёнными Штатами, которые рассматривались как основной внешнеполитический и экономический партнёр Великобритании [6, р. 9]. Торговая политика была закреплена в документе как инструмент укрепления международных позиций государства, что отразилось в заключении и обновлении двусторонних торговых соглашений после выхода из Европейского союза.

В документе Китай был определён как «systemic competitor» или «системный конкурент», оказывающий возрастающее влияние на глобальные экономические, технологические и политические процессы. Документ предусматривал развитие торгово-инвестиционных связей с КНР при одновременном усилении механизмов защиты национальной безопасности, включая контроль стратегических инвестиций, чувствительных технологий и критической инфраструктуры. Россия была охарактеризована как «most acute direct threat» или «наиболее острая и прямая угроза» безопасности Великобритании, что обосновывало необходимость политики сдерживания, усиления оборонных возможностей и применения ограничительных мер в ответ на дестабилизирующую деятельность Москвы, что предопределяло ограниченный характер экономического и политического взаимодействия ещё до событий 2022 года [1, с. 50].

В совокупности географические и экономические приоритеты, зафиксированные в документе, отражали попытку Великобритании выстроить более диверсифицированную модель внешнеполитических и торговых связей, не привязанную исключительно к европейскому направлению, и обеспечить гибкость внешнеэкономической политики в условиях постбрекзитной реальности.

Реализация Комплексного обзора 2021 в период 2021–2023 годов столкнулась с рядом структурных ограничений, существенно скорректировавших практическое наполнение стратегии. Ключевым внутренним ограничением стало сокращение официальной помощи развитию: в 2021 году правительство Великобритании снизило объём ODA (официальная помощь развитию или ОПР) с закреплённого ранее уровня 0,7% валового национального дохода до 0,5%, что означало сокращение расходов приблизительно на £4–5 млрд в год. Данное решение было оформлено как временная мера в условиях постпандемийного бюджетного дефицита, однако фактически привело к пересмотру приоритетов внешней политики в пользу оборонного и санкционного инструментария. В 2021–2022 годах были сокращены программы гуманитарной помощи в Йемене и Сирии, уменьшено финансирование проектов в странах Африки к югу от Сахары и приостановлена часть инициатив в сфере образования и гендерного равенства. Результатом этого стало то, что ресурсная база «мягкой силы», зафиксированной в

Комплексном обзоре 2021 как элемент интегрированного подхода, была существенно ограничена уже на начальном этапе реализации стратегии.

Существенное влияние на реализацию документа оказали международные события 2022 года, которые привели к смещению фактических приоритетов британской внешней политики в сторону евроатлантического пространства и коллективной безопасности. В течение 2022 года Великобритания заняла первое место в Европе по объёму военной помощи Украине и одно из ведущих мест в мире по совокупному объёму поддержки, более £2,3 млрд составила военная помощь [3]. Было развернуто масштабное обучение украинских военнослужащих на территории Великобритании (программа Interflex — до 10 тыс. подготовленных в 2022 году). Одновременно было увеличено британское военное присутствие на восточном фланге НАТО, в том числе в Эстонии, а также расширено участие в силах повышенной готовности альянса. В этих условиях практическое внимание к ряду направлений, зафиксированных в документе, прежде всего к Индо-Тихоокеанскому региону, объективно сократилось, а ресурсная и политическая концентрация сместилась в сторону европейской безопасности.

В итоге, уже в марте 2023 года правительство Великобритании опубликовало документ *Integrated Review Refresh 2023* или *Обновленный Комплексный обзор*, который стал официальной корректировкой стратегии 2021 года с учётом изменений международной обстановки. Обновление было обусловлено прежде всего событиями 2022 года и необходимостью уточнения оценки угроз и приоритетов безопасности. В документе было подтверждено сохранение базовой стратегической логики Комплексного обзора 2021, однако акцент был смещён в сторону укрепления евроатлантической безопасности и сдерживания России. Фактическая реализация данного курса показала, что попытка расширения глобального позиционирования Великобритании за пределы европейского пространства привела к усилению её практической вовлечённости в европейскую архитектуру безопасности, прежде всего, через НАТО и механизмы поддержки Украины.

Обновленный обзор 2023 усилил формулировки в отношении Китая, обозначив его не только как системного конкурента, но и как «epoch-defining challenge» [5, p. 3, 12] или «вызов, что определяет эпоху» для международного порядка. Одновременно было подтверждено намерение завершить процесс присоединения к ВПТТП, что и произошло 16 июля 2023 года и продолжить развитие партнёрств в Индо-Тихоокеанском регионе, однако без прежнего риторического акцента на «tilt». Документ также зафиксировал необходимость ускоренного развития оборонной промышленности и укрепления технологического суверенитета в условиях нарастающей стратегической конкуренции.

Таким образом, в период 2021–2023 годов реализация Комплексного обзора 2021 показала, что Великобритания столкнулась с ограничениями, накладываемыми бюджетными рамками, структурой институциональной власти и непредсказуемой международной обстановкой. Попытка сочетания глобального расширения влияния с сохранением традиционной вовлечённости в евроатлантическую архитектуру безопасности выявила противоречие между стратегическими амбициями и практическими возможностями государства. Обновление документа в 2023 году стало инструментом адаптации стратегии к новым вызовам, прежде всего, в связи с изменением характера европейской безопасности и усилению конкуренции с Китаем, и продемонстрировало, что британская внешняя политика остаётся гибкой, но всё ещё ориентированной на традиционные альянсы и региональные обязательства. В совокупности опыт реализации Комплексного обзора 2021 отражает ключевую тенденцию постбрекзитной Великобритании: стремление институционализировать проект «Глобальная Британия» через интеграцию внешнеполитических, оборонных и экономических инструментов, при этом вынужденную корректировку приоритетов определяют внутренние ресурсы и динамика международных угроз. Такая модель

подчеркивает, что стратегическая автономия страны реализуется не как универсальная глобальная программа, а через комбинацию проактивных инициатив и адаптивного реагирования на события в евроатлантическом и Индо-Тихоокеанском регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Епифанова Т.В., Воробьев С.В. Великобритания – «Глобальная Британия»: эволюция политики в отношении России (2010-2021 гг.) // Обозреватель. – 2022. – № 1(384) – С. 44-53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikobritaniya-globalnaya-britaniya-evolyutsiya-politiki-v-otnoshenii-rossii-2010-2021-gg>
2. Хахалкина Е.В. «Глобальная Британия»: от идеи к воплощению // Современная Европа. - 2021. – №1. – С. 21-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-britaniya-ot-idei-k-voploscheniyu/viewer>
3. Шотландия и Уэльс выделили 100 млн фунтов на военную помощь Украине – Джонсон // Focus.ua. – 2022. – URL: <https://focus.ua/voennye-novosti/521137-shotlandiya-i-uels-vydেলিলি-100-mln-funtov-na-voennuyu-pomoshch-ukraine-dzhonson>
4. Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // GOV.UK. – 2021. – 114 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf
5. Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review Refresh 2023 – Responding to a More Contested and Volatile World // GOV.UK. – 2023. – 63 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/641d72f45155a2000c6ad5d5/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf
6. Gesine Weber. Global Britain and European defence: the future is flexible // Kings College London – 2021. – 92 p. URL: <https://www.kcl.ac.uk/global-britain-and-european-defence-the-future-is-flexible>
7. Hew Strachan. Global Britain in a competitive age: strategy and the Integrated Review // The British Academy. – 2021. – P. 161-177. URL: <https://www.thebritishacademy.ac.uk/documents/3346/JBA-9-p161-Strachan.pdf>
8. PM statement to the House on the Integrated Review // GOV.UK. – 2020. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-to-the-house-on-the-integrated-review-19-november-2020>
9. Przemyslaw Bishop, Britain's Global Strategy: Multiple Priorities vs. Limited Resources // THE POLISH INSTITUTE OF INTERNATIONAL AFFAIRS. – 2024. – 13p. URL: <https://www.pism.pl/publications/britains-global-strategy-multiple-priorities-vs-limited-resources>

INTEGRATED REVIEW 2021 AS A PROGRAMMATIC DOCUMENT FOR THE FORMATION OF THE GEOSTRATEGIC PROJECT OF “GLOBAL BRITAIN”

Annotation. The paper examines the *Integrated Review 2021* as a strategic planning document of the United Kingdom, which formalised the shift in the country’s foreign and defence policy following its departure from the European Union. It shows how the concept of *Global Britain* was articulated in the document and how the areas of security, defence, development, and diplomacy were integrated into a unified strategic framework. The institutional mechanisms for implementing the review, the distribution of responsibilities among key government departments, and budgetary constraints affecting the practical execution of the strategy are analysed. The defence, technological, and geographic priorities of the document and their significance for the restructuring of the UK’s international role in the post-Brexit period are also considered.

Keywords: Global Britain, Integrated Review, security, Indo-Pacific region

Ocheretyanyy K.I.

Scientific adviser: Kuznetsova E.V. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: yung_guess@vk.com

УДК 327.51(438-11)

ОТ ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ К ЕС: СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЬШИ КАК ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО АКТОРА

Павина Е. А.

*Научный руководитель: Козловский А. Ю., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором рассмотрен процесс становления Польши в качестве влиятельного регионального актора в Восточной Европе – в свете участия Польши в деятельности Вышеградской группы (V4) и её последующего вступления в НАТО и ЕС. Автором рассмотрены ключевые этапы реформ, экономический рост, лидерство в «восточной политике ЕС» и «усиление безопасности на восточном фланге НАТО». Особое внимание уделено достижениям Польши в рамках председательства в Совете ЕС в 2025 г.

Ключевые слова: Вышеградская группа, ЕС, Польша, региональный актор, «восточная политика ЕС», НАТО.

В конце 1980-х гг., когда волна преобразований захлестнула страны Центральной и Восточной Европы, Польша, наряду с другими странами региона, столкнулась с необходимостью радикальной трансформации своей политической и социально-экономической системы. Падение коммунистических режимов, символизированное распадом Советского Союза в 1991 г., открыло путь этим государствам в западные военно-политические и экономико-интеграционные сообщества.

В этом контексте первоначальную роль сыграла Вышеградская группа (V4), основанная 15 февраля 1991 г. в венгерском городе Вышеград. Это объединение изначально включало в себя Чехословакию, Венгрию и Польшу, а после разделения Чехословакии в 1993 г. – Чехию, Словакию, Венгрию и Польшу. Инициатива возникла в ходе встречи президента Чехословакии Вацлава Гавела, президента Польши Леха Валенсы и премьер-министра Венгрии Йожефа Анталла. Эти государственные лидеры договорились о сотрудничестве для преодоления охватившего их страны социально-экономического кризиса и переориентации внешнеполитического курса на Запад [1, с. 173]. Название данной группы стран отсылает к историческому конгрессу 1335 г. в Вышеграде, на котором короли Чехии, Венгрии и Польши обсуждали торговые и политические вопросы. Это подчеркивает преемственность их регионального сотрудничества в Центральной Европе. Вышеградская группа изначально позиционировалась «как платформа для координации усилий по демократизации, экономическим реформам и интеграции в евроатлантические институты» [7].

В первые годы своего существования, с 1991 по 1993 гг., V4 играла важную роль в переговорах с НАТО и ЕС, выступая единым фронтом для представления интересов стран Центральной Европы. Это было обусловлено географической близостью, общим историческим опытом XX в. и схожими вызовами переходного периода: приватизация, построение политических институтов по западным образцам.

Польша, будучи в данной группе самой крупной страной по численности населения и экономическому потенциалу, сразу же заняла лидирующую позицию. Её опыт «круглого стола» 1989 г., когда оппозиция и коммунистическое правительство договорились о «мирном транзите власти», стал моделью для других стран региона. Также Польша активно продвигала идею регионального сотрудничества, видя в нём инструмент для усиления своего влияния в Европе. В период с 1993 по 1998 гг. деятельность Вышеградской группы несколько приостановилась, поскольку все её страны сосредоточились на индивидуальных усилиях по вступлению в НАТО и ЕС. Все

страны-члены V4 стремились к полноправному членству в западных структурах, усматривая в этом «гарантии безопасности и экономического процветания» [3, с. 70].

Для Польши этот этап был отмечен интенсивными реформами. Под руководством правительства Ежи Бузека в 1997–2001 гг. Польша провела административную реформу, разделив страну на 16 воеводств, что способствовало децентрализации власти и приближению к европейским стандартам управления. Экономические преобразования, в рамках «шоковой терапии Бальцеровича», инициированные ещё в 1990 г., включали в себя либерализацию цен, приватизацию государственных предприятий и привлечение иностранных инвестиций. Уже в середине 1990-х гг. это привело к росту ВВП на 6–7 % ежегодно. Участие в V4 способствовало этим процессам посредством обмена опытом: совместные семинары по правовым реформам, координация позиций на международных форумах и подписание в 1992 г. Центральноевропейского соглашения о свободной торговле (СЕФТА). Оно стимулировало региональную торговлю и подготовило почву для интеграции в ЕС. В 1998 г. сотрудничество в рамках V4 возобновилось с новой силой, особенно после того, как в 1997 г. Чехия, Венгрия и Польша получили приглашение в НАТО. Польша вступила в Североатлантический альянс 12 марта 1999 г. Это событие укрепило роль Польши как регионального лидера: Варшава начала активно участвовать в натовских операциях, включая миротворческие миссии в Боснии и Косово, демонстрируя свою приверженность «коллективной обороне». В то же время V4 сосредоточилась и на подготовке ко вступлению в ЕС [6].

Переговоры о присоединении начались в 1998 г., и Польша, как и другие члены группы, столкнулась с необходимостью адаптировать своё законодательство к «acquis communautaire» – своду европейских норм, насчитывающему около 80 тысяч страниц. Это включало в себя реформы в сфере сельского хозяйства, поскольку Польша, обладая развитым аграрным сектором, добилась переходного периода для получения европейских субсидий. В национальной экологической политике были введены строгие европейские стандарты по охране окружающей среды. В сфере юстиции усилилась борьба с коррупцией.

Вышеградская группа координировала свои позиции на международных переговорах, что позволило избежать конкуренции между странами и усилить их «коллективный вес» в диалоге с Брюсселем. Кульминацией этих усилий стал Афинский договор о присоединении, подписанный 16 апреля 2003 г. в Афинах. Он открыл Польше путь к полноправному членству в ЕС с 1 мая 2004 г. Для Польши это было историческим моментом: страна, пережившая разделы в XVIII в., нацистскую оккупацию в годы Второй мировой войны, вернулась в «европейскую семью».

Членство в ЕС принесло Польше определенные выгоды: доступ на европейский рынок, куда Польша стала экспортировать товары на сумму свыше 100 млрд. евро ежегодно; приток структурных фондов в инфраструктуру, образование и региональное развитие, которые в 2004–2006 гг. составили около 12 млрд. евро; свобода передвижения, позволившая миллионам поляков работать в Западной Европе, что снизило безработицу с 20 % в 2003 г. до 10 % к 2008 г. [2, с. 54]. В рамках V4 Польша продолжила играть ведущую роль, особенно во время своего председательства в группе в 2004–2005 гг., когда акцент был сделан на интеграцию в ЕС.

После вступления в ЕС Польша эволюционировала от «новичка» к влиятельному региональному актору в Восточной Европе. Её экономический рост – один из самых высоких в ЕС, с ВВП на душу населения, выросшим с 50 % от среднего уровня по ЕС в 2004 г. до 80 % к 2020 г. Польша стала ключевым бенефициаром так называемых «фондов сплочения», инвестировав их в строительство дорог, аэропортов и цифровую инфраструктуру, что сделало её хабом для логистики в данном регионе. В политической же сфере Польша взяла на себя обязательства по продвижению «восточной политики ЕС». В 2009 г., совместно со Швецией, она инициировала «Восточное партнёрство» (EaP)

– программу для Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины, направленную на «ассоциацию с ЕС».

Это отражало стратегический интерес Польши в «стабилизации Востока» под её влиянием. Так, будучи региональным актором, Польша активно участвовала в формировании откровенно враждебной политики ЕС и НАТО по отношению к России, особенно после антигосударственного переворота на Украине, событий в Крыму в 2014 г. и начала украинской агрессии против Донбасса. Варшава выступила за введение антироссийских санкций и усиление военного присутствия НАТО на «восточном фланге». Это привело к размещению многонациональных батальонов в Польше в 2017 г. В рамках «Инициативы трёх морей» (3SI), запущенной в 2016 г. Польшей и Хорватией, объединяющей 12 стран от Балтийского до Чёрного и Адриатического морей, Польша продвигает инфраструктурные проекты в энергетике, транспорте и цифровизации, чтобы снизить энергетическую зависимость от России. К 2026 г. 3SI уже реализовала проекты вроде LNG-терминала в г. Свиноуйсьце, который обеспечивает альтернативные поставки газа для региона [4].

Вместе с тем становление Польши как регионального актора не обошлось без вызовов. Внутренняя политика, особенно в период правления партии «Право и справедливость» (PiS) с 2015 по 2023 гг., привела к конфликтам Польши с ЕС по вопросам верховенства права, судебных реформ и деструктивных «гендерных» инноваций. Это временно ослабило влияние Варшавы в Брюсселе. Однако смена правительства в 2023 г. вернула Польшу к диалогу с ЕС, особенно в контексте войны на Украине. Польша стала основным хабом для поставки оружия преступному киевскому режиму: к 2026 г. она поставила военную помощь на сумму свыше 4 млрд. евро, координируя также логистику поставок оружия. Это усилило её роль в «Бухарестской девятке» (B9) – формате сотрудничества восточноевропейских стран-членов НАТО, и в «Люблинском треугольнике» – с Литвой и Украиной.

В экономическом плане Польша закрепила статус одного из наиболее динамично растущих государств в своём регионе, демонстрируя устойчивое развитие и являясь крупной европейской экономикой с преобладающей долей экспорта, ориентированного на рынки ЕС. Стабильно высокие инвестиции в оборонный сектор, существенно превышающие «союзнические нормативы» в рамках НАТО, позволили провести масштабную модернизацию вооружённых сил. Это способствовало укреплению оборонного потенциала Польши с акцентом на перевооружение и развитие такого современного направления, как кибербезопасность.

В период своего председательства в Совете ЕС в 2025 г. Польша сфокусировала политику ЕС на перспективах расширения ЕС на Восток и Юго-Восток Европы, выступая за активизацию переговоров со странами-кандидатами.

В январе 2026 г. экономика Польши продемонстрировала дальнейший устойчивый рост. Так, в 2025 г. её ВВП вырос на 3,6 % и ожидается его дальнейший рост на уровне 3,5–3,7 %. Это позволило стране войти в число двадцати крупнейших экономик мира по номинальному объёму ВВП, который в 2025 г. превысил 1 трлн. долл. Военные же расходы достигли в 2025 – в начале 2026 гг. рекордных 4,7–4,8 % ВВП. Это делает Польшу лидером НАТО по этому показателю и обеспечивает достаточно масштабную модернизацию её вооружённых сил, включая закупки передовой техники и развитие оборонной промышленности.

Председательство Польши в Совете ЕС в первой половине 2025 г. под лозунгом «Security, Europe!» принесло политически ангажированные результаты, вовсе не содействующие «разрядке» обстановки в Восточной Европе. Так, была принята программа «SAFE», чей бюджет предусматривает 150 млрд. евро, целевым назначением которых станет инвестирование в «совместную оборону». Также были продлены и

ужесточены санкции против России (включая 16-й и 17-й пакеты), запущена программа «ReArm Europe» и усилена поддержка «Восточного щита» [5].

Поэтому, несмотря на все указанные достижения, политика Польши в рамках Вышеградской группы и ЕС не лишена негативных аспектов, которые затрагивают экономику, общество и внешнюю политику страны.

Во-первых, экономическая интеграция в ЕС усилила зависимость Польши от западных рынков, особенно от Германии, в которой Польша до сих пор воспринимается как периферийный актор, поставляющий дешевую рабочую силу и сырье. Это привело к «парадоксу европеизации»: с одной стороны, приток инвестиций и фондов стимулировал экономический рост, но с другой – способствовал оттоку квалифицированных кадров, разделению семей и феномену «евро-сирот» среди детей мигрантов, а также депопуляции восточных регионов, которые испытывают недостаток инвестиций. Так, к 2026 г. миграция рабочей силы привела к дефициту специалистов в здравоохранении и образовании, усугубив демографический кризис и увеличив неравенство между западными и восточными воеводствами.

Во-вторых, политические реформы, особенно в период правления PiS (2015–2023 гг.), вызвали острые конфликты с ЕС по вопросам верховенства права, независимости судов и свободы СМИ, что привело к заморозке миллиардов евро из «фондов восстановления и сплочения». Эти споры ослабили влияние Польши в ЕС, сделав Польшу «изгоем» в глазах некоторых западных партнеров и подорвав единство V4. Так, например, разногласия между Польшей и Венгрией по отношению к России стали очевидны. Кроме того, скептицизм Польши по отношению к общей внешней и оборонной политике ЕС ограничил возможности для более глубокой интеграции, а критика миграционной политики ЕС усилила внутреннюю поляризацию, способствуя росту национал-популистских настроений и антиевропейской риторики.

В-третьих, социальные последствия включают в себя эрозию демократических институтов: ограничения гражданского сектора, давление на независимые СМИ и т. д. Это привело к международной критике Польши и внутренним протестам в стране. Экологическая политика ЕС, включая Green Deal, воспринимается многими как угроза для угольной промышленности Польши, вызывая рост цен на энергию и социальное недовольство среди шахтеров и фермеров, опасющихся европейской конкуренции.

Таким образом, путь Польши к роли регионального лидера Восточной Европы представляет собой сложное и противоречивое переплетение успехов и поражений. С одной стороны, страна успешно воспользовалась историческим шансом, открывшимся после 1989 г. Стратегическое сотрудничество в рамках Вышеградской группы, мирная внутренняя трансформация и последовательная интеграция в западные сообщества позволили Польше обеспечить себе безопасность и экономический рост. К 2026 г. Польша утвердилась в роли влиятельного политического, экономического и военного «центра» Восточной Европы.

С другой стороны, этот «восходящий тренд» сопровождался значительными внутренними и внешними издержками. Экономическая конвергенция с Западом породила новые зависимости, региональное неравенство и демографические дисбалансы. Политическая поляризация периодически ослабляла позиции страны в ЕС и подрывала единство V4. Социальная модель развития оказалась перед сложным выбором: между необходимостью модернизации согласно европейским социальным стандартам и сохранением традиционного уклада.

Ключевой особенностью польского пути является его динамичный и адаптивный характер. Страна демонстрирует способность корректировать курс: от «безоглядной евроинтеграции» 1990-х гг. к более суверенному и критическому подходу в 2010-е гг. Главный вызов для Польши на современном этапе заключается в том, чтобы совместить роль регионального лидера с осознанием необходимости пересмотреть свои отношения

с Россией и Беларусью. У польской политической элиты есть шанс осознать, что роль «антироссийского тарана» и безопасность Польши – совершенно несовместимы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинин А. О. Исторические и политические проблемы в современном аспекте взаимоотношений России и Польши // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 9-2 (21). С. 172–175.
2. Русакова М. Ю. Польша и новые тенденции в центральноевропейском региональном строительстве // Современная Европа. 2021. № 1 (101). С. 52–61.
3. Сафонова Е. А. Вишеградская группа: этапы становления и развития // Вестник Томского государственного университета. История, 2018. № 53. С. 69–73.
4. Скворцова Д. С. Польша и Европейский союз: путь к интеграции (1989-2004 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). С. 92-97.
5. Военные расходы Польши за четыре года выросли в три раза / Дарья Буймова // РИА Новости, 3 октября 2025. – URL: <https://ria.ru/20251003/polsha-2046077737.html> (дата обращения: 06.02.2026).
6. Poland's cooperation with the Visegrad Group (V4) // Ministry of National Defence. Gov.pl. – URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/polands-cooperation-with-the-visegrad-group-v4> (дата обращения: 06.02.2026).
7. Program of the Polish Presidency in the Visegrad Group // Visegrad Group. – URL: <https://www.visegradgroup.eu/home/documents/presidency-programs/program-of-the-polish> (дата обращения: 06.02.2026).

FROM THE VYSHEGRAD GROUP TO EU MEMBERSHIP: POLAND'S ESTABLISHMENT AS AN EASTERN EUROPEAN REGIONAL ACTOR

Annotation. Within this scientific paper the author considered the process of Poland's becoming as a prominent regional actor in Eastern Europe – through the lens of Poland's participation in the Visegrád Group (V4) activities and its following NATO and EU accession. The author considered the key reform stages, economic growth, leadership in the «EU's Eastern policy» and «strengthening security on NATO's eastern flank». Special attention is paid to Poland's achievements during its EU Council Presidency in 2025.

Keywords: Visegrad Group, Poland, regional actor, Eastern Partnership, NATO.

Pavina E. A.

Scientific adviser: Kozlovsky A. Yu., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: elizavetapavina04@mail.ru

УДК 94(55):623.454.8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

Пикалов Д. Д.

*Научный руководитель: Стаценко Т. В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В этом исследовании рассматриваются этапы формирования и эволюции ядерной программы Ирана, её задачи, сложности, спорные аспекты и её воздействие на мировую политическую сцену. Определяется значимость международных связей и мнения геополитических игроков относительно Исламской Республики Иран в контексте разработки и продвижения ядерной программы. Рассмотрены позиции России касательно прогресса ядерных инициатив Ирана в политической динамике, как на внутренней, так и на внешней аренах.

Ключевые слова: Иран, международная политика, ядерная программа.

Вопрос происхождения и развития ядерной программы Ирана представляет собой актуальную тему в международной политике и безопасности.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами: неурегулированность иранской ядерной проблемы; риски распространения ядерного оружия; необходимость выработки эффективных стратегий сдерживания; недостаточная изученность проблемы; важность для российской внешней политики.

Основная проблематика изучения иранской ядерной программы заключается в её двойном характере: с одной стороны, заявляется о её мирном предназначении для развития энергетических и медицинских технологий, с другой стороны, существует беспокойство по поводу возможных военных аспектов и потенциального создания ядерного оружия. Это привело к развитию дипломатических инструментов и режимов контроля, включая международные соглашения и инспекции, направленные на предотвращение милитаризации ядерных технологий.

Предметом исследования является совокупность теоретических подходов и концепций, используемых для объяснения процесса возникновения и развития иранской ядерной программы.

Объектом исследования является иранская ядерная программа как социально-политический феномен.

Цель исследования заключается в комплексном анализе теоретических основ, лежащих в основе изучения процесса возникновения и развития иранской ядерной программы. Это подразумевает выявление ключевых факторов, мотивов и движущих сил, обусловивших стремление Ирана к освоению ядерных технологий, а также рассмотрение различных теоретических подходов, используемых для объяснения этого феномена.

В разные периоды многие специалисты, такие как А. Хлопков, А. Разниченко, В. Лата, В. Мельников, Ф.М. Иябитов и И. Рогачёв, изучали вопросы, связанные с началом ядерной программы Ирана. В своих трудах они анализировали развитие этой программы и возникшие трудности. Исследователи, включая В.М. Кулагина, М.М. Лебедеву, Н.А. Баранова, В.А. Коровина, В.Н. Фёдорова, В.А. Романова и А. Фоменко, определяли проблему нераспространения ядерного оружия и существование ядерной программы Ирана как угрозу глобальной безопасности. В общем, тема иранской ядерной программы всем хорошо известна и неоднократно обсуждалась среди учёных, однако некоторые исследователи указывают, что в контексте новой архитектуры безопасности многие аспекты данной программы остаются спорными и недостаточно разработанными. Более того, в исследованиях западных

учёных эта проблема приобретает политизированный характер, методы её решения нередко не соответствуют современным условиям и требуют доработки.

В этой статье мы проведем анализ научной литературы в сфере становления и развития иранской ядерной программы, выделим её цели, вызовы, проблемные стороны и влияние на международные отношения.

Исторические Корни ядерной программы ИРИ

Исторические корни ядерной программы Ирана уходят в середину XX века, когда страна начала демонстрировать интерес к использованию атомной энергии в мирных целях. Е.В. Дунаева в своем труде «Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов» отмечает, что Иран является теократическим государством, где религия играет ключевую роль как для правительства, так и для народа. Это государство представляет собой хранителя культурных традиций шиизма и является источником национальной гордости иранского народа. Современный Иран сохраняет культурное и историческое ядро Персидской Империи. Страна обладает богатством и развивается в направлении создания плюралистической экономики для благосостояния своих граждан, что подтверждает её статус Великой Исламской Республики. В своей статье Е.В. Дунаева также дает сравнительный анализ состояния экономики, политической ситуации в Иране и позиции КСИР после заключения в Вене Ядерного соглашения и снятия с Ирана санкций и после выхода из договора США [1, с. 12].

Цели и причины создания иранской ядерной программы, а также основные этапы её развития представляют собой сложный и многогранный процесс, который начинается с 70-х годов XX века. Иранская ядерная программа стала предметом обширного международного обсуждения и мониторинга, вызывая интересы и беспокойности у различных государств и международных организаций.

Ш.М. Майрамбеков в своей статье «Возникновение и развитие ядерной программы Ирана» рассказывает о начале иранской ядерной программы, автор указывает в своем научном труде, что в сотрудничестве с западными странами Иран приступил к реализации первых исследований и проектов в области атомной энергетики, ядерная программа Ирана начала свое существование в 1950-х годах с помощью программы «Атомы для мира», инициированной Соединенными Штатами. Шахский режим стремился модернизировать страну, включая развитие ядерных технологий. В 1967 году Иран открыл свой первый исследовательский реактор, получив топливо из США. Однако политические изменения, произошедшие в Иране в конце 1970-х годов, привели к изменению приоритетов и целей ядерной стратегии страны [2, с. 52].

В тот период иранская ядерная программа получила значительную международную поддержку, включая подписанные контракты с западными компаниями и правительствами на строительство атомных электростанций. В 1970-х планировалось строительство нескольких коммерческих атомных станций при сотрудничестве с западными компаниями, такими как американская Westinghouse и немецкая Kraftwerk Union. Однако Иран также рассматривал ядерные технологии не только с точки зрения энергетики, но и как средство усиления своей геополитической позиции в регионе. Так, В.Н. Сченснович в публикации «Иран в условиях новых санкций США» отмечает, что с этого времени программа приобрела новый вектор развития, вызвавший беспокойность среди международного сообщества [3, с. 123].

В 1974 году была создана Организация по атомной энергии Ирана. В том же 1974 году был принят план развития ядерной энергетики, который предполагал сооружение 23 ядерных реакторов общей мощностью более 20 ГВт, а также создание замкнутого ядерного топливного цикла. Строительство первых энергоблоков в Исламской Республики вели немецкие, американские и французские специалисты. При этом Организация по Атомной Энергии получала государственное финансирование.

Исламская Революция и Пауза в Развитии

В 1979 году, после Исламской революции, ситуация изменилась. Новое руководство страны пересмотрело многие аспекты национальной политики, включая ядерную программу.

После Исламской революции в 1979 году и последующего изменения режима программа была временно заморожена из-за политической нестабильности и изменившейся международной обстановки. Однако в 1980-е годы, на фоне ирано-иракской войны и изоляции от западных стран, Иран начал искать поддержку в развитии своей ядерной программы у СССР и других стран.

Так, Ш.М. Майрамбеков в статье «Возникновение и развитие ядерной программы Ирана» проводит анализ конца 1980-х и по 1990-е годы: иранская ядерная программа вступила в новый этап, сопровождаемый интенсивными научными разработками, которые неоднократно попадали под пристальное внимание мирового сообщества. Несмотря на международные санкции и дипломатические переговоры, Иран не прекращал работы над расширением и модернизацией своей ядерной инфраструктуры, оправдывая свои действия мирными намерениями [2, с. 52].

Во второй половине 1980-х годов Иран основал исследовательский центр на основе китайского реактора в Исфахане.

Новая Эра Развития ядерной программы ИРИ

В 1990-е годы Иран возобновил и расширил свою ядерную программу с целью достижения независимости в ядерных технологиях. С началом 1990-х годов началось сотрудничество Ирана с Россией в области ядерной энергии. В 1992 году было подписано соглашение между Москвой и Тегераном о мирном использовании атомной энергии, в рамках которого было решено построить АЭС на территории Ирана. В 1995 году контракт на достройку первого блока АЭС в Бушере был заключён с Россией, и его запуск произошёл 12 сентября 2011 года. При президентстве Мохаммеда Хатами (1997-2005) Иран стремился улучшить отношения с Западом и соседними странами. В 2003 году Иран подписал Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, однако его ратификация, предусматривающая расширенные полномочия МАГАТЭ и проведение внезапных проверок, затянулась.

Международные Санкции и Дипломатические усилия

Вероятный ядерный потенциал Ирана может представлять собой угрозу обеспечения международной безопасности. Однако он формировался в течение достаточно длительного периода времени и прошел определенные этапы на пути своего становления. Такое повышенное внимание к ядерной программе Ирана привело к введению международных санкций со стороны ООН, ЕС и ряда западных стран в 2000-е и начале 2010-х годов. Эти санкции существенно повлияли на экономику Ирана, что побудило руководство страны сесть за стол переговоров.

Еще один автор-исследователь Н.М. Мамедова в научной статье «Ситуация в Иране в свете новых санкций» описывает дипломатические усилия международного сообщества, направленные на урегулирование ситуации вокруг Ирана. В начале XXI века иранская ядерная программа достигла новых высот, что привело к расширению конфликта с ведущими мировыми державами и международными институтами. Попытки решить противоречия дипломатическим путём сопровождались множеством переговоров и соглашений. Одним из важнейших шагов стало подписание Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 году, между Ираном и шестью мировыми державами, направленный на ограничение ядерной программы Ирана в обмен на снятие санкций. Однако реализация этого соглашения натолкнулась на трудности и неразрешенные противоречия, которые в последние годы вновь обострили ситуацию вокруг ядерной программы [4, с. 159].

Анализируя цели и предпосылки создания иранской ядерной программы, обнаружено, что с увеличением числа государств с ядерным арсеналом возрастает внимание к вопросам распространения ядерных технологий. Именно поэтому за последние годы иранская ядерная программа стала центральной темой мировой дипломатии.

Проблемные аспекты ядерной программы ИРИ

Е.А. Боровка в статье «Ядерная программа Исламской Республики Иран в американской историографии» рассматривает возникновение и развитие ядерной программы Ирана. По мнению Е.А. Боровка развитие ядерной программы в Иране вызывает значительное беспокойство в мировом сообществе, поскольку это может нарушить равновесие сил как в регионе, так и на глобальном уровне. Одной из главных угроз иранской ядерной инициативы является увеличение вероятности возникновения конфликтов с применением ядерного оружия или его неконтролируемое использование. Дополнительные риски включают в себя возможность дальнейшего распространения ядерных вооружений и материалов в нестабильных странах Азии и Африки, а также возможность их попадания в руки террористов. Когда правительство Ирана заявило о своём праве развивать атомную энергетику, это вызвало противодействие западных стран, особенно США, которые являются крупной мировой силой. Вашингтон полагает, что вместо того, чтобы использовать атомную энергию исключительно в мирных целях, Иран стремится разрабатывать ядерное оружие и наращивать свой военный потенциал [5, с. 35].

Так, основной причиной напряженности вокруг этой программы является опасение мирового сообщества, что Иран может использовать ядерные технологии не только для мирных целей, таких как энергетика и медицина, но и для создания ядерного оружия. Эти опасения усиливаются из-за недостаточной прозрачности в действиях Ирана и его отказа от полного сотрудничества с МАГАТЭ.

Проблема с ядерной программой Ирана подчеркнула недостаточную эффективность систем международного регулирования конфликтов. Нельзя игнорировать политическую значимость возможного ядерного вооружения для Ирана, даже если его военное применение тоже важно. Мировые державы многократно предлагали Ирану выгодные условия, такие как помощь в строительстве атомных электростанций, вступление в ВТО и поставки оборудования, в обмен на прекращение его ядерной программы, но договоренности так и не были достигнуты [6, с. 46].

Многие государства опасаются, что ядерный статус Ирана укрепит его позицию и влияние в регионе, что может окончательно подорвать режим нераспространения ядерного оружия. Некоторые эксперты предупреждают, что его обладание ядерным арсеналом может спровоцировать гонку вооружений на Ближнем Востоке, усиливая региональную нестабильность и напряженность. Ядерные амбиции Тегерана также тесно связаны с другими местными конфликтами, такими как война в Сирии, конфликт в Йемене и палестино-израильское противостояние.

В общей сложности, как пишет в своем научном труде Р.Р. Сафарова «(Иранская ядерная программа. Военные и невоенные перспективы урегулирования проблемы») Ближний Восток сохраняет высокий уровень нестабильности, и, хотя ядерная программа Ирана оказывает значительное влияние на безопасность в регионе, она не является единственным фактором. Для достижения долгосрочной стабильности необходимо учитывать совокупность факторов, включая исторические и религиозные противоречия, предотвращение гонки вооружений и поиск компромисса между важнейшими региональными и международными игроками. Без такого комплексного подхода вероятность крупного конфликта останется высокой [6, с. 46].

Сейчас международное сообщество сталкивается с рядом проблем. Во-первых, Иран активно развивает технологии обогащения урана, что вызывает опасения

относительно возможного создания оружейного плутония. Во-вторых, страна ограничивает доступ инспекторов МАГАТЭ к своим объектам, что затрудняет объективную оценку происходящего. В-третьих, геополитическая напряженность в регионе, включая конфликты с Израилем и другими соседними странами, усиливает страхи относительно возможного использования ядерного потенциала в военных целях.

Таким образом, проблемные стороны ядерной программы ИРИ включают в себя как технические, так и политические и геополитические факторы. Их решение требует комплексного подхода, включающего дипломатические усилия, экономические стимулы и международное сотрудничество.

Позиция России на иранскую ядерную программу

В отношении Российской Федерации можно отметить, что она сейчас выступает партнером Ирана. Однако, в российской политической среде взгляды на ядерные амбиции Ирана остаются неоднозначными. Россия не заинтересована в том, чтобы на её южных рубежах возникла ядерная держава. Здесь её позиция перекликается с позицией Соединенных Штатов. В случае нарушения международного режима нераспространения Россия будет поддерживать введение международных санкций. Тем не менее, по мнению многих российских специалистов в области атомной энергетики, Иран еще не достиг технического уровня, необходимого для создания ядерного оружия. Вероятно, Россия продолжит использовать только мирные дипломатические и правовые подходы для решения данной проблемы [7, с. 131].

К.А. Акименко в своем исследовании «Иранская стратегия» России в поиске баланса интересов в мировом сообществе» подчеркивает, что стабильность в регионе важна для России, так как она оказывает прямое влияние на безопасность её границ и экономические связи. Долгосрочное партнерство с Ираном, основанное на взаимоуважении и доверии, предоставляет Москве возможность выступать посредником в переговорах между Ираном и Западом. Россия содействует диалогу, предлагая различные площадки, и готова поддерживать усилия по уменьшению напряженности через участие в многосторонних форумах [7, с. 131].

На основании сказанного можно выделить следующие ключевые цели создания иранской ядерной программы:

- использование ядерной энергии для удовлетворения энергетических потребностей страны;
- приобретение технологий, необходимых для самостоятельного строительства атомных реакторов;
- приобретение технологий, необходимых для создания замкнутого ядерного топливного цикла;
- использование «ядерных» технологий в промышленных, сельскохозяйственных и медицинских целях;
- защита людей и окружающей среды от воздействия радиации.

Заключение

Таким образом, исследование возникновения и развития ядерной программы Ирана остаётся чрезвычайно важным для понимания современных международных процессов и выработки эффективных стратегий обеспечения стабильности и безопасности в мире.

На настоящем этапе изучение иранской ядерной программы включает в себя анализ как технологических достижений, так и политических аспектов, включая внутренние и внешние факторы, влияющие на принятие решений в этой области. Важно учитывать изначальные мотивы иранского руководства в стремлении к самообеспечению в области ядерной энергетики, а также последствия возможных сценариев дальнейшего развития программы для региональной и глобальной безопасности.

Анализ научной литературы позволил сформулировать, что история ядерной программы Ирана – это сложное переплетение национальных амбиций, международного

давления и дипломатических переговоров. Несмотря на временные договорённости, такие как СВПД, проблема остается актуальной и представляет собой вопрос глобальной безопасности. Развитие ситуации будет зависеть от внутренней и внешней политики Ирана, а также от изменений в международной политической обстановке.

Сегодня ядерная программа Ирана является одной из наиболее важных и спорных тем на международной арене, и представляет собой сложное сплетение энергетических, экономических, политических и национальных интересов. От первоначального стремления модернизировать энергетический сектор программа эволюционировала в мощный инструмент политического влияния и научно-технического прогресса. Сложный выбор между внутренними устремлениями и международными обязательствами продолжает определять судьбу иранской ядерной программы и её будущее.

В соответствии с целью исследования и проведенным комплексным анализом теоретических основ, можно выделить следующие ключевые факторы реализации ИРИ: ядерные инициативы представляют собой угрозу для мировой безопасности, как и программы других стран по атомному вооружению, поскольку невозможно с уверенностью предусмотреть их последствия; ядерная проблема ИРИ является одной из самых трудноразрешимых на международной политической арене и тесно связана с уникальными особенностями современного шиитского руководства ИРИ, его идеологическими и политическими доктринами, а также с национальными особенностями менталитета иранцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дунаева Е.В. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 5. – С. 12–20.
2. Майрамбеков, Ш.М. Возникновение и развитие ядерной программы Ирана // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №1. – С. 52–59.
3. Сченснович В.Н. Иран в условиях новых санкций США (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. – 2021. – №1. – С. 123–129.
4. Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. – 2020. – № 2 (24). – С. 159–175.
5. Боровка Е.А. Ядерная программа Исламской Республики Иран в американской историографии // Общество, государство и религии в современном мире: материалы круглого стола кафедры истории нового и новейшего времени БГУ: под науч. ред. В.С. Кошелева, – Минск: РИВШ, 2014. – С. 35–39.
6. Сафарова Р.Р. Иранская ядерная программа. Военные и невоенные перспективы урегулирования проблемы // Наука без границ. – 2019. – №3. – С. 46–57.
7. Акименко К.А. «Иранская стратегия» России в поиске баланса интересов в мировом сообществе (на примере иранской ядерной программы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2019. – № 1. – С. 131–137.

THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING THE EMERGENCE OF THE IRANIAN NUCLEAR PROGRAM

Annotation. This study examines the stages of formation and evolution of Iran's nuclear program, its tasks, complexities, controversial aspects and its impact on the global political scene. The importance of international relations and the opinions of geopolitical players regarding the Islamic Republic of Iran in the context of the development and promotion of the nuclear program is determined. Russia's positions on the progress of Iran's nuclear initiatives in political dynamics, both in the domestic and foreign arenas, are considered.

Keywords: Iran, international politics, nuclear program

Pikalov D. D.

Scientific adviser: Statsenko T. V. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: dariypikalov@mail.ru

УДК 314.1(470)»18/19»

ВКЛАД ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИЗУЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Посредников К.Д.

*Научный руководитель: Пенькова О.Б., канд. ист. наук, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: В статье рассматривается вклад Императорского Русского географического общества в исследование демографической ситуации в Российской империи в XIX столетии. Уделяется внимание влиянию полученных демографических данных на социально-экономическое прогнозирование и государственное планирование, включая проблемы миграции, формирование трудовых ресурсов и развитие социальной инфраструктуры. Дана оценка роли Общества в становлении отечественной демографической науки, обозначены методические ограничения для исследований рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Императорское Русское географическое общество, демография, половозрастная структура, перепись населения, социально-экономическое планирование.

Актуальность проблемы. Во второй половине XIX в. Российская империя переживала ускоренную модернизацию, сопровождавшуюся интенсивной урбанизацией, промышленным подъемом и трансформацией общества. Эти изменения объективно требовали создания научной базы для формирования эффективной государственной политики в области инфраструктурного развития, занятости, здравоохранения, и просвещения. Ключевую роль в накоплении и систематизации разнообразных данных играли ученые-статистики Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО). В «Известиях русского географического общества» [3] они публиковали результаты ревизий и локальных учетов; внесли значительный вклад в подготовку и проведение Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Эти материалы обладали высокой ценностью, но впоследствии потребовали верификации и критической интерпретации. В 1956 г. советский исследователь, член ВГО А.Г. Рашинна основе правительственной, земской и городской статистики проанализировал динамику численности населения за 1811–1913 гг. [5]. Автор отметил завышение итогов переписи 1897 г. и пробелы в данных о смертности в первой половине века. Впоследствии советские и российские историки, опираясь на ревизские сказки и официальные публикации, уточнили количественные оценки демографической динамики. Изучению непосредственно роли ИРГО в эволюции статистики и демографии посвящена работа Г.Л. Громыко и И.Н. Матюхиной [2]. Тем не менее, комплексный анализ вклада Общества в демографическую науку остается актуальной исследовательской задачей.

Цель исследования – выявить вклад Императорского Русского географического общества в изучение демографических процессов в Российской империи.

Вплоть до середины XIX столетия в России не существовало унифицированной системы учета населения. С 1719 по 1857 г. было проведено десять ревизий податного сословия. Для подсчета населения также использовались церковные метрические книги и полицейские данные. Однако статистика оставалась фрагментарной, преимущественно фискальной и военной направленности, не отражала миграционные процессы, не обеспечивала точного определения возрастной структуры, не фиксировала уровень грамотности, охватывала, в основном, европейскую часть страны, оставляя вне поля зрения государства пространства Сибири, Кавказа и Средней Азии [6, с. 109]. Для сравнения, в то же время в Великобритании и Франции переписи населения проводились регулярно с начала XIX столетия, что обеспечивало сопоставимость данных и позволяло анализировать динамику урбанизации и индустриального роста.

С 1845 г., после учреждения ИРГО, статистическая проблематика заняла одно из центральных мест в его работе. С 1848 г. Общество начало выпускать «Записки о статистике России», где размещались материалы о численности жителей, миграциях, уровнях смертности и рождаемости. Это издание превратилось в ведущую площадку для обсуждения демографических трендов. ИРГО накопило опыт организации локальных переписей, например, однодневной переписи Санкт-Петербурга 1869 г., что впоследствии послужило методической основой для общероссийского учета.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи состоялась 28 января (9 февраля) 1897 г. по указу императора Николая II под руководством Центрального статистического комитета (ЦСК при МВД). Решающую роль в ее концептуальной и организационной подготовке и проведении сыграл П.П. Семёнов-Тян-Шанский – вице-председатель ИРГО и директор ЦСК. Он инициировал первый статистический съезд в России (1870 г.) и VIII Международный статистический конгресс в Санкт-Петербурге (1872 г.). Семёнов-Тян-Шанский видел в переписи инструмент для объективной оценки положения крестьянства и стимулирования продолжения аграрной реформы. В работе участвовал и его сын В.П. Семёнов-Тян-Шанский, впоследствии занимавший ключевые посты в ЦСК, Министерстве финансов и статистическом отделении РГО.

Подготовительный этап включал:

1. разработку программы переписи (вопросы о поле, возрасте, сословной принадлежности, родном языке, вероисповедании, грамотности, занятии) (Рис. 1).
2. Обсуждение формулировок на заседаниях Общества с целью унификации терминологии.
3. Подготовку инструкторов и переписчиков.
4. Публикацию разъяснительных материалов в печати для снижения недоверия населения.

Безплатно. №. Листа

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ
населения Российской Империи,
на основании ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ 5 июня 1895 года.

Губерния или область: **ПЕРЕПИСНОЙ ЛИСТЪ** Уезд или округ: **ФОРМА А.**

Приведенный уезд №... Уездный уезд №...
Семья А... или фамилия доможителя №...
Или что, школа, станция или соображение...
Имя, отчество и фамилия доможителя...
Холост или женат... или на квартире во чуждом доме?

Рисунок 1. Фрагмент переписного листа Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

На заседаниях ИРГО проводились предварительные слушания, посвященные обсуждению целей переписи и возможных трудностей ее проведения. Ученые обращали внимание на проблему самоидентификации в многонациональной среде, сложности учета кочевых народов и необходимость четкой фиксации возраста.

Общество через публичные лекции разъясняло, что перепись не имеет фискального характера. Это способствовало снижению недоверия среди крестьянского населения, которое ожидало от переписи нового повышения податей и повинностей. Экспедиционный опыт, накопленный ИРГО, оказался востребован при проведении переписи в многонациональных регионах Сибири и Кавказа. Для покрытия огромной территории создавались местные комиссии с участием статистиков и местных властей. В отдаленных районах переписчики столкнулись с серьезными трудностями: в одном из

отчетов из дальневосточного региона упоминалось, что переписчики преодолевали большие расстояния пешком, питаясь чумизой и древесными грибами [7, с. 14–25].

По итогам переписи население империи составило 125 640 021 человек. Гендерный баланс: мужчин 49,7 %, женщин 50,3 % (мужчин 62477348, женщин 63162673) [4]. Преобладание женщин объяснялось повышенной мужской смертностью от тяжелого труда и миграциями в промышленные центры [4]. В европейских губерниях (Смоленская, Тверская, Воронежская) женщины преобладали умеренно. В Сибири наблюдалось преобладание мужчин, что объяснялось миграционной политикой и освоением новых земель.

Возрастная структура характеризовалась высокой долей детей (0–14 лет) – около 44–45 %, трудоспособного населения (15–59 лет) – 48–49 %, пожилых (60+) – 6–7 % [4]. В сельской местности детская доля была выше городской.

По результатам переписи была определена низкая средняя продолжительность жизни (30–35 лет у мужчин, 35–40 у женщин) [5]. Для сравнения: в 1890-е в Великобритании благодаря улучшениям в сфере санитарии и снижению детской смертности ожидаемая продолжительность жизни возросла в среднем до 46 лет, к 1901 — до 48–50 лет; в Германии – примерно 45–47 лет; во Франции – 45 лет.

В 1890-е годы коэффициент брачности (число браков на 1000 жителей в год) в России был выше, чем в ведущих западноевропейских странах. Это отражало фундаментальное различие в брачных моделях: Россия относилась к восточноевропейскому типу (ранние и почти всеобщие браки), а Великобритания, Германия и Франция — к западноевропейскому (поздние браки, значительная доля никогда не вступавших в брак). Тем не менее в России также наблюдалось снижение этого показателя (8,4–9,0). Для сравнения: в 1890-е в Великобритании – 7,5–8,0, Германии – 7,8–8,2, Франции – 7,0–7,5 [1].

В России средний возраст вступления в первый брак (примерно): мужчины 24,2 года, женщины 21,4 года (по данным 1897 г.). К 30 годам замужем >90–93 % женщин; менее 5 % женщин никогда не выходили замуж. Высокая брачность поддерживала очень высокую рождаемость. Это было одним из факторов, почему население Российской империи росло быстрее, чем в большинстве западноевропейских стран [1].

Грамотность в России достигала 21%, при заметном преобладании мужчин над женщинами [4]. В странах Западной Европы к тому времени уровень грамотности населения уже превысил 70–80%.

По уровню урбанизации Российская империя существенно отстала от индустриальных держав: в России городское население составляло около 13–15%, тогда как в Великобритании этот показатель превышал 70%, во Франции — около 40%, в Германии — до 50 %. В социальном плане в России крестьяне составляли 77,5 %, дворяне – 1,5 %, инородцы – 6,6 % [4].

Несмотря на накопленный опыт, возникали проблемы недоверия населения, неточностей в самоидентификации этнических групп и логистические сложности. В отдельных случаях руководство Общества было вынуждено выступать с разъяснениями относительно целей переписи [2]. Тем не менее результаты переписи существенно обогатили знания о демографической картине империи.

После публикации «Общего свода по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения» его материалы стали предметом подробного анализа на заседаниях ИРГО. Ученые обсуждали: особенности возрастной пирамиды; региональные различия в соотношении полов; показатели грамотности; масштабы урбанизации. Дискуссии носили критический характер. Отмечались неточности учета в отдаленных регионах, влияние миграций на половую диспропорцию и занижение уровня смертности в некоторых губерниях. Тем не менее участники подчеркивали уникальность полученных данных, впервые позволивших создать целостную демографическую картину империи. Д.И. Менделеев, привлекавшийся ИРГО к своей деятельности, в

работе «К познанию России», опираясь на данные 1897 г., обосновал необходимость индустриализации, рационального размещения производительных сил и государственной экономической политики для России.

Таким образом, Императорское Русское географическое общество сыграло ключевую роль в развитии российской демографической науки. Его полевые исследования и участие в подготовке первой переписи населения 1897 года значительно улучшили понимание демографической ситуации в стране и стали основой для разработки социально-экономической политики. Перепись показала значительные различия в половозрастной структуре населения России в зависимости от региона и социально-экономических факторов. Демографические данные, полученные в ходе переписи, оказали значительное влияние на социальное и экономическое планирование в России. Они стали основой для разработки государственных программ в области трудовых ресурсов, здравоохранения, образования и миграционной политики: данные о дефиците рабочей силы в сельском хозяйстве стали основой для формирования миграционной политики, направленной на заселение восточных и сибирских регионов. Кроме того, анализ половозрастной структуры населения позволил более точно определить потребности в социальной инфраструктуре, включая медицинские учреждения, школы и другие объекты. Это также повлияло на планирование социальных расходов. Полученные данные оказали влияние на развитие трудовой, образовательной и социальной политики в России, стали основой для исследований в области демографии. ИРГО способствовала институционализации демографии как научной дисциплины и интеграции статистических методов в систему государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браки и разводы в Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ricw.ru/marriage.html> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Громыко Г. Л., Матюхина И. Н. Русское географическое общество и его роль в развитии статистики в России (к 170-летию Русского географического общества) // Вопросы статистики. – 2015. – № 12. – С. 69–76. – URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/296/297> (дата обращения: 12.02.2026).
3. Известия Императорского Русского географического общества. – Т. XXXIII. – СПб., 1897–1898. – Режим доступа: <https://elibrigo.ru/handle/123456789/219411> (дата обращения: 12.02.2026).
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/collections/1330124#section-1330313> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : монография / А. Г. Рашин. – Л. : Госстатиздат, 1956. – 352 с. – URL: https://archive.org/details/naseleniye_rossii_za_sto_let (дата обращения: 12.02.2026).
6. Шелестов Д. К. Историческая демография : учеб. пособие / Д. К. Шелестов. – М. : Высшая школа, 1987. – 288 с. – URL: <https://djvu.online/file/ARwdgoXzRhmCQ> (дата обращения: 14.02.2026).
7. Шкуркин П. Поездка на р. Лифудзин для переписи населения в 1897 году // Записки краеведческого клуба «Тетюхе». – 2016. – № 3. – С. 14–25. – URL: <http://dalcgb.ru/wp-content/uploads/2016/12/Записки-краеведческого-клуба-№-3.pdf> (дата обращения: 14.02.2026).

THE CONTRIBUTION OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY TO THE STUDY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. The article examines the contribution of the Imperial Russian Geographical Society to the study of the demographic situation in the Russian Empire in the 19th century, with a focus on the analysis of the population's sex and age structure. The article focuses on the impact of the obtained demographic data on socio-economic forecasting and state planning, including issues related to migration, labor resources, and the development of social infrastructure. The article assesses the Society's role in the development of Russian demographic science and identifies the limitations of research conducted during this period.

Keywords: Imperial Russian Geographical Society, demography, sex and age structure, population census, socioeconomic planning.

Posrednikov K.D.

Scientific advisor: Penkova O.B., associate professor

Donetsk State University

E-mail: posrednikovcyril@yandex.ru

УДК: 94(477.62-21Артёмовск)"1914/1916":930.2:821.161.1-92:339.1

ТОРГОВОЕ ДЕЛО НА СТРАНИЦАХ «НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ» БАХМУТСКОГО ЗЕМСТВА В 1914-1916 ГГ.

Резюк Н.В.

*Научный руководитель: Разумная Н.Н., канд. ист. наук., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье на основе уездного печатного издания «Народная газета» Бахмутского земства проанализированы тематические публикации за 1914-1916 гг., посвященные вопросам развития торгового дела. Изучение газетных публикаций позволяет определить особенности местной жизни и существовавшие проблемы, связанные с торговлей и снабжением населения Бахмутского уезда в годы войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, торговля, кооперация, Народная газета, Бахмутское земство.

Первая мировая война радикально изменила экономическую ситуацию во всем мире, в частности хозяйственное и торговое дело в Российской империи. Произошло всеобщее расстройство хозяйства и изменение конъюнктуры рынка. Особенно остро ощущался рост цен и недостаток товаров первой необходимости на местном уровне. В это время частная торговля особыми методами регулирования постепенно вытеснялась из хозяйственной жизни, на смену приходили общественные и земские организации, которые активно вовлекались в торговлю и снабжение населения. Актуальность данной темы заключается в возможности детального изучения особенностей местной жизни и торговли на базе уездной периодики.

Ранее в публикациях Н.Н. Разумной [1, 2] частично затрагивался данный вопрос, но материалы «Народной газеты» остались практически не рассмотренными.

Целью данного исследования является изучение публикаций посвященных торговому делу в еженедельном издании «Народная газета» Бахмутского земства для выявления новых тенденций. Еженедельное издание «Народная газета» Бахмутского земства являлась одной из важнейших информационных источников доступным широким слоям сельского и городского населения уезда. На страницах данного издания отражены различные публикации в сфере хозяйственной жизни, земского управления, корреспонденции, а также развития кооперативных организаций в уезде, которые оказывали влияние на внутреннюю торговлю.

Кооперативное движение в России, зародившееся в середине XIX века, к началу XX века превратилось в особенное социально-экономическое явление. Накануне войны отмечался рост кооперативных союзов, в первую очередь сельскохозяйственных товариществ. Появлялись и потребительские кооперативы, которые осуществляли закупки и фактически снабжали своих членов нужными товарами. Они также реализовывали на рынке продовольственные товары и ремесленные изделия.

Важность кооперативного движения, его преимущества и развитие способствовало тому, что 15 января 1914 г. в первом номере газеты открывается целый отдел, посвященный кооперации. С этого времени, в газете регулярно печатается информация соответствующей тематики и велась хроника кооперативной жизни. Редакция газеты признавала, что особенно важно было в данном отделе освещать вопросы, имеющие значение для местных кооперативов. Редакция также просила, чтобы правления данных кооперативов сообщали ей все факты из кооперативной жизни, которые заслуживают быть отмеченными в газете [3].

22 января 1914 года во втором номере газеты сообщалось об открытии потребительского общества в городе Бахмут. Основной идеей потребительской

кооперации являлась именно борьба с повышением цен на продукты питания, что усиливало рост интереса населения к данному союзу [4].

Земское самоуправление также активно способствовало росту кооперации и стимулировало деятельность в первую очередь кредитных кооперативов. В девятом номере газеты, вышедшем 15 марта 1914 года, указывалось, что 26 февраля земское собрание рассмотрело доклад управы «о содействии правлению кассы мелкого кредита кредитным товариществам Бахмутского уезда в организации совместной закупки земледельческих орудий и машин». Главным вопросом была необходимость сосредоточить закупки в одном центре, упростив операции. По итогу, земское собрание постановило, что правление кассы мелкого кредита будет способствовать объединению товариществ. 9 февраля на совещании товариществ Бахмутского уезда было принято решение образовать закупочное бюро с целью осуществления совместных операций по закупкам, заключению договоров с фирмами и защиты интересов товариществ [5].

Главной задачей бюро было заключение договоров, никакой имущественной ответственности оно не несло. 28 февраля состоялось второе совещание по данному вопросу, где окончательно был подписан договор о создании бюро. Одновременно с этим состоялось собрание кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Бахмутского уезда на котором был утвержден устав Бахмутского союза мелкого кредита. Деятельность данного союза распространялась на товарищества Бахмутского, Славяносербского, Мариупольского, Павлоградского, Изюмского и Купянского уездов. Главная деятельность союза в первую очередь была направлена на установление посреднических операций, для чего создан специальный капитал на основе взносов от товариществ [6]. Таким образом, отдел по кооперации «Народной газеты», созданный в 1914 году, стал важным инструментом информирования простого населения уезда по вопросам развития кооперативного движения, особенно сельского населения.

Торговля являлась важнейшей частью экономики уезда. На территории края торговля имела различные организационные формы, однако в большей своей массе она была представлена в виде организации ярмарочной торговли или базаров. В России на ярмарках товар приобретали в розницу или оптовыми партиями. В основном ассортимент товаров представлял собой сельскохозяйственную продукцию, ремесленные изделия или лесоматериалы. Численно преобладали именно мелкие сельские ярмарки, которые продолжались от одного до трех дней, об этом свидетельствуют соответствующие публикации в газете. Например, 3 февраля проходила однодневная ярмарка на территории Бахмутского уезда в Енакиево [7].

В дальнейшем на страницах газеты, в особенности в отделе «Объявления» появляются различные постановления о возможных торгах. 7 февраля 1914 года с разрешения Екатеринославского губернаторского присутствия в хуторе Щербиновка производилась продажа продовольственного хлеба, 3 200 пудов ржи и 9 822 пудов пшеницы. Продажа осуществлялась оптом и в розницу, цена на хлеб, рожь: 50 коп., ячмень 45 коп., пшеница 75 коп. с пуда [8].

6 апреля 1914 года в одиннадцатом номере в «Сельскохозяйственном отделе» сообщалось о разрешении Екатеринославской губернской земской управой организации и проведения ярмарочной торговли и базаров в соответствии с ходатайством Бахмутской земской управы. Уточнялись изменения относительно места организации ярмарок в отдельных селах и устанавливался их срок до 3 дней. Также вопрос касался открытия новых базаров в поселках при Щербиновском каменноугольном руднике. В 1914 году были открыты новые базары на землях общества крестьян села Щербиновское, Железнянской волости [9].

Более сложным и специфичным процессом, но не менее важным являлось создание и проведение сельскохозяйственных промышленных выставок. 22 января 1914 года во втором номере газеты была размещена важная публикация о третьей очередной выставке

в городе Бахмут, которая должна была состояться в сентябре 1914 года. Данная выставка была организована непосредственно Бахмутским земством, но к участию призывались также сельские хозяева, промышленники, торговцы, горожане и правительство. В публикации подчеркивалась важность мероприятия и подчеркивались только непосредственные плюсы, которые могли бы получить участники выставки. Необходимость проведения данной выставки аргументировалась стимулированием торговой деятельности сельских жителей и ремесленников [10]. Тем не менее, данная III сельскохозяйственная промышленная выставка, запланированная в городе Бахмут, в связи с началом Первой мировой войны была отложена [11]. Таким образом, организация внутренней торговли в Бахмутском уезде накануне Первой мировой войны, была ориентирована на продовольственные потребности населения и осуществлялась путем использования традиционных форм. В деле их организации и регулирования всех вопросов ключевую роль играли земские собрания, на уровне уезда и самой губернии.

С началом войны ситуация в торговле и продовольственном обеспечении населения усугубилась. Спрос населения изменился, основная масса средств направлялась на покупку товаров первой необходимости. Были приняты меры государственного регулирования торговой конъюнктуры. В июле 1914 года Министерство внутренних дел выпустило циркуляр, предписывающий всем губернаторам и самоуправлению, принимать особые меры для подвоза продовольствия и устанавливать предельные цены. Министерство земледелия начало закупку фуража и продовольствия для армии. В связи с этим в объявлениях газеты Бахмутская земская управа подчеркивала необходимость участия землевладельцев, купцов, сельскохозяйственных обществ и других лиц в продаже продуктов интендантству. Ключевыми продуктами являлись хлеб, мука, сено, солома и прочее. Все участвующие лица должны были обращаться в уездную управу с указанием количества товара, цены, ближайших железнодорожных станций и точного адреса продавца. Отдельно земство обращалось к владельцам мельниц, с предложением сдавать в аренду мельницы для перемола зерна в армию [12]. 3 сентября 1914 года в одной из публикаций газеты сообщалось решение Совета министров о запрете продажи спирта, вина и водочных изделий, что подтверждает факт информирования населения о введении сухого закона [13].

15 декабря сельским жителям сообщалось о неудовлетворительном урожае яровых в Бахмутском уезде, при этом был отмечен большой спрос на семена яровых. Земство было готово выступить в качестве посредника в торговле семенами и иными сельскохозяйственными растениями. По всем вопросам была возможность обратиться в агрономический отдел земской управы [14].

В дальнейших публикациях газеты неоднократно будут появляться объявления на первых страницах, связанные с принятием заказов на семена кормовых трав, корнеплодов, и зерновых хлебов. Уже к весне 1915 года ситуация на рынке продовольствия ухудшается, в газете появляется ряд публикаций связанных с подготовкой весенней посевной кампании. В корреспонденции указывалось, что цены на хлеб выросли, а распродажа скота, неурожай и уменьшение количества рабочих грозит дальнейшими проблемами [15].

В данных условиях формирование потребительской кооперации становится ключевой и перспективной задачей для борьбы со спекуляцией на рынке. 25 октября 1915 года в публикациях 36 номера газеты отмечено участие Троицкого товарищества в посреднической торговле хлебом. Отмечено, что в селе Троицком урожай хлеба был достаточным для обеспечения потребностей населения села, поэтому население приняло участие в реализации пшеницы по цене 14 руб. за четверть и ниже. В публикации утверждается, что хлеб в основном сдавался беднейшим членам товарищества,

ремесленникам или отправлялся на базары. При наличии лишнего хлеба для сбыта, товарищество ставило задачу его сбыта именно в остро нуждающиеся районы [16].

Ввиду повышенного потребления мяса и спроса на него, цены на продукцию также повышались. Правительство шло на ограничительные меры. Уже 16 июля 1916 года принимается «Закон о мясопустных днях», чтобы ограничить потребления мяса. Была запрещена продажа и разнос мясных продуктов на рынках, базарах, площадях и т.д. со вторника по пятницу. Запрещалось также в эти дни изготовление и подача мясных блюд в трактирах, ресторанах и столовых. Данный закон упомянут в издании газеты №27 от 8 августа, одновременно упомянуто о введении карточек на сахар в Екатеринославской губернии губернским уполномоченным по продовольствию К.Д. Гесбергом [17]. Таким образом с началом войны внутренняя торговля претерпела кардинальные изменения. Безусловно, первоочередным был вопрос о поставках товаров в армию и общую мобилизацию ресурсов. В дальнейших условиях неурожая, растущих цен, острых вопросах поддержки беженцев и раненых земские органы и кооперативные общества взяли на себя функции посредников, пытаясь бороться со спекуляцией на рынке и снабжение населения.

На страницах «Народной газеты» помимо основных публикаций в большом количестве представлена торговая реклама, опубликованная в отделе «Объявления». Большую часть объявлений занимают в первую очередь товары сельскохозяйственного назначения, различные машины и инструменты, необходимые для работы с землей. Например, земледельцам неоднократно предлагалась в продажу буккера с подъёмом и с сеялками. Данные сельскохозяйственные машины были весьма распространены среди немецких колонистов в Екатеринославской губернии, именно от них в дальнейшем заимствованы и распространены русскими земледельцами. На страницах газеты предлагались и более серьезные машины необходимые в производстве: паровая вальцовая мельница, а также нефтяные двигатели. Нефтяные двигатели акционерного общества «Бенц» продавались торговым домом «Шпис и Прен». Екатеринославское агентство мельнично-строительной конторы торгового дома «Абрам Волькенштейн и сыновья» в отделении города Бахмут. рекламировало самые передовые мельничные машины, станки и прочее оборудование, а также приглашало на работу торговых агентов в связи с расширением круга клиентов в губернии. Заводской склад земледельческих орудий Г. Д. Нейфельда в городе Бахмут предлагал в продажу к предстоящему уборочному сезону конные и паровые молотилки разных сил и размеров, сеялки, буккера и другие различные сельскохозяйственные орудия. При этом в объявлениях гарантировалось качество машин. Товарищество на паях «М.В. Харьковщенко» в Ростове предлагало большой спектр семян земледельцам: огородные, цветные полевые, сельскохозяйственные и древесные. В том числе сельскохозяйственные орудия труда, пчеловодные принадлежности, материалы для борьбы с вредителями [18].

На страницах газеты Г.Г. Агуф, владелец магазина часов в Бахмуте, который существовал 25 лет и располагался в доме городской управы рекламировал свои часы «Омега». Владелец магазина убеждал, что «Омега» - самые верные часы в мире. За верность хода ручался владелец, в противном случае обещали вернуть средства обратно. Отдельно указывалось, что часы в Бахмутском уезде также продавались в часовом магазине Моргулиса, в пос. Горловка и часовом магазине Рабиновича в пос. Дмитриевском. Служащим Бахмутского земства допускалась рассрочка платежа [19].

В том же издании впервые публикуется объявление о продаже автомобилей завода «Форд». Аргументируются все преимущества данного автомобиля. Указывалось, что данный автомобиль единственный в мире выдержал испытания в России по всевозможным тяжелым дорогам, по грунтовым, песчаным и на подъёмах. Более полумиллиона владельцев «Форд» во всем мире убедились в его надежности. Автомобиль «Форд» самый распространенный автомобиль в России. В Бахмуте его

продавал торговый дом «Бр. Лейферовы» по цене 2,275 руб за «Форд» дубль-фаэтон 5 местный, при этом в цену входило полное оборудование [20].

Подводя итоги исследования можно сказать, что на страницах издания неоднократно отмечены те трудности и вызовы, с которыми сталкивалось население в годы войны. Одновременно с этим, стоит отметить оперативную работу, которую осуществляло земство в торговой деятельности. Ключевым аспектом являлись публикации газеты в «Отделе по кооперации», где было освещено развитие кредитной и потребительской кооперации в Бахмутском уезде. В целом «Народная газета» Бахмутского земства является важным источником для изучения истории Донбасса. Таким образом, проведённое исследование позволило рассмотреть специфику развития торгового дела на основе материалов «Народной газеты» Бахмутского земства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разумная Н.Н. Деятельность продовольственных кооперативов Мариупольского уезда в 1916 г. // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 7. Социально-политические и исторические науки / под общей редакцией проф. С.В.Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 79-82.
2. Разумная Н.Н. Торговое дело на территории Донбасса (1914-1917 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2019. – №2(69). – С. 61.
3. Отдел по кооперации. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №1. – 15 января. – С. 5-6.
4. Отдел по кооперации. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №2. – 22 января. – С. 4.
5. Отдел по кооперации. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №9. – 15 марта. – С. 5.
6. Отдел по кооперации. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №10. – 28 марта. – С. 7-8.
7. Ярмарки в Бахмутском уезде в феврале. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №2. – 22 января. – С. 13.
8. Объявления. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №2. – 22 января. – С. 14.
9. Сельскохозяйственный отдел. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №11. – 6 апреля. – С. 3.
10. К предстоящей выставке в г. Бахмут. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №2. – 22 января. – С. 4-6.
11. Объявления. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №31. – 26 августа. – С. 12.
12. «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №31. – 26 августа. – С. 2.
13. Разные известия. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №32 – 3 сентября. – С. 10.
14. Сельским хозяевам. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №44. – 15 декабря. – С. 3.
15. Корреспонденция. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1915. №13. – 3 апреля. – С. 5-6.
16. Корреспонденция. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1915. №36. – 25 октября. – С. 11-12.
17. Разные известия. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1916. №27. – 8 августа. – С. 9-10.
18. Объявления. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №2. – 22 января. – С. 14-15.
19. Объявления. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №9. – 15 марта. – С. 11.
20. Объявления. // «Народная газета» Бахмутского земства. 1914. №18. – 26 мая. – С. 15.

TRADE BUSINESS ON THE PAGES OF THE «NARODNAYA GAZETA» THE NEWSPAPER OF BAKHMUT REGION IN 1914-1916

Annotation. The article analyzes thematic publications for 1914-1916 devoted to the development of the trade business based on the district print edition «Narodnaya Gazeta» the newspaper of the Bakhmut region. The study of newspaper publications makes it possible to trace the peculiarities of local life and the existing problems related to trade and supply to the population of Bakhmut district during the war years.

Keywords: World War First, trade, cooperation, «Narodnaya Gazeta», Bakhmut district.

Rezyuk N.V.

Scientific adviser: Razumnayua N.N. Ph.D. in History, associate professor

Donetsk State University

E-mail. rezyuk@bk.ru

УДК 94(48)"08/10":930.1

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНА «ЭПОХА ВИКИНГОВ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ролинский Н.С.

*Научный руководитель: Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: Статья посвящена анализу происхождения, развития и современного использования термина «эпоха викингов» в исторической науке. Рассматриваются различные историографические подходы к определению содержания и хронологических рамок данного понятия. Особое внимание уделяется проблеме условности данной периодизации и её зависимости от исследовательской традиции. На основе работ отечественных и зарубежных авторов анализируется, отражает ли термин «эпоха викингов» реальные исторические процессы или является во многом историографической конструкцией. Также рассматривается влияние новых междисциплинарных исследований, включая археологию и генетику, на современные представления о характере скандинавской экспансии раннего средневековья.
Ключевые слова: Эпоха викингов, викинги, Скандинавия, историография, средневековая история.

Термин «Эпоха викингов» широко используется в исторической науке для обозначения периода раннего Средневековья, связанного с активностью скандинавских мореплавателей, воинов и торговцев в Европе и за её пределами. Обычно его хронологические рамки определяются приблизительно между концом VIII и серединой XI века – от нападения скандинавов на островной монастырь Линдисфарн в 793 г. до битвы при Стамфорд-Бридже в 1066 г., где погиб норвежский король Харальд III Суровый. В современной же историографии всё чаще ставится вопрос о корректности использования данного термина как универсальной категории для описания сложных и разнообразных процессов, происходивших в скандинавском обществе того времени.

Целью данной статьи является анализ проблемы использования термина «Эпоха викингов» в современной историографии. Задача исследования заключается в рассмотрении различных подходов к определению содержания, географических и хронологических рамок данного понятия, а также в выявлении причин, по которым этот термин продолжает активно использоваться в научной и популярной литературе. Особое внимание уделяется вопросу о том, насколько понятие «Эпоха викингов» отражает реальные исторические процессы или является удобной, но во многом условной периодизационной категорией.

Проблема интерпретации термина «Эпоха викингов» получила значительное развитие как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Среди российских исследователей важное место занимают работы Мельниковой Е.А., посвящённые анализу древнескандинавских письменных источников и особенностям их использования в исторических реконструкциях. Существенный вклад в изучение скандинавских свидетельств о Восточной Европе и мире внесла также Джаксон Т.Н., исследовавшая древнерусские топонимы и их отражение в скандинавской традиции. Вопросы взаимодействия скандинавского и восточноевропейского мира, а также проблемы исторической интерпретации эпохи рассматриваются в работах Лебедева Г.С и Хлевова А.А. [12, 19]

В зарубежной историографии значительную роль сыграли исследования Питера Сойлера, предложившего пересмотр традиционных представлений о масштабах и характере скандинавской экспансии [18]. Важный вклад в изучение материальной культуры и общественных процессов эпохи внесла Эльсе Роэсдал [15]. В последние десятилетия заметное влияние на развитие исследований оказали работы Нила Прайса, в которых внимание уделяется культурным и социальным аспектам скандинавского мира раннего Средневековья [14].

Но если с пониманием того, что чаще всего подразумевается, когда речь идёт о дефиниции «эпоха викингов», обычно проблем не возникает (но не споров), то вот с вопросом «кто же впервые упомянул об этом?» всё куда сложнее. При анализе исследований XVIII – первой половины XIX вв. современному исследователю может показаться непривычным тот факт, что даже скандинавские учёные данного периода не использовали обсуждаемого в данной статье термина. Ни Людвиг Хольберг, ни Герхард Шёнинг, ни Улоф Далин несмотря на всю свою великую значимость для западноевропейской историографии и скандинавской в частности, хотя и стали своего рода основоположниками датской, норвежской, шведской исторических наук соответственно, но не пришли к «эпохе викингов» как термину, хотя и активно затрагивали изучение того периода.

Единого мнения на то, когда именно и кем впервые было введено в науку определение «эпоха викингов» нет до сих пор, но многие исследователи считают, что термин появился или был популяризирован в XIX в. (вторая половина), а его современное значение закрепилось куда позже, когда в Европе активно развивалась профессиональная историческая наука и археология. В этот период усилился интерес к раннему прошлому североевропейских народов, что было связано как с романтическими культурными течениями, так и с формированием национальных исторических школ в скандинавских странах. Именно тогда образ викингов стал предметом систематического научного изучения, а также популярной культурной темой.

Одним из ранних авторов, использовавших само выражение «*Viking Age*», считается американский исследователь и путешественник Поль дю Шайю. В своей работе *The Viking Age: The Early History, Manners, and Customs of the Ancestors of the English-Speaking Nations* (1889) он применил этот термин для обозначения периода скандинавской экспансии и культурного развития северных народов. Хотя его трактовка была шире современной и включала более ранние этапы германской истории (захватывая период со II в. н. э. и до середины XII в.), сама формулировка «эпоха викингов» получила благодаря этой книге значительное распространение в научной и популярной литературе конца XIX в. [3, с. 26–28]. Одновременно с этим важную роль в формировании исторической периодизации сыграли скандинавские археологи и историки. Особенно часто в этой связи упоминается датский археолог Йенс Асмуссен Ворсо – один из основателей научной археологии в Скандинавии. В своих работах он развивал идеи трёхвековой системы (каменный, бронзовый и железный века) и стремился уточнить хронологию североевропейской истории на основе археологических находок. В рамках этой периодизации события VIII–XI вв. всё чаще выделялись как особый этап, связанный с морскими походами скандинавов, развитием торговли и колонизации, а также активными контактами с другими регионами Европы. Хотя Ворсо, вероятно, не был первым, кто употребил сам термин, именно в трудах скандинавских учёных второй половины XIX в. он начал закрепляться как научное обозначение определённого исторического периода [1; 2; 4; 5; 6]. На раннем этапе формирования научного интереса к скандинавской экспансии внимание исследователей было сосредоточено прежде всего на вопросах происхождения викингов и причинах их походов. В исторической литературе XIX в. предпринимались попытки объяснить феномен викингских набегов различными факторами, включая демографическое давление, социальные изменения в скандинавском обществе, экономические причины и особенности географической среды. Однако само понятие «эпоха викингов» в этот период ещё не получило широкого распространения.

Развитие исследований эпохи викингов сопровождалось формированием различных методологических подходов к интерпретации этого исторического периода, а потому перед тем как перейти к историческому обзору, необходимо разобраться именно с этим. Первые научные интерпретации эпохи викингов формировались в XIX в.

в условиях роста национального самосознания в странах Северной Европы. В рамках национально-романтической историографии викинги нередко рассматривались как героические предки современных скандинавских народов. Их морские экспедиции интерпретировались как проявление особой энергии и предприимчивости северных народов. Подобный подход способствовал популяризации образа викингов в европейской культуре, однако в значительной степени идеализировал историческую реальность.

Особое место в историографии занимает марксистская интерпретация эпохи викингов, получившая развитие в советской исторической науке. В рамках данного подхода скандинавская экспансия рассматривалась как результат глубоких социально-экономических процессов внутри скандинавского общества. Исследователи связывали начало викингских походов с распадом родо-племенных структур, усилением социальной дифференциации и формированием ранних форм государственной власти. Военные экспедиции интерпретировались как один из способов перераспределения ресурсов и накопления богатства в условиях раннеклассового общества. Элементы подобного подхода можно проследить в работах советских медиевистов, включая А. Я. Гуревича и Е. А. Рыдзевскую [9; 16].

В первой половине XX века термин «эпоха викингов» постепенно закрепился в научной историографии. В англоязычной исторической литературе значительную роль в популяризации этого понятия сыграл британский историк Томас Даунинг Кендрик (Т. D. Kendrick). В его работе *A History of the Vikings*, опубликованной в 1930 г., термин «Viking Age» использовался для обозначения периода скандинавской активности в Европе, охватывающего время с конца VIII до середины XI века. Кендрик рассматривал этот период как важный этап раннесредневековой истории, оказавший существенное влияние на политическое и культурное развитие многих регионов Европы. Именно с этого исследования, стоит предполагать, началось более активное внедрение термина в историографию общеевропейскую и отечественную (были, конечно, и другие авторы, но суть их работ состояла в другом) [4].

В отечественной историографии этого же периода Е. А. Рыдзевская термин «эпоха викингов» использует уже для обозначения хронологических рамок того же периода, что был описан выше, но какое-либо пояснение сути определения отсутствует, а значит оно уже было известно и принято в научных кругах в том виде, в каком закрепилось за рубежом [16].

Во второй половине XX в. исследования эпохи викингов получили дальнейшее развитие. Однако особняком здесь стоит именно такой историк как Питер Соьер (Peter Sawyer), автор известной работы «*The Age of the Vikings*». В его работах, несмотря на приверженность автора к классической английской историографии, эпоха викингов рассматривалась не только как период военных походов и варварских набегов, но и как время интенсивных торговых контактов, культурного обмена и формирования новых политических структур. По мнению П. Соьера, период «эпохи викингов» был не просто хронологической меткой экспансии, а широким трансформационным периодом, характеризовавшимся экономическими, социальными, политическими и культурными изменениями в Северной Европе. Такой подход смещал акцент с событий на структуры, сети и взаимодействия, позволяя историкам глубже понять процессы формирования раннесредневековых европейских обществ. Он также считал, что рассматривать период активной экспансии викингов без понимания этого как части национальной истории попросту невозможно [18, с. 11-20, 60-82, 150-190, 281-294].

«Исторические периоды являются субъективными порождениями наблюдателей, не важно являются они их современниками или нет, которые цепляются за какую-то существенную для них особенность, в свете которой и определяется некий «период». В IX; X и XI веках христианское общество Запада считало скандинавов чужими и

странными, потому что они были язычниками. Историки, продолжающие эту традицию, как эхо вторят реакциям этих христиан — современников викингов и берут на вооружение их критерии. Так была сконструирована эпоха викингов. Она началась, когда жители Запада впервые узнали о чужаках с севера, прибывших в поисках земли, богатства и славы. Она закончилась, когда эти пришельцы перестали быть чужими» [18, с. 295-296].

Близкой позиции позже придерживалась и датская исследовательница Э. Роэсдаль. По её мнению, «эпоха викингов» – это исторически значимое и многогранное явление, которое выходит за рамки набегов и разрушений; она включала в себя культурные, экономические и социальные процессы, которые существенно повлияли на средневековую Европу. Э. Роэсдаль подчёркивала необходимость пересмотра стереотипов об этом периоде в свете археологических находок и комплексного анализа источников [15].

В отечественной историографии той же поры особенно ярко выделяются взгляды Г. С. Лебедева, который также поддерживал объяснение термина «эпоха викингов» в качестве отдельного периода в истории стран Европы, открывшего начало их письменной истории [12, с. 9-17]. В исследованиях данного автора огромное внимание уделено проблеме влияния ландшафта и географии на историю, рассмотрены исторические предпосылки будущего движения викингов на основе германских племен, отражены внутренние процессы этого движения, рассмотрена традиционная культура скандинавов. Особое внимание уделено кораблям викингов как одному из самых ярких образов той эпохи

Одним из первых советских специалистов, исследовавших скандинавскую эпоху через социально-культурный анализ, а не через военно-политическую призму был А. Я. Гуревич. Он также утверждал, что несмотря на великую значимость набегов викингов в Европе и остальном мире, отдельно период «эпохи викингов» (в общей европейской истории) выделять не стоит, так как изменить судьбу тех регионов на корню они не смогли, но для самих скандинавских регионов такой термин вполне себе приемлем, так как является продолжением внутренних процессов обществ северян. Его методологическая позиция заключалась в том, что реконструкция образа эпохи требует антропологического и культурного подхода [9]. Отдельно можно выделить мнение А. А. Хлевова, который в своих работах особое место уделял «истории викингов до викингов», чему посвящено катастрофически мало работ в мировой исторической науке вообще [19; 20].

В историографии XXI в. проблема использования термина «эпоха викингов» получила новое развитие. Современные исследователи всё чаще обращают внимание на условность данного понятия и его зависимость от традиции исторического изучения Скандинавии. Если в историографии XIX–XX вв. термин рассматривался преимущественно как удобное обозначение периода скандинавской экспансии, то в новейших исследованиях он всё чаще подвергается критическому анализу.

Одним из наиболее влиятельных современных исследователей истории Скандинавии является британский археолог Нил Прайс. В своей фундаментальной работе «Children of Ash and Elm: A History of the Vikings» (2020) он предлагает рассматривать эпоху викингов значительно шире, чем это традиционно делалось в исторической науке. По мнению Прайса, представление о викингах как о преимущественно морских разбойниках является результатом длительной историографической традиции, восходящей к средневековым христианским хроникам, которые фиксировали прежде всего разрушительные набеги скандинавов на монастыри и прибрежные города Европы. Однако подобный взгляд отражает лишь внешнюю сторону контактов между скандинавами и другими регионами Европы. Прайс подчёркивает, что население Скандинавии представляло собой сложное и

многообразное общество, включавшее земледельцев, ремесленников, торговцев и воинов. Лишь сравнительно небольшая часть скандинавов участвовала в дальних морских походах, которые впоследствии стали ассоциироваться с самим понятием «викинги». В этом контексте исследователь обращает внимание на необходимость рассматривать данный период как время глубоких социальных и культурных трансформаций внутри скандинавского общества, связанных с развитием торговли, расширением контактов с другими регионами Европы и постепенным распространением христианства. Таким образом, в интерпретации Прайса термин «эпоха викингов» оказывается не столько строгим хронологическим обозначением, сколько условной исследовательской категорией, позволяющей обозначить период активных контактов между Скандинавией и другими регионами Европы [14].

В отечественной историографии значительный вклад в изучение раннескандинавских источников и проблем истории Северной Европы внесла Е. А. Мельникова. В своих работах исследователь уделяет особое внимание анализу письменных источников, прежде всего скандинавских саг, хроник и латинских текстов, в которых содержатся сведения о деятельности викингов. Е. А. Мельникова подчёркивает, что многие из этих источников были записаны спустя несколько столетий после описываемых событий, что требует особенно осторожного подхода к их использованию в исторических реконструкциях. По мнению исследователя, значительная часть представлений о викингах и об эпохе их активности сформировалась под влиянием позднейших литературных традиций. Это обстоятельство осложняет попытки чётко определить границы и содержание так называемой «эпохи викингов». В связи с этим Е. А. Мельникова обращает внимание на необходимость комплексного анализа различных типов источников – письменных, археологических и лингвистических – что позволяет более полно реконструировать историческую реальность раннесредневековой Скандинавии [13].

Важное место в отечественных исследованиях скандинавского мира занимают также работы Т. Н. Джаксон. В своих работах она рассматривает проблемы скандинавских контактов с Восточной Европой и роль скандинавов в процессах раннесредневековой международной торговли и культурного взаимодействия. Особое внимание исследователь уделяет анализу скандинавских и западноевропейских источников, связанных с историей Восточной Европы и Древней Руси. Исследования Т. Н. Джаксон показывают, что деятельность скандинавов в различных регионах Европы имела разнообразный характер и не сводилась исключительно к военным походам. Скандинавы выступали не только как участники военных экспедиций, но и как торговцы, посредники в международных обменных процессах и участники сложного культурного взаимодействия. В этой связи понятие «эпоха викингов» оказывается значительно более многослойным и требует более широкого понимания, чем это предполагалось в ранней историографии [10; 11].

Сам термин «викинг» и связанное с ним понятие «эпоха викингов» являются одними из наиболее обсуждаемых категорий современной медиевистики. Их значение, происхождение и применимость неоднократно пересматривались историками, археологами, лингвистами и генетиками. Современное понимание этого явления формируется на основе междисциплинарных исследований, объединяющих источниковедение, археологию, историческую лингвистику, антропологию и генетику.

Само слово «викинг» имеет древнескандинавское происхождение. В древнескандинавском языке существовало слово *vikingr*, которое обычно переводится как «морской воин», «участник морского похода» или «пират» [14]. Однако его этимология остаётся предметом дискуссий. Согласно одной из гипотез, слово происходит от *vík* – «залив», «бухта», что могло обозначать человека, действующего из прибрежных бухт. Другая версия связывает его с выражением *fara í viking* – «идти в

поход» или «отправляться в морскую экспедицию». В таком случае термин обозначал не народ и не социальную группу, а определённый вид деятельности – участие в морских экспедициях военного или торгового характера (хотя позже определение и примет свой современный смысл) [7; 8; 9; 11; 20].

Важно подчеркнуть, что в средневековых источниках слово «викинг» не использовалось как этническое обозначение. Люди, которых современные исследователи называют викингами, чаще идентифицировали себя как датчан, норвежцев или жителей конкретных регионов Скандинавии. Таким образом, первоначально термин обозначал занятие или социальную роль, а не народ или цивилизацию [9].

Таким образом, анализ историографии показывает, что термин «эпоха викингов» представляет собой результат длительного процесса научной концептуализации, окончательно оформившегося в исторической науке XIX–XX вв. Его традиционные хронологические рамки, условно обозначаемые датами 793–1066 гг., имеют в значительной степени символический характер и отражают прежде всего события, зафиксированные в западноевропейских письменных источниках, а не реальные границы исторических процессов в Скандинавии и сопредельных регионах.

В ходе развития научного знания содержание данного понятия существенно трансформировалось. Если в ранней историографической традиции «эпоха викингов» интерпретировалась преимущественно как период военной экспансии и морских набегов скандинавов, то современные исследования рассматривают ее значительно шире – как время интенсивных транскультурных контактов, миграций, развития торговых сетей и глубоких социальных и политических трансформаций в самих скандинавских обществах. Особое значение в переосмыслении данного периода имеют достижения археологии, исторической антропологии и генетики. Междисциплинарные исследования убедительно демонстрируют неоднородность процессов, скрывающихся за традиционным понятием «викингской экспансии»: состав викингских отрядов нередко был многоэтническим, а распространение скандинавского влияния происходило не только посредством военной активности и переселений, но и через сложные механизмы культурной диффузии, торговых контактов и интеграции в существующие социально-политические структуры.

Вместе с тем, несмотря на многочисленные указания на условность и ограниченность термина, его полное исключение из научного употребления представляется маловероятным. В современной историографии «эпоха викингов» продолжает функционировать как операциональное обозначение периода приблизительно с середины VIII до середины XI — начала XII вв., когда Скандинавия выступала одним из активных участников и катализаторов процессов, определявших динамику развития раннесредневековой Европы. Следовательно, проблема данного термина заключается не столько в необходимости его замены, сколько в необходимости его критически рефлексивного использования. Осознание его историографической обусловленности и концептуальных ограничений позволяет сохранять его в качестве аналитической категории, одновременно учитывая сложность и многообразие исторических процессов, лежащих в основе так называемой «эпохи викингов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baug I., Skre D., Heldal T., Jansen Ø. J. The Beginning of the Viking Age in the West // *Journal of Maritime Archaeology*. – 2019. – Vol. 14. – P. 43–80. – DOI: 10.1007/s11457-018-9221-3.
2. Byrne F. J. *The Viking age // A new history of Ireland: prehistoric and early Ireland*. – Oxford, 2005. – P. 609–634.
3. Du Chaillu P. B. *The viking age the early history, manners, and customs of the ancestors of the English speaking nations* – New York: C. Scribner's sons, 1889. – 591 p.
4. Kendrick T. D. *A history of the Vikings*. – New York: Dover Publications, 2004. – 464 p.

5. Skre D. *The Northern Routes to Kingship: A History of Scandinavia AD 180–550*. – London: Routledge, 2020.
6. Woolf A. *The Viking paradigm in early medieval history // Early Medieval England and its Neighbours*. – 2025. – Vol. 51. – Article e2. – DOI: 10.1017/ean.2024.3.
7. Байок Дж. Л. *Исландия эпохи викингов / Джесси Л. Байок; пер. с англ., фр. и дисл. И. Свердлова* – Москва: Астрель: CORPUS, 2012. – 912 с.
8. Браунворт Л. *Морские волки: История викингов / Пер. с англ. А. И. Блейз*. – М.: ООО «АСТ»; ОГИЗ, 2022. – 320 с.
9. Гуревич А. Я. *Избранные труды. Древние германцы. Викинги*. – 4-е издание – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 352 с.
10. Джаксон Т. Н. *AUSTR i GORDUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 208 с.
11. Джаксон Т.Н. *Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное*. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 779 с.
12. Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
13. Мельникова Е. А. *Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон*. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 476 с.
14. Прайс Н. *История викингов. Дети Ясеня и Вяза / Пер. с англ. В. В. Степановой*. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 528 с.
15. Роэдаль Э. *Мир викингов. Викинги дома и за рубежом*. / Пер. с датск. яз. Ф. Х. Золотаревской. – Санкт-Петербург: «Всемирное слово», 2001. – 272 с.
16. Рыдзевская Е. А. *Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX–XIII вв. // Исторический архив. Вып. №3*. – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – С. 3–70.
17. Симпсон Ж. *Викинги. Быт, религия, культура / Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской*. – М.: ЗЛЮ Центрполиграф, 2005. – 239 с.
18. Сойер П. *Эпоха викингов / Пер. с англ. А. П. Санина*. – СПб.: Евразия, 2006. – 353 с.
19. Хлевов А. А. *Кто такие викинги*. – СПб.: Евразия, 2021. – 224 с.
20. Хлевов А. А. *Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках*. М.: Евразия, 2002. – 242с.

THE PROBLEM OF THE TERM “VIKING AGE” IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Annotation: The article analyzes the origin, development, and contemporary use of the term “Viking Age” in historical scholarship. Various historiographical approaches to defining the content and chronological boundaries of this concept are examined. Particular attention is paid to the conventional nature of this periodization and its dependence on research traditions. Drawing on the works of Russian and foreign scholars, the paper evaluates the extent to which the term “Viking Age” reflects real historical processes or represents largely a historiographical construct. The study also considers the influence of new interdisciplinary research, including archaeology and genetics, on modern interpretations of the nature of Scandinavian expansion in the Early Middle Ages.

Keywords: Viking Age, Vikings, Scandinavia, historiography, medieval history.

Rolinskiy N.S.

Scientific advisor: Shepko L.G., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: mr.rolinskiy.rolik@gmail.com

УДК 341.123:327.56

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ МИРОТВОРЧЕСТВА В РАМКАХ ООН: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ ДО МНОГОАСПЕКТНЫХ МИССИЙ

Северук Б.О.

*Научный руководитель: Посредникова Т. Г., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается трансформация концепции миротворчества Организации Объединенных Наций с момента её зарождения до современности. Анализируется переход от традиционных операций по поддержанию мира, ориентированных на наблюдение за прекращением огня и поддержание буферных зон, к многоаспектным миссиям, включающим в себя широкий спектр задач, таких как содействие политическим процессам, реформирование сектора безопасности, защита гражданского населения, мониторинг прав человека и поддержка социально-экономического развития. Исследуются факторы, обусловившие эту эволюцию, вызовы и перспективы современного миротворчества ООН.

Ключевые слова: ООН, миротворчество, поддержание мира, многоаспектные миссии, реформирование сектора безопасности.

Актуальность проблемы. Эволюция концепции миротворчества в рамках Организации Объединённых Наций в Африке представляет собой длинную и сложную историю, в которой постепенно трансформировались задача и инструменты вмешательства на фоне меняющихся политических условий континента. В начале эпохи постколониальных государств Африка увидела первые крупные попытки международного сопровождения внутренне конфликтных ситуаций, после чего картина миротворчества перешла к более комплексному подходу, включающему политическую работу, гуманитарную помощь, разоружение и реформу безопасности, развитие институтов и правопорядка, а порой и принудительное применение силы в целях защиты граждан. Эта эволюция не была линейной: в одних случаях сохранялись принципы «традиционного» миротворчества, в других — возникали гибридные, а затем и многоаспектные миссии под эгидой ООН и региональных объединений, прежде всего Африканского Союза.

Цель: выявить специфику эволюции концепции миротворчества ООН в Африке от традиционных форм к многоаспектным миссиям.

Начало эпохи миротворчества ООН в Африке тесно связано с идеями множества открытий, реформ и кризисов, которые произошли в первые десятилетия существования современной миротворческой деятельности. Можно говорить о так называемых «традиционных» миротворческих операциях, где основным элементом была договорённость сторон и нейтральность посредника, а применение силы считалось допустимым только в рамках самообороны или защиты мандата, без активного вмешательства в ход конфликта. В африканском контексте таким примером служит миссия ООН в Конго, начавшаяся 14 июля 1960 года, представитель Раджешвар Даял, когда Организация Объединённых Наций пыталась стабилизировать кризисы в условиях деколонизации и холодной войны. Операция в Конго в период кризиса 1960-х стала одной из первых крупных миротворческих операций, где присутствовала значительная военная составляющая, но мандат сохранял формальную привязанность к принципам нейтралитета [1, с. 341] В этот же период функционировали и другие миссии на африканском континенте, в том числе миссии по наблюдению за соблюдением прекращения огня и формальные каналы переговоров между конфликтующими сторонами. В большинстве случаев характер таких миссий был ближе к традиционному

подходу: ограниченная военная линия, задача стабилизации окружающей обстановки, наименьшее вовлечение в политическую динамику страны и минимальное вмешательство в суверенитет государств. [4, с. 37]

Однако африканские кризисы демонстрировали и пределы такого подхода. В ряде ситуаций миротворцы не могли обеспечить надлежащую защиту граждан, прекратить насилие или создать устойчивую политическую платформу для переходного периода. Примером здесь служат трагические события в Бурунди и Руанде в конце 1980-х и начале 1990-х годов, а также геноцид в Руанде 1994 года, который стал ярким сигналом о том, что существующие принципы нейтралитета и минимального вовлечения не способны гарантировать безопасность граждан в условиях масштабного конфликта и массовых нарушений прав человека. Эти события привели к переоценке концепции миротворчества и к появлению более активной роли политической дипломатии, а затем и переходу к более амбициозным и комплексным миссиям, которые могли сочетать миротворческий контроль с политической реконструкцией страны, стабилизацией институтов, реформой армии и полицейскими структурами, поддержкой прав человека и институтов правосудия, а иногда — и применением силы в поддержке защиты граждан. [6, с. 56]

Влияние на африканские операции оказал и доклад Сайруса Венса представителя Генерального секретаря «План мира» 1992 года. Этот документ стал отправной точкой для перехода от чисто мониторинговых и разделочных функций к более активной роли ООН в миростроительстве. В нём подчёркивалась необходимость не только прекращения боевых действий, но и подготовки к мирному пребыванию после конфликта: политический процесс, безопасность граждан, восстановление экономики, правовая система, выборы и институты, гарантирующие долгосрочную устойчивость. В последующие годы африканский контекст подтвердил необходимость такой целостной стратегии: одна из характерных черт конфликтов на континенте — их глубина, сложная социально-политическая природа и привязанность к ресурсам, территориям и этническим и региональным динамикам. [5, с. 138] Вследствие этого развитие концепции миротворческого движения шло в сторону более комплексного, интегрированного подхода, который сочетал военные элементы с политическими и гуманитарными компонентами.

Ключевым этапом в переосмыслении мировых подходов к миротворчеству стала работа по реформе миротворческих операций после многочисленных кризисов конца XX века. В африканском контексте особенно заметной стала роль Соглашения Бухарестской конференции и последующих докладов о реформах миротворчества. В 1990-е годы началась практика создания на африканском континенте многогранной миссии, в рамках которой одновременно осуществлялись задачи по охране населения, поддержке гуманитарного доступа, политической дипломатии и подготовке местных институтов к устойчивому управлению. Пример присутствие ООН, под руководством Берханемескеля Неги в Сьерра-Леоне 1999–2005 стал одним из наиболее ярких проявлений этой трансформации. Миротворческая миссия в Сьерра-Леоне включала не только контроль над прекращением огня, но и разоружение вооружённых формирований, демобилизацию, реинтеграцию бойцов в гражданскую жизнь, реформу гражданской службы, создание условий для проведения свободных выборов и надёжную поддержку населения. Это стало наглядным образцом того, как многоаспектная миссия может функционировать в условиях постконфликтного восстановления, и задало новые стандарты для последующих операций в Африке. [9, с. 42]

Ещё одним знаковым моментом стало формирование и развитие крупных миссий под эгидой ООН в ДРК в 2010 [12, с. 14] году и в регионе Сахеля в Мали в 2013 году [13, с. 2]. Миссия в Конго стала одной из самых продолжительных и масштабных африканских миссий, чьи задачи перешли за рамки чистого контроля прекращения огня

к комплексному процессу стабилизации на востоке страны, поддержке политического процесса, защиты граждан и поддержки защиты прав человека и правосудия. Важной инновацией здесь стало создание так называемой Программной военной группировки с целью защищать граждан и поддерживать миротворческий процесс в условиях сложной и изменяющейся обстановки. В 2013 году был введён так называемый Force Intervention Brigade (FIB), объединяющий силы под ударами по группе вооружённых формирований, что демонстрировало возможность сочетания миротворческой миссии с активной силовой операцией там, где гражданам угрожала непосредственная опасность. Этот опыт стал ярким подтверждением того, что современное миротворчество в Африке часто требует не только нейтральности и мониторинга, но и способности оперативно действовать для защиты населения в условиях полномасштабного насилия. Он же продемонстрировал и риски, связанные с такой стратегией: необходимость соблюдения принципов пропорциональности, минимизации жертв среди гражданского населения и взаимодействия с региональными партнёрами, чтобы избежать эскалации конфликтов. [9, с. 57]

В 2000-е годы произошёл глубинный качественный сдвиг в трактовке «многоаспектности» миротворчества. Концепция многоаспектного поддержания мира, поддержанная докладом Брамими и последующими руководящими документами ООН, подчёркивала важность интеграции военных операций с политическими, гуманитарными и социально-экономическими мерами. Региональные партнёрства и координация с Африканским Союзом, энергично продвигаемые на практике, позволяли лучше согласовывать усилия по стабилизации стран, выходу из кризисов и формированию условий для политического процесса и выборов, где международная поддержка становилась не только «щитами» граждан, но и двигателем реформ внутри государств [10, с. 124].

Особое место занимали операции по защите гражданского населения и безопасности мирных жителей — так называемая концепция защиты граждан (Protection of Civilians, PoC). [8, с.85] Признание того, что конфликты в Африке нередко перерастают в гуманитарные кризисы, вызвало эмпирическое обращение к более решительным мерам по охране граждан, включая создание зон безопасности, безопасных коридоров для гуманитарной помощи, а также усиление мандатов по предотвращению массовых преступлений против граждан. В Дарфуре, международная миссия сочеталась с активно действующим механизмом принуждения, отражая идею гибридной модели, где военная сила и дипломатическое усилие работают в связке.

В 2005 году в Сьерра Леоне [13, с. 22], было достигнуто прекращение огня, разоружение и демобилизация, реформирование полиции и судебной системы, подготовка страны к свободным выборам и демократическому управлению. Этот кейс стал образцом того, как сверхзадача миротворчества может стать основой для долгосрочной, которая способна удерживать мир не только за счёт прекращения активной фазы противостояния, но и через создание базовых государственных институтов, возможностей граждан участвовать в политическом процессе и восстанавливаться экономически. [9, с. 97]

В контексте африканского региона особую роль сыграли случаи ДРК и Сахеля, где в течение последних двух десятилетий миссии ООН приобрели многосоставной характер и стали инструментами не только восстановления мира, но и поддержки политического процесса, реформы безопасности, борьбы с терроризмом и содействия развитию. Миссия в Конго, существующая уже более двух десятилетий, демонстрирует, как крупномасштабная, многоцелевая миссия может сочетать защиту граждан, поддержку населения в условиях гуманитарной и политической нестабильности, содействие урегулированию конфликта и реформе государственного сектора.

Однако эволюция миротворчества в Африке сопровождалась и серьёзными вызовами. Прежде всего, это сложности правовых и политических оснований вмешательства: вопрос суверенитета государства остаётся ключевым препятствием для реализации соглашений и мандатов, особенно в контекстах слабого правопорядка и слабых институтов. В некоторых случаях согласие государственных властей на присутствие международных сил бывало ограниченным или временным, что снижало эффективность мандата и давало возможности конфликтующим сторонам обходить международное давление. Роль региональных организаций, таких как Африканский Союз, становилась всё более критичной, но и здесь возникают вопросы координации, разделения ответственности и обеспечения суверенного участия стран-членов. [2, с. 137]

Среди уроков и выводов, которые можно вынести из опыта африканской миротворческой деятельности под эгидой ООН, следует выделить несколько ключевых направлений. Во-первых, миротворчество стало неразрывно связано с политическим процессом и строительством институтов. Без поддержки политического диалога, подготовки и проведения свободных выборов, реформ государственных и судебных структур даже самая сильная военная миссия не может обеспечить устойчивый мир. Во-вторых, защита граждан стала краеугольной частью современного миротворчества: ответственность за сохранность населения должна быть не только в декларациях, но и в практических механизмах, способных минимизировать риск гибели граждан и разрушений. В-третьих, интегрированность усилий по миру и развитию — одно из ключевых требований современного подхода.

Говоря о будущем мирового миротворчества в Африке, можно предположить, что главные вызовы XXI века требуют не только усиления боеспособности миротворческих сил, но и разработки более гибких инвестиционных стратегий, нацеленных на долгосрочную устойчивость общества. В этом контексте важными становятся задачи предотвращения конфликтов через улучшение управления, соблюдение прав человека, развитие гражданского сектора, борьбу с коррупцией, укрепление правовой системы и институтов государственной власти, что позволит снизить риски рецидивов насилия.

Таким образом, на протяжении десятилетий африканские кризисы показали, что стабильность сильнее зависит не только от прекращения огня, но и от устойчивости политической системы, эффективности госуправления, повседневной безопасности граждан и доверия населения к институтам власти. Африка стала ареной, на которой протестированные временем принципы нейтралитета и контроля за прекращением огня постепенно дополнились активной политикой реконструкции, реформами безопасности, защитой граждан и восстановлением правопорядка. Этот путь не был прямым и не лишён ошибок: трагедии и неудачи, такие как события вокруг Руанды и последовавшие кризисы в Сомали, заставили международное сообщество пересмотреть подходы к миру и укрепить институциональные механизмы, направленные на приведение конфликта к окончательному урегулированию и устойчивому миру. Сегодняшние многоаспектные миротворческие миссии в Африке — MONUSCO в ДПК, MINUSMA в Мали, UNMISS в Южном Судане, UNOCI и другие региональные и гибридные структуры — являются компромиссом между необходимостью защиты граждан, политической поддержкой переходных процессов, реформой институтов и экономической поддержкой, и демонстрируют, что современное миротворчество требует не только силы, но и компетентности, координации и гибкости в ответ на непрерывно эволюционирующую реальность африканского континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышев А. П. *Мировая политика и Организация Объединённых Наций, 1945–2009* : монография / А. П. Барышев. – М. : Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами ; АВИТИ, 2009. – 1342 с. : ил., портр. – ISBN 978-5-903073-50-4.

2. Бордачев Т. В. *«Новый интервенционализм» и современное миротворчество* / Т.В. Бордачев. – М., 1998. – 177 с.
3. Загорский А. В. *Миротворчество и международное управление региональной безопасностью* / А. В. Загорский. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – 118 с.
4. Заемский В. Ф. *ООН и миротворчество : курс лекций* / В. Ф. Заемский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Международные отношения, 2022. – 360 с. – ISBN 978-5-7133-1715-7.
5. Запарий Ю. В. *Миротворческие операции ООН : эволюция концепции и её реализация (середина 40-х – начало 70-х гг. XX в.)* / Ю. В. Запарий. – Екатеринбург, 2005. – 178 с.
6. Зверев П. Г. *Право международных миротворческих сил на осуществление арестов в исторической ретроспективе // Юридические науки : проблемы и перспективы : материалы II междунар. науч. конф. (Пермь, январь 2014 г.)*. – Пермь, 2014. – С. 248-.
7. *Патрис Лумумба: жизнь во имя свободы Африки* / [ред. и сост.]. – М. : Изд-во УДН, 1989. – 128 с.
8. Никитин А. И. *Миротворческие операции : концепция и практика* / А. И. Никитин. – М., 2000. – 188 с.
9. Семенов В. С. *Вооружённые силы ООН (проблема применения)* / В. С. Семенов. – М., 1976. – 174 с.
10. Demsa M. *United Nations Peacekeeping and the Use of Force* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc330944/m2/1/high_res_d/1002714063-Demsa.pdf (дата обращения: 13.02.2026).
11. *The Art of the Possible: MONUSCO's New Mandate* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congoresearchgroup.org/wp-content/uploads/2018/02/The-Art-of-the-Possible-MONUSCOs-New-Mandate-23Feb18.pdf> (дата обращения: 13.02.2026).
12. Tull D. M. *UN Peacekeeping in the DR Congo: From MONUC to MONUSCO* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2019C23_tll.pdf (дата обращения: 13.02.2026).
13. *United Nations Security Council: Repertoire of the Practice of the Security Council 1996-1999* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/en/sc/repertoire/96-99/96-99_05.pdf (дата обращения: 13.02.2026).

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF PEACEKEEPING WITHIN THE UN: FROM TRADITIONAL OPERATIONS TO MULTIDIMENSIONAL MISSIONS

Annotation. This paper examines the transformation of the United Nations' peacekeeping concept from its inception to the present day. It analyzes the shift from traditional peacekeeping operations, focused on monitoring ceasefires and maintaining buffer zones, to multidimensional missions that encompass a broad spectrum of tasks, such as facilitating political processes, reforming the security sector, protecting civilians, monitoring human rights, and supporting socio-economic development. The study explores the factors driving this evolution, as well as the challenges and prospects of contemporary UN peacekeeping.

Keywords. UN, peacekeeping, peace maintenance, multidimensional missions, evolution, security sector reform, civilian protection, human rights, political settlement.

Sevruk B.O.

Scientific adviser: Posrednikova T.G., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: sevruk7@gmail.com

УДК 327.5(510+571)

ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОТ ПЕРВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ДО НЕРЧИНСКОГО ДОГОВОРА 1689 Г.

Скотская В.О.

*Научный руководитель: Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»»*

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования российско-китайских отношений в XVII веке — от первых русских экспедиций в Приамурье до заключения Нерчинского договора 1689 г. Проанализированы геополитические и экономические предпосылки, ход разведочных и военных походов, создание и осады Албазина, особенности Нерчинских переговоров и практические последствия договора. Сделан вывод, что Нерчинский договор стал первой правовой основой двусторонних отношений между Русским государством (Московским царством) и Цинской империей и обеспечил переход от военной эскалации к дипломатическому урегулированию.

Ключевые слова: Приамурье, Поярков, Хабаров, Албазин, Нерчинский договор.

Зарождение российско-китайских отношений в XVII веке связано с одновременным расширением территориальных и политических интересов Русского государства и становлением маньчжурской династии Цин. Продвижение России на восток сопровождалось освоением Сибири, развитием пушного промысла и формированием новых административных центров, в то время как Цинская империя стремилась укрепить контроль над северо-восточными рубежами и пограничными территориями.

Отсутствие чётко оформленных границ и дипломатических каналов на дальневосточных рубежах привело к тому, что инициативу по контакту брали на себя землепроходцы, промысловые коллективы и местные воеводы, что породило сочетание торгово-экономических и военных взаимодействий. Понимание механизмов такого перехода от «контакта на местах» к официальной дипломатии — ключевая задача данного исследования.

Цель исследования — анализ становления российско-китайских отношений в XVII веке и выявление факторов, обусловивших их формирование.

Проблематика становления российско-китайских отношений освещена в работах Е. А. Багрина, А. Ю. Лохова, а также в публикациях, посвящённых экспедиции В. Д. Пояркова, Албазинскому конфликту и Нерчинским переговорам. Указанные исследования рассматривают вопросы военной организации амурских отрядов, стратегию осад Албазинского острога, дипломатические механизмы заключения Нерчинского договора 1689 г. и особенности русско-цинского взаимодействия в XVII веке.

Продвижение России в Приамурье в XVII веке было вызвано комплексом взаимосвязанных экономических и стратегических причин. Ключевым двигателем экспансии являлся пушной промысел: к середине века запасы ценнейшего соболя в Восточной Сибири были истощены, и взгляд землепроходцев устремился к новым угольям в бассейне Амура. Освоение региона обеспечивало прибыль от добычи «мягкой рухляди» и пополнение казны через ясак — натуральную подать мехами, которой облагались местные народы (дауры, дючеры, гиляки).

Расширение пушного промысла и установление ясачного контроля стали лишь первым этапом продвижения Русского государства в Приамурье. По мере освоения территории экономические интересы дополнялись более широкими торговыми и стратегическими задачами, связанными с включением региона в систему внешних связей и укреплением позиций России на восточных рубежах. Именно в этом контексте

формировались новые мотивы и направления экспансии, выходявшие за рамки исключительно промысловых целей.

Важным мотивом была и перспектива прямой торговли с Китаем, которая позволила бы преодолеть посредничество среднеазиатских купцов и получить доступ к рынкам шелка, чая и серебра. Ключевую оперативную роль сыграла уникальная речная система Сибири: путь по Лене, затем вверх по Алдану, его притокам и через волок в бассейн Зеи и Амура создавал естественный и относительно освоенный коридор для экспедиций из Якутска. Альтернативный, забайкальский маршрут из Нерчинска по Шилке и Амуру также способствовал закреплению в регионе.

Эти устремления России вступили в прямое противоречие с интересами маньчжурской династии Цин, которая в этот период консолидировала свою власть. После завоевания Китая в 1644 году для Цинской империи Маньчжурия приобрела статус «священной родины» правящего клана и стратегического тыла, который требовалось обезопасить от любого внешнего влияния. Местные приамурские племена были интегрированы в цинскую систему управления и рассматривались как подданные, обязанные нести воинскую повинность и платить дань. Поэтому появление русских острогов (Албазинского, Ачанского и др.) и, главное, сбор ими ясака с этих племен воспринимались в Пекине как двойное преступление: подрыв суверенитета и экономическое ограбление. Отсутствие какой-либо договорной границы и чётких правил взаимодействия неминуемо вело к конфликту.

Первые русские экспедиции в Приамурье возглавляемые Василием Даниловичем Поярковым (1643–1644 гг.) и Ерофем Павловичем Хабаровым (1649–1653 гг.) представляют собой ключевой этап раннего освоения Амурского региона Русским государством и фактически предопределили структуру последующего межгосударственного взаимодействия с Цинской империей. Экспедиции Пояркова В.Д. носили разведывательный и промысловый характер, включали картографирование территории, сбор данных о природных ресурсах, маршрутах снабжения и этнографическую характеристику коренного населения. Архивные материалы свидетельствуют, что его поход обеспечил Москву первичной информацией о географических и социально-экономических условиях Приамурья, что способствовало планированию дальнейшего расширения административного контроля и военной инфраструктуры [1].

Действия Хабарова Е.П. отличались более комплексной направленностью. Его экспедиции включали организацию острогов, систему сбора ясаковой продукции, установление контроля над местными общинами и создание постоянных пунктов снабжения. Структура его войск, организация логистики и вооружение отражают стратегию длительного присутствия Русского государства в регионе, несмотря на ограниченность ресурсов и удалённость территории от центра. При этом контакты с местным населением варьировались от торгово-дипломатических взаимодействий до насильственного подчинения, что неизбежно повышало вероятность локальных конфликтов и формировало основу для будущей дипломатической регламентации отношений с Цинской империей [1; 2]. В дальнейшем Албазинский острог стал эпицентром военного и дипломатического противостояния Русского государства и Цинской империи во второй половине XVII века. Его стратегическое значение было огромно: крепость не только контролировала ключевые речные пути на Амуре и служила центром пушного промысла, но и являлась символом российского присутствия в регионе, оказывая постоянное давление на территориальные интересы Цин. Несмотря на то, что острог был укреплен деревянными стенами и имел артиллерию, его уязвимость заключалась в хронической нехватке продовольствия, боеприпасов и людских резервов. Археологические исследования выявляют следы интенсивных штурмов и свидетельства постоянных попыток гарнизона модернизировать оборону — от насыпки земляных

валов для защиты от ядер до ремонта разрушенных частей частокола [3; 4]. Цинская армия, применяя передовую для того времени осадную тактику, дважды — в 1685 и 1686 годах — пыталась стереть Албазин с лица земли. Осады включали не только планомерный артиллерийский обстрел, но и инженерные работы: подкопы под стены и полную блокаду, лишавшую защитников связи с внешним миром. Упорное, почти отчаянное сопротивление немногочисленного гарнизона превратило эту крепость в легенду. Цины, неся существенные потери от болезней и стычек, столкнулись с неожиданной проблемой: даже захватив и разрушив острог (как в 1685 году), они вскоре увидели, как русские вновь возвращаются и отстраивают его. Эта «гидравлическая» устойчивость русских позиций показала Пекину, что полное военное решение потребует непропорционально высоких затрат и отвлечения сил от других фронтов.

Кульминацией драмы стал 1686 год, когда после годичной героической обороны в живых из гарнизона Албазина осталась лишь горстка измождённых людей. Однако их стойкость достигла стратегической цели. Тупиковая ситуация — когда ни одна из сторон не могла добиться решающего перевеса — заставила империи сменить тактику. Москва, ослабленная войнами на западе, не могла indefinitely поддерживать дальневосточный фронт, а Пекин устал от затяжного конфликта на периферии. Албазинский конфликт, таким образом, стал жестоким, но необходимым экспериментом, который доказал обеим державам бесперспективность силового пути. Он ясно указал на единственную рациональную альтернативу — дипломатические переговоры. Таким образом, дым сгоревших стен Албазина напрямую указал дорогу к столу переговоров в Нерчинске, где в 1689 году и был подписан первый пограничный договор [3; 4].

Албазинская эпопея продемонстрировала, как локальный военный конфликт может стать катализатором масштабных дипломатических процессов. Героизм защитников острога, часто действовавших по собственной инициативе в тысячах километров от центра, парадоксально укрепил позиции русской дипломатии, показав цинским военачальникам реальную стоимость войны. Этот опыт заложил важнейший прецедент в отношениях двух империй: силовое давление должно иметь пределы, за которыми начинается область сложных, но неизбежных переговоров. Именно этот урок, выученный ценой жизни албазинских казаков, лёг в основу последующей многовековой практики российско-китайского пограничного урегулирования.

Нерчинский договор 1689 года был заключён не столько по взаимной воле сторон, сколько по необходимости, вызванной стратегическим тупиком. После двух осад Албазина (1685, 1686 гг.) стало очевидно, что военное решение невозможно. Россия, отвлечённая войнами на западных рубежах, не могла перебросить значительные силы в Приамурье, а её немногочисленные гарнизоны страдали от нехватки продовольствия и боеприпасов. Цинская империя, хотя и обладала подавляющим превосходством, столкнулась с истощением ресурсов из-за огромной логистической цепи и не могла позволить себе длительную войну на севере, будучи вовлечённой в борьбу с южными мятежами. Таким образом, переговоры стали для обеих империй единственным способом зафиксировать статус-кво и развязать руки для решения более важных внутренних и внешних задач. Российскую делегацию возглавил Ф.А. Головин, наделённый широкими полномочиями, но вынужденный действовать в условиях жёсткого цейтнота и военного давления со стороны многотысячной цинской армии, окружившей Нерчинск. Особенностью переговоров стал тот факт, что переговорный процесс происходил при участии третьей стороны — европейских миссионеров-иезуитов. Будучи доверенными советниками при дворе императора Канси, они выступали не просто как переводчики, но как политические посредники и даже соавторы текста. Их участие отражало зарождающуюся глобальную дипломатию. Латынь, будучи нейтральным языком, стала инструментом для согласования понятий, отсутствовавших в правовых традициях друг друга (например, «государственная граница»). Однако этот

многоязычный формат и стал источником будущих конфликтов. Официальными были признаны три версии договора: русская, маньчжурская и латинская. Критически важные формулировки о границе (например, «Каменные горы», идущие к морю) в этих версиях отличались. Русский текст, трактовавший эти «горы» как Становой хребет, оставлял пространство для претензий на Приамурье. Латинский и маньчжурский варианты были менее определённы, что позволяло цинской стороне настаивать на более выгодной для себя линии.

Таким образом, Нерчинский договор стал классическим примером дипломатического компромисса, который, решив сиюминутный кризис, посеял семена будущих споров. Его главным достижением стало установление формального диалога и создание первого правового каркаса для отношений, включая правила торговли и процедуры урегулирования инцидентов. Однако принципиальная неопределённость в территориальных статьях сделала договор временной, а не окончательной мерой. Эта неоднозначность позволила России в XIX веке, уже с позиции силы, инициировать пересмотр договора, ссылаясь на неточности оригинальных текстов. В итоге Нерчинский трактат на полтора века заморозил конфликт, но не разрешил его, что прямо привело к переговорам 1858–1860 гг. и заключению новых договоров [5; 6].

Долгосрочное историческое значение Нерчинского договора заключается в том, что он заложил парадигму российско-китайских отношений на полтора века вперёд. Несмотря на свои очевидные недостатки и вынужденный для России характер, договор стал прецедентом, сменившим модель силового противостояния на модель договорно-правового регулирования. Установленные им принципы — проведение границы по взаимному соглашению, разрешение споров через переговоры, связь политического статус-кво с регламентированной торговлей — превратились в устойчивую основу межгосударственного диалога. Эта созданная в 1689 году рамка оказалась настолько прочной, что потребовала пересмотра не под давлением нового военного конфликта, а в результате изменения баланса сил и геополитической ситуации в середине XIX века, что и привело к подписанию Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров на новых для России условиях.

Анализируя изложенное, следует сделать вывод, что ранний этап российско-китайских отношений (1640–1689 гг.) представляет собой классический пример перехода от стихийной колонизации к формализованным межгосударственным отношениям. Локальная инициатива землепроходцев и промысловых сообществ, движимая экономическими интересами (пушной промысел, ясак), столкнулась с геополитической реальностью — консолидацией Цинской империи в Маньчжурии. Экспедиции Пояркова и Хабарова создали картографическую и фактическую основу для претензий, а Албазинский конфликт наглядно продемонстрировал обеим державам пределы силового решения и необходимость дипломатического диалога. Нерчинский договор 1689 г., несмотря на своё несовершенство и вынужденный характер, стал историческим рубежом, оформив первую правовую и дипломатическую рамку взаимодействия. Он установил принципы, определившие отношения на полтора века вперёд: договорное закрепление границ, приоритет переговорного урегулирования споров и взаимосвязь политики с регулируемой торговлей. Работа с комплексом источников и исследований позволяет утверждать, что данный период заложил фундаментальную модель взаимодействия на дальневосточных рубежах.

Таким образом, значение Нерчинского договора вышло далеко за рамки простого территориального разграничения. Он создал первый устойчивый правовой и институциональный каркас, который, несмотря на периодические трения, обеспечивал предсказуемость и стабильность на границе. Заложенные в 1689 году принципы — взаимное признание суверенитета, стремление к дипломатическому урегулированию и формализация приграничных отношений — стали прочной основой для последующего

развития диалога. Эта модель доказала свою эффективность, просуществовав вплоть до середины XIX века, когда новые исторические условия потребовали её адаптации и привели к заключению Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трагедия «серебряной экспедиции» В. Д. Пояркова (1643–1644): новые факты архивных документов // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-serebryanoy-ekspeditsii-v-d-rouyarkova-1643-1644-novye-fakty-arhivnyh-dokumentov-maloizvestnye-stranitsy-pokoreniya-sibiri> (дата обращения: 28.01.2026)
2. Багрин Е. А. Полк Ерофея Хабарова: к вопросу об организации и боеспособности амурского войска (1650–1653 гг.) // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polok-erofeya-habarova-k-voprosu-ob-organizatsii-i-boespособnosti-amurskogo-voyska-1650-1653-gg> (дата обращения: 30.01.2026)
3. Лохов А. Ю. Историко-топографическое моделирование первой осады Албазинского острога (1685 г.) // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-topograficheskoe-modelirovanie-pervoy-osady-albazinskogo-ostroga-1685-g-i> (дата обращения: 30.01.2026)
4. Лохов А. Ю. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога: период второй осады // CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-arheologicheskoe-modelirovanie-albazinskogo-ostroga-perioda-vtoroy-osady-i> (дата обращения: 04.02.2026)
5. Нерчинские переговоры и роль переводчиков-миссионеров // eLibrary. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48320291> (дата обращения: 04.02.2026)
6. Публикации по маньчжурскому тексту и переводам Нерчинского договора // ABIRUS.- URL: <https://www.abirus.ru/> (дата обращения: 08.02.2026)

THE ORIGINS OF RUSSO-CHINESE RELATIONS: FROM THE FIRST EXPEDITIONS TO THE TREATY OF NERCHINSK (1689)

Abstract. The article examines the process of the formation of Russian–Chinese relations in the 17th century, from the first Russian expeditions to the Amur region to the conclusion of the Treaty of Nerchinsk in 1689. It analyzes the geopolitical and economic preconditions, the course of reconnaissance and military campaigns, the establishment and sieges of Albazin, the features of the Nerchinsk negotiations, and the practical consequences of the treaty. The study concludes that the Treaty of Nerchinsk became the first legal foundation of bilateral relations between the Russian state (the Tsardom of Muscovy) and the Qing Empire, ensuring a transition from military escalation to diplomatic settlement.

Keywords: Amur region, Poyarkov, Khabarov, Albazin, Treaty of Nerchinsk.

Skotskaya V.O.

Scientific adviser: Medovkina L.Y., Assoc. Prof.

Donetsk State University

E-mail: skotskaya.vika07@mail.ru

УДК 94(47).05 "1695-1721"

ПЕТРОВСКИЕ ВОЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Смольницкий Н.С.

*Научный руководитель: Щевич К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья посвящена анализу военных реформ Петра I в контексте формирования мобилизационной модели российского государства и становления военно-административной системы нового типа. Рассматриваются предпосылки преобразований, институциональные изменения в управлении армией, введение рекрутской системы, развитие военной промышленности и централизованного аппарата снабжения. Особое внимание уделяется взаимосвязи военной модернизации с социальными и экономическими процессами, а также влиянию реформ на трансформацию структуры общества и механизмов государственного управления. Показано, что реформы Петра I стали не только ответом на внешнеполитические вызовы, но и комплексной программой перестройки государства, в результате которой армия превратилась в ключевой элемент административной системы и инструмент модернизации страны.

Ключевые слова: мобилизационная модель государства, военно-административная система, Северная война, военная модернизация, государственное управление.

Военные реформы Петра I стали одним из ключевых этапов трансформации российской государственности раннего Нового времени. Их значение выходит далеко за пределы истории вооружённых сил, поскольку именно в этот период формируется новая модель управления государством, основанная на мобилизации ресурсов общества в интересах ведения длительной войны и укрепления международного положения страны. Реформы носили системный характер и затрагивали не только организацию армии, но и структуру управления, экономику, социальные отношения и идеологию государственной службы. Впервые в российской истории военное строительство стало центральным направлением государственной политики, определявшим внутренние преобразования и внешнеполитические приоритеты.

На рубеже XVII-XVIII вв. Россия столкнулась с серьёзными вызовами: устаревшая военная система, отсутствие централизованного снабжения, слабая подготовка войск и ограниченные административные возможности государства препятствовали эффективному ведению крупных военных кампаний. Пётр I, осознавая необходимость радикальной модернизации, инициировал преобразования, направленные на создание регулярной армии и военно-административной структуры нового типа. В результате была сформирована мобилизационная модель государства, в которой армия стала не только инструментом внешней политики, но и основой социально-экономической организации общества [1, с. 11-12].

Существенное влияние на формирование реформаторского курса оказал европейский опыт, полученный Петром I в ходе Великого посольства 1697-1698 гг. Изучение военных и административных систем Голландии, Англии и других стран позволило царю увидеть преимущества регулярной армии, развитой системы снабжения и профессионального офицерского корпуса. Эти впечатления легли в основу дальнейших преобразований, направленных на внедрение единых военных стандартов, развитие военного образования и формирование централизованного аппарата управления вооружёнными силами. Таким образом, реформы Петра I следует рассматривать не как изолированные меры, а как результат осознанной политики заимствования и адаптации европейского опыта к российским условиям.

Дополнительным стимулом к реформированию стала необходимость ведения Северной войны 1700-1721 гг., которая потребовала от государства мобилизации

значительных людских и материальных ресурсов. Уже первые годы войны показали, что без коренной перестройки армии Россия не сможет успешно противостоять одной из сильнейших военных держав Европы – Швеции. Военные поражения начала кампании стали катализатором ускоренной модернизации, в результате которой были созданы новые полки, разработаны уставы и сформированы структуры централизованного снабжения армии.

Следует отметить, что реформы сопровождались изменением самой идеологии государственной службы. Военная служба постепенно превращалась в основную форму социальной реализации для дворянства, а армия становилась важнейшим каналом вертикальной мобильности и инструментом формирования новой элиты. Параллельно формировалась новая административная культура, основанная на дисциплине, иерархии и подчинении государственным интересам. Иначе говоря, военные преобразования стали не только инструментом модернизации армии, но и важным фактором формирования нового типа российской государственности, ориентированной на централизованное управление и мобилизацию ресурсов общества в стратегических целях.

Цель данного исследования – анализ того, как военные реформы Петра I заложили основы российской военно-административной системы и определили характер государственного управления на длительную историческую перспективу. Особое внимание уделяется взаимосвязи военных преобразований с социальными и экономическими изменениями, а также формированию централизованного аппарата управления вооружёнными силами.

Историография проблемы демонстрирует устойчивый интерес исследователей к различным аспектам петровских реформ. Е.В. Анисимов рассматривал реформы как фундамент модернизации государственной системы и формирования новой модели власти [1]. А.А. Керсновский уделял внимание развитию регулярной армии и профессионализации офицерского корпуса [2]. С.М. Соловьёв связывал преобразования с процессами централизации государства и укрепления самодержавия [4]. Е.В. Тарле анализировал реформированную армию в контексте Северной войны и международной политики России [5]. С.М. Троицкий подчеркивал социальные последствия реформ и усиление зависимости населения от государства [6]. Н.Г. Устрялов подробно исследовал административные институты, возникшие в результате военной модернизации [7]. Несмотря на значительный объём исследований, рассмотрение реформ через призму мобилизационной модели государства позволяет по-новому оценить их комплексный характер.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и комплексного анализа источников. Используются сравнительно-исторический метод для сопоставления дореформенной и реформированной военной системы, институциональный подход для анализа формирования военно-административных структур, а также проблемно-хронологический метод, позволивший проследить динамику преобразований в ходе Северной войны. Применение междисциплинарного подхода дало возможность рассмотреть военные реформы в контексте социальных и экономических процессов эпохи.

Предпосылки военных реформ Петра I формировались под воздействием комплекса внешнеполитических и внутренних факторов, отражавших кризис старой военной и административной системы Московского государства. Во второй половине XVII века Россия оказалась втянута в борьбу за влияние в Восточной Европе и Причерноморье, соперничая с Османской империей, Швецией и Речью Посполитой. Каждое из этих государств обладало более современной армией и эффективной системой управления войсками, что обнажало структурные слабости русской военной организации. Стрелецкие полки и дворянское ополчение представляли собой архаичные

формы службы, не способные обеспечить длительное ведение боевых действий и поддержание дисциплины в условиях масштабных кампаний. Внутренние кризисы, включая стрелецкие выступления конца XVII века, показали опасность существования полунезависимых вооружённых формирований и необходимость подчинения армии централизованному государственному контролю. Дополнительным фактором стала слабость снабжения и отсутствие единой системы подготовки солдат, что приводило к значительным потерям и низкой эффективности войск [6, с. 237].

Важной предпосылкой реформ стали Азовские походы 1695-1696 гг., которые выявили необходимость комплексной перестройки военной организации. Первый поход завершился неудачей из-за отсутствия флота и слабой координации действий армии. Уже во время второго похода началось строительство военных кораблей на Воронежских верфях, что продемонстрировало готовность государства переходить к новым формам военного строительства и снабжения. Победа под Азовом стала не только военным успехом, но и стимулом к дальнейшему реформированию армии и созданию новых административных механизмов управления войсками.

Особое значение имели события Великого посольства 1697-1698 гг., когда Пётр I познакомился с организацией европейских армий и военно-промышленного производства. Полученные знания стали основой для внедрения регулярных воинских уставов, системы обучения офицеров и стандартизации вооружения. Одновременно стрелецкий бунт 1698 г. подтвердил необходимость ликвидации старых военных структур и перехода к созданию армии, полностью подчинённой центральной власти.

Поражение русской армии под Нарвой в ноябре 1700 г. стало кульминацией накопившихся проблем и наглядно продемонстрировало необходимость создания регулярной армии европейского типа, основанной на дисциплине, постоянной службе и централизованном управлении. Уже в 1701-1702 гг. началась активная реорганизация войск, формирование новых полков и создание артиллерийских подразделений, что положило начало системным военным реформам.

Одним из фундаментальных элементов реформ стало введение рекрутской системы, которая кардинально изменила принципы комплектования армии. Начиная с указов 1699 г., государство приступило к регулярным наборам, а в 1705 г. была окончательно оформлена рекрутская повинность как постоянный механизм мобилизации населения. Регулярные наборы из податных сословий позволили сформировать многочисленные войска, находящиеся на постоянной службе и подчинённые единой системе подготовки. Первоначально установленный пожизненный срок службы означал фактический разрыв рекрута с прежним социальным окружением и его полную интеграцию в государственную структуру [1, с. 55].

Практика первых рекрутских наборов 1705-1708 гг. показала их эффективность для быстрого пополнения армии в условиях Северной войны. За первые годы реформ были сформированы десятки новых пехотных и драгунских полков, что позволило существенно увеличить численность армии и повысить её боеспособность. Одновременно через систему местного самоуправления государство усилило контроль над населением, закрепляя ответственность общин за выполнение рекрутских повинностей.

Параллельно с реформой комплектования происходило создание централизованного военно-административного аппарата. Уже в 1700-1701 гг. были учреждены специализированные канцелярии, отвечавшие за артиллерию, провиант и снабжение армии. Позднее, в ходе административной реформы 1717-1721 гг., они были преобразованы в коллегии – Военную и Адмиралтейскую, ставшие ключевыми органами управления вооружёнными силами [7, с. 371]. Эти структуры обеспечивали контроль над ресурсами, подготовку кадров и стратегическое планирование военных операций.

Дополнительным шагом к централизации стала губернская реформа 1708-1710 гг., в ходе которой страна была разделена на крупные административные единицы. Это позволило эффективнее организовывать рекрутские наборы, сбор налогов и снабжение армии. Впервые военная мобилизация была тесно связана с территориальной системой управления, что усилило контроль государства над ресурсами страны.

Значительную роль в формировании новой военной культуры сыграли гвардейские полки – Преображенский и Семёновский. Сформированные ещё в 1680-х гг., они прошли серьёзную трансформацию в начале XVIII века и стали образцом дисциплины и военной подготовки [2, с. 64-66]. В гвардии внедрялись новые уставы и методы обучения, а офицеры проходили постоянную практическую подготовку.

Особенно заметным стало участие гвардейских частей в ключевых кампаниях Северной войны – осаде Нотебурга в 1702 г., штурме Ниеншанца в 1703 г. и Полтавской битве в 1709 г. Эти операции показали эффективность новой системы подготовки и подтвердили роль гвардии как кадрового ядра армии.

Экономические преобразования стали органичной частью военной модернизации. Уже в 1701-1704 гг. началось активное строительство металлургических заводов на Урале и развитие оружейных центров в Туле и Олонце. Суконные мануфактуры обеспечивали производство формы для солдат, а верфи в Санкт-Петербурге и Архангельске обслуживали нужды армии и флота [5, с. 481]. Военные заказы стимулировали развитие промышленности и укрепляли государственный контроль над экономикой.

Введение подушной подати в 1718-1724 гг. стало важным финансовым механизмом, обеспечившим стабильное финансирование армии и флота. Это позволило государству поддерживать постоянную численность войск и обеспечивать их регулярным снабжением, что было невозможно в рамках прежней системы.

Реформы затронули и организационную структуру войск. Были сформированы драгунские полки универсального назначения, активно развивалась артиллерия, а в 1716 г. был издан Воинский устав, закрепивший новые принципы дисциплины и обучения [2, с. 149; 7, с. 102-104]. Армия постепенно приобретала черты профессиональной военной организации.

Северная война 1700-1721 гг. стала главным испытанием реформированной армии. Победы под Лесной в 1708 г. и Полтавой в 1709 г. показали эффективность новой системы управления и снабжения. Русская армия смогла перейти к наступательной стратегии и успешно вести длительные кампании.

Кульминацией военных преобразований стала победа в Полтавской битве 27 июня 1709 г., продемонстрировавшая зрелость новой военной системы [5, с. 174-175]. Согласованные действия пехоты, кавалерии и артиллерии показали высокий уровень организации армии и эффективность централизованного управления. Именно в ходе войны окончательно сформировалась мобилизационная модель государства [4, с. 564].

Социальные последствия реформ оказались масштабными. Указ о единонаследии 1714 г. и Табель о рангах 1722 г. окончательно закрепили дворянство как служилое сословие, связанное с государственной и военной службой. Крестьянство стало основным источником рекрутских наборов, что усилило зависимость населения от государства [6, с. 87-88].

Экономические изменения сопровождались ростом военных расходов и развитием инфраструктуры. Строительство Санкт-Петербурга с 1703 г., создание складов и транспортных коммуникаций обеспечивали эффективное снабжение армии. Государство усилило контроль над производством и распределением ресурсов, формируя элементы централизованной экономической системы [3, с. 282].

Важным следствием реформ стало создание устойчивой военно-административной системы, обеспечившей России выход на международную арену в качестве великой

державы. Победы в Северной войне и Ништадтский мир 1721 г. закрепили статус России как балтийской державы и подтвердили эффективность новой армии. Сформированная в эпоху Петра I модель военного строительства стала фундаментом дальнейшего развития вооружённых сил Российской империи XVIII-XIX вв., а армия превратилась в ключевой элемент государственной системы и механизм модернизации страны.

Итак, военные реформы Петра I представляли собой комплексную государственную программу, направленную на создание мобилизационной модели государства. Введение рекрутской системы, развитие военно-промышленной базы, формирование централизованного аппарата управления и милитаризация экономики позволили превратить армию в ядро государственной системы. Эти преобразования обеспечили России возможность вести длительные войны, укрепить международный статус и заложить институциональные основы дальнейшего развития империи [1, с. 269; 4, с. 709; 6, с. 318].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. В. Пётр Великий: личность и реформы. – Питер: Издательский дом «Питер», 2008. – С. 448.
2. Керсновский А. А. История Русской армии. – Москва: 1992. – С. 304.
3. Петр I. История Свейской войны. – 1722. – С. 640.
4. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. – Москва: 1989. – С. 768.
5. Тарле Е. В. Шведская война и нашествие на Россию. – Москва: 1958. – С. 504.
6. Троицкий С. М. Россия в период реформ Петра I. – Москва: 1973. – С. 384.
7. Устрялов Н. Г. История царствования императора Петра Великого. Т. 4, ч. 2. – Санкт-Петербург: 1863. – С. 706.

PETER THE GREAT'S MILITARY TRANSFORMATIONS AS THE BASIS OF THE MOBILIZATION PARADIGM OF THE RUSSIAN STATE

Annotation. The article is devoted to the analysis of Peter the Great's military reforms in the context of the formation of the mobilization model of the Russian state and the formation of a new type of military administrative system. The prerequisites for transformations, institutional changes in the management of the army, the introduction of a recruitment system, the development of the military industry and a centralized supply apparatus are considered. Special attention is paid to the relationship of military modernization with social and economic processes, as well as the impact of reforms on the transformation of the structure of society and public administration mechanisms. It is shown that Peter the Great's reforms were not only a response to foreign policy challenges, but also a comprehensive program of state restructuring, as a result of which the army became a key element of the administrative system and a tool for modernizing the country.

Keywords: mobilization model of the state, military-administrative system, conscription, Northern War, military modernization, public administration.

Smolnitskiy N.S

Scientific supervisor: Shchevich K.S., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: nikita.smolnickiy.05@mail.ru

УДК 94:355.35(73)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

Сыроваткина Д. В.

*Научный руководитель: Стаценко Т.В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья посвящена идейным основаниям военного присутствия как инструмента внешней политики США. В работе проанализированы исторические предпосылки для формирования идеологии Штатов и рассмотрены основные американские идеологические принципы, а также их влияние на действия США на международной арене.

Ключевые слова: внешняя политика США, военное присутствие, идеология.

Динамичные изменения в системе международных отношений в начале XXI века неразрывно связаны с использованием военного присутствия в качестве инструмента реализации внешнеполитических целей и элемента военной организации государств. Такой подход позволяет усилить влияние на мировой арене, включая применение военной силы. В контексте данной проблемы особое место принадлежит США, которые рассматривают военную силу как ключевой инструмент достижения национальных интересов и успешной интеграции в формирующуюся систему международных отношений. В настоящее время США располагают обширной сетью военных баз и объектов военного назначения во многих странах мира, которые призваны обеспечить надежную защиту политических, военно-стратегических и экономических интересов страны в ключевых геополитических регионах, прежде всего, в Восточной Европе, а также оказывать влияние на государства, граничащие с этими регионами. Наличие большого количества зарубежных военных баз по всему миру делает США сверхмощной страной в истории человечества. В современном геополитическом ландшафте страна занимает доминирующую позицию на международной арене.

Цель данной статьи – исследовать, как идеологические концепции и нормативно-правовая база влияют на использование военной силы как инструмента внешней политики США. Для достижения данной цели были использованы методы анализа документов для раскрытия доктринальных оснований внешней политики США, системный подход и институциональный анализ для изучения сетевых блоковых систем с участием США в современном мире.

Важным компонентом американской внешней политики считается ее идейная причина. Исследование идеологических основ внешней политики Соединенных Штатов Америки, её сущности, эволюции и способов применения приобретает особую актуальность в контексте современных международных отношений. По мнению А. Н. Чумакова, основополагающие принципы внешней политики США, сформировавшиеся в процессе их исторического развития, обусловлены мировоззрением страны, ее пониманием собственного места в мировой системе, а также фундаментальными идеями, положенными в основу внешнеполитических стратегий, доктрин и практических действий на международной арене [4, с.19].

Внешнеполитическая стратегия США формируется на основе анализа собственных национальных интересов в контексте текущей международной обстановки. Концепции, доктрины и другие нормативно-правовые акты, фиксирующие такую стратегию, характеризуются единством идеологической платформы, которая определяет понимание роли США в мировом сообществе и принципы их участия в глобальной политике.

Следует подчеркнуть, что американская идеология зародилась и развивается еще с этапа прибытия в США пуританских «отцов-пилигримов». На оформление

внешнеполитической доктрины и геополитической стратегии США оказали влияние многочисленные международные и политические факторы, тесно связанные с процессом переустройства мировой политической системы в конце XX века. Тем не менее, базовые принципы формирования американской внешней политики были заложены ещё в 1823 году президентом Джеймсом Монро, в доктрине которого была впервые изложена идеологическая основа внешней политики Соединенных Штатов. В соответствии с провозглашённой доктриной, США закрепили за собой статус главного арбитра на американском континенте, категорически отвергнув любое вмешательство европейских держав в дела региона. Такая позиция была вполне оправдана с точки зрения их национальных интересов, поскольку ни одно государство на континенте не могло составить США серьёзной конкуренции. Данная политическая линия продолжала развиваться и укрепляться, сохранив свою актуальность и в современный период. США демонстрируют сильную реакцию на попытки стран Латинской Америки устанавливать союзнические отношения с европейскими державами.

Одним из ключевых принципов американской идеологии является концепция исключительности США, согласно которой, страна занимает уникальное положение в мировом сообществе, позиционируя себя как «строителя» мира, «мирового полицейского» с собственным видением свободы и демократии, а также в качестве той страны с неповторимыми ценностными, политическими и историческими характеристиками, на которую должны походить все остальные государства. Изначально эта идеология стремилась обосновать «особую» и «отдельную» роль США, даже оправдывая их добровольную политическую изоляцию от других развитых стран. Однако со временем она достаточно органично трансформировалась в идеологическое обоснование американской внешнеполитической экспансии и глобализма. Происхождение данной идеи В. Васильев усматривает в том, что в прошедшем столетии США выходили из военных конфликтов, в том числе и «холодной войны», с усилением своих политических и экономических позиций. В американском политическом дискурсе сложилось убеждение, что серия побед, как реальных, так и символических, в конечном итоге способствует усилению геополитического влияния Соединенных Штатов на мировой арене и создает благоприятные условия для их безусловного лидерства. Постепенное накопление победных шестивий США на глобальном уровне привело к качественному сдвигу в самоопределении правящих кругов Америки (и до определенной степени всей нации), которые стали верить в концепцию «американской исключительности» и активно ее пропагандировать [2, с. 59].

Предпосылками для формирования концепции американской исключительности служит ряд фундаментальных национальных особенностей:

– географическое положение страны: океаны обеспечивали защиту от внешних угроз, а богатые природные ресурсы способствовали экономическому росту и превращению США в доминирующую силу в Западном полушарии. Это, в свою очередь, создавало предпосылки для изоляционистской внешней политики;

– беспрецедентная автономия в решении как внутренних, так и внешнеполитических вопросов;

– вера американского общества в свою миссионерскую роль, в то, что США являются проводником политической и экономической свободы во всем мире;

– гордость страны за свой уровень социального равенства и экономической мобильности;

– убеждение американцев в исключительности не только своей земли, но и своего народа, считая его самым благородным англосаксонским народом;

– подкрепление чувства избранности американского народа материальным и технологическим успехом, достигнутым страной в XX и начале XXI века, по сравнению с другими странами, а именно: военным, экономическим и научно-технологическим

доминированием, обусловленным наибольшим в мире валовым внутренним продуктом, военным бюджетом и расходами на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в денежном выражении [1, с. 90].

С самого своего зарождения американская идея провозглашала свободу, демократию и материальное благополучие не только для своих граждан, но и для всех народов мира, готовых принять американские ценности. Этот принцип был чётко выражен американским писателем XIX века Германом Мелвиллом, который утверждал, что американцы – избранный народ, несущий свободу миру. Он считал, что Америка призвана совершить нечто великое, и другие нации должны следовать её примеру. Та же мысль присутствует в изречениях видных американских политиков XX века. В 1996 году, выступая с речью по вопросам международной безопасности, бывший президент США Б. Клинтон заявил о незаменимой роли Америки в мире. По его словам, США обладают уникальной способностью предотвращать военные конфликты и защищать свободу от репрессий, вдохновляя мир на надежду. При этом Клинтон подчеркнул, что Америка не стремится стать мировым жандармом, но готова действовать в тех случаях, когда это соответствует её национальным интересам и ценностям.

События 11 сентября 2001 года, по мнению США, подтвердили необходимость самостоятельных действий, не ограниченных рамками международного права. Эта модель внешней политики получила название «доктрины Буша» и основывалась на убеждении в особой миссии Америки, как «богоизбранной нации», призванной играть ключевую роль на мировой арене. Указанная доктрина основывалась на четырёх основных принципах:

- главной целью США в XXI веке провозглашалось утверждение их глобального лидерства и предотвращение возникновения каких-либо государств или союзов, которые могли бы составить им серьёзную конкуренцию;

- в отношении «недружественных» государств и их потенциальных террористических партнеров была принята стратегия «превентивных действий и ударов»;

- США закрепили за собой право на односторонние и произвольные действия на международной арене;

- ключевым инструментом борьбы с терроризмом стала внешнеполитическая концепция распространения и продвижения демократии за рубежом, интернационализма. Тенденция так называемого «демократического фундаментализма», согласно которой демократический строй является наиболее благоприятным как для развития самих США, так и для всего мира, стала дополнительным идеологическим обоснованием внешней политики. Продвижение демократии США направлено на то, чтобы побудить государственные и негосударственные организации проводить политические реформы, которые в конечном счёте приведут к демократическому управлению, создав тем самым хотя бы видимость американской модели демократического устройства.

В целом, идеологические принципы США пронизывают всю историю внешнеполитического курса страны, независимо от конкретной администрации. Любые действия американского правительства, как военные, так и дипломатические, всегда обосновываются соображениями национального интереса. При этом американская идеология выступает в качестве основополагающего фактора, направляющего внешнеполитическую стратегию США и влияющего на принятие решений в международных делах [3, с. 17].

Исходя из доктрины американской исключительности вытекают важные принципы, определяющие внешнюю политику США:

- миссия продвижения глобальных ценностей, означающая, что США несут ответственность за распространение позитивных универсальных ценностей во всем

мире. В качестве примера можно привести американскую политику демократизации на Ближнем Востоке в 2010-х гг., где Вашингтон стремился противостоять авторитарным режимам, рассматривая их как воплощение зла;

– селективное применение норм международного права. В силу своего особого статуса, США не всегда подчиняются тем же внешнеполитическим ограничениям, что и другие государства. Это приводит к появлению двойных стандартов в действиях американской администрации. Концепция исключительности подразумевает, что к США должны применяться особые правила, отличающиеся от тех, которые распространяются на остальные страны;

– легитимация глобального лидерства. Идеология исключительности позволяет США обосновать претензии на роль глобального лидера и утверждать необходимость этой роли именно для Вашингтона. Это выражается в тезисе о незаменимости США, которые, по мнению американской администрации, являются единственной силой, способной справиться с глобальными задачами мирового лидера. Именно идеология глобального лидерства выступает в качестве основы использования военного присутствия как инструмента внешней политики США. Так, современная внешняя политика США основывается на стратегической цели поддержания статуса единственного доминирующего центра силы в мире («монополярного мироустройства»). В погоне за этим, США осуществляют политику экспансии, направленную на расширение сферы своего влияния, которая включает в себя доступ к ресурсам (сырьевым, энергетическим, людским и др.), необходимым для создания военно-стратегических и экономических опорных пунктов.

Таким образом, США являются страной, во многом организованной на основе идеологических принципов, включающих представление об идеальном общественном устройстве. Фундамент теоретико-идеологического превосходства страны над другими государствами был заложен ещё в XVIII веке и нашёл своё отражение в концепции «американской исключительности», которая стала основополагающей для внешней политики США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушок Н. О. Идеиные основания внешней политики США / Н. О. Бабушок // Век глобализации. – 2022. – № 3. – С. 87-96.
2. Васильев В. Эволюция концепции американской исключительности и роль США в мировом порядке / В. Васильев // Перспективы. – 2016. – № 4 (8). – С. 56-70.
3. Свинобоева А. В. Базовые идеологические принципы внешней политики США / А. В. Свинобоева, Э. В. Калашников // Концепт. – 2017. – Т. 37. – С. 16–18.
4. Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов / А. Н. Чумаков. – Москва: Проспект, 2019. – 52 с.

THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE MILITARY PRESENCE IN THE US FOREIGN POLICY STRATEGY

Annotation. The article is devoted to the ideological foundations of the military presence as an instrument of US foreign policy. The paper analyzes the historical prerequisites for the formation of the ideology of the United States and examines the main American ideological principles, as well as their impact on the actions of the United States in the international arena.

Keywords: US foreign policy, military presence, ideology.

Syrovatkina D. V.

Scientific adviser: Statsenko T.V., PhD in History, Associate Professor
Donetsk State University

УДК 327(470+571:520):341.221

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС НОВОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ЯПОНИИ САНАЭ ТАКАИТИ

Тюфтяков Е.А.

*Научный руководитель: Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье анализируется внешнеполитический курс премьер-министра Японии Санаэ Такаити, занявшей этот пост в октябре 2025 года. Рассматриваются её предвыборные обещания и программные заявления в контексте возврата к ультраконсервативной линии Синдзо Абэ. Особое внимание уделяется ключевым направлениям внешней политики Токио: территориальному спору с Россией вокруг южных Курильских островов, эскалации риторики в отношении Китая и Тайваня, прагматичному, но противоречивому сближению с Южной Кореей, двойственному подходу к КНДР, укреплению альянса с США и курсу на милитаризацию (пересмотр статьи 9 Конституции, рост оборонных расходов). Автор приходит к выводу, что реализация жёсткого националистического курса сталкивается с объективными геополитическими ограничениями и хрупкостью правящей коалиции, что оставляет пространство для возможных корректировок.

Ключевые слова: Япония, Санаэ Такаити, внешняя политика, Россия, Курильские острова, Китай, Тайвань, Южная Корея, КНДР, США, милитаризация

В октябре 2025 года пост премьер-министра Японии впервые в истории заняла женщина — Санаэ Такаити, объявившая о возврате к ультраконсервативному курсу и милитаризации. Её приход к власти совпал с периодом беспрецедентной турбулентности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: обострением территориальных споров, эскалацией риторики вокруг Тайваня, ростом военной активности КНДР, а также усилением требований США к союзникам по увеличению оборонных расходов. В этих условиях заявления Такаити о пересмотре пацифистской статьи 9 Конституции, намерении довести военный бюджет до 2% ВВП и жёсткая позиция по «северным территориям» (южным Курилам) создают новые вызовы для региональной стабильности и двусторонних отношений с Россией, Китаем и Северной Кореей. Анализ внешнеполитического курса нового японского руководства необходим для понимания долгосрочных тенденций в АТР и выработки адекватного реагирования со стороны заинтересованных государств. Поэтому исследование данной темы представляется **актуальным и своевременным.**

Цель представленной работы заключается в комплексном анализе внешнеполитического курса премьер-министра Японии Санаэ Такаити на начальном этапе её правления, выявлении его ключевых направлений, противоречий и ограничений, а также оценке влияния заявленного курса на отношения с Россией, Китаем, Южной Кореей, КНДР и США в условиях меняющейся геополитической реальности.

Приход к власти Санаэ Такаити ознаменовал собой не только преодоление важного гендерного барьера в традиционно патриархальном японском обществе, но и возврат к ультраконсервативному курсу, прерванному годовым правлением Сигэру Исибы в 2024–2025 гг. [8]. Новая глава кабинета министров позиционирует себя как наследница политики Синдзо Абэ и берёт за образец стиль управления Маргарет Тэтчер, что уже позволяет прогнозировать серьёзные изменения как во внутренней, так и во внешней политике страны.

Предвыборная риторика Санаэ Такаити строилась вокруг идеи возрождения национальной мощи и экономической самостоятельности. Вступая впервые для себя во всеобщие выборы в феврале 2026 года, она провозгласила курс на создание «сильного и процветающего Японского архипелага» и в отличие от своего предшественника, Такаити

сделала ставку на «ответственную, проактивную фискальную политику», обещая масштабные инвестиции в антикризисное управление и экономический рост [2].

Ключевым элементом её программы стало ужесточение контроля над стратегическими отраслями. Такаити, ранее занимавшая пост министра по экономической безопасности, предложила создать японский аналог Комитета по иностранным инвестициям в США (CFIUS). Цель этой инициативы — централизованная проверка иностранных инвестиций для защиты чувствительных технологий и предотвращения утечки знаний в сферах AI (искусственного интеллекта), полупроводников и биотехнологий. В этом контексте новый Премьер-министр анонсировала концепцию «кризисных инвестиций», подразумевающую, что инвесторы могут ожидать более тщательной проверки входящих сделок, а также усиления государственной поддержки важнейших отраслей. «Для иностранных инвесторов крайне важно понимать, какие вопросы вызывают чувствительность у местных жителей, и объяснять, как их инвестиции укрепляют стратегические позиции Японии», — отметил Якоб Эдберг, президент и генеральный директор консалтинговой компании The GR Company, специализирующейся на взаимодействии с государственными органами, которая базируется в Токио [11].

Показательно, что в ходе кампании Такаити дистанцировалась от обсуждения спорных социальных реформ, сосредоточившись на экономике. В то же время её консервативные взгляды (выступление против сохранения девичьих фамилий и легализации однополых браков) остались в повестке, что вызвало опасения у более умеренных сил. Называя себя последовательницей «Абэномики», новый премьер пообещала сочетать агрессивные госрасходы со структурными реформами, что, по её мнению, должно вернуть Японии статус глобального экономического лидера [11; 9, с.95].

Вопрос пересмотра пацифистской статьи 9 Конституции является программным для Санаэ Такаити. Она, как и её политический предшественник Синдзо Абэ, рассматривает наличие полноценной армии как атрибут суверенного государства. Помимо конституционной реформы, новый кабинет намерен довести оборонные расходы до 2% ВВП, что фактически удвоит военный бюджет по сравнению с предыдущими годами.

Однако на пути милитаризации стоят серьёзные препятствия. Для внесения изменений в Конституцию требуется квалифицированное большинство в обеих палатах парламента и одобрение на референдуме, что при нынешней политической фрагментации труднодостижимо. Тем не менее, присутствие в коалиции Партии инноваций, выступающей за активную оборону и повышение расходов на военные нужды, позволяет Такаити последовательно двигаться в этом направлении. Усиление военной мощи подаётся правительством как ответ на «тройственную угрозу» со стороны Китая, России и Северной Кореи.

Наиболее противоречивым и опасным направлением внешней политики Такаити стал **Китай**. Новый премьер считается одним из самых подозрительных по отношению к Пекину политиков в Либерально-демократической партии, давно продвигая нарратив о «китайской угрозе». Однако настоящий дипломатический скандал разразился после её заявления в парламенте 7 ноября 2025 года о том, что «применение силы материковым Китаем в отношении Тайваня» может быть расценено Токио как «ситуация, угрожающая выживанию» Японии. Бывшие премьер-министры Японии — Сигэру Исиба, Ёсихико Нода и Юкио Хатояма — публично раскритиковали действующего главу правительства и указали, что такие заявления нарушают дух Совместного заявления 1972 года и ставят двусторонние отношения на грань наихудшего сценария, нанося неизмеримый ущерб национальным

интересам Японии. Китайские государственные СМИ расценили высказывания Такаити как проявление «глубоко укоренившегося крайне правого мышления» и «возрождающегося милитаризма», предупредив, что провокации по тайваньскому вопросу неизбежно встретят жёсткий отпор [4].

Территориальный спор с Россией остается одной из самых сложных тем в японской дипломатии. Санаэ Такаити заняла по этому вопросу жесткую позицию, характерную для ультраконсервативного крыла Либерально-демократической партии. В ходе предвыборной кампании она сделала ряд провокационных заявлений, вновь подняв тему заключения мирного договора и принадлежности южных Курил, которые в Японии называют «северными территориями», даже не пытаясь признать российский суверенитет.

В ежегодной речи на Общенациональном митинге за возвращение «северных территорий» 7 февраля 2026 года Такаити назвала «крайне печальным» тот факт, что спустя 80 лет после окончания Второй мировой войны мирный договор так и не подписан. Она подтвердила «неизменную приверженность решению проблемы принадлежности четырёх северных островов» [10]. Однако эта риторика наталкивается на объективно жёсткую и справедливую позицию Кремля. Москва недвусмысленно обозначила «красные линии», заявив, что статус Курильских островов не подлежит обсуждению. Российская сторона также предупредила о серьёзных последствиях в случае попыток оспорить этот факт, особенно на фоне обсуждения возможности размещения японских ракет средней дальности вблизи российских границ [3]. Таким образом, предвыборные обещания Такаити по «возврату территорий» столкнулись с геополитической реальностью, не оставляющей пространства для дипломатического манёвра.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе курс Такаити является прямым продолжением линии Синдзо Абэ на формирование «Свободной и открытой Индо-Пацифики» [5, с.111]. Япония при новом премьер-министре намерена углублять оборонное сотрудничество с единомышленниками — Австралией, Филиппинами и Южной Кореей. Сегодня формируется ситуация, в которой среди японского истеблишмента сложился консенсус относительно необходимости развития многосторонних форматов безопасности в противовес усилению Китая.

Вступление в коалицию Партии инноваций, которая придерживается ещё более жёстких взглядов на оборону, усиливает этот тренд. Партия выступает за наращивание военного потенциала и укрепление позиций Японии в регионе [1, с. 52]. Ожидается, что Токио продолжит политику сдерживания китайских амбиций, но в то же время будет вынужден балансировать между экономической зависимостью от Китая и требованиями безопасности. Участие в региональных блоках и форумах (АТЭС, АСЕАН) станет для Такаити площадкой для демонстрации нового, более напористого стиля дипломатии.

Соединённые Штаты остаются краеугольным камнем японской внешней политики, и Санаэ Такаити делает на этот альянс основную ставку. Первые месяцы её правления ознаменовались беспрецедентным шагом со стороны президента США Дональда Трампа, который открыто в социальных сетях призвал японцев голосовать за Такаити на выборах, назвав её сильным и мудрым руководителем. Столь явная поддержка демонстрирует, что в Вашингтоне видят в ней предсказуемого и удобного партнёра.

Однако отношения с администрацией Трампа несут в себе и серьёзные риски. США уже выдвинули требование к Японии ещё больше увеличить военные расходы, что создаст дополнительную нагрузку на бюджет. Визит Дональда Трампа в Японию в конце октября 2025 года подтвердил намерение сторон укреплять альянс,

однако вопросы торгового дисбаланса и распределения финансового бремени в рамках НАТО остаются потенциальными точками напряжения.

Отношения с Республикой Корея развиваются по сценарию прагматичного сближения, инициированного еще предыдущей администрацией Юн Сок Ёля, но сталкиваются с теми же структурными проблемами. В январе 2026 года состоялся важный саммит: президент Ли Чжэ Мён посетил Токио, где провел переговоры с Санаэ Такаити в её родном городе Нара. Этот жест рассматривался как демонстрация особого доверия. Стороны договорились активизировать «челночную дипломатию» и сотрудничество в сфере экономической безопасности, включая цепочки поставок и передовые технологии. Кульминацией военного сближения стали переговоры министров обороны в конце января, по итогам которых было принято решение проводить встречи ежегодно и возобновить совместные поисково-спасательные учения (SAREX) впервые за десять лет. Этот прогресс стал возможен благодаря общей обеспокоенности действиями КНДР и стремлением координировать позиции в рамках трехстороннего альянса с США (Япония - Республика Корея - США).

Несмотря на внешний позитив, под поверхностью сохраняются серьезные разногласия. В декабре 2025 года Такаити сделала заявление в парламенте о принадлежности спорных островов Такэсима (Токто), назвав их «исконной территорией» Японии, что вызвало резкий протест Сеула [12]. Кульминацией стал «День Такэсима» (посвящён суверенитету Японии над островами Такэсима) 22 февраля 2026 года, когда правительство Японии направило представителя на церемонию в префектуре Симанэ. В ответ Южная Корея вызвала японского дипломата и вновь заявила, что острова являются её неоспоримой суверенной территорией. Отношения при Такаити строятся по «инструментальной» модели, где сотрудничество в сфере безопасности (в угоду США) развивается параллельно с заморозкой исторических споров, что делает этот альянс функциональным, но стратегически хрупким.

Политика Санаэ Такаити в отношении Пхеньяна (КНДР) с первых месяцев ее правления демонстрирует классический для японской дипломатии дуализм: с одной стороны, жесткая риторика и реагирование на военные провокации, с другой — настойчивое стремление к прямому диалогу на высшем уровне для решения самой острой гуманитарной проблемы двусторонних отношений.

Центральным элементом северокорейской политики Токио при Такаити остается вопрос о японских гражданах, похищенных спецслужбами КНДР в 1970–80-х годах. Премьер-министр неоднократно заявляла, что решение этой проблемы является ее «личной миссией», что было подтверждено 16 февраля 2026 года на встрече с семьями похищенных, которые согласились не возражать против отмены санкций и нормализации отношений, если все японцы вернуться домой [6].

Определенная готовность к диалогу сочетается с жесткой реакцией на продолжающиеся ракетные пуски КНДР. В январе 2026 года, еще до официального оформления коалиции, Северная Корея провела два ракетных запуска в Японское море. Правительство Такаити незамедлительно направило в Пхеньян протест по дипломатическим каналам, квалифицировав эти действия как прямое нарушение резолюций Совбеза ООН. Сама премьер-министр в конце февраля выступила с резкой критикой ракетно-ядерной программы КНДР, заявив, что исходящая от неё угроза для Японии «стала еще более серьезной и сиюминутной» [7]. Таким образом, политика Такаити в отношении КНДР строится на попытке разделить проблемы: используя окно возможностей, открывшееся благодаря определенному смягчению позиции семей похищенных, она готова идти на прямой диалог с Ким Чен Ыном, одновременно

усиливая сдерживание и требуя денуклеаризации в координации с США и Южной Кореей.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что приход Санаэ Такаити на пост премьер-министра Японии ознаменовал собой возврат к ультраконсервативному курсу, ориентированному на усиление обороноспособности страны и жёсткое отстаивание национальных интересов. Её предвыборная риторика и первые внешнеполитические шаги демонстрируют намерение следовать линии Синдзо Абэ: укреплять альянс с США, наращивать военный потенциал (включая стремление к пересмотру статьи 9 Конституции) и проводить более напористую политику в отношении соседей. Однако Такаити только приступила к исполнению обязанностей, и её курс находится в стадии формирования. Уже сейчас очевидны серьёзные противоречия: жёсткая позиция по Курилам блокирует диалог с Россией, эскалация риторики по Тайваню осложняет отношения с Китаем, а прагматичное сближение с Южной Кореей не снимает исторических и территориальных споров. При этом хрупкость правящей коалиции, мощная оппозиция внутри страны и зависимость от требований США создают серьёзные внутренние ограничения. Таким образом, провозглашённый Такаити курс на «сильную Японию» пока существует скорее в декларативной форме.

Реальная внешняя политика Токио будет определяться не только заявлениями нового премьера, но и способностью преодолевать объективные геополитические ограничения, внутривнутриполитические противоречия и выстраивать баланс между конфронтацией и прагматизмом. В ближайшее время мы продолжим наблюдать за тем, как заявленные амбиции будут адаптироваться к реальным возможностям и вызовам, что оставляет пространство для возможных корректировок внешнеполитического курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузенкова М.В., Полякова Н.В. Тихая милитаризация: трансформация статуса Сил самообороны Японии в XXI веке // Клио. – 2025. – № 01 (217). – С.50-57. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-1217-50-57
2. Лидеры политических партий Японии предлагают свои программы на выборах в нижнюю палату парламента [Электронный ресурс]. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/news/0127EE20/> (дата обращения: 13.02.2026).
3. МИД пообещал немедленный ответ при размещении Японией ракет вблизи России [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63e9cf389a7947f6b685af65?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 02.02.2026).
4. Опасные провокации С. Такаити обнажают правый ревизионизм и возрождающийся милитаризм в Японии [Электронный ресурс] URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2025-11/21/content_118189310.htm (дата обращения: 15.02.2026).
5. Песцов С.К. Концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона: общее в многообразии интерпретаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – Т.24, №4. – С.111-131. DOI: org/10.24866/1813-3274/2021-4/111-131
6. Премьер-министр Японии Такаити вновь выразила готовность встретиться с северокорейским лидером [Электронный ресурс] // Nippon.com. – 16.02.2026. – URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2026021600708/> (дата обращения: 06.03.2026).
7. Такаити: угроза ракетно-ядерной программы КНДР для Японии «стала еще более серьезной и сиюминутной» [Электронный ресурс] // Аргументы Недели. – 20.02.2026. – URL: <https://argumenti.ru/politics/2026/02/987448/amp> (дата обращения: 06.03.2026).
8. У них премьера: изменит ли Такаити отношения РФ и Японии [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1976410/anastasiia-kostina/u-nih-premera-izmenit-li-takaity-otnosheniya-rf-i-yaponii> (дата обращения: 02.02.2026).
9. Швыдко В.Г. «Абэномика»: смена концепции // Японские исследования. – 2019. – № 2. – С. 95-108. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013
10. Япония намерена подписать мирный договор с Россией, несмотря на сложные отношения между странами, — премьер-министр [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.com/world/2083367> (дата обращения: 02.02.2026).
11. Myles D. Japan appoints Takaichi as PM | What it means for FDI. 21 October 2025. URL: <https://test.fdiintelligence.com/content/a8e3dcf8-5ca4-4068-b313-32ad1473f367> (дата обращения: 13.02.2026).

12. South Korea protests Japan's repeated territorial claims to islets [Электронный ресурс] // CGTN. – 22.02.2026. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2026-02-22/South-Korea-protests-Japan-s-repeated-territorial-claims-to-islets-1KYyJontiwM/p.html> (дата обращения: 06.03.2026).

THE FOREIGN POLICY COURSE OF THE NEW PRIME MINISTER OF JAPAN SANAЕ TAKAICHI

Abstract. This article analyzes the foreign policy of Japanese Prime Minister Sanae Takaichi, who took office in October 2025. Her campaign promises and policy statements are examined in the context of her return to Shinzo Abe's ultra-conservative line. Particular attention is paid to key areas of Tokyo's foreign policy: the territorial dispute with Russia over the southern Kuril Islands, escalating rhetoric toward China and Taiwan, a pragmatic but controversial rapprochement with South Korea, an ambivalent approach to North Korea, a strengthening of the alliance with the United States, and a course toward militarization (revision of Article 9 of the Constitution, increased defense spending). The author concludes that the implementation of a hardline nationalist course faces objective geopolitical constraints and the fragility of the ruling coalition, leaving room for possible adjustments.

Keywords: Japan, Sanae Takaichi, foreign policy, Russia, Kuril Islands, China, Taiwan, South Korea, DPRK, USA, militarization

Tyufiyakov E.A.

Scientific supervisor: Kuznetsova E.V., Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University

E-mail: eugenetuf00@gmail.com

УДК 94 (519)

КОРЕЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СИМБИОЗ

Чам А.Ю.

*Научный руководитель: Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье изучаются многогранные отношения между Кореей династии Чосон и Китаем династии Цин в XVIII веке. Несмотря на установление формального вассалитета Кореи после маньчжурских вторжений 1627 и 1636 годов, что породило глубокую идеологическую неприязнь корейской элиты к «варварской» династии Цин, данный период характеризовался интенсивным и плодотворным взаимодействием в экономической и культурной сферах. Через систему официальных посольств («еса») осуществлялся не только дипломатический ритуал, но и активный товарообмен, а также трансфер знаний и технологий. Деятельность представителей корейского интеллектуального движения «Пукхак» и «Сильхак» (таких как Пак Чивон, Хон Тэён) способствовала критическому освоению китайских и, опосредованно, европейских научных достижений. Автор приходит к выводу, что XVIII век стал для Кореи периодом «творческого отчуждения», когда политическое неприятие сосуществовало с прагматичным заимствованием, что в итоге укрепило корейскую культурную идентичность и стимулировало внутреннее развитие.

Ключевые слова: Корея (Чосон), Китай (Цин), XVIII век, вассалитет, посольская торговля, движение Сильхак, Пак Чивон, культурный трансфер, пограничные отношения.

XVIII столетие в истории Восточной Азии представляет собой парадоксальный период в отношениях между Корейским государством Чосон и Империей Цин. Эти отношения были сформированы драматическими событиями середины XVII века: падением китайской династии Мин, верным вассалом которой была Корея, и установлением власти маньчжурской династии Цин. Поражение Кореи в войнах с маньчжурами (1627, 1636–1637 гг.) привело к её формальному превращению в данника Цин, что было воспринято корейской конфуцианской элитой как национальное унижение и идеологическая катастрофа. Корейцы, считавшие себя хранителями «чистого» конфуцианского наследия («Малый Китай»), долгое время относились к Цин как к государству «варваров» (хваджок).

Однако, вопреки этой политико-идеологической напряженности, XVIII век стал эпохой интенсивного и во многом конструктивного взаимодействия между двумя странами. Это взаимодействие осуществлялось в рамках жестко регламентированной системы «садэ» (служение старшему) через регулярные дипломатические миссии в Пекин. Данные миссии превратились в уникальный канал, через который осуществлялись не только ритуально-политические, но и важнейшие экономические и культурные обмены.

Цель данной работы состоит в изучении корейско-китайских отношений в XVIII веке. Изучение корейско-китайских отношений этого периода позволяет выявить сложную модель, в которой внешняя политическая зависимость и внутреннее культурное отторжение сочетались с активным экономическим прагматизмом и интеллектуальным *curiosity*, что в конечном итоге способствовало значительному подъёму в Корее, известному как «эпоха процветания Чонъё».

Ключевой основой всех аспектов отношений в XVIII веке оставались последствия мирного договора 1636 года, закрепившего статус Кореи как вассала Цинской империи. Это налагало на Чосон ряд обязательств: получение инвеституры каждого нового вана от императора Цин, отправка регулярной дани, использование цинского календаря.

Политически Китай выступал гарантом безопасности корейского полуострова, что, в свою очередь, защищало северо-восточные рубежи самой Цин.

Идеологический раскол, однако, был глубоким. Корейский двор тайно чтит память династии Мин, используя её девизы правления во внутренних документах. Это «нормативное» противоречие – внешнее подчинение «варварам» при внутренней верности минским идеалам – создавало основу для скрытой враждебности корейской элиты.

Пограничные вопросы, бывшие источником военных конфликтов в предыдущем веке, в XVIII веке трансформировались в проблему администрирования и контроля. Граница по рекам Амноккан (Ялуцзян) и Туманган была строго закрыта. Цинский Китай объявил свои приграничные территории к северу от Кореи «Великой запретной зоной» (Вэйчан), что создавало буфер, но также провоцировало нелегальную миграцию и контрабанду, вызывавшие дипломатические трения. Таким образом, граница стала не линией фронта, а регулируемым «шлюзом», охраняемым с обеих сторон, что являлось необходимым условием для стабильных официальных контактов.

Экономическое взаимодействие между Чосон и Цин представляло собой сложную, двойственную систему, оказавшую значительное влияние на развитие корейского ремесла и внутреннего рынка.

Основным легальным каналом была официальная посольская торговля. Корейские миссии везли в Пекин «дары»: золото, серебро, высококачественную бумагу из тутового дерева, хлопчатобумажные ткани, медные изделия. В ответ они получали «императорские вознаграждения»: шёлк, фарфор, лекарства, книги. Однако реальный экономический смысл миссий заключался в сопровождавшей их частной торговле членов посольства, которая, хотя и регулировалась, была масштабной. Спрос китайского рынка на корейскую бумагу и хлопок напрямую стимулировал специализацию и повышение качества в соответствующих корейских ремесленных центрах.

Внутри Кореи XVIII век стал временем роста товарно-денежных отношений и ослабления государственного контроля над ремеслом. По данным южнокорейской историографии, именно частный сектор, более эффективный и гибкий, стал доминировать в ремесленном производстве, особенно в горнорудной отрасли. Отмена в 1791 году многих ограничений на частную торговлю в Сеуле также свидетельствовала об этом тренде. Широкое денежное обращение, официально введённое с 1678 года, способствовало росту внутреннего рынка, формированию региональных торговых узлов и сети местных «пятидневных рынков» (чанналь).

Жёсткие запреты на частную внешнюю торговлю породили мощный пласт контрабанды, особенно в приграничном районе Ыйчжу. Через нелегальные каналы шёл активный обмен, часто более оперативный и прибыльный, чем через официальные миссии. Таким образом, экономические отношения носили характер контролируемого, но жизненно важного для Кореи симбиоза, сочетавшего официальный ритуал с рыночной практикой.

Наиболее динамичной и плодотворной в XVIII веке оказалась сфера культурного и научного обмена, осуществлявшаяся в основном через тех же дипломатических посланников.

Ключевую роль сыграло корейское интеллектуальное движение «Сильхак» («практические науки») и его северное крыло «Пукхак», выступавшее за изучение современных достижений Цинского Китая. Ярчайшими представителями были Пак Чивон (1737–1805), Хон Тэён (1731–1783) и Пак Чжэга (1750–1805). Их визиты в Пекин стали научно-исследовательскими экспедициями.

➤ Научно-технические заимствования: Корейские интеллектуалы через контакты с иезуитскими миссионерами при цинском дворе знакомились с европейскими достижениями. Хон Тэён привёз в Корею гелиоцентрическую систему, новые

астрономические инструменты и карты, что пошатнуло традиционные неоконфуцианские космологические представления. Пак Чивон в своём знаменитом травелоге «Ёрха ильги» («Записки о путешествии в Жэхэ») детально описывал передовые китайские технологии в ирригации, использовании механизмов и архитектуре, предлагая их для внедрения в Корею. Активно заимствовались медицинские знания, в частности, через трактат «И Цзун Цзинь Цзянь».

➤ Литературные влияния: XVIII век стал переломным для корейской литературы. Знакомство с китайскими романами на разговорном языке (байхуа), такими как «Сон в красном тереме» и «Неофициальная история конфуцианцев», дало мощный импульс развитию корейской прозы на родном языке (хангыль) и жанру сосоль. Творчество Пак Чивона, например, повесть «Хо са чон», демонстрирует влияние китайской социальной сатиры, направленной на критику косности корейского общества. Личные контакты, такие как дружба Хон Тэёна с китайскими учёными в рамках «Общества Пхунчхон» (1765-66 гг.), показали, что культурные связи на основе классического ханмуна могут преодолевать политические барьеры.

Культурный диалог не был простым копированием. Корейские интеллектуалы, руководствуясь принципом «Суджон Хваси» («хранить верность [минской] цивилизации, но перенимать [цинские] технологии»), осуществляли критический и избирательный отбор, что вело к творческой трансформации заимствований и обогащению собственной культуры.

Таким образом, корейско-китайские отношения в XVIII веке представляли собой уникальный исторический феномен диалектического единства противоположностей. Политический вассалитет и идеологическое отчуждение сосуществовали с интенсивным и взаимовыгодным экономическим обменом и глубоким, творческим культурно-интеллектуальным диалогом.

Жёстко регламентированная система посольств («еса») стала, вопреки своему первоначальному назначению, эффективным механизмом, через который Корея не только выполняла ритуальные обязательства, но и получала доступ к новым товарам, технологиям и идеям. Деятельность движения «Сильхак», и в особенности его представителей, совершавших «учёные путешествия» в Пекин, обеспечила Корею связь с передовыми, в том числе европейскими, знаниями эпохи.

Этот период можно охарактеризовать как эпоху «творческого отчуждения». Вынужденная политическая зависимость и культурная неприязнь, парадоксальным образом, стимулировали корейское общество не к изоляции, а к активному, прагматичному и критическому освоению внешних достижений. В результате Корея сумела не только сохранить свою культурную идентичность, но и значительно укрепить её, переработав заимствования в собственном национальном ключе.

Внутренние социально-экономические сдвиги (рост частного ремесла, рынка, денежного обращения), происходившие в это время, создали прочную основу для последующего развития, сделав XVIII век действительно «эпохой процветания» в истории Чосон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 680 с.
2. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т.1. С древнейших времен до 1904 года. – М.: РГГУ, 2011. – 533 с.
3. Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корею XVI - XVIII вв. – СПб., 1995. – 200 с.
4. Ванин Ю.В. Экономическое развитие Кореи в XVII - XVIII вв. – М.: Наука, 1968. – 285 с.
5. Чеснокова Н.А. Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «садэ» в Корею в XVII–XVIII вв. // Вестник РГГУ. 2017. Вып. 2 (8). – С. 114–122.
6. Трубникова Е.Е., Чеснокова Н.А. Установление границы между Кореей и Китаем в XVIII в.: экспедиция 1712 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2025. № 1. – С. 100–111.

7. Диалог культур Кореи и Китая: трансформация «чужого опыта» // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kultur-korei-i-kitaya-transformatsiya-chuzhogo-opyta/viewer>
8. История стран зарубежной Азии в средние века. – М., 1970. URL: https://hrono.ru/land/landk/koreya17_18a.php
9. Сон Чжунхо. Корея Южная и Северная. Полная история. – М.: АСТ, 2023. - 320 с.

KOREAN-CHINESE RELATIONS IN THE 18TH CENTURY: POLITICAL DEPENDENCE AND CULTURAL AND ECONOMIC SYMBIOSIS

Abstract: The article examines the multifaceted relations between Korea of the Joseon dynasty and China of the Qing Dynasty in the XVIII century. Despite the establishment of formal vassalage of Korea after the Manchurian invasions of 1627 and 1636, which gave rise to the deep ideological hostility of the Korean elite to the "barbaric" Qing Dynasty, this period was characterized by intensive and fruitful cooperation in the economic and cultural spheres. Through the system of official embassies ("ЕА"), not only a diplomatic ritual was carried out, but also an active exchange of goods, as well as the transfer of knowledge and technology. The activities of representatives of the Pukhak and Silhak Korean intellectual movements (such as Park Chiwon and Hong Taeyong) contributed to the critical development of Chinese and, indirectly, European scientific achievements. The author concludes that the 18th century became a period of "creative alienation" for Korea, when political rejection coexisted with pragmatic borrowing, which eventually strengthened Korean cultural identity and stimulated internal development.

Keywords: Korea (Joseon), China (Qing), 18th century, vassalage, embassy trade, movement Silhak, Park Chiwon, cultural transfer, border relations.

Cham A. Yu.

Scientific supervisor: Razumnyi V.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Donetsk State University

E-mail: iracham@yandex.ru

УДК 94: 669 (477.62) «1917/1921»

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 1917-1921 ГГ.

Чеберя Р. А.

Научный руководитель: Агапов В. Л., д-р ист. наук, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Период с 1917 по 1921 годы стал для Донбасса, одного из крупнейших промышленных центров Российской империи, временем глубочайших потрясений. Великая российская революция, гражданская война, разрыв системы поставок обрушились на его металлургическую отрасль, поставив под угрозу само существование Донбасса как промышленного региона.

Ключевые слова: Донбасс, металлургическая промышленность, большевики, национализация, завод Новороссийского общества, Петровский государственный завод

Введение. Период 1917-1921 годов стал одним из наиболее сложных в истории Донбасса – крупнейшего промышленного центра Российского государства. Металлургическая отрасль региона, которая до Первой мировой войны была мощным локомотивом экономического развития страны, переживала глубокий кризис, вызванный сочетанием политических, экономических и социальных факторов. В исторической литературе интересующая нас проблема затрагивается в коллективном труде «История промышленности Донбасса» под редакцией проф. А.А. Саржана, [11], в монографии В. В. Модестова «Рабочие Донбасса в трех русских революциях» [13], в публикациях Н. Н. Разумной [15, 16, 17].

Основная часть. Накануне революции на Юге России действовал 21 металлургический завод, среди которых крупнейшими были заводы Новороссийского общества (Юзовский), Русского-Бельгийского общества (Енакиевский) и Донецко-Юрьевский (Алчевский). В 1916 г. металлургические заводы Юга произвели 170 млн пуд. чугуна. Из 65 домен работало 33 со средней интенсивностью 65%, из 102 мартеновских печей работало 5 [20, с. 141].

1 марта 1917 г. в Донбасс пришла новость об отречении Николая II и формировании Временного правительства. На предприятиях воцарился хаос. Известный советский металлург И. П. Бардин, работавший в то время на Енакиевском металлургическом заводе, вспоминал: «Началось непрерывное обсуждение происшедших событий и вытекающих из них для Енакиевского завода последствий. Было избрано какое-то, без определенного названия, общественное управление, в котором участвовали многие кооперативные деятели...» [2, с. 57]. Сокращение объемов производства, начавшееся летом 1916 г., в 1917 г. продолжалось. Падение производственной дисциплины начиналось на самых тяжелых работах - у каталей, кочегаров. Менее всего этот процесс коснулся горновых, машинистов, слесарей, электриков. Они в большинстве случаев исполняли свои обязанности так же аккуратно, как и раньше. [2, с.59] Самого И.П. Бардина в 1917 г. рабочие завода избрали главным инженером [2, с.17].

Продолжавшаяся мировая война требовала поддержания металлургического производства, без которого было невозможно изготовление, в частности, корпусов снарядов. Располагавшийся в Мариуполе завод Никополь-Мариупольского общества получил правительственный заказ на изготовление снарядных корпусов. С целью реализации этого заказа 18 июля 1917 г. был заключен договор между Никополь-Мариупольским обществом и предпринимателем Е. Л. Левченко, в соответствии с которым в течение 5 лет завод получил право добычи желтого и бурого песка на территории участка в пос. Песчаный. Заводуправление выплатило Е. Л. Левченко 12700 руб., из которых 9000 руб. были переданы Е. Л. Левченко при подписании, а 3700 руб.

завод обязался перечислить после окончания срока действия договора. [6] От месяца к месяцу металлургам все сложнее было поддерживать технологический процесс. Осенью 1917 г. была остановлена печь №5 на Енакиевском металлургическом заводе, ввиду отсутствия угля были затушены мартеновские печи. [2, с. 60-61] К началу октября 1917 г. промышленники приступили к закрытию предприятий. Чтобы предотвратить закрытие предприятия, на 10 октября 1917 г. была запланирована забастовка рабочих Сулинского завода. [4, с.120] Промышленники, объединенные с 1902 г. в синдикат «Продамет», были крайне заинтересованы в создании «металлургического голода». Такая политика «Продамета», по мнению П. П. Рябушинского, привела к поражению России в Первой мировой войне [1, с.29].

Приход к власти большевиков положил начало новому периоду в истории Донбасса. Противники частной собственности на средства производства, большевики приступали к национализации как земли, так и крупных промышленных предприятий. Первым таким национализированным 15 декабря 1917 г. предприятием стал завод Русско-Бельгийского металлургического общества, который стал называться Петровским государственным заводом. Правление завода возглавил Я. Друян, первым народным директором завода стал рабочий доменного цеха Еременко, И. П. Бардин сохранил должность главного инженера. 24 января 1918 г. вышло постановление Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) «Об национализации всех предприятий Новороссийского Общества в Юзовке». Согласно постановлению, все предприятия Новороссийского общества переходили в собственность государства ввиду «...невозможности продолжать работу... и ввиду их государственной важности» [18, с.394]. Временное управление возлагалось на комиссара в лице члена совещания по финансированию при ВСНХ. Персоналу было рекомендовано оставаться на своих местах и продолжать исполнение обязанностей. В противном случае сотрудники и работники могли быть подвергнуты революционному суду. Учреждения, которые ранее вели деловые расчеты с обществом, были обязаны продолжать их с временным комиссаром. 22 января 1918 г. вышло постановление ВСНХ о национализации акционерного общества «Продамет», а также общества по продаже кровельного железа «Кровля». Согласно данному постановлению, все активы и пассивы, а также обязанности по прежним договорам передавались в управление металлургическому отделу ВСНХ. [7] Национализированные в январе 1918 г. десять крупных металлургических заводов выплавляли 80% чугуна и стали, производимых на Юге России. Декретом СНК от 28 июня 1918 г. все оставшиеся предприятия черной металлургии были национализированы и переданы в управление Главметаллу ВСНХ, созданного в декабре 1917 г.

Общегосударственный экономический кризис, начавшаяся гражданская война «сводили на нет» усилия металлургов по поддержанию производства. Заводы оказались без оборотных средств, что вело к невыплатам заработной платы и, как следствие, текучести кадров. В феврале 1918 г. был остановлен бессемеровский цех Петровского завода, состоявший из двух конвертеров по 10 т, была остановлена доменная печь № 3 из-за нехватки топлива и металлургов [2, с.67]. 3 октября 1917 г. из-за отказа повысить зарплату рабочим Сулинского завода был арестован директор Гладков. [4, с.135] 25 марта 1918 г. в целях налаживания трудовой дисциплины и решения вопросов, связанных с заработной платой, ЦК Всероссийского союза рабочих металлистов потребовал: 1) введения на заводах сдельной и сдельно-премиальной оплаты труда; 2) гарантирования определенной нормы выпуска изделий предприятием, 3) набора рабочих с учетом их профессиональной подготовки и готовности соблюдения производственной дисциплины и др.

В апреле 1918 г. Донбасс захватили австро-германские войска. 20 апреля они заняли Мариуполь. Оккупанты передали власть городской думе созыва 1911 г. Все имущество, которое большевики успели национализировать, возвращалось прежним

владельцам. 8 мая 1918 г. были закрыты заводы Никополь-Мариупольского общества и «Русский Провиданс». В Енакиеве на протяжении всего 1918 г. находились попеременно немцы и австрийцы. В ноябре 1918 г. после завершения Первой мировой войны им на смену пришли донские казачьи части есаула Сотникова [2, с.82]. Производство на заводе к этому времени составляло 10% от довоенного уровня вследствие дефицита руды, угля, разрушений в энергетическом хозяйстве. В 1918 г. в Донбассе работало только 2 доменные печи - на Петровском и Краматорском заводах. [11, с. 66]. Завод Краматорского металлического общества являлся одним из наиболее крупных предприятий. Он мог давать 9 млн пуд. чугуна и около 4 млн пуд. прокатных изделий в год. На производстве было занято около 4 тыс. чел. Экономист Р. Арский приводит следующую статистику: в 1914 г. металлургические предприятия Юга России дали стране 159 932 388 пуд. чугуна, в 1918 г. этот показатель упал в 10 раз и составил 17 млн. пуд. [1 с.27].

В 1919 г. на земле Донбасса разворачивалась гражданская война. С апреля 1919 г. простаивал Дружковский металлургический завод. В довоенное время он давал 12 млн. пуд. чугуна, 13 млн пуд. стали и 10 млн пуд. проката. [1, с.31]. В апреле-мае 1919 г. в Донбассе действовали отряды Н. Махно. В апреле они ворвались в Мариуполь. Ими было вывезено из металлургических заводов металлов и изделий из них на 517 291 р. В частности, они вывезли 13675 пуд. мартееновского чугуна, 5538 пуд. литейного чугуна, 2916 пуд. листового железа и 175 пуд. труб. [8].

С захватом к началу июня 1919 г. региона войсками ВСЮР в Донбассе был установлен режим военной диктатуры. Деникинцы ввели на предприятиях дореволюционное управление, обратились к союзникам - государствам Антанты с просьбой помочь восстановить промышленность. Но уже через два месяца после прихода армии Деникина экономическая жизнь в крае замерла. Во второй половине 1919 г. горнопромышленники Юга России стали распродавать свои предприятия по частям. После ухода советской власти в бассейне остались значительные запасы металла на заводах - несколько миллионов пудов чугуна и различных сортов металлов, которые вывозились. Металлургические заводы Краматорска и Луганска прекратили работу. Не производили продукцию завод в Юзовке. Прекратил работу Макеевский завод из-за расхищения оборудования. Из-за нехватки топлива простаивал Торецкий завод, который в мирное время мог давать 30 тыс. пуд. стального литья, 5 тыс. пуд. чугунолитья и 15 тыс. пуд. кованных изделий. Продолжал свою работу Донецко-Юрьевский завод. Он мог производить 13,5 млн пуд. чугуна, 11,5 млн пуд. полупродуктов и 9 млн пуд. прокатных изделий. Однако из-за систематической нехватки топлива ему грозила полная остановка производства. Ольховский чугунолитейный завод был разрушен и больше не восстанавливался. [1, с.31].

После восстановления советской власти в начале 1920 г. республика остро нуждалась в металлах., поскольку еще функционировавшим предприятиям и железным дорогам грозила полная остановка. СНК РСФСР приходилось выделять материальные ресурсы для поддержания производства в Донбассе. Из 57 доменных печей работала только одна на Петровском государственном заводе. Усугублялись такие трудности, как отсутствие угля, нехватка сырья, отсутствие рабочих, необходимых для восстановления производств. СНК РСФСР урезал топливное обеспечение предприятий и отраслей, сокращение продукции которых не было столь критично для экономики и общества, и перенаправлял эти ресурсы туда, где они были более необходимы. Покидали Донбасс не только рабочие, но и инженеры. Только в Бельгию вернулись 13 тыс. чел.

В мае 1920 г. Юзовский завод хотели закрыть, но прибывшая государственная комиссия сочла, что завод может работать. Необходим был кокс. 26 июня рабочая конференция констатировала «крайне тяжелое положение, в каком находится предприятие. Если не поднять добычу угля, то мы станем под угрозой прекращения

коковского производства, должны будем остановить доменную печь и не сможем пустить в ход цеха» [13 с.144]. Вскоре в связи с наступлением войск Врангеля рабочие были призваны в армию, а коксовые печи были затушены. Они были пущены 15 ноября и ежесуточно выдавали от 3 до 8 тыс. пуд. кокса. Для успешной работы домен необходим был запас в 300 тыс. пуд. угля, в декабре же удалось заготовить половину от требуемого. Работы на заводе распределялись на три категории: непрерывные, которые могут быть приостановлены, а также работы на заводе, которые допускают перерывы во время рабочего дня, или могут быть остановлены на еженедельные дни отдыха и в праздники. Работа предприятия осуществлялась в три смены: с 6 утра до 14.00; с 14.00 до 22.00, с 22.00 до 6 утра. Рабочие, явившиеся по истечении 10 минут после установленного срока, считались опоздавшими [13 с.145]. В конце июня 1921 г. на очередной рабочей конференции было отмечено «крайне тяжелое положение, в каком находится предприятие». Участники собрания подчеркивали, что если не увеличить добычу угля, то это повлечёт за собой угрозу полного прекращения коксового производства. В таком случае, администрация завода должна будет остановить доменную печь. Ее остановка вызовет «цепную реакцию», ведь тогда о запуске кровельного, подковного и других цехов не может быть и речи [10 с.103].

В 1920 г. из всех заводов Юга функционировали только Краматорский завод и Петровский. 17 ноября 1920 г. постановлением Президиума Укрсовнархоза завод Краматорского металлургического общества был вновь национализирован и преобразован в Краматорский государственный машиностроительный и металлургический завод (КГМЗ). Но уже через месяц из-за отсутствия сырья и финансов предприятие было остановлено и законсервировано. В 1920 г. национализированные заводы «Русский Провиданс» и «Никополь» были объединены в один - Мариупольский объединенный металлургический государственный завод. Завод «Б» («Русский Провиданс») был закрыт и все работы сосредоточены на заводе «А» («Никополь-Мариуполь»), где были закрыты буферный и паровозоремонтный цехи. Материальные потери завода «Никополь-Мариуполь» в период гражданской войны составили 16,783 млн руб., завода «Русский Провиданс» — 6,132 млн руб. [8] В августе 1920 г. на базе заводов Донецкого (Дружковского) и Торецкого обществ был создан единый Торецкий сталелитейный и механический завод. Завод до 1917 г. изготавливал оборудование для шахт и железных дорог. Деятельность Торецкого сталелитейного и механического завода едва теплилась.

В 1920 г. все металлургические заводы Юга стояли, за исключением одной доменной печи в Енакиево. Его спасла группа инженеров-доменщиков во главе с И.П. Бардиным. В 1920 г. в Донбассе производилось стали – 1,7%, проката – 1,8% довоенного уровня. Металлургия производила столько металла, сколько его выплавляли при Петре I. В 1921 году был организован трест «Югосталь», объединивший три завода: Макеевский, Юзовский и Петровский. Но работал пока только один Петровский завод. Председателем правления этого треста был назначен И. И. Межлаук. Первые признаки будущего возрождения металлургической промышленности Юга проявились в Мариуполе. К августу 1921 г. на заводе был частично запущен листопрокатный цех и готовился к запуску трубный цех [8]. Остальные предприятия все еще простаивали вследствие ремонта, недостатка угля и оборудования, отсутствия оборотных средств и рабочих рук. [17 с.69]

Заключение. Годы 1917–1921 стали для металлургии Донбасса временем тяжелейшего испытания. Политическая нестабильность, революция, гражданская война и иностранная интервенция, крах системы поставок, прежде всего, угля привели к падению производства. Национализация заводов, начавшаяся в 1917 г. и продолженная в 1920 г., стала попыткой большевиков взять ситуацию под контроль и предотвратить крах металлургической промышленности. Но даже после этого отрасль продолжала

терять мощности: к 1920 году почти все металлургические предприятия региона простаивали. Хотя масштабы разрушений были огромны, именно этот тяжелый опыт подтолкнул большевиков к проведению новой экономической политики и осознанию необходимости продолжения начатой при царском режиме индустриализации страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арский Р. Донецкий бассейн. - М.: 4-я Государственная типография, 1919. 48 с.
2. Бардин И.П. История Енакиевского металлургического завода ордена Трудового Красного Знамени: Историко-документальная повесть/ Вступ. слово Е. Вахмистрова; Предисловие Н.В. Гришина; Библ. ст. проф. Чекалов В.П. – Донецк: ООО «Культовары», 2008. – 150 с.
3. Бардин, И. П. Избранные труды [Текст]. Т. 2 / Отв. ред. акад. А. М. Самарин. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1968. - 267 с.
4. Борьба за власть на Дону 1917-1920 гг. Сборник документов /сост. Борохова И. М. и др. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1957. 528 с.
5. ГА ДНР Ф.119 Оп.1. Д. 40.
6. ГА ДНР Ф.119 Оп.1. Д.14.
7. ГА ДНР Ф.119, Оп.1. Д.66.
8. ГА ДНР Ф. Р-1278 Оп.1. Д.8
9. Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917 - 1920. Сборник документов. В двух томах. Том 1: март 1917 - май 1918 / Комитет по управлению архивным делом Ростовской области, ГКУ РО «ГАРО», ГКУ РО «ЦДНИРО». - Ростов н/Д, 2017. 460 с.
10. Ектова А. А. Металлургический завод Новороссийского Общества в 1921–1928 гг.: проблемы восстановления // Электронный периодический научный журнал SCI-ARTICLE.RU. - 2017. - № 48 (август). – [Электронный ресурс]- URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1502965989>
11. История промышленности Донбасса: монография / А. А. Саржан, В. В. Липинский, Л. А. Рощина [и др.] ; под ред. А. А. Саржана. – Донецк : ДОННТУ, 2020. 357 с.
12. История рабочих Донбасса: монография в 2 т. / гл. редкол.: Ю.Ю. Кондуфор и др.; Акад. наук УССР, Ин-т истории. Т.1. – К.: Наукова думка, 1981. 330 с.
13. Модестов В.В. Рабочие Донбасса в трех русских революциях / В.В. Модестов. М.: Мысль, 1974. – 268 с.
14. Никольский, В. Н. Донецкий металлургический завод в 1920-1921 гг.: проблемы восстановления / В. Н. Никольский, А. А. Ектова // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности, Донецк, 16–18 мая 2016 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 7. – Донецк: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 144-146.
15. Разумная Н.Н. Донбасс накануне Гражданской войны в 1917 году // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. - 2022. - №1. - С. 41–47.
16. Разумная Н.Н. Начало гражданской войны в Донбассе // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. - 2022. - №2. - С. 5-10
17. Разумная Н.Н. Экономический кризис в Донбассе (1917-1922 гг..) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2021. - Том.13. - № 5. - С. 59-72.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. /Управление делами Совнаркома СССР - М., 1942. 1483 с.
19. Экономическое положение накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март-октябрь 1917 г. Ч. 1: Док. и материалы. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 655 с.
20. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 647 с.

METALLURGICAL INDUSTRY OF DONBASS IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS OF 1917-1921

Abstract. The period from 1917 to 1921 was a time of profound upheaval for Donbas, one of the largest industrial centers of the Russian Empire. The Great Russian Revolution, the Civil War, disruption of the supply chain and subsequent economic experiments devastated its metallurgical industry, turning thriving factories into ruins and threatening the region's very existence as an industrial giant.

Keywords: Donbas, metallurgical industry, Bolsheviks, nationalization, Novorossiysk Society Plant, Petrovsky State Plant

Cheberyа R.A.

Scientific supervisor: Agapov V. L. D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor

Donetsk State University

E-mail: cheberyar@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Шапошников Д.И.

*Научный руководитель: Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу предпосылок системного кризиса Цинской империи на рубеже XIX–XX веков. На основе отечественных исследований рассматривается взаимосвязь политических, экономических и социальных факторов, обусловивших крах династии. Исследуются глубинные структурные причины кризиса: демографический взрыв, исчерпание аграрных ресурсов, разрушение традиционной промышленности в результате насильственной интеграции в мировую экономику на полуколониальных условиях.

Ключевые слова: Цинская империя, системный кризис, модернизация, реформаторское движение, Сунь Ятсен, Кан Ювэй, «Новая политика», кэцзюй, полуколония, экономический упадок.

Поражение Китая в японо-китайской войне 1894–1895 годов и тяжёлые условия Симоносекского договора вызвали мощный всплеск народного возмущения и активизировали общественно-политические круги, включая шэньши и формирующуюся интеллигенцию. Патриотический подъём середины 1890-х годов оказался значительно масштабнее и устойчивее, чем во время франко-китайской войны 1884–1885 годов. Волна протестов, охватившая как традиционные, так и новые социальные слои, распространилась по крупным городам империи. Изначально общественный гнев был направлен против некомпетентных, коррумпированных военачальников, однако вскоре шэньши начали поиск глубинных причин национального унижения. Первым шагом к исправлению ситуации многие патриоты видели отказ от «позорных условий» Симоносекского соглашения [1].

Цель статьи – выявление и комплексный анализ политических, экономических и социальных предпосылок системного кризиса Цинской империи на рубеже XIX–XX веков, а также определение взаимосвязи между структурными противоречиями, неудачными реформаторскими попытками и последующим крушением династии.

Унизительные для Китая положения договора спровоцировали волну возмущения в Пекине. Весной 1895 года в столицу на экзамены для получения высшей учёной степени цзиньши съехались обладатели степени цзюйжэнь со всей страны. В конце апреля состоялись собрания, в которых участвовало более тысячи цзюйжэней из различных провинций. Председательствовал на них учёный и политический деятель Кан Ювэй, который в своём главном труде «Датун шу» изложил идею «Великого единения» — утопической модели общества, предполагавшей отмену частной собственности и организацию общественного производства. В другой своей работе, «Кун-цзы гай чжи као», Кан Ювэй использовал авторитет Конфуция для обоснования необходимости преобразований в Китае, приводя в пример реформы в России, Японии и странах Европы и предостерегая от промедления на примере судеб Польши и Турции [1].

Вместе со своими учениками Лян Цичао и Май Мэнхуа Кан Ювэй подготовил «Коллективный меморандум», содержащий ряд требований к императору. Среди них были отказ от Симоносекского договора, наказание виновных в поражении, перенос столицы, модернизация армии, развитие промышленности и транспорта, реформы в образовании и сельском хозяйстве, а также создание совещательного органа при императоре. Хотя цинское правительство проигнорировало этот документ, он стал отправной точкой для организованного движения за реформы [1].

В дальнейшем Кан Ювэй основал «Ассоциацию усиления государства» и начал издавать газету «Всемирный вестник». Война продемонстрировала преимущества

частного капитала, и часть шэньши, поддержавших «Меморандум», стала отходить от ортодоксальной конфуцианской доктрины, уделяя всё больше внимания частному предпринимательству. При этом целью реформаторов оставалось возрождение империи, а не создание буржуазного общества; они выступали прежде всего в интересах государства и бюрократии [1].

Деятельность «Ассоциации» первоначально пользовалась поддержкой ряда чиновников и наместников, однако вскоре была запрещена императором под давлением консервативных сил. Несмотря на это, Кан Ювэй и его сторонники продолжили создавать реформаторские организации и издавать либеральные публикации. Примерно в то же время Сунь Ятсен основал «Союз возрождения Китая», ставивший целью свержение маньчжурской династии. Между реформаторами и революционерами существовали принципиальные разногласия: первые выступали за постепенные преобразования при сохранении монархии, вторые — за революцию и установление республики. Социальной опорой реформаторов были шэньши и часть бюрократии, в то время как революционеры опирались на радикальную интеллигенцию и торговые круги [1].

После разгрома восстания ихэтуаней («боксёров») в 1901 году цинское правительство, ослабленное внутренними проблемами и усилившейся зависимостью от иностранных держав, было вынуждено приступить к реализации программы преобразований, известной как «Новая политика». Уже в апреле того же года был создан специальный комитет, отвечавший за разработку и контроль реформ; его ключевыми координаторами стали влиятельные сановники Лю Куньи и Чжан Чжидун. Центральное место в программе заняла реформа системы образования, призванная подготовить квалифицированные кадры, способные обеспечить модернизацию страны.

Однако эти преобразования, изначально нацеленные на сохранение власти династии, носили ограниченный характер и не пользовались широкой общественной поддержкой. Российские дипломаты, внимательно следившие за развитием событий, отмечали, в частности, изменения в Академии Ханьлин, где традиционное изучение поэзии и философии стало уступать место «западным наукам». В 1902 году вышел императорский указ о направлении за границу для обучения молодых представителей императорской фамилии и маньчжурской знати. Император подчёркивал важность освоения иностранного государственного устройства и научных дисциплин для укрепления государства, поручив отбор кандидатов Ведомству императорского двора и командирам восьмизнаменных войск [2].

Экономический кризис цинского Китая в XIX веке имел глубокие структурные причины, ключевой из которых стало беспрецедентное демографическое давление. С 1700 по 1840 год население империи увеличилось вчетверо, что привело к резкому сокращению среднего размера земельного надела на душу и создало хроническую угрозу продовольственной безопасности в условиях ограниченности пригодных для обработки земель [3].

К концу столетия экономическая ситуация представляла собой пёструю картину противоречивых тенденций. Несмотря на доминирование традиционных форм хозяйствования, всё более ощутимым становилось влияние внешних факторов. Это породило смешанные экономические модели внутри арендно-бюрократической системы — часть из них была сознательно заимствована, а часть навязана иностранной экспансией. Прогресс в одних сферах соседствовал с упадком в других, а сочетание созидательных и разрушительных сил предопределило масштабные потрясения, включая «опиумные» войны и череду крестьянских восстаний [3].

Последствия этих войн и восстаний, выразившиеся в сокращении населения и общем экономическом упадке, усугубили кризис второй половины XIX века. Несмотря на сохранение феодальных устоев в деревне, интеграция в мировой рынок

стимулировала рост товарности сельского хозяйства и распространение технических культур, особенно в прибрежных провинциях. Одновременно усиливалась зависимость крестьян от помещиков через аренду и ростовщичество, отягощённая непосильным налоговым бременем [3].

Насильственное вовлечение Китая в мировую экономику имело разрушительные последствия для традиционной промышленности. Импорт иностранных фабричных товаров подрывал кустарное производство, сделав необратимым распад единого процесса прядения и ткачества. К концу века традиционное деревенское прядение было в значительной степени уничтожено, в то время как в некоторых регионах (Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань, Юньнань) происходил переход на машинное сырьё. Капиталистические отношения быстрее всего развивались в экспортно-ориентированных отраслях, таких как шёлководство, где ведущую роль играл торговый капитал [3].

Развитие национального капитализма сковывали многочисленные факторы: архаичная финансовая система с высокими процентными ставками, вымогательство чиновников, неразвитая инфраструктура и феодальные пережитки, затруднявшие переход от мануфактур к фабрикам. Частный капитал был вынужден вкладываться в смешанные государственно-частные предприятия, которые, пользуясь государственной поддержкой, одновременно сдерживали рост независимого бизнеса. Отечественный капитал был слаб из-за конкуренции с иностранным, высоких внутренних налогов, коррупции и отсутствия правовых гарантий, что провоцировало эмиграцию предпринимателей [3].

Новая промышленность концентрировалась лишь в «открытых» портах, а ключевые отрасли, такие как машиностроение, практически отсутствовали. Благодаря системе неравноправных договоров иностранный капитал контролировал внешнюю торговлю, устанавливал низкие таможенные пошлины и создавал институт компраторства. Иностранные компании извлекали сверхприбыли из финансовых спекуляций и обесценивания серебряного яна, в то время как цинское правительство было вынуждено брать займы у английских банков под залог таможенных сборов [3].

Таким образом, современное машинное производство зарождалось в Китае преимущественно на военных предприятиях, создававшихся в рамках политики «самоусиления». Эта политика, направленная на усвоение заморских достижений, ставила целью создание современной армии и флота, а также «достижение богатства» через укрепление государственного сектора, что, однако, не смогло преодолеть системные противоречия и предотвратить углубление экономического кризиса [3].

К рубежу XIX–XX веков Китай оказался в состоянии глубокого полукOLONИАЛЬНОГО ущемления, будучи разделённым ведущими державами на сферы влияния. Англия закрепила своё доминирование на юге страны и в среднем течении Янцзы, Япония – в нижнем течении Янцзы и провинции Фуцзянь, Франция контролировала южные провинции, Германия — Шаньдун, а Россия – Маньчжурию [7]. В этих условиях «Новая политика» цинского правительства ознаменовала поворот от традиционного сдерживания торговли к её вынужденному поощрению. Данный курс объективно усилил позиции нарождающегося предпринимательского слоя и региональных элит, которые, получая экономические рычаги, стали стремиться к ослаблению центральной власти и перераспределению полномочий в свою пользу [7].

Проводимые реформы были тесно связаны со становлением китайского капитализма и глубокими структурными сдвигами в экономике. Если аграрный сектор в целом оказался затронут преобразованиями в меньшей степени, то он также вынужденно адаптировался к проникающим рыночным отношениям. Хотя социальное расслоение по капиталистическому типу ещё уступало традиционным формам дифференциации,

начавшаяся экономическая трансформация оказывала влияние на все сферы жизни страны, подрывая основы традиционного общества и имперской государственности [7].

К началу XX века Китай, подобно многим государствам, столкнулся с необходимостью поиска новой модели развития, осмысляя свой исторический путь через призму формирующихся общественных наук. Поражение в войне с Японией 1894–1895 годов со всей очевидностью обнажило глубокий кризис династии Цин и настоятельную потребность в модернизации. Ответом стали инициированные императором Гуансюем (Цзай Тянем) «движение за реформы» и «Сто дней реформ» (1898 г.). Однако эти попытки были прерваны консервативным дворцовым переворотом: императрица Цыси восстановила свою власть, Гуансюй был заключён под стражу, а реформаторы подверглись репрессиям. Неудача преобразований наглядно продемонстрировала невозможность совмещения модернизации страны с сохранением неизменной монархической системы, хотя поиск эффективного пути развития оставался критически важным.

Государственный аппарат, рассчитанный на меньшее население, не справлялся с управлением разросшейся империей. К XIX веку на одного уездного чиновника (магистрата) могло приходиться до 250 тысяч человек, что снижало эффективность управления и замедляло реакцию на кризисы. Ярким примером стала «Великая засуха» 1876–1879 годов, опустошившая пять северных провинций и унёсшая, по разным оценкам, более 9,5 миллионов жизней. Масштабы катастрофы, зафиксированные в материалах Фонда помощи голодающим Китая, свидетельствовали о неспособности государства адекватно отвечать на вызовы такого масштаба [1].

Наряду с внутренними проблемами нарастало давление извне. С начала XIX века западные державы, прежде всего Великобритания, начали активное проникновение на китайский рынок. Технически отсталая Цинская империя потерпела ряд поражений и к концу века фактически превратилась в полуконию. Ни политика изоляции, ни попытки «самоусиления» по японскому образцу не смогли остановить этот процесс. После Первой опиумной войны (1840–1842) Китай был вынужден подписать первый неравноправный договор, за которым последовало около 13 аналогичных соглашений с разными государствами. Это привело к утрате контроля над ключевыми портами, изоляции во внешней политике и притоку иностранных миссионеров, зачастую пренебрегавших местными традициями [1].

Особенно болезненным стало иностранное проникновение в северные регионы — Чжили, Шаньдун и Маньчжурию. Строительство железных дорог (КВЖД, ЮМЖД), внедрение телеграфа и массовый ввоз фабричных товаров разрушали традиционную экономику, лишая средств к существованию лоцманов, извозчиков, носильщиков и охрану караванов. Прокладка путей уничтожала пахотные земли, жилища и кладбища. Эти изменения, совпавшие с чередой стихийных бедствий (засухи, эпидемии холеры) на севере, воспринимались населением как прямое следствие появления «заморских дьяволов» и спровоцировали социальный взрыв, вылившийся в восстание ихэтуаней («боксёров») в начале 1900-х годов [1].

Преобразования в системе образования в позднецинский период стали ключевым компонентом программы модернизации, предпринятой династией в попытке противостоять упадку и колониальному влиянию. Ликвидация многовековой системы государственных экзаменов (кэцзюй), служившей механизмом отбора чиновников, была продиктована исторической необходимостью. Империя остро нуждалась в современной системе подготовки квалифицированных кадров, способных проводить модернизацию на основе передовых иностранных достижений [8].

Принцип замещения должностей по результатам испытаний возник в эпоху Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.), классический вид приобрёл при династии Сун (960–1279), а дальнейшие преобразования в период династии Мин (1368–1644) довели его до высокой

степени совершенства [8]. Подготовка кандидатов велась в сети государственных и частных школ по всей стране. Масштабы системы иллюстрирует статистика: на рубеже XIX века начальную учёную степень получили около 1,1 млн человек, следующую степень цзюйжэнь – лишь 18 тыс., а высшую степень цзиньши – только 2,5 тыс. человек (при населении империи в 1812 г. около 360 млн). Всего за время правления Цин насчитывалось 26 747 обладателей степени цзиньши [8].

Эта система, укоренённая в конфуцианской этике, долгое время считалась оптимальной. Однако во второй половине XIX века насильственное вовлечение империи в колониальную систему международных отношений выявило несостоятельность традиционных управленческих механизмов, включая кэцзюй [8]. Осознание технологического отставания стимулировало реформаторские настроения. Чиновник и мыслитель Чжан Чжидун (1837–1909) сформулировал знаменитую концепцию «Чжун сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн» («Китайское учение – как основа, западная наука – как инструмент»), ставшую идеологическим обоснованием преобразований [8].

Стало очевидно, что развитие промышленности и углубление реформ невозможны без подготовки собственных высококвалифицированных кадров. Старая образовательная модель для этого не подходила. В ответ началось создание учебных заведений европейского типа. После открытия в 1861 году в Пекине первой школы иностранных языков Тунвэньгуань к 1894 году в стране было учреждено ещё 37 специализированных школ, готовивших военных, кораблестроителей, медиков и инженеров [8].

Параллельно шла переоценка идеологических основ кэцзюй. Система, бывшая опорой китайской государственности, формировала крайне узкое, консервативное мировоззрение, воспроизводя чиновников, лишённых практических навыков, но преклонявшихся перед древностью [8]. Кроме того, она блокировала доступ к высшим должностям для молодых реформаторов. Накопившийся потенциал изменений привёл к тому, что в 1905 году тысячелетняя система государственных экзаменов была официально упразднена [8].

Отмена кэцзюй имела глубокие последствия, ускорив преобразования в управлении и культуре. Для координации новой образовательной политики вместо традиционного Ведомства обрядов (Либу) в 1905 году было создано Ведомство по делам просвещения (Сюэбу). С этим периодом связано зарождение организованного женского образования: в 1907 году были приняты первые в истории империи уставы о женских начальных школах и педагогических училищах. Реформа также открыла возможность для получения образования за границей для амбициозной молодёжи из состоятельных семей [8].

Однако оценка реформы не может быть однозначной. Власти не предложили адекватной альтернативы для справедливого пополнения государственного аппарата. Тысячи кандидатов потеряли социальный статус и жизненные перспективы, что способствовало росту недовольства. Государство лишилось и важного инструмента идеологического контроля, удерживавшего образованное общество в рамках конфуцианской ортодоксии. Развитие новой образовательной инфраструктуры шло медленно и неравномерно, особенно в отдалённых районах, что негативно сказывалось на грамотности населения [8].

Таким образом, к концу XIX века Цинская империя оказалась в состоянии всеобъемлющего системного кризиса, охватившего все ключевые сферы её существования. Провал реформ 1898 года и отказ правящей клики во главе с Цыси от последовательных преобразований окончательно лишили режим возможности эволюционного обновления. К рубежу веков кризис приобрёл необратимый характер, будучи обусловлен роковым переплетением внутренних противоречий и внешнего колониального давления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 6. / отв. ред. О.Е. Непомнин. – М.: Наука – Восточная литература, 2014. – 886 с.
2. Самойлов Н. А. Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. Выпуск №6 – С. 175-188.
3. Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая 1894 – 1914. – М. Наука, 1980. – 367 с.
4. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. 2015. №1. – С. 134 - 150
5. История Китая; Учебник / Под редакцией А.В. Меликсетова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. – 736 с.
6. Лапин П. А. Упразднение системы государственных экзаменов (кэцзюй) в Китае в поздние годы династии Цин: социально-политическое и культурно-образовательное значение // Общество и государство в Китае. 2016. №1. - С. 70 - 82.

PREREQUISITES OF THE SYSTEMIC CRISIS IN THE QING EMPIRE

Annotation: This article provides a comprehensive analysis of the preconditions for the systemic crisis of the Qing Empire at the turn of the 19th and 20th centuries. Based on domestic research, it examines the interrelationship between the political, economic, and social factors that led to the collapse of the dynasty. It explores the underlying structural causes of the crisis: the demographic explosion, the depletion of agricultural resources, and the destruction of traditional industry as a result of forced integration into the global economy on semi-colonial terms.

Keywords: Qing Empire, systemic crisis, modernization, reform movement, Sun Yat-sen, Kang Youwei, "New Policy", keju, semi-colony, economic decline.

Shaposhnikov D.I.

Scientific adviser: Razumnyi V.V., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: danil.shaposhnikov@inbox.ru

КОНЦЕПЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АЛЕКСАНДРА I: СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Шмакотина В. И.

*Научный руководитель: Козловский А. Ю., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором рассмотрена концепция коллективной безопасности, реализованная во внешней политике России в годы царствования императора Александра I, в контексте участия России в Священном союзе. Автор анализирует идейные истоки данной концепции, её политико-правовые основания и практические механизмы реализации в системе международных отношений посленаполеоновской Европы.

Ключевые слова: внешняя политика Александра I, Священный союз, коллективная безопасность, международные отношения, европейская дипломатия, Венская система, баланс сил, международное право, посленаполеоновская Европа.

Несмотря на общее внимание ученых ко внешней политике России эпохи Александра I и истории Священного союза (1815 – конец 1820-х гг.), положенная в его основу концепция коллективной безопасности остается недостаточно рассмотренной. Как отмечают О. В. Жидкова и Е. А. Попова, в рамках современной историографии продолжают дискуссии об идейной составляющей данного союза [1].

Проблематика внешней политики Александра I и деятельности Священного союза получила достаточно широкое освещение в отечественной историографии. Так, например, существенный вклад в изучение дипломатической стратегии российского императора внесли О. Р. Айрапетов [2], А. Ю. Андреев [3], В. В. Дегоев [4], А. Н. Сахаров [5], А. Л. Зорин [6]. В их трудах анализируются идеологические основы внешнеполитического курса Александра I Благословенного, его роль в формировании Венской системы международных отношений и создании общеевропейского механизма коллективной безопасности. Особое внимание исследователи уделяют соотношению религиозно-нравственных идей и политико-прагматических интересов российского императора.

Научное осмысление истории Священного союза прошло через несколько этапов, отражавших, в частности, изменение идеологического контекста различных эпох в истории нашей страны. Исследование эволюции этих идейных и научных подходов позволяет понять, как менялась оценка внешней политики Александра I и его концепции коллективной безопасности. Так, А. Ф. Ильяшенко подчеркивает: «Изучение Священного союза в отечественной и зарубежной науке демонстрирует последовательную трансформацию от прямолинейных, политически ангажированных суждений к более сбалансированному, многофакторному анализу» [7, с. 31]. Эта научная динамика раскрывает, как первоначальные интерпретации, часто сводившие действия России к роли «жандарма Европы», постепенно уступили место более объективным исследованиям, учитывающим самые различные идеологические, правовые и институциональные аспекты Священного союза и роли александровской России в его становлении и деятельности.

Целью же данной научной статьи является рассмотрение концепции коллективной безопасности, имевшей место в «посленаполеоновский» период внешней политики Александра I, и проявившейся в деятельности Священного союза. В соответствии с данной целью важным представляется выявить идейные основания и политико-правовые механизмы реализации таковой концепции, а также указать на её последствия для развития европейской системы международных отношений в конце первой трети XIX в.

Известно, что формирование концепции коллективной безопасности в «посленаполеоновской» внешней политике Александра I опиралось на глубокие философско-идеологические основания, прежде всего на принципы христианства и легитимизма. Их соблюдение, по мнению императора, обеспечило бы «европейскую гармонию». Эти идеи отражали его убеждение в необходимости защиты законной власти монархий и сохранения стабильности в международной системе после периода революционных и наполеоновских войн. Таким образом, роль Александра I в создании нового международного порядка, как справедливо подчеркивает Т. А. Макарова, определялась не только военно-политическими факторами, но и его личным мировоззрением, которое формировалось под влиянием сложных духовных исканий послевоенного времени [8]. Эти идеи отражали убеждение императора в необходимости защиты законной власти европейских монархий и сохранения стабильности в международной системе.

Концепция коллективной безопасности во внешней политике Александра I, как некий политический конструкт, была тесно связана с созданием в 1815 г. Священного союза. Так, после Венского конгресса Россия, наряду с Австрией и Пруссией, стала одним из главных центров нового международного порядка, ориентированного на защиту легитимных, то есть «Богом данных» европейским народам правителей-монархов, упреждение и подавление «безбожных» революционных выступлений.

Священный союз являлся инструментом коллективной безопасности, предполагая оказание всемерной поддержки легитимной государственной власти в странах Европы. Его доктрина, основанная на морально-религиозной солидарности монархов, в которой идеалы «духовной ответственности» и «сохранения порядка» играли бы ключевую роль, предусматривала и совместные военные действия трёх европейских держав против угроз дестабилизации. Идеей союза предусматривались как дипломатические консультации, так и возможность военного вмешательства для подавления революций, примером чего стали интервенции в Италию и Испанию.

Россия играла ведущую роль в этом механизме, символизируя морально-религиозную основу всего послевоенного международного порядка и укрепляя свой статус гаранта стабильности в Восточной и Юго-Восточной Европе. Победа над Наполеоном чрезвычайно усилила международные позиции России. Александр I являлся могущественнейшим монархом Европы. Влияние России на дела континента было велико как никогда. Охранительные тенденции отчетливо проявлялись в политике российского самодержавия на международной арене. Священный союз был призван сплотить все монархически-консервативные силы Европы во имя торжества легитимистских принципов и борьбы с революционным движением. Идеям революции государства-участники Союза стремились противопоставить христианскую мораль.

Однако европейские монархи вовсе не собирались ограничивать борьбу с революциями, угрожавшими абсолютистским порядкам, лишь духовной сферой. Чем дальше, тем больше Священный союз становился на путь прямой военной интервенции против тех стран, в которых легитимным монархическим династиям угрожала революционная опасность. Так, в 1818 г. состоялся Ахенский конгресс Священного союза. Согласно секретному протоколу, подписанному представителями России, Австрии, Пруссии и Англии, подтверждались обязательства этих четырех держав принимать меры во имя предотвращения революционных выступлений, если таковые вновь будут иметь место во Франции.

В 1820 г. началась революция в Испании. В том же году вспыхнуло народное восстание и в Неаполитанском королевстве. В этой обстановке в 1820 г. в Троппау открылся очередной конгресс Священного союза. Александр I прибыл в Троппау, рассчитывая добиться от своих партнеров решительных военных мер, направленных на борьбу с испанским революционным движением.

На конгрессе было принято постановление, провозглашавшее «право вмешательства» во внутренние дела стран, охваченных революцией. Участники конгресса поручили Австрии направить свои войска в Неаполь для восстановления порядка. Сама работа конгресса была перенесена из Троппау в Лайбах, расположенный поближе к итальянской границе. В марте 1821 г. австрийская армия подавила революцию в Неаполитанском королевстве. Еще один революционный очаг возник тогда же в Пьемонте. Александр I выразил готовность двинуть туда войска из России для умирения восставших. Однако помощь царя не понадобилась. В апреле 1821 г. австрийские войска подавили и Пьемонтскую революцию.

Хотя Священный союз и способствовал поддержанию мира в Европе и укреплению легитимных монархий, его эффективность была ограничена послевоенными противоречиями между странами-участниками и невозможностью в полной мере сдерживать рост революционных выступлений и национально-освободительных движений.

В свою очередь, Александр I не собирался начинать войну с Османской империей из-за Греции. На Веронском конгрессе царь подписал вместе с другими государствами-участниками Священного союза декларацию, в которой греческое восстание изначально осуждалось как «революционное». Между тем Англия, при сочувственном отношении Австрии, стремясь подорвать авторитет России на Балканах, выступила в защиту греческих борцов за независимость, предоставив им в 1824 г. заем [9].

Наметился явный раскол между государствами-участниками Священного союза. Перспектива вовлечения Греции в орбиту влияния Англии превращалась в реальность. Попытки царской дипломатии разрешить «греческий вопрос», действуя совместно с партнерами по Священному союзу, успеха не имели.

В этой ситуации Россия должна была занять самостоятельную позицию в отношении греческого восстания. Поэтому в августе 1825 г. русские послы в Вене и Лондоне получили указание сделать соответствующие заявления правительствам, при которых они были аккредитованы. Так, Священный союз мыслился Александром I уже не только как объединение европейских монархов для борьбы с революцией. Царь стал рассматривать его и как союз христианских государей для защиты христианских народов Балканского полуострова от ига мусульманской Османской империи [10]. «Восточный кризис», разразившийся с началом греческого восстания, перешел в новую фазу. Разрешать же сложнейшие проблемы, порожденные событиями на Балканах, пришлось уже следующему российскому императору – Николаю I.

Что же касается революционных выступлений в Испании, то в соответствии с решениями Веронского конгресса против этой страны была осуществлена военная интервенция. Принцип защиты легитимизма восторжествовал на Пиренейском полуострове при поддержке французских штыков. Однако в боевую готовность были приведены также войска и России, и Австрии, и Пруссии.

В целом же, на наш взгляд, концепция коллективной безопасности Александра I, воплощенная в политике Священного союза, представляла собой уникальное сочетание политической прагматики и морально-религиозных представлений, демонстрировавших, что международная безопасность рассматривается как коллективная ответственность государств. Центральную роль в разработке и продвижении концепции коллективной безопасности сыграл сам Александр I, выступавший инициатором создания механизмов сотрудничества ведущих держав для подавления революций и сохранения мира в Европе.

Идея союза была призвана продемонстрировать, что обеспечение коллективной безопасности возможно лишь при наличии у государств-участников общих ценностных ориентиров и действенных механизмов их реализации.

Вместе с тем, деятельность Священного союза впоследствии носила скорее декларативно-символический характер. Так, прежде всего, неизбежные противоречия между великими державами снижали эффективность реализации принципов коллективной безопасности, заложенных в основу данного военно-политического альянса.

Однако концепция коллективной безопасности Александра I внесла весьма значительный вклад в формирование принципов тогдашнего многостороннего дипломатического взаимодействия государств, направленного на поддержание европейской стабильности. Хотя Священный союз и способствовал некоторому поддержанию мира в Европе и укреплению легитимных монархий, его эффективность была ограничена объективной исторической невозможностью и явной незаинтересованностью отдельных великих держав полностью сдержать рост национально-освободительных движений.

Несмотря на всё это, деятельность Священного союза непосредственно и всецело способствовала формированию механизма регулярных дипломатических контактов и политических консультаций, укреплению доверия между великими державами и приобретению ими бесценного опыта многостороннего военно-политического сотрудничества.

Таким образом, концепция коллективной безопасности, воплощенная в международно-политическом опыте Священного союза, самим своим содержанием во многом обязанная российскому императору Александру I, была выдающейся исторической попыткой, предпринятой во имя обеспечения международной стабильности и сохранения мира в Европе. Деятельность Священного союза основывалась на идее самого искреннего сотрудничества и взаимной ответственности государств-участников в достижении его целей.

Эмпирическая и теоретическая ценность истории Священного союза состоит в том, что данный альянс опытным путем продемонстрировал как возможности, так и, напротив, ограничения системы многостороннего сотрудничества государств. Он стал важным историческим уроком для последующих международных инициатив, направленных на подавление конфликтов в Европе. Данное оценочное суждение, на наш взгляд, не является преувеличением, несмотря и на то, что идейная составляющая Священного союза была ограничена моральными, политическими, религиозными и социальными представлениями, свойственными абсолютным монархам России, Австрии и Пруссии начала XIX в.

Доктрина Священного союза сталкивалась с ограничениями, связанными с активизацией противоречий между государствами-участниками, обусловленных первенством эгоистических национальных интересов той или иной великой державы в условиях динамично менявшейся международной обстановки. Таковое первенство сводило на нет универсальность легитимизма, имевшего зачастую лишь абстрактно-ценностный характер. Вследствие этого деятельность Священного союза носила в некотором роде декларативный характер, что ограничивало эффективность его практических усилий по подавлению революционно-демократических выступлений в Европе.

Несмотря на сугубо декларативный характер ряда международных военных и политических инициатив, Священный союз сыграл свою важную роль в поддержании краткосрочного мира в Европе на основе регулярных дипломатических контактов между великими державами.

Священный союз создал важные предпосылки для дальнейшего развития и утверждения в международной политике идей, проектов и принципов коллективной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жидкова О. В., Попова Е. А. Священный союз в оценках современной российской историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 3. С. 235-246.
2. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801-1914 : в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801-1825. – М. : Кучково пале, 2017. – 608 с.
3. Андреев А. Ю. Император Александр I, митрополит московский Филарет и идеи Священного Союза // Филаретовский альманах. 2017. № 13. С. 104-121.
4. Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
5. Сахаров А. Н. Александр I: М.: Наука. 1998. 287 с.
6. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла. М.: Нов. лит. обоз., 2001. 414 с.
7. Ильяшенко А. Ф. Священный союз в отечественной и зарубежной историографии: этапы изучения, концепции и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2025. Вып. 122. С. 28-52.
8. Макарова Т. А. Роль Александра I в международных отношениях и предпосылки создания Священного союза // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (3). С. 164-169.
9. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию // Сочинения. Том VII / Е. В. Тарле. – М.: Издательство Академия наук СССР, 1959. С. 435-738.
10. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 29–30 / С. М. Соловьёв. – М.: Соцэкгиз, 1965. – 640 с.

**THE CONCEPT OF COLLECTIVE SECURITY IN THE FOREIGN POLICY OF ALEXANDER I:
THE HOLY ALLIANCE**

Annotation. Within this scientific paper the author considered the concept of collective security, implemented in the Emperor Alexander I's foreign policy, under the context of Russia's participation in Holy Alliance. The author analyzes the ideological origins of this concept, its political and legal foundations, and the practical mechanisms for its implementation in the system of international relations in post-Napoleonic Europe.

Keywords: Alexander I's foreign policy, Holy Alliance, collective security, international relations, European diplomacy, Vienna system, balance of power, international law, post-Napoleonic Europe.

Shmakotina V. I.

Scientific adviser: Kozlovsky A. Yu., Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: valeria.shm@mail.ru

УДК 94:355.4 (477.62) «1941»

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ В ДЕКАБРЕ 1941 Г.

Ягнин О.А.

Научный руководитель: Агапов В.Л. д-р ист. наук, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье на основе оцифрованных документов Центрального архива Министерства обороны РФ раскрывается планирование командованием Юго-Западного направления операции по освобождению от захватчиков части Донбасса, участие в ней оперативной группы, сформированной из дивизий 6-й и 12-й армий, дивизий 18-й армии Южного фронта в декабре 1941 г., результаты наступательных действий.

Ключевые слова: Южный фронт, Чистяковская наступательная операция, группа Шведлера, Итальянский Экспедиционный корпус в России, дивизия.

В 2026 году исполняется 85 лет со дня начала Великой Отечественной войны. В связи с этим актуализируется проблематика событий, проходивших в Донбассе в конце 1941 г. Наступательные действия Красной Армии в этот период на южном фланге советско-германского фронта затрагиваются в коллективной монографии «Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии» (1982 г.) [2], в исследованиях В.Г. Сафронова [5], И.Б. Мощанского [4] и некоторых других. Внимание авторов при этом концентрируется на проведении Ростовской наступательной операции (17 ноября — 2 декабря 1941 г.). Разработка командованием Юго-Западного направления, Юго-Западного и Южного фронтов наступательной операции с целью освобождения части Донбасса от немецко-фашистских захватчиков, попытки осуществления задуманного, исследованы фрагментарно в публикациях В. Афанасенко [1], автора данной статьи [26].

Цель статьи – изучение планирования операции по освобождению Донбасса и реализация задуманного солдатами Юго-Западного и Южного фронтов в декабре 1941 г.

17 ноября – 2 декабря 1941 г. Красная Армия провела широкомасштабное контрнаступление, результатом которого стало освобождение 29 ноября Ростова-на-Дону. 5 декабря началось контрнаступление советских войск под Москвой, 7 декабря дивизии, находившиеся на левом крыле Южного фронта, предприняли наступление на Таганрог. Командующий Южным фронтом генерал-полковник Я.Т. Черевиченко считал необходимым не ограничиваться прорывом к Таганрогу, а расширить фронт наступления. В своем донесении Главнокомандующему Юго-Западным фронтом и Юго-Западным направлением Маршалу СССР С.К. Тимошенко он предлагал перенести наступление в район им. Кагановича (до 1944 г. название Попаснянского района Ворошиловградской области), откуда прорваться в направлении Новозвановка – Ново-Александровка и, разгромив группу генерала Шведлера, выйти на рубеж р. Бахмутка. В последующем Я.Т. Черевиченко предлагал развивать наступление в направлении Артемовска и Селидовки, а на юге с целью выхода во фланг и тыл Таганрогской группировки противника – продвигаться в направлении Алексево-Орловки и Старобешево (города и населенные пункты Сталинской области). В районе Алексево-Орловки (совр. Шахтерский район ДНР) Я.Т. Черевиченко считал целесообразным осуществить разгром Чистяковской группировки противника, что позволило бы в дальнейшем выйти на рубеж Сталино – Мариуполь. По его замыслу, операция должна была обеспечиваться со стороны Артемовска и Горловки наступлением 12-й армии Южного фронта. Операция должна была начаться 20 декабря [9, л. 85-89]. Предложения Я.Т. Черевиченко были поддержаны в Ставке Верховного главнокомандования (ВГК). 11 декабря Ставкой ВГК была отправлена директива №005582 Главнокомандующему войсками Юго-Западного направления о подготовке удара на Мариуполь. Ставка

считала, что для освобождения Донбасса необходимо создать ударную группировку в районе Красного Лимана и Лисичанска. Предполагалось силами этой группировки нанести удар в направлении от Сталино через Волноваху на Мариуполь. На данный участок фронта планировалось перебросить 57-ю резервную армию [7, л. 165].

15 декабря в штаб 18-й армии пришла шифровка №10301/ш, в которой конкретизировались задачи операции по разгрому Чистяковской группировки противника. 17 декабря командованием 18-й армии был подготовлен план операции, разработанный командующим армией генерал-майором Ф.В. Камковым, членом военного совета полковым комиссаром А.С. Кузиным и начальником штаба генерал-майором И.Л. Леоновичем [16, л. 27]. План предусматривал локальный прорыв обороны врага силами 18-й армии и Отдельного кавалерийского корпуса (далее – ОКК) [15, л. 4].

18 декабря штабом Юго-Западного фронта была подготовлена оперативная директива особой важности №0445/ОП, которая была подписана Главнокомандующим Юго-Западным фронтом и Юго-Западным направлением Маршалом СССР С.К. Тимошенко, начальником штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенантом П.И. Бодиним и членом военного совета Юго-Западного фронта и Юго-западного направления Н.С. Хрущевым. Директива была направлена командующему Южным фронтом генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому, сменившему на этой должности Я.Т. Черевиченко, и начальнику Генерального штаба Красной Армии Б.М. Шапошникову. Командование Юго-Западным фронтом обращало внимание на то обстоятельство, что после поражения под Ростовом-на-Дону противник прочно удерживал оборону на р. Миус, а группа Шведлера пыталась выйти во фланг и в тыл главной группировки Южного фронта с последующим ударом на Ворошиловград. Чтобы снять эту угрозу, необходимо было разгромить группу Шведлера. Реализация этой задачи была возложена на оперативную группу из войск 6-й армии Юго-Западного фронта и 12-й армии Южного фронта. Возглавить оперативную группу было поручено генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому. Опергруппа должна была разгромить группу Шведлера, овладеть Ямой (совр. Северск, ДНР), Артемовском и Дебальцево, а в перспективе Краматорской, Константиновкой и Горловкой. Южнее 18-я армия должна была разгромить Чистяковскую группировку противника, выйти на рубеж Харцызск – Амвросиевка и в дальнейшем развивать наступление на Старобешево [13, л. 261].

19 декабря был подготовлен доклад военного совета Юго-Западного направления Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину «О плане зимней кампании против германских армий, действующих на юго-западном направлении». Согласно докладу, в течение зимы планировалось отбросить врага от Москвы, нейтрализовать его попытки продвинуться к Северному Кавказу, очистить от оккупантов Донбасс. Для реализации этого замысла из-под Сталинграда к Старобельску (Ворошиловградская область) перебрасывалась 57-я резервная армия. Она должна была пополнить группировку с целью разгрома противника не только в Донбассе, но и в Криворожье [6, л. 1-15]. В этот же день Р.Я. Малиновским был издан приказ, раскрывающий план предстоящего наступления войск 6-й и 12-й армий. Наступление должно было начаться 21 декабря в общем направлении Артемовск – Луганское [14, л. 394-397]. В связи с опозданием прибытия железнодорожных эшелонов с частями 150-й стрелковой дивизии (далее – СД) 12-й армии наступление было перенесено на сутки [20, л. 110]. Оно началось 22 декабря в 11 утра [10, л. 325]. На правом фланге 275-я СД вела наступление на Яму. Перед ней стояла задача овладеть также совхозом им. Куйбышева и населенным пунктом Радионовка. Соседом справа 275-й СД была 393-я шахтерская СД, а 230-я СД – слева. Она должна была наступать из Ивановдарьевки на Раздоловку [12, л. 6-7].

На Артемовском направлении операции действовали 150-я и 218-я СД, а также кавалерийская группа генерала А.Ф. Бычковского в составе 28-й, 30-й, 49-й кавалерийских дивизий (далее – КД) и 3-й танковой бригады (далее – ТБр). По задумке,

150-я СД должна была наступать в направлении от Берестовой до Карповки. После занятия рубежа Ново-Александровка – Урицкий дивизия должна была пропустить в прорыв через свои порядки группу А.Ф. Бычковского, которая должна была прорваться в Луганское. 218-я СД должна была наступать в направлении Нырково – Спасовка. Уничтожить Кагановичскую группировку противника должны были 261-я СД и группа полковника А.А. Носкова в составе 26-й КД и 11-й стрелковой бригады (далее – СБР). 261-я СД должна была взять под контроль Камышеваху и наступать через Александрополье на совхоз №1, после чего занять рубеж Триполье – Комсомолец. Далее в наступление должна была бы перейти группа А.А. Носкова. Дивизии должны были двигаться навстречу друг другу, окружая город им. Кагановича и нанеся противнику поражение. 15-я и 4-я СД в наступлении участия не принимали. Они совместно с бронепоездом №8 (БЭПО №8) должны были прочно удерживать участок фронта между городом им. Кагановича и Дебальцево. На левом фланге наступления опергруппы Р.Я. Малиновского находился крупнейший железнодорожный узел – Дебальцево. Задача уничтожить Дебальцевскую группировку противника была поставлена перед группой генерал-майора В.Н. Марцинкевича в составе 176-й СД, 71-й СБР, БЭПО №10 и 74-й СД с 95-м полком НКВД. Планировалось, что после уничтожения группировки противника 74-я СД будет наступать в направлении Лозовского, а группа В.Н. Марцинкевича – Луганского. В населенном пункте Луганское группа генерал-майора В.Н. Марцинкевича должна была встретиться с кавалерийской группой А.Ф. Бычковского, наступающей с севера [14, л. 394-397].

22 декабря был издан приказ командарма 18-й армии №82, в соответствии с которым в 5 утра 24 декабря армия должна была приступить к разгрому Чистяковской группировки противника. Но в связи с опозданием прибытия железнодорожных эшелонов начало наступление было перенесено на сутки [22, л. 147].

22-25 декабря в результате наступления опергруппы Р.Я. Малиновского на Ямском направлении были заняты совхозы Артемовский (силами 230-й СД) [12, л. 7] и им. Куйбышева (275-й СД) [21, л. 156]. С переменным успехом продолжались бои за Яму. На Артемовском направлении бойцы 150-й СД вели упорные бои за Берестовую, а солдаты 218-й СД – за Нырково. Намереваясь продвинуться к городу им. Кагановича, 261-я СД пыталась занять Камышеваху. На данных направлениях противником были сооружены серьезные укрепления, преодолеть которые красноармейцы не смогли. С 7 по 25 декабря упорные бои шли за Дебальцево. Город 4 раза переходил из рук в руки. [1]. Во время наступления происходили изменения в составе подразделений 12-й армии. Так, в ночь с 23 на 24 декабря в распоряжение 150-й СД поступила 78-я СБР. В связи с тем, что 150-я СД не смогла овладеть Берестовой, выполнение этой боевой задачи было поручено кавалеристской группе генерал-майора А.Ф. Бычковского. С 25 декабря 150-я СД также была подчинена А.Ф. Бычковскому [12, л. 8-9].

18-я армия и ОКК готовились к уничтожению Чистяковской группировки противника. По плану, ударная группа в составе трех стрелковых дивизий должна была прорвать оборону врага в районе Новоорловки, Орлово-Ивановки и Петропавловки [15, л. 5]. После выхода группы к населенным пунктам им. Шевченко – Михайловка – Ячный в бой должен был быть введен ОКК. Перед ним стояла задача, не ввязываясь в бои за населенные пункты, войти в прорыв в общем направлении через Алексеево-Орловку на Сердитую и перерезать Чистяковское шоссе [24, л. 82]. В состав ударной группы были включены 136-я, 353-я и 296-я СД. ОКК состоял из 35-й, 56-й и 68-й КД и 2-й ТБр с 4-мя исправными танками [16, л. 27]. Именно на этот участок фронта переместился эпицентр боев после затухания советского наступления на Артемовском направлении и в районе Дебальцево.

Операция началась в 5 утра 25 декабря. К исходу дня солдаты стрелковых дивизий овладели Новоорловкой, Орлово-Ивановкой, Михайловкой, Петропавловкой и

Крестовкой (совр. Кировское, ДНР) [23, л. 275]. Этот день ознаменовался крупной победой красноармейцев [25]. Чтобы нейтрализовать успех советских войск на территории Шахтерского района, противник укреплял свои силы на таганрогском плацдарме и увеличивал численность авиации на аэродромах Мариуполя [8, л. 266]. В полдень 26 декабря вражеские самолеты бомбили и расстреливали из пулеметов позиции ОКК. Началась атака немецких танков. С наступлением темноты полки стрелковых дивизий были вынуждены покинуть завоеванные позиции [11, л. 36-39]. Период активных боевых действий завершился. План операции реализовать не удалось. Ночь на 27 декабря враг использовал для накопления резервов и утром ввел их в бой. Уже во второй половине дня противник полностью контролировал ситуацию [3, с. 163]. 28-го декабря враг овладел совхозом им. Ворошилова и двинулся на Греко-Тимофеевский [19, л. 9].

Боевые действия шли и на других направлениях наступления Южного фронта. На Артемовском направлении 26-28 декабря группа А.Ф. Бычковского своими 78-й СБР, 3-й ТБр и 30-й КД продолжала вести бои за Берестовую. Немцы контратаковали. Опорный пункт дважды переходил из рук в руки, но остался под контролем красноармейцев. Наиболее удачно действовала 49-я КД из группы А.Ф. Бычковского. 28 декабря кавалеристы дивизии пересекли линию железной дороги Яма – Нырково и вели уличные бои в населенных пунктах Веселое и Веселый. В ночь на 29 декабря 49-я КД после контратаки противника была вынуждена вернуться за линию железной дороги. 27 декабря на Ямском направлении в бой была введена 34-я КД, но успеха не имела [12, л. 7-13]. 29-30 декабря в Шахтерском районе арьергардные бои шли у разъезда Кулинацкий, совхоза им. Ворошилова [25]. 31 декабря противник укрепил этот участок фронта, создав у этих населенных пунктов инженерные препятствия, после чего при поддержке танков перешел в наступление [24, л. 93]. 31 декабря 1941 г. наступление, начатое 22 декабря опергруппой 6-й и 12-й армий под командованием Р.Я. Малиновского против группы Шведлера, было приостановлено. 12-я армия, согласно боевому приказу переходила к обороне на занимаемых рубежах [18, л. 362].

Наибольший результат был достигнут в полосе наступления 230-й, 150-й и 218-й СД 12-й армии. Если 22 декабря линия фронта шла от Ивановдарьевки через Песоцкое и Михайловку до южных окраин Николаевки, то 1 января она проходила по линии железной дороги Яма – Нырково [12, л. 29-30], переместившись на юго-запад от 2 км (на участке 218-й СД) до 6 км (на участке 150-й СД). Максимальным было продвижение 49-й КД во время боев за Веселое и Веселый – 9 км, но кавалеристы после немецких контратак были вынуждены отойти. На остальных участках фронта добиться освобождения от врага советских территорий не удалось. До начала наступления части 296-й СД 18-й армии занимали оборону по высотам 301,8 и 331,7 (юго-восточнее Ольховатки и совхоза им. Ворошилова). В ходе наступления 166-й конный полк ОКК смог продвинуться в глубь обороны противника на 11 км, достигнув северной окраины Борущкого, но был вынужден отступить [24, л. 88]. В целом, войска 18-й армии потерпели неудачу и были отброшены до населенного пункта Никитино [17, л. 158], тем самым отступив относительно начала операции на 5 км на северо-восток.

Таким образом, наступательные действия оперативной группой 6-й и 12-й армий, дивизий 18-й армии против группы Шведлера и Чистяковской группировки противника, проводившиеся в период с 22 по 30 декабря, стали первой попыткой освобождения Донбасса. Поставленную командованием задачу армиям выполнить не удалось. Для ее осуществления было недостаточно сил. Опергруппа Р.Я. Малиновского не смогла разгромить группу Шведлера, столкнувшись с серьезными укреплениями на всем участке наступления. Неудача 18-й армии была обусловлена подавляющим превосходством противника в бронированной технике и авиации. В тоже время, операции имели следствием истощение сил врага на данном участке фронта, сделали

невозможным переброску сил вермахта на западный фронт с целью остановить контрнаступление Красной армии под Москвой. Проведение данных операций позволило командованию получить опыт, необходимый для планирования предстоящей Барвенково-Лозовской операции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасенко В. Дебальцево – «мини-Сталинград» сорок первого года // Историчні і політологічні дослідження. 2011. №1-2(47-48). – с. 100-104
2. Восемнадцатая в сражениях за Родину. Боевой путь 18-й армии / [М. И. Повалий, Ю. В. Плотников, И. М. Ананьев и др.; Предисл. П. Жилина]. -М.: Воениздат, 1982. - 528 с.
3. Джованни Мессе. Война на русском фронте. Итальянский Экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р). - М.: Книжный Мир, 2009. - 288 с.
4. Мощанский И.Б. Германо-итальянские боевые операции. 1941-1943. - М.: Вече, 2011. - 288 с.
5. Сафронов В.Г. Итальянские войска на Восточном фронте. 1941-1943 г. - М.: Вече, 2012. - 384 с.
6. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф.16-А. Оп. 996сс. Д. 28.
7. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 5.
8. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 16.
9. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 59.
10. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 841.
11. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 844.
12. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 856.
13. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 15.
14. ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д.50.
15. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 3.
16. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 20.
17. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 50.
18. ЦАМО РФ. Ф. 467. Оп. 0006005. Д. 0001.
19. ЦАМО РФ. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4
20. ЦАМО РФ. Ф. 1570. Оп. 0000001. Д. 0005.
21. ЦАМО РФ. Ф. 1570. Оп. 1. Д. 7.
22. ЦАМО РФ. Ф. 1597. Оп. 0000001. Д. 0002.
23. ЦАМО РФ. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 11.
24. ЦАМО РФ. Ф. 3464. Оп. 0000001. Д. 0016.
25. Ягнин, О. А. Отдельный кавалерийский корпус в Чистяковской наступательной операции Южного фронта 25-31 декабря 1941 г / О. А. Ягнин // Вестник студенческого научного общества ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». – 2025. – Т. 2, № 17-1. – С. 307-311. – EDN WYNNIX.
26. Ягнин, О. А. 136-я стрелковая ордена Ленина дивизия 18-й армии в Чистяковской наступательной операции Южного фронта 25-31 декабря 1941 г / О. А. Ягнин, В. Л. Агапов // Социалистическое строительство после смерти «вождя»: социально-экономическое, политическое и культурное развитие СССР в 1924-1991 гг. (к 100-летию со дня смерти В.И. Ульянова-Ленина): Материалы Всероссийской научной конференции, Орел, 17 декабря 2024 года. – Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2025. – С. 200-208. – EDN OVDRSO.

THE FIRST ATTEMPTS TO LIBERATE DONBASS BY THE TROOPS OF THE SOUTHWESTERN AND SOUTHERN FRONTS IN DECEMBER 1941

Annotation. Based on digitized documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the article reveals the planning by the command of the Southwestern direction of the operation to liberate part of Donbass from invaders, the participation in it of an operational group formed from divisions of the 6th and 12th armies, divisions of the 18th Army of the Southern Front in December 1941, and the results of offensive operations.

Keywords: Southern Front, Chistyakovskaya offensive operation, Schwedler group, Italian Expeditionary Force in Russia, division.

Yagnin O.A.

Scientific adviser: Agapov V. L., d.h.s., associate professor

Donetsk State University

Email: olezhayagnin@mail.ru

УДК 94(47).043:338.45

ВОССТАНИЕ СТЕПАНА РАЗИНА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ТОРСКИХ СОЛЯНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Якутович Е.К.

*Научный руководитель: Шабельников В.И.. д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается влияние на жизнь населения торских соляных промыслов действий атамана Войска Донского Степана Разина, повлекших за собой восстание, именуемое «Разинщиной». Восстание было поддержано местным населением, что привело к изменению социально-экономических отношений. В работе отражены состояние торских соляных промыслов, причины распространения восстания Степана Разина на южные рубежи Московского государства, взятие торских соляных промыслов и влияние восстания на жизнь населения данной территории. Статья призвана разработать социально-экономические проблемы района, связанные с поддержкой населением восставших, используя историко-системный метод на основе хронологического, аналитического, синтетического и количественного методов.

Ключевые слова: восстание Степана Разина, Разинщина, Торские солевые промыслы, Крестьянская война.

Торские соляные промыслы – район, который исторически сложился в ходе экономического развития южных территорий России в XVII веке, чья отраслевая специфика оформилась в виде казенного и вольного солеварения в пределах населенных пунктов Тор-Маяки-Райгородок (Ранее – городок Казачья пристань) [1, с.199].

Влияние восстания Степана Разина, распространившегося и по Дикому полю, на жизнь населения торских соляных промыслов почти не попадало в поле зрения историографии. Отдельные события и экономические показатели фиксировали резкое прекращение бурной активности на Торских соляных озерах, однако их причины не исследовались комплексно. Вместе с тем, «разинщина» затронула южные рубежи Московского царства, напрямую повлияв на жизнь жителей Тора, что делает исследование актуальным.

Цель исследования - изучение социально-экономического влияния восстания Степана Разина на жизнь населения Торского соляного промысла.

Основными задачами являются изучение жизни населения Торского соляного промысла под влиянием восстания Степана Разина, анализ событий занятия восставшими Тора и Маяцкого городка и сравнение эффективности соляных промыслов до и после восстания.

Основными источниками для изучения проблематики является сборник документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», акты Московского государства, сведения из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Многие труды историографической литературы косвенно упоминали восстание и его влияние, потому основным и важнейшим историографическим источником информации являлись социально-экономические работы монографического и статейного характера, такие как «Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв.» А.Г. Слюсарского [2], «Торский и Бахмутский соляные заводы в XVII в.» А.М. Пономарева [5], работы Д.Г. Багалея «Заметки и материалы по истории Слободской Украины» [8] и «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» [19], Е. Черкасской «Стачка рабочих Бахмутских и Торских соляных заводов в 1765 году» [20] и А.В. Колесника «О трендах исторического процесса на землях Донбасса в средние века и раннее Новое время» [4]. Данные работы позволили более тщательно проанализировать источники и реконструировать состояние торских соляных промыслов в XVII веке.

К середине XVII века солеварение на территории Торских озер успело окрепнуть, что привело к заселению территории и формированию инфраструктуры. Это было закономерным расширением черты оседлости со стороны Российского государства, поскольку ранее в 1630-х годах сформировался Белгородский разряд, а за ним и Харьковское воеводство. Соляной промысел здесь начался ещё в конце XVI века, где вслед за обитателями Святогорского монастыря добыча соли стала промыслом русских казаков и украинцев, которые пребывали на озерах наездами [2, с.313]. Одно из ранних подтверждений о наличии такого рода деятельности на этих землях – показания рыльского пушкарского сына Васильева 27 мая 1622 г., который рассказал о своем побеге из Рыльска белгородскому воеводе, в ходе которого он с казаками варил соль на Торе, да к тому же многие белгородские жители занимались тем же [3]. Соляные озера были высокоминерализованные, неглубокие, а значит соль варилась крайне легко без значительных затрат на топливо (коим являлась древесина, которая не сильно распространена в степной местности Дикого поля), что было выгодным занятием в совокупности с проблемой для жителей Юга получить соль от добычи в северных землях России. Один сезонный вольный рабочий мог заработать на промысле от 1 до 3 рублей за сезон, что равняется половине годового дохода служилого слоя населения. Именно поэтому многие люди стремились к промыслу, например, Хотмыжский воевода просил чугуевского в 1647 г. разрешить жителям Хотмыжска приехать на Тор для вываривания соли. Из переписки выходит, что были там «для соленого варения разных городов всякие люди белгородцы и чугуевцы и хотмыжане» [2, с.313].

К моменту начала восстания Степана Разина территория Торских соляных озер стала центром южного солеварения и обслуживания паромных переправ, что было одновременно и доходным делом, и основой развития инфраструктуры [4, с.10]. Основа торговли добытой солью зиждилась на паромных переправах к Белгороду; помимо этого, как минимум с 1654 года проложили прямую дорогу с Харькова до Торских озер, что и указывает на значительное расширение населения и прямой нужде в развитии экономического тракта на Юг [2, с.97]. В 1660-х годах произошло несколько знаменательных событий: появление постоянного оседлого населения привело к образованию Маяцкого городка-острога, а вместе с этим и выделение среди частных солеварен в 1664 году казенных варниц, что стало основанием Торского «государева» завода. Казенные соляные варницы были на 100 сковород, а завод состоял из трех построек, «курней», размером 46 на 3 сажени каждая [5]. В 1666 году на Торский завод послали «всяких Стрельцов 32 человека, да работников 215, да целовальников 15 человек, всего 318» [6, с.150]. Наличие целовальников придало административной целостности торскому соляному промыслу, делопроизводство с этого момента принимает постоянный характер. Подводы для транспортировки соли должны были давать жители Цареборисова, Чугуева и других городов [5]. На Торские соляные озера отправили Степана Титова для составления описания соляных заводов и, помимо пространного описания которых, присутствуют сведения о следующем контингенте черкассов (т.е. украинцев) из разных городов: Цареборисовские, Чугуевские, Салтовские, Новооскольские, Землянские, Змиевские, Ахтырские, Колонтаевские, Котельвинские, Брянские, Богацкие, Боровенские, Олешенские, Полтавские, Руземские, Зеньковские в 323 котлах [7, с.582-583].

Таким образом, в 1665-1666 годах только завод давал от 5158 до 9300 пудов соли [8, с.76]. Если считать по общим оценкам численности населения Слобожанщины, на территории проживало около 100 тысяч человек и оценивать годовую норму потребления соли в 0,4-0,5 пуда на человека, то потребность южного рынка могла составлять 40-50 тыс. пудов в год. В этих условиях Торский соляной завод обеспечивал примерно до 23% регионального спроса, а выручка по казенной цене в 15 копеек за пуд достигала до 1400 рублей, что хватило бы на несколько гарнизонов стрелецких сотен.

Именно это делало Торские соляные озера стратегически важным местом, вокруг которого постепенно сформировалась новая черта оседлости на южных рубежах государства.

Взятие Астрахани восставшими летом 1670 года стало переломным моментом в развитии разинского движения: восстание приобрело характер широкой кампании настоящей «крестьянской войны», где необходимым стало привлечение большего количества людей. Восстание было вызвано закрепощением крестьян, ростом феодальных повинностей, расслоением казачества и попытками ограничения их вольности, потому расширять восстание следовало туда, где идею борьбы поддержали бы.

По расчетам Степана Разина «украинные города» – место, где имеется подходящий контингент: казаки, беглые и крепостные крестьяне, служилый неблагонадежный люд пограничья. Это было сосредоточением неоднородной социальной структуры, склонной к конфликтности. Для местных казаков участие в восстании было связано с защитой традиционных вольностей, сопротивлением воеводскому произволу и стремлением сохранить элементы местного самоуправления; вольные люди и беглые крестьяне были самым радикальным и социально подвижным элементом долины Северского Донца и Торца; ситуативно вовлекались отдельные категории служилых людей пограничных гарнизонов (стрельцы, драгуны), особенно в условиях конфликтов по жалованию и повинностям. Разинцы делились идеями о защите «правды», «веры» и «Царя», о прекращении насилия и поборов со стороны воевод, приказных и бояр, что для жителей Торских озер оказалось весьма созвучно.

Степан Разин решил сюда направить Алексея Григорьева, одного из своих лучших приближенных. Выбор пал не случайно, по общеизвестным биографическим данным он был родом из черкасов (отсюда прозвище «Черкашенин»). Он служил ранее в Полтавском полку, из него ушел в Запорожскую сечь, но в итоге остановился в Войске Донском. Участвуя в набегах на татарские земли, он получил пулевое ранение в ногу, позже потерял глаз, из-за чего историография знает его под прозвищами Алексей «Хромой», Алексей «Косой» и Леско Черкашенин. Он познакомился со Степаном Разиным в Царицыне, они быстро сдружились, по источникам Григорьев для Стеньки Разина был «названным братом» [9, с.67]. Отправка его в «родные земли» казалась логичной и рациональной, и Алексей Григорьев в целом оправдал ожидания. Социальный состав отряда Лески Черкашенина, отправившегося собирать людей в Слободскую Украину, включал в себя опытных донских казаков, русских крестьян и холопов, украинских крестьян и служилых людей числом от 200 до 500 человек.

Первое упоминание о том, что торское население видело восставших недалеко от Торских соляных озер, находится в расспросных речах орловского пушкаря Ф. Глотова в Воронежском приказе: «... (Ф. Глотов) ездил в Тор городок для соли» 29 июня, затем он увидел отряд донских казаков в Паншин городке, прибывших из Царицына и плывущих вниз по Дону; Ф. Глотов с воронежцем Наумом Совостьяновым держали путь вверх по Дону, их в итоге настигли разинцы во главе с Флором Разиным, находившемся на пути к Коротояку в сентябре 1670 года [10, с.52-53].

Параллельно этому, отряд атамана Леско Черкашенина уже был в районе Маяцка, поскольку к 4 октября Царев-Борисов был взят восставшими и разграблен [11, с.57]. Впервые о восставших на торских озерах прямо упоминается в выписи в доклад Разрядного приказа: «А черкасы де, которые были на Торских озерах для соленого варенья, и ис Царева Борисова все жители пошли с теми же воровскими казаками» [12, с.68]. Кажется вполне справедливым предположить, что разинцы нашли в этом районе широкую поддержку, и не только среди «черкасов», поскольку на пути к Торскому району и в первые дни сбора информации о количестве «воров» фигурировали от 200 до 500 казаков, в то время как при взятии Маяцкого городка в документах все чаще

встречается устоявшееся в историографии значение в 3 тысячи человек в отряде Алексея Григорьева [12, с.68].

В целом, это не является чем-то удивительным, поскольку накануне разинщины соляной промысел на Торе уже испытывал кризис. С упоминанием о стремлении местных казаков сохранить свои права связано событие 4 марта 1668 года, когда на Торских озерах был мятеж, сопровождавшийся бунтом украинских казаков, последовавших за запорожским полковником Иваном Сирко [13, с.22][14, с.131]. Работа крепостного люда на заводе была очень тяжелой и выматывающей, что создавало взрывоопасную социальную ситуацию. Ввиду массовых побегов рабочих завод приходилось закрывать [15, с.49]. Усложняли жизнь солеварам произволы со стороны воевод и приказных, сохранились характерные челобитные, например, о воеводе Богдане Протасове: «...Соляного города (т. е. Тора) жителей своим начальством пограбил... и у многих людей выбрал из печек солеварные казаны и соль совами и бочками и лошадьми... и тем он, Богдан (т. е. Протасов), из Соляного многих людей разогнал» [15, с.49].

Итак, к восстанию быстро примкнула большая часть населения торских соляных промыслов, которая была сосредоточена в Маяцком городке: местность была разграблена, администрация убита, а по близстоящим городам пошел социальный разлад. Бунтовский С.Ю. предоставляет интересную информацию о конкретных личностях, таких как атаманы П. Иванов, Е. Субочев и К. Данилов: «Большую активность проявили работные люди во главе с атаманом П. Ивановым, призывавшим местное население перейти на сторону разинцев и бить общих врагов...Царское правительство направило в район боевых действий значительные военные силы, на помощь которым пришли казацкая старшина и богатые мещане. В ноябре 1670 г. восстание было здесь подавлено и началась чудовищная расправа. Среди казненных были выборный атаман крепости Маяки Е. Субочев и торский атаман П. Иванов. Движение пошло на спад, лишь отдельные небольшие отряды продолжали борьбу. Один из таких отрядов во главе с К. Даниловым появился на Торских озерах, но вскоре был разгромлен. Данилов и шесть его товарищей подверглись жестокой казни» [16]. Этот «Петрушка Иванов» из Тора явится в г. Богодухов, обещая избежать воровства, ведь «Алешка (т.е. Черкашенин) ни в которых городах жителем никакова разоренья не чинил», такой речью с большой вероятностью он склонил и обывателей Торских озер [17, с.78]. Вскоре белгородский воевода Г. Ромодановский разбил отряд Лески Черкашенина. За столкновениями с отрядами шли казни в разных городах, разделяли восставших на костяк отрядов из «воровских казаков» и жителей, которые к ним присоединились. Шаповаленко Д.А. предоставил количество казненных после битвы 6 ноября 1670 года [Таблица 1], составленное по нескольким взаимодополняющим источникам [18, с.222]:

Таблица 1. Число казненных в городах Слободской Украины

Место	Количество (чел.)
«Воровские казаки» (повешены)	
Красный Пришиб («на реке Северском Донце, где бой был»)	9
Маяцк	13
Царев-Борисов	2
Балаклея	8
Чугуев	2
Нежегольск	1
Всего: 35	
«Жители, которые к воровству донских казаков приставали»	

Маяцк	4
Курск	1
Царев-Борисов	5 (Среди них – Матрена Говоруха, крестная мать Степана Разина)
Балаклея	4
Мохнач	2
Богодухов	4
Змиев	3
Харьков	2
Чугуев	6
Всего: 29	

Общее число потерь среди местных жителей в ходе восстания исчисляется приблизительно двумя сотнями человек. Это достаточно сильно повлияло на состояние торских соляных промыслов. В результате воровства и отсутствия рабочих Торский соляной завод пришел в запустение, какое-либо делопроизводство прекратилось. Следует думать, что с основанием Соляного городка на Торе в 1676 году работа завода возобновлялась, а строение Изюмской черты, законченное к 1680-му году, побуждало к заселению района. Однако это не спасало казенный промысел. Один из показателей популярности соляных озер – доход с пошлин на речную перевозку: в 1665 году удалось получить 479 рублей, в то время как в 1683 – всего 192 рубля [19, с.358]. Строение укреплений, даже Торской черты 1684 года, не спасало от набегов татар, которые особенно сильно проявились после разинского восстания. В 1690-м году в мае орда из тысячи татар одолела более 400 человек с торскими и маяцкими казаками, а уже в июне новый набег разорил Торскую крепость и увел 450 человек в плен [19, с.464]. На фоне развития солеварения в Бахмуте, чья минерализация давала больше соли в два раза при выварке, сказывалась на том, что торские и маяцкие солевары выбирали бахмутский вариант промысла.

Таким образом, тяжесть работы при всей опасности пограничной жизни в районе Торских озер дала о себе знать при первом же серьезном кризисе, который был вызван казацко-крестьянским восстанием под предводительством Степана Разина. Восстание в Слободской Украине было второстепенным по характеру, призванным распространить очаг восстания по р. Северский Донец и распылить внимание царских воевод, что, кстати, получилось, поскольку занятие Царев-Борисова привело к сковыванию сил воеводы Г. Ромодановского, который должен был идти к Тамбову. Итог «воровства» отряда Лески Черкашенина – социально-экономическая дестабилизация Торского экономического района, кризис промысловых структур с одновременным развитием соляного промысла в Бахмуте, фактическое запустение Торского завода, демографический отток населения и слабая пограничная охрана. В начале XVIII века торские соляные промыслы как менее доходные, чем Бахмутские, отданы были правительством на откуп местным солеварам за 2 тыс. руб. в год. Только в 1715 году соляные заводы как в Бахмуте, так и в Торе переходят в ведение Соляного правления, и продажа соли объявлена была государственной монополией [20, с.109].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донбасс в историческом и социокультурном контекстах. Коллективная монография / Под редакцией С. В. Беспаловой, А. И. Минаева, А. В. Колесника. – Донецк: Издательство ДонГУ, 2025. – 319 с.
2. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. — Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1964. — 464 с.
3. Акты Московского государства, т. 1, № 540, 575, 625; т. НП, № 378
4. Колесник А.В. О трендах исторического процесса на землях Донбасса в средние века и ранее Новое время // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2020. - № 3/4 (74/75). – С. 48-61.

5. Пономарёв. А.М. Торский и Бахмутский соляные заводы в XVII в. // *Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв.* // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://statehistory.ru/books/A--A--Preobrazhenskiy_Promyshlennost-i-torgovlya-v-Rossii-XVII-XVIII-vv/11?utm_source=chatgpt.com
6. Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Белгородский стол, стб. 998, л. 150.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1209, Оп.1 (1664 г.) Описная книга Торских соляных заводов и работных людей, письма воронежского сына боярского Степана Титова (л.л.582-583).
8. Багалея Д. И. Заметки и материалы по истории Слободской Украины. — Харьков: Тип. губ. правл., 1893. — 176 с.
9. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. — М., 1959. — Т. II, ч. II. — № 53. — С. 66-68.
10. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. — М., 1959. — Т. II, ч. II. — № 41. — С. 52–53.
11. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. — М., 1959. — Т. II, ч. II. — № 44. — С. 56-58.
12. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. — М., 1959. — Т. II, ч. II. — № 53. — С. 66-68.
13. Эварницкий Д.И. Иван Дмитриевич Сирко, славный кошевой атаман войска запорожских низовых козаков. - С.-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. – 164 с.
14. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Краткий обзор епархии и монастыри издание в пользу Харьковского приюта бедных девиц духовного звания. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://archive.org/details/filaret_pervyy/filaret_pervyy/page/130/mode/2up?q=1668
15. ГАФКЭ. Московский стол, стб. 86, стр. 49 - 54 (1666 г.).
16. Бунтовский С.Ю. Донбасс: Русь и Украина. Очерки истории. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/324309>
17. Отписка белгородского воеводы Г. Скуратова воеводе Белгородского полка Г. Ромодановскому о намерении черкас г. Богодухова присоединиться к восставшим. // Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. — М., 1959. — Т. II, ч. II. — № 64. — С. 78-80.
18. Шаповаленко Д. А. Правительственные войска в подавлении восстания Степана Разина (1670–1671): дис. ... канд. ист. наук. — М., 2025. — 225 с.
19. Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. — М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. — II, XVI. - 614 с.
20. Черкасская Е. Стачка рабочих Бахмутских и Торских соляных заводов в 1765 году // Историк-марксист. — 1940. — № 11. — С. 109.

THE STEPAN RAZIN UPRISING AND ITS IMPACT ON THE POPULATION OF THE TOR SALT WORKS

Annotation. This article examines the impact of the actions of Stepan Razin, Ataman of the Don Cossack Host, on the lives of the population of the Tor salt works—actions that led to the uprising known as the Razinshchina. The uprising was supported by the local population, which resulted in changes in socio-economic relations. The study outlines the condition of the Tor salt works, the reasons for the spread of Stepan Razin’s uprising to the southern frontiers of the Muscovite state, the capture of the Tor salt works, and the impact of the uprising on the lives of the population in this area. The article seeks to analyze the socio-economic problems of the region associated with popular support for the rebels, employing a historical-systemic approach based on chronological, analytical, synthetic, and quantitative methods.

Keywords: the uprising of Stepan Razin, the Razin region, the Torsk salt fields, the Peasant War.

Yakutovich E.K.

Scientific adviser: Shabelnikov V.I.. Doctor of History, Professor

Donetsk State University

E-mail: alyonayakutovich@xmail.ru

Научное издание

**Вестник студенческого научного общества
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
2026. – Вып. 18**

Том 2

Социально-гуманитарные науки

Часть 1: Исторические науки, политология и социология

Технический редактор – *Куликова А.С.*

Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.